

ВИЗАНТИЙСКИЙ КЛУБ

БЕЛГОРОДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

**ВИЗАНТИЙСКИЙ КЛУБ.
АЛЬМАНАХ.
2022**

ЭПИЦЕНТР

Белгород 2022

УДК 94(495).01
ББК 63.3 (0) 3
В 41

Рецензенты:

д.и.н. *А.Н. Мошкин* (НИУ «БелГУ»)

к.и.н. *Е.В. Гуцин* (МБОУ «СОШ № 35 г. Белгорода»)

Публикуется в соответствии с Планом управления проектом «Региональная научно-просветительская платформа «Византийское древо: корни православной духовности и нравственности» на 2022 год.

Ответственный редактор-составитель:

д.и.н. *Н.Н. Болгов*.

Редколлегия:

Н.Н. Болгов, А.К. Нефедкин, С.В. Ярцев, В.Г. Зубарев.

В 41 **Византийский клуб. Альманах. 2022** / отв.-ред.сост.:
Н.Н. Болгов. – Белгород, 2022. – 232 с.

ISBN 978-5-6049008-8-8

В настоящее издание вошли материалы научной работы Белгородского отделения РОО «Византийский клуб», проведенной в НИУ «БелГУ» в течение 2022 г. В работе отделения принимали участие Митрополит Белгородский и Старооскольский Иоанн, ректор НИУ «БелГУ» профессор О.Н. Полухин, ответственный секретарь Национального комитета византинистов РФ, в.н.с. МГУ им. М.В. Ломоносова М.В. Грацианский (Москва). Среди авторов докладов – ведущие и молодые ученые России и зарубежных стран. Большое место в сборнике занимает первый в отечественной науке перевод всех сочинений Гимерия, афинского софиста IV в.

УДК 94(495).01
ББК 63.3 (0) 3

ISBN 978-5-6049008-8-8

© Коллектив авторов, 2022

Содержание

Чобанов К. (България). Българите от Долни Дунав и готите на Балканите. Изследване на взаимоотношенията през втората половина на V в.	4
Чобанов К. (Велико Търново, България). Болгары Нижнего Дуная и готы на Балканах. Исследование их взаимоотношений во второй половине V в.	14
Болгов Н.Н. (Белгород). Солы – античный город на северо-западе Кипра	24
Веретенникова Е.П., Пашкова А.Ю. (Белгород). Города Мира (Ликия) и Сагаласс (Писидия) в ранневизантийское время	35
Лобынцев Д.В. (Белгород). Роль Киликии в позднеантичной морской торговле	43
Лихошерстов В.А. (Белгород). Политика патриарха Диоскора в контексте возникновения движения монофизитов	52
Арисланов Б.С. (Белгород). Христианство среди интеллектуальной и курриальной элиты в ранневизантийских Афинах ...	56
Zaykovskaya O.S. (Belgorod). Transformation of the Byzantine Army in Pseudo-Mauritius: Issues of domestic and foreign policy	59
Dobrynina D.N. (Belgorod). The Imperial Bride-Shows in Historical Sources	66
Черникова Е.В. (Белгород). К истории праздника Розалий в Ранней Византии	72
Пашкова А.Ю. (Белгород). К вопросу о датировке мавзолея в Ариассе (Писидия)	75
Веретенникова Е.П. (Белгород). Андриаке – главный портовый город Ликии	79
Ярцев С.В. (Тула). К вопросу о военных реформах императора Галлиена	81
Внуков А.А. (Тула). К вопросу о дате нападения гуннов на грейтунгов	86
Шехлодорова Е.Ю. (Москва). Причины и предпосылки вторжения готов на Иберийский полуостров	89
Монькина В.Б. (Тула). Военные кампании Шапура I против Римской империи	92
Большаков В.Э. (Тула). Дипломатические отношения между Византией и Хазарским каганатом	99
Болгов Н.Н. (Белгород). Рецензия на учебник: Саплина Е.В., Немировский А.А., Соломатина Е.М., Тырин С.В. Всеобщая история. История древнего мира. 5 класс. М.: Просвещение, 2021. 272 с.	100
Болгова А.М. (Белгород). Рецензия на учебник: Абрамов А.В., Рогожкин В.А., Тырин С.В. Всеобщая история. История средних веков. 6 класс. М.: Просвещение, 2021. 272 с.	107
Денисова И.В. (Белгород). Гимерий, софист 2-й пол. IV в., и его Речи	110

БЪЛГАРИТЕ ОТ ДОЛНИ ДУНАВ И ГОТИТЕ НА БАЛКАНИТЕ. ИЗСЛЕДВАНЕ НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯТА ПРЕЗ ВТОРАТА ПОЛОВИНА НА V В.

Калоян Чобанов
(Велико Търново, България)

За връзката между българи и готи през ранното Средновековие свидетелстват различни по време и произход извори, отдавна известни в историографията¹. Те ни представят активни враждебни отношения, започващи още от края на петото столетие, когато готите доминират на Балканите, а ролята на българите се засилва по Долни Дунав. В настоящото изложение ще преразгледам сведенията за връзката между двете племенни групи, отнасящи се до втората половина на V в., опитвайки се да поставя събитията във вярна териториална и хронологическа рамка.

Периодът 474-481 г.

Известно е, че българите са се появили в политическото пространство на Византия, когато били въввлечени от император Зенон (474–475, 476–479) във войните му срещу остготските водачи Теодорих Страбон (?–491) и Теодорих Амал (451/4–526). Предисторията на това първо съюзничество с империята остава неясна. Според Ю. Кулаковский: „Зенон призвал против готов их прежних повелителей – гуннов из-за Дуная“². В същия ред на мисли се изказва и L. Schmidt, наричайки българите: „*die ehemaligen Hunnen, also die Erbfeinde der Goten (бившите хуни, т.е. наследствените врагове на готите)*“³. Интересно е мнението на В. Т. Сиротенко⁴, според което византийската власт потърсила спомагателни войски, не много далеч от своите граници, чиито представители обаче не се намирали в пределите ѝ, тъй като това лесно могло да доведе до евентуални антидържавни прояви. Така в търсенето на нови съюзници империята се обърнала към българите.

Няколко събития от началните години на управлението на Зенон издават ранна българо-остготска вражда по Долни Дунав, която би могла да е в основата на появилото се по-късно съюзничество.

Според едно известие на Евагрий Схоластик (VI в.), в началните години на император Зенон: „...поданиците на Изток и на Запад страдали много. На

¹ Преглед на изворите у Златарски В.Н. История на българската държава през средните векове (трето фототипно издание). Т. I. Ч. 1. София, 2007. М. 43; Бурмов Ал. Въпроси из историята на прабългарите // Избрани произведения. Т. I. София, 1968. С. 56-58; По-нови изследвания: Николов Ал. Панонските българи в Ранното Средновековие: опит за локализация и идентификация // Трети международен конгрес по българистика. Секция „История и археология“. Подсекция „Българите през средновековието“. София, 2014. С. 116-119; Голийски П. Заселването на българите на Балканския полуостров IV–VII век. Т. II. По исторически данни. София, 2014. С. 86 и сл.

² Кулаковский Ю. История Византии. Т. I. 365–518. Санкт-Петербург, 2003. С. 370.

³ Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Die Ostgermanen. München: Unveränderter Nachdruck, 1969. S. 286.

⁴ Сиротенко В.Т. Византия и булгары в V–VI вв. // УЗПГУ. Т. XX, вып. 4. Пермь, 1961. С. 49.

*Изток варвари скинити опустошавали всичко, а Тракия била нападната от множество хуни, наричани някога масагети, които преминавали Истър (bold. К. Ч.), без никой да им се противопостави.*¹

Евагриевите масагети в това съобщение могат да бъдат само българите от Долни Дунав. Архаичният етноним изглежда е използван от автора (и от неговия основен източник – Прокопий Кесарийски) най-общо за онези номадски племена, които идват от североизток. Политическата обстановка отвъд Тракия пък изключва нападението да се припише на остготи, гепиди или Ернахови хуни. Изглежда към това време Евагрий все още не е познавал името българите, поради което ги *покрил* с общото – хуни (някогашни масагети), както свидетелстват други подобни примери във византийската литература².

След 474 г. нахлуванията в Тракия спират. Какво се случва тогава? През 476 г. по време на повторното възкачване на Зенон на трона гр. Нове (дн. гр. Свищов, доминиращ по пътищата за Никополис и Марцианополис) се споменава за първи път като резиденция на Теодорих Амал. Историята на първите години от царуването на остготския водач е неясна. Изглежда след смъртта на баща си през 474 г. той се насочил към Долна Мизия, където може да бъде проследен до началните години от управлението на Зенон³. Там останал с някои прекъсвания до 488 г. вероятно с условието да опазва византийските провинции от варварски нашествия. Задача, с която очевидно се справил, тъй като дълги години изворите мълчат за разоряване на Тракия от отвъддунавски племена⁴.

Един подобен развой на исторически събития показва българите като съседи на остготите по Долни Дунав и техни врагове вероятно още от 474 г. С това се обяснява и избора на Зенон за нов византийски съюзник.

През 70-те години на V век на балканските територии на Византия се чувствало силното присъствие на Теодорих Страбон и Теодорих Амал. И двамата били отличени с най-висшите армейски отличия в империята, което им позволявало често да се възпротивяват на константинополския император. В периода 479–482 г. избухнал конфликт между двамата Теодориховци и Зенон. Започнали мащабни остготски действия на Балканите, при които Теодорих Амал нахлул в Македония и завладял редица крепости, а Теодорих Страбон върлувал в Тракия и заплашвал самия Константинопол с 30 хил.

¹ *Евагрий Схоластик*. Църковна история // ГИБИ. Т. II. София, 1958. С. 263.

² *Чобанов К.* Едно известие на Евагрий Схоластик (VI в.) за българите? // МСЧ. Сборник с материали от Дванадесета студентска научна конференция във ВТУ. Велико Търново, 2022 (под печат); *Същият*. Българите в Причерноморието и Византия от средата на V до средата на VI век (по писмени извори). Бакалавърска дипломна работа. Велико Търново, 2022. С. 33-37. Съхранение в катедра „Стара и средновековна българска история“ към Исторически факултет на Великотърновски университет „Св. св. Кирил и Методий“.

³ *Schmidt L.* Op. cit. P. 278-280.

⁴ Следващото голямо опустошение на Тракия ще се случи от българите по време на периода на Теодориховите войни в Италия — 489-493 г. – Вж. *Павел Дякон*. Римска история // ЛИБИ. Т. I. София, 1958. С. 410. За датата 491 г., срв. *Сиротенко В.Т.* Византия и булгары... С. 51.

армия. Невъзможността на империята да се справи самостоятелно със своите противници предизвикала повикването на новите съюзници – българите¹.

Този епизод е отразен във „Всемирна хроника“² на Йоан Антиохийски (вероятно VI-VII в.) и се датира 480 г.³ или предходната 479 г.⁴

Веднага след съобщението за българо-византийския съюз Йоан Антиохийски пише, че Теодорих Страбон воювал успешно срещу хуни някъде в Тракия⁵. Редица изследователи, почти без съмнение, отъждествяват тези „хуни“ със споменатите по-рано в текста българи⁶. В.Т. Сиротенко⁷ и в днешно време Ал. Николов⁸ отричат това приравняване и респ. възможността българите да са воювали с Теодорих Страбон. Склонен съм да се съглася с позицията им поради две причини:

Първо, всички налични известия за българо-готски сблъсъци се свързват винаги с остготите на Теодорих Амал и никога с тези на Теодорих Страбон. Второ, поради наличието на хуни-наемници, стационарни в Тракия още от времето на император Теодосий I (379–395). За тях пише същият Йоан Антиохийски⁹, но на друго място в съчинението си и изглежда по-вероятно те да са противопоставили се на Теодорих Страбон.

Новоповиканите съюзници тогава е вероятно да са били използвани срещу другия Теодорих – Амал, който разорявал илирийския диоцез Македония. Срещу него бил противопоставен новият *magister militum per Illyricum* Сабиниан, когото Марцелин Комес ласкаво сравнява със старите римски военачалници. По време на преговорите на византийския пратеник Адамантий и Теодорих за прекратяване на военните действия, Сабиниан събира голяма войска в района на Охрид, с която по-късно разбива напълно амалиеца¹⁰.

Възможно е в подкреплението (или част от подкреплението), което Сабиниан получил в Охрид, да открием българите-съюзници, за които

¹ *Schmidt L.* Op. cit. P. 284-286.

² Йоан Антиохийски. Извадки от „De insidiis“ // ГИБИ. Т. III. София, 1960. С. 32.

³ Бурмов Ал. Цит. съч. С. 56.

⁴ Сиротенко В.Т. Византия и българи... С. 49.

⁵ Йоан Антиохийски. Цит. съч. С. 32.

⁶ Вж. напр. *Schmidt L.* Op. cit. P. 286; Бурмов Ал. Цит. съч. С. 56; Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб.: ИД „Ювента“, 2003. С. 392; Рашиев Р. Прабългарите през V–VII век (четвърто допълнено издание). Велико Търново, 2007. С. 156.

⁷ Сиротенко В.Т. Письменные свидетельства о бугарах IV–VII вв. в свете современных им исторических событий // Славяно-балканские исследования: историография и источниковедение. М., 1972. С. 195-218.

⁸ Николов Ал. Цит. съч. С. 117.

⁹ Йоан Антиохийски. Цит. съч. С. 29. Става въпрос за похода на Теодосий I (379–395) срещу узурпатора Евгений Флавий, при когото императорът вдигнал мнозина от хуните в Тракия заедно с техните племенни вождове.

¹⁰ За тези събития, вж. Малх. Откъси от *Byzantiaca* // ГИБИ. Т. I. София, 1954. С. 139-151; Срв. *Schmidt L.* Op. cit. P. 284-285; Вольфрам Х. Цит. съч. С. 390-391.

съобщава Йоан Антиохийски. Те, както допуска В. Бешевлиев¹, може да са действали като федерати в армията на новия *magister militum per Illyricum* в битките му в Македония. Забележително е, че именно този район се свързва с овладяването на т.нар. „долна земя“ от българите, както свидетелства една добавка към среднобългарския превод на хрониката на Константин Манасий (XIV в.). Съдържанието ѝ е следното: „При цар Анастасий българите започнаха да завземат тази земя, като преминаха от Бдин и първом започнаха да завземат долната земя Охридска, а след това цялата тази земя. От изхода на българите досега 870 години.”²

Според Ив. Дуйчев³ хронологичната бележка (870-те години) указва времето на император Зенон (474–491) и първия самостоятелен контакт на българите с Византийската империя. В същия ред на мисли се изказва и В. Сиротенко⁴.

Спорен е въпросът откъде са пристигнали тези българи. Още класическата медиевистика ги свързва с Долни Дунав⁵. От втората половина на XX в. все повече се налага мнението, че това били панонските българи⁶. Първата възможност не трябва да се пренебрегва. Българите едва ли са могли да се включат в конфликта в Македония, преминавайки през Долна Мизия, където се очаква готско присъствие. Съдейки по данните от добавката, движението към империята се случило по-назапад и по линията Бдин–Охрид⁷. Тази отвъддунавска страна обаче (т.е. отвъд провинция Крайбрежна Дакия) след Атиловата смърт станала владение на гепидите⁸, а самите те държали подстъпите от р. Дунав към Илирик, откъдето през Юстиниановата епоха (527–565) пропускали кутригури и славяни⁹. Напълно е възможно и

¹ *Beševliev V.* Aus der Geschichte der Protobulgaren // *Beševliev V.* Bulgarisch-Byzantinische Aufsätze (Collected studies series). London, 1978. P. 46-47.

² *Каймакамова М.* Българска кратка хроника в среднобългарския превод на Манасиевата хроника. 1. Текст. Превод. Коментар // ГСУ, ИФ, 76, 1983. С. 132 за старобългарския текст и с. 139 за превода на съвременен български език.

³ *Дуйчев Ив.* Стара българска книжнина. Книга втора. София, 1943. С. 366.

⁴ *Сиротенко В.Т.* Византия и булгары... С. 48. Сиротенко приема годината 475 за времето на първата поява на българите в Подунавие то въобще.

⁵ *Tomaschek W.* *Bulgaroi* // Pauly-Wissowa. V. III, 1. Stuttgart, 1897. P. 1040; *Bury J.B.* History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the Death of Justinian I (A.D. 395 to A.D. 565). V. I. London, 1923. P. 434, бел. 6; *Златарски В.Н.* Цит. съч. С. 44; *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. T. II. Paris-Bruxelle-Amsterdam, 1949. P. 17.

⁶ *Beševliev V.* Op. cit. P. 44; *Рашев Р.* Цит. съч. С. 156.

⁷ Според *Сиротенко В.Т.* Византия и булгары... С. 49 българите са се придвижили по пътя Бдин–Найсус–Стоби–Лихинд, т.е. дн. Видин–Ниш–с. Градско–Охрид.

⁸ След битката при р. Недао през 454 г. гепидите завзели областта на Западна Дакия, която обхващала територията между реките Тиса, Олт, Дунав и Карпатските планини, срв. *Schmidt L.* Op. cit. P. 532. т.е. преминаване от Бдин в тази епоха е могло да стане само през техните владения и с тяхното разрешение.

⁹ *Проконий Кесарийски.* История на войните // ГИБИ. Т. II. София, 1958. С. 142 и 146-147. Става дума за епизоди от времето на император Юстиниан I, където преминавания на кутригури и славяни на р. Дунав са се осъществявали чрез съдействието на гепидите; По този въпрос, срв. *Тъкова-Заимова В.* Нашествия и етнически промени на Балканите.

българското преминаване през Бдин да се е случило след предварителна договореност с гепидите, още повече, че след 454 г. последните били в „приятелски договор“¹ с Византия.

Периодът 482-489 г.

През 481 г., способният Сабиниан, който държал Теодорих под контрол станал жертва на заговор. Остготският водач отново започнал да разорява Македония, а византийските военачалници Йоан Скит и Мосхиан не могли да го спрат. Зенон се принудил да сключи съюз с Теодорих назначавайки го за *magister militum praesentalis* през 483 г. и за консул през следващата 484 г., отстъпвайки му части от провинциите Долна Мизия и Крайбрежна Дакия. През 486 г. настъпил нов разрыв между двамата. Амалиецът напуснал резиденцията си при Нове и опустошил Тракия, а на следващата 487 г. се приближил с голяма войска до Константинопол. По-късно приел предложението на Зенон да се изтегли на запад и да свали разпореждащия се в Италия Одоакър. През есента на 488 г. Теодорих потегил от Нове с ок. 100 000 души (от които 20 000 войни) по римския крайдунавски път през Рациария–Виминациум–Сингидунум–Сирмиум. Този път обаче минавал през земите на гепидите и сблъсъкът бил неизбежен. Готите сломили съпротивата им и отбили последвала атака на сарматите, след което стигнали границите на Италия².

За отношенията на българите с готите в този период (482-489) съществуват два източника: „Panegyricus dictus clementissimo regi Theodorico“³ написан от Магнус Феликс Енодий (V/VI в.) през първата половина на 507 г. и „Historia Romana“⁴ на Павел Дякон (VIII в.).

В Панегирика на Енодий събитията от живота на Теодорих Амал са поставени в хронологичен ред: от престоя му в Гърция през 459/61 (pf. III) до преместването на алеманите на североизток от готското кралство през 506/7 г.

София, 1966. С. 54-55, според която преминаванията се случили някъде към дн. Корабия и *Bóna I*. Das erste Auftreten der Bulgaren im Karpatenbecken; Probleme, Angaben und Möglichkeiten // *Studia Turco-Hungarica V. Turcic-Bulgarian-Hungarian relations (VI.–XI. Centuries)*. 1981. P. 102 – при Долни Дунав, срещу дн. Олтения.

¹ *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. Гетика. Вступителньа статья, перевод, комментарий, Е.Ч. Скржинской. Издание второе, исправленное и дополненное. Санкт-Петербург, 2001. С. 111 — „amica ractione“.

² За тези събития, вж. *Schmidt L.* Op. cit. P. 287-294; *Вольфрам X.* Цит. съч. С. 392-399.

³ Панегирикът в чест на крал Теодорих се радва на широк интерес сред по-късните Енодиеви читатели. От XVII в. датират значителен брой издания, по-важните, от които са: *Magni Felicis Ennodi. Episcopi Ticinensis. Opera.* J. Sirmond. Parisiis, 1611. P. 291 и сл. и критичното издание *Magni Felicis Ennodi. Opera.* Fr. Vogel // MGN. Berolini, 1885. P. 203 и сл., по който е правен българският превод *Магнус Феликс Енодий*. Похвално слово за крал Теодорих // ЛИБИ. Т. I. София, 1958. С. 298-302; Последно за Панегирика, текст и анализ: *Deželak Trojar M.* Enodijev panegirik na čast kralju Teoderiku ali kako retorika piše zgodovino // *Studia Latina et Graeca* 10(2). Ljubljana, 2008. P. 43-81, с който избрах да работя в настоящия текст.

⁴ *Павел Дякон*. Цит. съч. С. 405-410.

(pf. XVII)¹. Между други две събития, чиито дати знаем от други източници: консулството на Теодорих през 484 г. (pf. IV)² и потеглянето му към Италия през 488 г. (pf. VII)³, Енодий възхвалява своя крал за победата му над неназован по име български вожд – *Vulgarum ductor* (pf. V)⁴.

В историографията се срещат различни по-конкретни датировки за този сблъсък: J. Marquart – 485 г.⁵; Ал. Бурмов – 486 или 487 г.⁶; Х. Вольфрам – 486 г.⁷. Както се вижда все години, в които Зенон бил застрашен от Теодорих и респ. намесата на *Vulgarum doctor* се търси след повторно българско повикване от византийския император.

По думите на Енодий „*по-рано вярвах, че светът е открит за тях* (за българите, бел. К.Ч.), *сега смятам, че за тях е затворена тази част от земята, която ти пазиш* (bold. К. Ч.)“⁸, може да се разбира, че българите са живели в съседство с готите по Долни Дунав, тъй като по това време Теодорих се подвизавал в Нове, Долна Мизия. Това предполага Енодиевият *Vulgarum ductor* да бъде разглеждан като племенен вожд на българите от Причерноморието и да не се търси връзката му с евентуална българска общност от Панония⁹.

В контекста на един общ разказ за живота на Теодорих Амал Павел Дякон известява за победите му над гепидския гех Траустила и българския гех Бузан: „*Но преди да пристигне в Италия, той* (Теодорих Амал, бел. К.Ч.) *победил и погубил гепидския цар Траустила, който му устроил засада; той унищожил и българския цар Бузан, като извършил голяма сеч над отредите му. И тъй, като извел от Мизия цялото множество остготи с всичката им покъщнина, преминал през Сирмиум и Панония и дошъл в Италия.*“¹⁰

Предадено по такъв начин, съобщението повдига известни въпроси, най-важният, от които е: кога Теодорих е победил Бузан? Според В. Златарски¹¹ това се случило по време на движението на остготите към Италия, някъде в

¹ За първото и последното събитие в Енодиевия Панегирик, вж. *Deželak Trojar M.* Op. cit. P. 52; p. 62, бел. 80; p. 80.

² *Ibid.*, с. 64 и бел. 88; Срв. *The Chronicle of Marcellinus. A Translation and Commentary* (with a reproduction of Mommsen's edition of the text) Br. Croke. Sydney, 1995. P. 28.

³ *Ibid.* P. 66-68; Срв. *Marcellinus.* Op. cit. P. 30.

⁴ *Ibid.*, 64-65 = *Енодий*. Цит. съч. P. 299-300. Времето и мястото на този Теодорихов триумф не са посочени. Въобще данните от това известие са твърде оскъдни и в повечето случаи се използват за определяне черти от бита на българите.

⁵ *Marquart J.* Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig. 1898. P. 77.

⁶ *Бурмов Ал.* Цит. съч. С. 57.

⁷ *Вольфрам Х.* Цит. съч. С. 294; Към тази дата се присъединява и *Deželak Trojar M.* Op. cit. P. 64, бел. 89.

⁸ *Deželak Trojar M.* Op. cit. P. 65 = *Енодий*. Цит. съч. P. 299-300.

⁹ Впрочем, дори Simonyi, който изгради тезата за предаварските панонски българи, счита за по-правилно, че това известие на Енодий се отнася до българите по Долни Дунав. Вж. *Simonyi D.* Die Bulgaren des 5. Jahrhunderts im Karpatenbecken // AAASH. X, 3-4, 1959. P. 243-244. На същото мнение е и *Pohl W.* Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567-822 n. Chr. München, 1988. P. 417, бел. 21.

¹⁰ *Павел Дякон.* Цит. съч. С. 410.

¹¹ *Златарски В.Н.* Цит. съч. С. 43.

областта на Сирмиум. Това се подкрепя от обстоятелството, че именно при Сирмиум, при бреговете на р. Улса (вероятно дн. р. Сава?) Теодорих е надделял над гепидите, а изглежда и над самия Траустила. Следователно поражението на Бузан се търси около този район през същия този период¹.

Заслужава обаче да се отбележи, че по-късният по време Павел Дякон едва ли е следвал строга хронологична последователност на известията си. Възможно е да имаме смесвания на събития от различно време, както пръв допуска L. Schmidt² и сблъсъкът Теодорих – Бузан да се е случил, докато остготският водач все още се намирал с хората си в Мизия. Както отбелязва Ал. Николов³, подобна възможност се подразбира от самия текст на П. Дякон, тъй като лангобардският историк пише за изтеглянето на остготите от Мизия след като вече е съобщил за двете Теодорихови победи.

В този случай под внимание може да се вземе известието на Зигеберт. В своята „Хроника“ бенедиктинският монах поставя двете Теодорихови победи и остготското изтегляне от Мизия в две различни години, съответно в 487 и в 488 г.⁴ Разбира се, датировките в този източник са преобладаващо грешни, както отдавна вече е установено⁵. Предвид това, едва ли 487-ма година непременно трябва да се приема като годината на Теодориховия триумф. Важното в случая е, че разглежданите събития са поставени отделно едно от друго, което дава увереност поражението на Бузан да бъде търсено във времето на Теодорих Амал в Мизия (т.е. не по-късно от 487 г.).

Вторият кръг от въпроси, който повдига съобщението на Павел Дякон е: идентичен ли е неговият Бузан с неназования по име *Vulgarum ductor*? Може да се каже, че пръв Шарл Дюканж още през XVII в. отъждествява двамата⁶.

¹ Това е и доминиращото виждане в историографията, срв. *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. София, 1971. С. 131, който предполага, че Бузан бил някакъв племенен ръководител на българите от Среден Дунав (т.е. на панонските); *Бешевлиев В.* Първобългари. История. София, 1984. С. 12, който пък допуска името да е всъщност Баян; И двамата изследователи са убедени, че тук българите действали в съюз с гепидите, без това въобще да се отбелязва в източника.

² Мнението на Schmidt изглежда е, че Павел Дякон използвал информацията от Ендой, но я е преработил както сам е сметнал за добре. Вж. *Schmidt L.* Op. cit. P. 286, бел. 4; p. 294, бел. 5; p. 295, бел. под линия.

³ *Николов Ал.* Цит. съч. С. 119.

⁴ *Sigebertus. Gemblacensis. Chronica / Patrologiae, tomus CLX.* Paris, 1854. P. 92.

⁵ *Златарски В.Н.* Цит. съч. С. 193, бел. 2 определя хронологията у Зигеберт като „произволна“.

⁶ *Дюканж Ш.* Византийска история. История на империята на Константинопол. София, 1992. С. 31: „Преминавайки оттам в Илирик, (българите) завладели Сирмиум, който град немного след това завладял кралят на Италия Теодорих, след като самите те били победени в битка и обърнати в бягство. **Тогава над българите властвал Либерт, когото наричат Буза (bold, К.Ч.)**“. В случая Дюканж е работил с изданието на Ендой от своя съвременник и сънародник J. Sirmond, при което изразът „*Vulgarum ductor libertatem*“ е предаден погрешно като „*Vulgarum ductor Libertem*“ – *Magni Felicis Ennodi. Opera...*, Sirmond. P. 296. Най-вероятно обикновена преписваческа грешка, която обаче „ражда“ цяла историческа личност – българския крал Либерт.

Вече посочихме, че сблъсъкът с българския вожд се случил, докато Теодорих се намирал в Мизия (през 486 или 487 г.), а от изложеното дотук видяхме, че същото е възможно и за сблъсъка с Бузан (преди 488 г.). L. Schmidt обръща внимание, че и в двата случая е употребен глаголет „prostravit“¹, което според него показва, че източникът на П. Дякон е Енодий². Наистина, при първия имаме голяма сеч (*magna caede*), поради което логичният превод на *prostravit* е «унищожен». Дали обаче самият вожд е бил убит или под «унищожен» може да видим по-общо значение като повален/ранен (но оставен жив), както го е писал Енодий? Трябва да се отбележи, че голямата сеч е извършена над отрядите на Бузан, не над самия него. За Траустила пък доста по-красноречиво се посочва, че Теодорих го погубил³.

Наистина Енодий не споменава името на българския вожд. Не споменава и това на гепидския предводител, победен при р. Сава. Същевременно имаме победените от Теодорих – Траустила и Бузан. Малко вероятно е остготският крал да е имал много такива гръмки победи над гепиди и българи. Тези, които Енодий включва в Панегирика си (pf V и pf. VII), изглежда да са същите, за които Павел Дякон известява, но погрешно поставени като две последователни. В този случай Бузан трябва да е бил един от племенните вождове на българите по Долни Дунав⁴.

Българо-готските войни в края на V в. се изчерпват със сблъсъка от 486 или 487 г. в диоцез Тракия. Някои изследователи са склонни да видят българско участие в готско-гепидската война при р. Ulса, без обаче да дават аргументи за това⁵. Подобна информация не се споменава в източника. Нещо повече: Енодий знае за два успеха на Теодорих над българите – отпреди 488 г. (pf. V – *Vulgarum ductor*) и от 505 г. (pf. XII – Сирмийският поход), но не и за този при р. Ulса. Не би имало причина епископът на Тицидум да премълчи пореден Теодорихов триумф над народа, който преди «*имаше всичко, което е пожелал*»⁶.

¹ *Prostratus* у Енодий. Цит. съч. С. 299 и *prostravit* у Павел Дякон. Цит. съч. С. 410.

² Schmidt L. Op. cit. P. 295, n. под линия. По въпроса откъде Павел Дякон е получил името Бузан, Schmidt счита, че не е сигурно. Вж. също Бурмов Ал. Цит. съч. С. 58, който отправя някои критични бележки към заключението на Schmidt. Изглежда обаче немският изследовател е в правотата си, както ще опитам да покажа в текста.

³ Павел Дякон. Цит. съч. С. 410 – „*Trapstilam Gepidarum regem insidias sibi molientem bello superans extinxit*”; Сrv. *Латинско-български речник*. Съставители М. Войнов, А. Милев. Трето издание. София, 1937. С. 221 – *extinguo* в прев. унищожение, смърт.

⁴ Според Pritsak O. *Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache Protobulgaren*. Wiesbaden, 1955. P. 63, Бузан бил първият наследник на Ирник/Ернах и предшественик на Мундо.

⁵ Вж. напр. Бурмов Ал. Цит. съч. С. 57; Ангелов Д. Цит. съч. С. 131; Бешевлиев В. Цит. съч. С. 12; Рашев Р. Цит. съч. С. 155.

⁶ Пояснение за българите, дадено от Енодий, чрез което възхвалява противника на краля си. Сrv. Deželak Trojar M. Op. cit. P. 65 = Енодий. Цит. съч. С. 299.

След победата си над гепидите, Теодорих триумфирал над сармати¹. Къде и кога се е състояла битката с тях не може да се каже. Вероятно готите са били нападнати от тях след преминаването им на р. Улка и преди достигането до границите на Италия.

В светлината на това известие I. Вóна се опитва да отрече българската принадлежност на Бузан. Според унгарския изследовател Павел Дякон използва българския етноним в смисъл на „хун“ или въобще на „номад от изток“. Пишещ три века по-късно, лангобардският историк споменава грешно за гепиди и българи вместо правилното (както е у Енодий) – за гепиди и сармати. Така Вóна стига до заключението, че Бузан бил сарматски крал, вероятно Веуса², споменат веднъж у Йорданес (VI в.) за по-ранни събития³.

Заслужава обаче да се припомни, че Павел Дякон съобщава за българско опустошение на Тракия във време, в което Теодорих воювал в Италия (489-493 г.)⁴. И тогава несъмнено се визират българите, чиято епоха на нашествия във Византия тепърва започва, а не хуни и/или сармати. Също така, при споменаването на лангобардската миграция от Панония в Италия през 569 г. той казва, че крал Албоин водил със себе си различни племена, сред които сармати и българи⁵. Поставянето на двете имена едно до друго в едно и също известие подсказва, че авторът ги познава като различни народностни групи и надали би ги смесил в известието си за Теодориховия триумф. Още повече, че топографски, сарматският елемент все още съществувал във времето на Павел Дякон⁶. В случая Вóна не е разгледал възможността битката с Бузан да се е случила, докато Теодорих все още се намирал в Мизия. Възможност, която намирам за най-правдоподобна.

Заклучение

След направеното преразглеждане на наличните и добре познати извори, както и на историографската позиция (стара и нова) съм склонен да конструирам българо-готските взаимоотношения през втората половина на V в. по следния ред: от 474 г. започват първите български нападения над Тракия. Приблизително по същото време гр. Нове в Долна Мизия е познат като резиденция на Теодорих Амал. Преселението му там би могло да се свърже с опазване на дунавските граници на Византия, още повече предвид факта, че изворите мълчат за разоряване на Тракия от отвъддунавски племена, поне до остготското изтегляне в Италия. В периода 474-479/80 г. навярно е имало българо-готски стълкновения или най-малкото – напрежение по границите на

¹ *Deželak Trojar M.* Op. cit. P. 68, също и бел. 102. Срв. *Schmidt L.* Op. cit. P. 294, бел. 7; *Волфрам X.* Цит. съч. С. 398.

² *Вóна I.* Op. cit. P. 96-97. Изглежда *Pohl W.* Op. cit. P. 417, бел. 21 споделя това виждане, независимо от Вóна.

³ *Йордан.* Цит. съч. С. 114.

⁴ *Павел Дякон.* Цит. съч. С. 410.

⁵ *Павел Дякон.* История на лангобардите // ЛИБИ. Т. I. София, 1958. С. 413.

⁶ Пак там: „Затова и до днес селищата, в които те живеят наричаме „Гепиди“, „Българи“, „Сармати“...“.

Долни Дунав, което да е в основата на избора на император Зенон за нов византийски съюзник в борбите му срещу двамата Теодориховци. Българите били включени в конфликта на Балканите изглежда срещу Теодорих Амал в състава на армията на *magister militum per Illyricum* Сабиниан в боевете в Македония. Тяхното преминаване на Дунав се случило през земите на гепидите – отвъд Бдин, в Западна Дакия. Склонен съм да отрека популярното виждане за техен сблъсък с Теодорих Страбон в Тракия през същия период. През 486 и 487 г. Теодорих Амал извършил нови две нападения против Зенон, при едно от които повторно били повикани българите съюзници. Анализът на известието от Енодий подсказва, че това били българи от Долни Дунав. Техният неназован по име *Vulgarum ductor* бил повален, но не и убит. Вероятно същият е идентичен с Бузан, за когото Павел Дякон споменава, че бил унищожен, а над отредите му била извършена голяма сеч. Боеве между българи и готи по време на изтеглянето на последните към Италия не изглежда да е имало. При Сирмиум Теодорих се е сблъсквал единствено с гепиди и сармати, но не и с българи.

Таблица към историята на българите от Долни Дунав и готите на Балканите

474 г. първо българско нахлуване в Тракия.

475/6 г. преместване на остготите на Теодорих в Долна Мизия и опазване на дунавските граници на Византия.

479 г. включване на българите в боевете в Македония, под началството на *magister militum per Illyricum* Сабиниан.

486/7 г. войни на Теодорих Амал срещу император Зенон и повторно повикване на българите съюзници; Остготска победа над *Vulgarum ductor*, познат още с името Бузан.

488 г. изтегляне на остготите от Балканския полуостров и край на отношенията им с българите до края на века.

СЪКРАЩЕНИЯ

ГИБИ – Гръцки извори за българската история.

ГСУ, ИФ – Годишник на Софийския университет “Климент Охридски“, Исторически факултет.

ЛИБИ – Латински извори за българската история.

УЗПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета.

AAASH – Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae.

БОЛГАРЫ НИЖНЕГО ДУНАЯ И ГОТЫ НА БАЛКАНАХ. ИССЛЕДОВАНИЕ ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ V В.

Калоян Чобанов
(Велико Тырново, Болгария)

О связях между болгарами и готами в раннем Средневековье свидетельствуют источники разного времени и происхождения, давно известные в историографии¹. Они представляют нам активные враждебные отношения, начавшиеся еще с конца V столетия, когда на Балканах господствовали готы, а на Нижнем Дунае возрастала роль болгар. В настоящем изложении мы пересмотрим сведения о связях между двумя племенными группами, относящиеся ко второй половине V в., пытаясь поместить события в правильную территориальные и хронологические рамки.

Ключевые слова: болгары, готы, раннее Средневековье.

Период 474-481 гг.

Известно, что болгары появились в политическом пространстве Византии, когда они были вовлечены императором Зеноном (474–475, 476–479) в его войны против остготских вождей Теодориха Страбона (?–491) и Теодориха Амала (451/4–526). Предыстория этого первого союзничества с империей остается неясной. Согласно Ю.А. Кулаковскому: «*Зенон призвал против готов их прежних повелителей – гуннов из-за Дуная*»². В том же направлении мыслей высказывается и Л. Шмидт, называя болгар: «*die ehemaligen Hunnen, also die Erbfeinde der Goten*»³. Интересно мнение В.Т. Сиротенко⁴, согласно которому византийские власти искали поблизости от своих границ вспомогательные войска, представители которых, однако, не находились в ее пределах, так как это легко могло привести к возможным антигосударственным проявлениям. Таким образом, в поисках новых союзников империя обратилась к болгарам.

Несколько событий начальных лет правления Зенона выдают раннюю болгаро-остготскую вражду на Нижнем Дунае, которая могла быть основой возникшего позже союзничества.

¹ Обзор источников у *Златарски В.Н.* История на българската държава през средните векове (трето фототипно издание). Т. I. Ч. 1. София, 2007. С. 43; *Бурмов Ал.* Въпроси из историята на прабългарите // Избрани произведения. Т. I. София, 1968. С. 56-58. Более новые исследования: *Николов Ал.* Панонските българи в Ранното Средновековие: опит за локализация и идентификация // Трети международен конгрес по българистика. Секция „История и археология“. Подсекция „Българите през средновековието“. София, 2014. С. 116-119; *Голийски П.* Заселването на българите на Балканския полуостров IV–VII век. Т. II. По исторически данни. София, 2014. С. 86 и сл.

² *Кулаковский Ю.* История Византии. Т. I. 365–518. СПб., 2003. С. 370.

³ *Schmidt L.* Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Die Ostgermanen. München: Unveränderter Nachdruck, 1969. P. 286: «бывшие гунны, т.е. наследственные враги готов».

⁴ *Сиротенко В.Т.* Византия и булгары в V–VI вв. // УЗПГУ. Т. XX, вып. 4. Пермь, 1961. С. 49.

Согласно известию Евагрия Схоластика (VI в.), в начальные годы правления императора Зенона: «...подданные на Востоке и Западе страдали много. На Востоке все опустошали варвары скиниты, а на Фракию напали многочисленные гунны, некогда называвшиеся массагетами, которые перешли Истр (выделено нами – К. Ч.), и никто им не противостоял»¹.

Массагетами Евгария в этом сообщении могут быть только болгары с Нижнего Дуная. Архаичный этноним, по-видимому, использовался автором (и его основным источником – Прокопием Кесарийским), в основном, для тех кочевых племен, которые пришли с северо-востока. Политическая обстановка за пределами Фракии не позволяет приписать нападение остготам, гепидам или гуннам Эрнаха (Эрнака). По-видимому, в то время Евагрий еще не знал наименования болгар, отчего и объединил их общим словом – гунны (когда-то массагеты), как свидетельствуют и другие подобные примеры в византийской литературе².

После 474 г. вторжения во Фракию прекращаются. Что происходит тогда? В 476 г., во время повторного восхождения Зенона на престол, город Нове (ныне Свиштов, господствующий над дорогами в Никополь и Маркианополь) впервые упоминается как резиденция Теодориха Амала. История первых лет правления остготского вождя неясна. Похоже, что после смерти своего отца в 474 г. он направился в Нижнюю Мёзию, где его можно проследить до первых лет правления Зенона³. Он оставался там с некоторыми перерывами до 488 г., вероятно, с условием защищать византийские провинции от вторжений варваров – задача, с которой он, очевидно, справился, поскольку на протяжении многих лет источники молчат о разрушении Фракии племенами из-за Дуная⁴.

Подобное развитие исторических событий показывает болгар как соседей остготов на Нижнем Дунае и их врагов, вероятно, еще с 474 года. Это объясняет и выбор Зеноном нового византийского союзника.

В 70-х годах V века на балканских территориях Византии ощущалось сильное присутствие Теодориха Страбона и Теодориха Амала. Оба были отличены наивысшими армейскими отличиями в империи, что позволяло им часто бросать вызов Константинопольскому императору. В период 479–482 годов между двумя Теодорихами и Зеноном вспыхнул конфликт. На Балканах начались широкомасштабные остготские действия, в ходе которых

¹ *Евагрий Схоластик*. Църковна история // ГИБИ. Т. II. София, 1958. С. 263.

² *Чобанов К.* Едно известие на Евагрий Схоластик (VI в.) за българите? // МСЧ. Сборник с материали от Дванадесета студентска научна конференция във ВТУ. Велико Търново, 2022 (в печати); *Чобанов К.* Българите в Причерноморието и Византия от средата на V до средата на VI век (по писмени извори). Бакалавърска дипломна работа. Велико Търново, 2022. С. 33-37 / Архив кафедры древней и средневековой истории Болгарии исторического факультета Великотърновского университета им. Свв. Кирилла и Мефодия.

³ *Schmidt L.* Op. cit. P. 278-280.

⁴ Следующее крупное опустошение Фракии болгарами произойдет в период Теодориховых войн в Италии — 489-493 гг. См. *Павел Дякон*. Римска история // ЛИБИ. Т. I. София, 1958. С. 410. О 491 г. ср. *Сиротенко В.Т.* Византия и болгары... С. 51.

Теодорих Амал вторгся в Македонию и захватил ряд крепостей, а Теодорих Страбон двинулся во Фракию и угрожал самому Константинополю 30-тысячной армией. Невозможность империи самостоятельно справиться со своими противниками стала причиной призыва новых союзников – болгар¹.

Этот эпизод отражен во «Всемирной хронике»² Иоанна Антиохийского (вероятно, VI-VII в.) и датирован 480³ или предшествующим 479⁴ годом.

Сразу после сообщения о болгаро-византийском союзе Иоанн Антиохийский пишет, что Теодорих Страбон успешно воевал с гуннами где-то во Фракии⁵. Ряд исследователей почти без сомнения отождествляет этих «гуннов» с упомянутыми ранее в тексте болгарами⁶. В.Т. Сиротенко⁷ и ныне Ал. Николов⁸ отрицают это приравнение и, соответственно, возможность того, что болгары воевали с Теодорихом Страбоном. Мы склонны согласиться с их позицией по двум причинам:

Во-первых, все имеющиеся известия о болгаро-готских столкновениях всегда связываются с остготами Теодориха Амала и никогда с остготами Теодориха Страбона.

Во-вторых, из-за наличия гуннов-наемников, расположенных во Фракии еще со времен императора Феодосия I (379–395). Тот же Иоанн Антиохийский⁹ пишет об этом (но в другом месте своего сочинения), и кажется более вероятным, что они выступили против Теодориха Страбона.

Вновь призванных союзников затем, вероятно, использовали против другого Теодориха – Амала, разорявшего иллирийский диоцез Македонии. Ему противостоял новый *magister militum per Illyricum* Сабиниан, которого Марцеллин Комит лестно сравнивал со старыми римскими военачальниками. Во время переговоров византийского посланника Адамантия и Теодориха о прекращении военных действий Сабиниан собрал в районе Охрида большое войско, с которым впоследствии полностью разгромил амалийца¹⁰.

¹ *Schmidt L.* Op. cit. P. 284-286.

² *Йоан Антиохийски.* Извадки от „De insidiis” // ГИБИ. Т. III. София, 1960. С. 32.

³ *Бурмов Ал.* Цит. соч. С. 56.

⁴ *Сиротенко В.Т.* Византия и болгары... С. 49.

⁵ *Йоан Антиохийски.* Цит. соч. С. 32.

⁶ См. напр. *Schmidt L.* Op. cit. P. 286; *Бурмов Ал.* Цит. соч. С. 56; *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб.: Издательский Дом “Ювента”, 2003. С. 392; *Рашев Р.* Прабългарите през V–VII век (четвърто допълнено издание). Велико Търново, 2007. С. 156.

⁷ *Сиротенко В.Т.* Письменные свидетельства о булгарах IV–VII вв. в свете современных им исторических событий // Славяно-балканские исследования: историография и источниковедение. М., 1972. С. 195-218.

⁸ *Николов Ал.* Цит. соч. С. 117.

⁹ *Йоан Антиохийски.* Цит. соч. С. 29. Идет речь о походе Теодосия I (379–395) против узурпатора Евгения Флавия, при котором император поднял многих гуннов во Фракии вместе с их племенными вождями.

¹⁰ Об этих событиях см. *Малх.* Откъси от *Byzantiaca* // ГИБИ. Т. I. София, 1954. С. 139-151; ср. *Schmidt L.* Op. cit. P. 284-285; *Вольфрам Х.* Цит. соч. С. 390-391.

Возможно, что в подкреплении (или части подкрепления), которое Сабиниан получил в Охриде, мы можем найти болгар–союзников, о которых сообщает Иоанн Антиохийский. Они, как допускает В. Бешевлиев¹, могли действовать в качестве федератов в армии нового *magister militum per Illyricum* в его битвах в Македонии. Примечательно, что именно этот район связывается с освоением т.н. «нижней земли» болгарами, как свидетельствует дополнение к среднеболгарскому переводу хроники Константина Манассии (XIV в.). Ее содержание следующее: «*При царе Анастасии болгары стали захватывать эту землю, пройдя от Бдина, и сначала стали захватывать нижнюю землю Охридскую, а потом и всю эту землю. Со дня выхода болгар до сих пор [прошло] 870 лет*».²

Согласно Ив. Дуйчеву³ хронологическое примечание (870-е годы) указывает на время императора Зенона и первый самостоятельный контакт болгар с Византийской империей. В том же порядке мыслей высказывается и В.Т. Сиротенко⁴.

Вопрос о том, откуда пришли эти болгары, является спорным. Еще классическая медиевистика связывает их с Нижним Дунаем⁵. Со второй половины XX века все больше преобладает мнение, что это были паннонские болгары⁶. Не следует пренебрегать первой возможностью. Болгары вряд ли могли присоединиться к конфликту в Македонии, проходя через Нижнюю Мёзию, где ожидалось присутствие готов. Судя по данным дополнения, движение в сторону империи произошло далее на запад и по линии Бдин–Охрид⁷. Однако эта задунайская страна (т.е. за пределами провинции Прибрежная Дакия) после смерти Аттилы стала владением гепидов⁸, а сами они держали подступы от р. Дуная к Иллирику, откуда в эпоху Юстиниана (527–565) проходили кутригуры и славяне⁹. Вполне возможно, что болгарский

¹ *Beševliev V.* Aus der Geschichte der Protobulgaren (1970) // *Beševliev V.* Bulgarisch-Byzantinische Aufsätze (Collected studies series). London, 1978. XXX. P. 46-47.

² *Каймакамова М.* Българска кратка хроника в среднобългарския превод на Манасиевата хроника. 1. Текст. Превод. Коментар // ГСУ, ИФ. 76. 1983. С. 132 в отношении древнеболгарского текста и с. 139 в отношении перевода на современный болгарский язык.

³ *Дуйчев Ив.* Стара българска книжнина. Книга втора. София, 1943. С. 366.

⁴ *Сиротенко В.Т.* Византия и булгары... С. 48. Сиротенко принимает год 475 за время первого появления болгар на Дунае в целом.

⁵ *Tomaschek W.* *Bulgaroi* // Pauly-Wissowa. V. III, 1. Stuttgart, 1897. P. 1040; *Bury J.B.* History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the Death of Justinian I (A.D. 395 to A.D. 565). V. I. London, 1923. P. 434, n. 6; *Златарски В.Н.* Цит. соч. С. 44; *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. T. II. Paris-Bruxelle-Amsterdam, 1949. P. 17.

⁶ *Beševliev V.* Op. cit. P. 44; *Рашев Р.* Цит. соч. С. 156.

⁷ Согласно *Сиротенко В.Т.* Византия и булгары..., с. 49, болгары двигались по дороге Бдин–Наисс–Стоби–Лихнид, т.е. сег. Видин–Ниш–с. Градско–Охрид.

⁸ После битвы на реке Недао в 454 г. гепиды захватили область Западной Дакии, охватывавшую территорию между реками Тиса, Олт, Дунай и Карпатами, ср. *Schmidt L.* Op. cit., p. 532, то есть переход из Бдина в эту эпоху мог осуществиться только через их владения и с их разрешения.

⁹ *Прокопий Кесарийски.* История на войните // ГИБИ. Т. II. София, 1958. С. 142 и 146-147. Речь идет об эпизодах времен императора Юстиниана I, где при содействии

переход через Бдин произошел после предварительной договоренности с гепидами, тем более что после 454 г. последние были в «дружеском договоре»¹ с Византией.

Период 482-489 гг.

В 481 г. талантливый Сабиниан, который держал Теодориха под контролем, стал жертвой заговора. Вождь остготов снова начал разорять Македонию, а византийские военачальники Иоанн Скит и Мосхиан не смогли его остановить. Зенон заставил себя вступить в союз с Теодорихом, назначив его *magister militum praesentalis* в 483 г. и консулом в следующем 484 г., уступив ему части провинций Нижняя Мёзия и Прибрежная Дакия. В 486 г. между ними произошел новый разрыв. Амалиец покинул свою резиденцию в Нове и опустошил Фракию, а в следующем, 487 г., подошел к Константинополю с большой армией. Позже он принял предложение Зенона уйти на запад и свергнуть Одоакра, распорядящегося в Италии. Осенью 488 г. Теодорих выступил из Нове с почти 100 000 человек (из них 20 000 солдат) вдоль римской дороги через Дунай через Рациарию-Виминаций-Сингидун-Сирмий. Однако на этот раз он проходил через земли гепидов, и столкновение было неизбежным. Готы сломали их сопротивление и отбили последующую атаку сарматов, после чего достигли границ Италии².

Об отношениях болгар с готами в этот период (482-489) существует два источника: *Panegyricus dictus clementissimo regi Theodorico*³, написанный Магном Феликсом Эннодием (V/VI в.) в 1-й половине 507 г. и *Historia Romana*⁴ Павла Диакона (VIII в.).

В Панегирике Эннодия события из жизни Теодориха Амала поставлены в хронологическом порядке: от его пребывания в Греции в 459/461 (pf. III) до

гепидов осуществлялись переправы кутригуров и славян по реке Дунай. По этому вопросу ср. *Тъпкова-Заимова В.* Нашествия и этнически промени на Балканите. София, 1966. С. 54-55, согласно которой переправы произошли где-то возле совр. Корабии, и *Bóna I.* Das erste Auftreten der Bulgaren im Karpatenbecken; Probleme, Angaben und Möglichkeiten // *Studia Turco-Hungarica V. Turcic-Bulgarian-Hungarian relations (VI. — XI. Centuries)*. 1981. P. 102 – близ Нижнего Дуная, напротив совр. Олтении.

¹ *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. Гетика. Вступительная статья, перевод, комментарий, Е.Ч. Скржинской. Издание второе, исправленное и дополненное. СПб., 2001. С. 111 — „amica pactione”.

² Об этих событиях см. *Schmidt L.* Op. cit. P. 287-294; *Вольфрам Х.* Цит. соч. С. 392-399.

³ Панегирик в честь короля Теодориха пользуется широким интересом среди более поздних читателей Эннодия. Значительное количество изданий датируется XVII веком, наиболее важными из которых являются: *Magni Felicis Ennodi. Episcopi Ticinensis. Opera* / J. Sirmond. Parisiis, 1611. P. 291 и сл. и критическое издание *Magni Felicis Ennodi. Opera* / Fr. Vogel. MGN. Berolini, 1885. P. 203 и сл., по которому сделан болгарский перевод *Магнус Феликс Енодий.* Похвално слово за крал Теодорих // ЛИБИ. Т. I. София, 1958. С. 298-302. Последнее о Панегирике, текст и анализ: *Deželak Trojar M.* Enodijev panegirik na čast kralju Teoderiku ali kako retorika piše zgodovino // *Studia Latina et Graeca* 10(2). Ljubljana, 2008. P. 43-81, с которым я выбрал работать в настоящем тексте.

⁴ *Павел Дякон.* Цит. соч. С. 405-410.

перемещения алеманнов на северо-восток из готского королевства в 506/7 г. (pf. XVII)¹. Между другими двумя событиями, даты которых мы знаем из других источников: консульство Теодориха в 484 г. (pf. IV)² и его отправление в Италию в 488 г. (pf. VII)³, Эннодий восхваляет своего короля за его победу над не названным по имени болгарским вождем – *Vulgarum ductor* (pf. V)⁴.

В историографии встречаются различные более конкретные даты этого столкновения: Й. Марквардт – 485 г.⁵; Ал. Бурмов – 486 или 487 г.⁶; Х. Вольфрам – 486 г.⁷ Как видно, все годы, когда Зенону угрожали Теодорих и, соответственно, вмешательство *Vulgarum ductor* ищется после повторного болгарского вызова византийским императором.

По словам Эннодия «раньше они верили, что мир открыт для них (для болгар, прим. наше – К.Ч.), теперь они думают, что для них закрыта та часть земли, которую ты охраняешь (выделено нами – К.Ч.)»⁸; можно подразумевать, что болгары жили по соседству с готами на Нижнем Дунае, так как Теодорих в это время находился в Нове, Нижняя Мёзия. Это предполагает рассматривать *Vulgarum ductor* Эннодия как племенного вождя болгар с побережья Черного моря и не искать его связь с возможной болгарской общиной из Паннонии⁹.

В контексте общего рассказа о жизни Теодориха Амала Павел Диякон сообщает о его победах над гепидским гех Траустилой и болгарским гех Бузаном: „Но перед прибытием в Италию, он (Теодорих Амал, прим. наше – К.Ч.) победил и погубил гепидского царя Траустилу, который устроил ему засаду; он уничтожил и болгарского царя Бузана, учинившего большую резню его отрядам. И так, выведя из Мёзии все множество остготов со всеми их пожитками, прошел через Сирмий и Паннонию и пришел в Италию“¹⁰.

Преданное, таким образом, сообщение поднимает известные вопросы, самым важным, из которых является: когда Теодорих победил Бузана? По

¹ О первом и последнем событии в Панегирике Эннодия см. *Deželak Trojar M.* Op. cit. P. 52; p. 62, прим. 80; p. 80.

² Ibid. С. 64 и прим. 88; Ср. *The Chronicle of Marcellinus. A Translation and Commentary* (with a reproduction of Mommsen's edition of the text) Br. Croke. Sydney, 1995. P. 28.

³ Ibid. P. 66-68; Срв. *Marcellinus.* Op. cit. P. 30.

⁴ Ibid. P. 64-65 = *Енодий*. Цит. съч. С. 299-300. Время и место этого триумфа Теодориха не указаны. Вообще данные об этом известии довольно скудные и в большинстве случаев используются для определения характеристик быта болгар.

⁵ *Marquart J.* Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898. P. 77.

⁶ *Бурмов Ал.* Цит. соч. С. 57.

⁷ *Вольфрам Х.* Цит. соч. С. 294. К данной дате присоединяется и *Deželak Trojar M.* Op. cit. P. 64, прим. 89.

⁸ *Deželak Trojar M.* Op. cit. P. 65 = *Енодий*. Цит. соч. С. 299-300.

⁹ Впрочем, даже *Simonuī*, который выстроил тезис о доаварских паннонских болгарях, считает более правильным, что данное известие Эннодия относится к болгарам на Нижнем Дунае. См. *Simonuī D.* Die Bulgaren des 5. Jahrhunderts im Karpatenbecken // AAASH. X, 3-4, 1959. P. 243-244. Данное мнение поддерживает и *Pohl W.* Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567-822 n. Chr. München, 1988. P. 417, прим. 21.

¹⁰ *Павел Диякон.* Цит. соч. С. 410.

мнению В. Златарского¹, это произошло во время движения остготов к Италии, где-то в области Сирмия. Данное поддерживается и тем обстоятельством, что именно возле Сирмия, у берегов р. Улка (вероятно, совр. р. Сава?) Теодорих победил гепидов, а также, по-видимому, самого Траустилу. Следовательно, поражение Бузана надо искать около этого района в тот же самый период².

Однако стоит отметить, что более поздний по времени Павел Диакон едва ли придерживался строгой хронологической последовательности своих известий. Возможно, что перед нами смешение событий разного времени, как первым допускает Л. Шмидт³, и столкновение Теодорих – Бузан произошло, пока остготский предводитель все еще находился со своими людьми в Мёзии. Как отмечает Ал. Николов⁴, подобная возможность подразумевается в самом тексте Павла Диакона, так как лангобардский историк пишет об уходе остготов из Мёзии, после того как уже сообщил о двух победах Теодориха.

В данном случае во внимание можно принять известие Сигеберта из Жамблу. В своей «Хронике» бенедиктинский монах датирует две победы Теодориха и остготский уход из Мёзии двумя разными годами, соответственно, 487 и в 488 г.⁵ Конечно, датировки в этом источнике преимущественно ошибочны, как уже давно установлено⁶. Учитывая это, 487 год вряд ли следует считать годом триумфа Теодориха. В данном случае важно то, что рассматриваемые события помещены отдельно друг от друга, что дает уверенность в том, что поражение Бузана можно искать во времена Теодориха Амала в Мёзии (т.е. не позднее 487 г.).

Второй круг вопросов, которые поднимает сообщение Павла Диакона, таков: идентичен ли его Бузан с неназванным по имени *Vulgarum ductor*? Можно сказать, что Шарль Дюканж первым еще в XVII в. отождествил обоих⁷.

¹ Златарски В.Н. Цит. соч. С. 43.

² Такова и господствующая точка зрения в историографии. Ср. Ангелов Д. Образуване на българската народност. София, 1971. С. 131, который предполагает, что Бузан был каким-то племенным руководителем болгар Среднего Дуная (т.е. паннонских); Бешевлиев В. Първобългари. История. София, 1984. С. 12, который, в свою очередь, допускает, что имя в действительности должно быть — Баян. Оба исследователя убеждены, что здесь болгары действовали в союзе с гепидами, при этом данное вообще не отмечено в источнике.

³ По мнению Шмидта кажется, что Павел Диакон использовал информацию Эннодия, но переработал ее по своему усмотрению. См. *Schmidt L.* Op. cit. P. 286, прим. 4; p. 294, прим. 5; p. 295, прим. под чертой.

⁴ Николов Ал. Цит. соч. С. 119.

⁵ *Sigebertus Gemblacensis. Chronica / Patrologia latina, tomus CLX.* Paris, 1854. P. 92.

⁶ Златарски В.Н. Цит. соч. С. 193, прим. 2 определяет хронологию Сигеберта как «произвольную».

⁷ Дюканж Ш. Византийска история. История на империята на Константинопол. София, 1992. С. 31. В русском переводе: «Проходя оттуда в Иллирию, (болгары) овладели Сирмием, который вскоре после этого был взят Теодорихом, королем Италии, после того как они сами были побеждены в битве и обратились в бегство. **Тогда над болгарами властвовал Либерт, которого называют Буза (выделено нами — К.Ч.)**». В данном случае Дюканж работал с изданием Эннодия своего современника и соотечественника Сирмонда, в котором выражение *Vulgarum ductor libertatem* было ошибочно передано как *Vulgarum*

Мы уже указывали, что столкновение с болгарским вождем произошло, когда Теодорих находился в Мёзии (в 486 или 487 г.), и из изложенного до сих пор мы видим, что то же самое возможно и в отношении столкновения с Бузаном (до 488 г.). Л. Шмидт обращает внимание, что в обоих случаях употреблен глагол *prostravit*¹, что, по его мнению, показывает, что источником Павла Диакона является Эннодий². Действительно, у первого мы имеем великую резню (*magna caede*), поэтому логический перевод *prostravit* – «уничтожен». Однако был ли убит сам вождь, или под словом «уничтожен» мы можем увидеть более общее значение слова «повержен/ранен» (но остался в живых), как писал Эннодий? Следует отметить, что большая резня была нанесена войскам Бузана, а не ему самому. О Траустиле гораздо красноречивее указано, что Теодорих погубил его³.

Действительно, Эннодий не упоминает имя болгарского вождя. Он не упоминает и имени гепидского предводителя, побежденного на реке Саве. В то же время, мы имеем побежденных Теодорихом – Траустилу и Бузана. Вряд ли у остготского короля было много таких громких побед над гепидами и болгарам. Те, которых Эннодий включает в свой Панегирик (pf. V и pf. VII), кажутся теми же, о которых сообщает Павел Диакон, но ошибочно помещенных как два последовательных. В этом случае Бузан должен был быть одним из племенных вождей болгар на Нижнем Дунае⁴.

Болгаро-готские войны в конце V века исчерпались столкновением 486 или 487 г. во Фракийском диоцезе. Некоторые исследователи склонны видеть болгарское участие в готско-гепидской войне у реки Улка, не приводя, однако, аргументов в пользу этого⁵. Подобная информация не упоминается в источнике. Более того: Эннодий знает о двух успехах Теодориха над болгарам – до 488 г. (pf. V – *Vulgarum ductor*) и от 505 г. (pf. XII – Сирмийский поход), но не о том же на р. Улка. Не было ли причины епископу Тицина

ductor Libertem – Magni Felicis Ennodi. Opera..., Sirmond, p. 296. По всей вероятности, это банальная ошибка издателя, либо типографа, которая, однако порождает целую историческую личность — болгарского короля Либерта. См. напр. *Tomaschek W. Op. cit. P. 1040.*

¹ *Prostratus* у Эннодий. Цит. соч. С. 299 и *prostravit* у Павел Диакон. Цит. соч. С. 410.

² *Schmidt L. Op. cit. P. 295, прим. под чертой.* По вопросу откуда Павел Диакон получил имя Бузан, Шмидт считает, что это неопределенно. См. также *Бурмов Ал. Цит. соч. С. 58,* который добавляет некоторые критические замечания к заключению Шмидта. Однако выглядит, что немецкий исследователь прав, что мы и попытаемся показать в тексте.

³ *Павел Диакон. Цит. соч. С. 410 – Traustilam Gepidarum regem insidias sibi molientem bello superans extinxit; Латинско-български речник / Съставители М. Войнов, А. Милев. Трето издание. София, 1937. С. 221: extinguo; в рус. перев. – уничтожать, губить.*

⁴ Согласно *Pritsak O. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache Protobulgaren. Wiesbaden, 1955. P. 63,* Бузан был первым наследником Ирника/Ернаха и предшественником Мундо.

⁵ См. напр. *Бурмов Ал. Цит. соч. С. 57; Ангелов Д. Цит. соч. С. 131; Бешевлиев В. Цит. соч. С. 12; Рашев Р. Цит. соч. С. 155.*

умалчивать об очередном триумфе Теодориха над народом, который прежде «имел все, что пожелал»?¹

После своей победы над гепидами Теодорих одержал триумф над сарматами². Где и когда произошла битва с ними, сказать нельзя. Вероятно, что готы подверглись нападению с их стороны после переправы через р. Улка и перед достижением границ Италии.

В свете этого известия И. Бона пытается отрицать болгарскую принадлежность Бузана. По мнению венгерского исследователя, Павел Диакон использовал болгарский этноним в значении «гунн» или вообще «номад (кочевник) с востока». Лангобардский историк, писавший три века спустя, ошибочно упомянул гепидов и болгар вместо правильного (как у Эннодия) – гепидов и сарматов. Таким образом, Бона пришел к заключению, что Бузан был сарматским королем, вероятно, Веуса³, упомянутым однажды у Иордана (VI в) в отношении более ранних событий⁴.

Заслуживает, однако, напомнить, что Павел Диакон сообщает о болгарском опустошении Фракии во времена, когда Теодорих воевал в Италии (489-493 г.)⁵. И тут, несомненно, имеются в виду болгары, чья эпоха вторжений в Византию только начиналась, а не гунны и/или сарматы. Также, упоминая лангобардскую миграцию из Паннонии в Италию в 569 г., он говорит, что король Альбоин привел с собой различные племена, среди которых – сарматы и болгары⁶. Размещение двух имен рядом в одном и том же сообщении подсказывает, что автор знал их как разные этнические группы и вряд ли стал бы смешивать их в своем известии о триумфе Теодориха. Тем более, что топографически, сарматский элемент все еще существовал во времена Павла Диакона⁷. В данном случае И. Бона не рассматривал возможности того, что битва с Бузаном произошла, пока Теодорих все еще находился в Мёзии – возможность, которую мы считаем наиболее правдоподобной.

Заключение

Пересмотрев существующие и хорошо известные источники, а также историографическую традицию (старую и новую), мы склонны конструировать болгаро-готские отношения во второй половине V в. в следующем порядке: с 474 г. начинаются первые болгарские нападения на

¹ Пояснение о болгарях, данное Эннодием, через которое он восхваляет противника своего короля. Срв. *Deželak Trojar M.* Op. cit. P. 65 = *Енодий*. Цит. соч. С. 299.

² *Deželak Trojar M.* Op. cit. P. 68, также и прим. 102. Срв. *Schmidt L.* Op. cit. P. 294, прим. 7; *Вольфрам Х.* Цит. соч. С. 398.

³ *Bóna I.* Op. cit. P. 96-97. Видимо, *Pohl W.* Op. cit. P. 417, прим. 21 разделяет это мнение, независимо от Боны.

⁴ *Иордан*. Цит. соч. С. 114.

⁵ *Павел Дякон*. Цит. соч. С. 410.

⁶ *Павел Дякон*. История на лангобардите // ЛИБИ. Т. I. София, 1958. С. 413.

⁷ Снова там: «Поэтому и по сей день мы называем поселения, в которых они живут, «Гепидами», «Болгарами», «Сарматами»!...».

Фракию. Примерно в то же самое время город Нове в Нижней Мёзии был известен как резиденция Теодориха Амала. Его переселение туда могло быть связано с охраной дунайских границ Византии, тем более, что источники умалчивают о разорении Фракии задунайскими племенами, по крайней мере, до ухода остготов в Италию. В период 474-479/80 гг., вероятно, происходили болгаро-готские столкновения или, по крайней мере, существовало напряжение на границах Нижнего Дуная, что явилось основанием для выбора императором Зеноном нового союзника Византии в его борьбе против обоих Теодорихов. Болгары были включены в конфликт на Балканах, по-видимому, против Теодориха Амала в составе армии *magister militum per Illyricum* Сабиниана в битвах в Македонии. Их переход через Дунай произошел через земли гепидов – за Бдином, в Западной Дакии. Мы склонны отрицать популярное мнение об их столкновении с Теодорихом Страбоном во Фракии в тот же период. В 486 и 487 гг. Теодорих Амал совершил два новых нападения против Зенона, в одном из которых вновь были призваны болгарские союзники. Анализ известия Эннодия подсказывает, что это были болгары с Нижнего Дуная. Их не названный по имени *Vulgarum ductor* был повержен, но не убит. Вероятно, он же идентичен Бузану, о котором Павел Диакон говорит, что тот был уничтожен, а его отрядам была учинена большая резня. Сражений между болгарами и готами при отходе последних в Италию, по-видимому, не было. Около Сирмия Теодорих столкнулся только с гепидами и сарматами, но не с болгарами.

Таблица к истории болгар Нижнего Дуная и готов на Балканах

474 г. – первое болгарское вторжение во Фракию.

475/6 г. – перемещение остготов Теодориха в Нижнюю Мёзию и охрана дунайских границ Византии.

479 г. – включение болгар в сражения в Македонии под командованием *magister militum per Illyricum* Сабиниана.

486/7 г. – войны Теодориха Амала против императора Зенона и повторный призыв болгарских союзников; победа остготов над *Vulgarum ductor*, известным также под именем Бузан.

488 г. – уход остготов с Балканского полуострова и прекращение их отношений с болгарами до конца века.

СОКРАЩЕНИЯ

ГИБИ – Гръцки извори за българската история (Греческие источники болгарской истории).

ГСУ, ИФ – Годишник на Софийския университет “Св. Климент Охридски“, Исторически факултет (Ежегодник Софийского университета им. Св. Климента Охридского“, Исторический факультет).

ЛИБИ – Латински извори за българската история (Латинские источники болгарской истории).

МСЧ – Мартенски студентски четения (Мартенские студенческие чтения).

УЗПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета.

AAASH – Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae.

СОЛЫ – АНТИЧНЫЙ ГОРОД НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ КИПРА

Н.Н. Болгов (Белгород)

В работе дается первый в отечественной историографии обзорный очерк истории, памятников и истории исследований города Сола на северо-западе Кипра. Он продолжает опубликованные нами ранее очерки о Пафосе, Саламине и Амафунте. Одним из важнейших его объектов является базилика IV-VI вв., где апостол Марк крестил первого епископа города – св. Авксибия. Раскопки, начатые шведской экспедицией в 1927 г., с 2005 г. продолжаются турецкими археологами.

Ключевые слова: Кипр, Сола, город, раскопки, античность, христианство, Византия.

Сола – один из 10 исторических городов Кипра, археологические остатки которого достаточно хорошо сохранились и доступны для изучения.

Город расположен в северо-западной части острова, близ берега, недалеко от современного города Лефка (Гюзельюрт), ныне под контролем непризнанной ТРСК.

История. В античной традиции считается, что город был основан афинянами, возвращавшимися с Троянской войны в XII в. до н.э., и сначала был известен как Айпея (Эпея). Страбон называет основателями города афинян Фалера и Акаманта (XIV, 3). Археологические исследования подтверждают, что первые поселения здесь возникли в XII-XI вв. до н.э.¹

Город упоминается под названием Сииллу в списках ассирийского царя Ассархадона, правившего в 680-669 гг. до н.э., как один из 10 городов-государств, на которые был разделён Кипр.

Первое упоминание о Солах в античных источниках восходит к VI веку до н.э.

По свидетельству Плутарха², афинский государственный деятель и мудрец Солон (VI в. до н.э.) выбрал новое место для города, называвшегося тогда Эпея. Солон посоветовал перенести город на нижнее побережье, чтобы

¹ *Победимская С.* Северное побережье Кипра. Никосия, 2014. С. 35.

² *Plut. Solon. 26:* «Потом он поехал на Кипр, где его особенно полюбил один из тамошних царей, Филокипр. Он оказался владельцем города, который был основан сыном Тесея, Демофонтом. Город лежит на реке Кларии в месте, хотя и неприступном, но во всех отношениях неудобном. Между тем, под городом распространялась жалоба. Солон уговорил его приблизиться к городу, увеличить его и украсить. Солон лично смотрел за стройкой и возможностью царю сделать все возможно лучше для приятной и связанной жизни в нем. Благодаря этому к Филокипру пришло много новых жителей, и другие цари завидовали ему. Поэтому он, желая почтить Солон, назвал этот город по имени Солами, а прежде он назвался Эпейей. Солон и сам упоминает об основании города: обращаясь в своих элегиях к Филокипру, он говорит:

Ныне над Солами будь правителем долгие годы
Ты, и твой род, пусть живет в этом городе всегда.
Мне ж пусть поможет Киприда, богиня в венке из фиалок,
Пусть моя энергия восстановится, жизнь мне в пути сохранится.
Пусть она славу мне даст за то, что сей город собрал,
Пусть мне окажет почет, дав вернуться домой».

облегчить экспорт медной руды из этого района. Правитель города царь Филокипр, который также был учеником этого мудреца, принял совет (580 г. до н.э.), и новый город был назван Солами, по всей видимости, в честь Солона. Центр города был спроектирован также Солонем во время его 10-летнего пребывания на Кипре. Возможно, что именно Солону город обязан новым составом жителей – колонистов из Афин.

Город был основан в прекрасном месте: зеленая долина Соля, плодородная земля, пресная вода (здесь протекала река Ксеро, много ручьев и родников), большая естественная морская гавань. Поблизости, к югу, были обнаружены залежи руды, одни из крупнейших на острове – рудники Мавровуни и Скуриотисса. Жители занимались земледелием, работали на рудниках. Медь из Соли была востребована по всему Средиземноморью. Город быстро разросся и превратился в крупный и процветающий центр.

Если верна версия о возникновении Сол вследствие волны переселения, то возможно, от их названия в античной риторике был произведен термин солекизм (σολοκισμός – неправильный оборот речи). Имелись ввиду особенности речи жителей Сол – потомков первых переселенцев, – которые утратили чистоту аттического диалекта древнегреческого языка, вступая в отношения с местным населением и смешиваясь с ним.

С 546 г. до н.э. Сола находились под властью персов. В 499/498 г. до н.э. Сола присоединился к другим царствам острова в Ионийском восстании греков против персов, но персы все же захватили город. Сола были освобождены Кимоном в 449 г. до н.э. по итогам Греко-Персидских войн.

Классический период в Солах в последние годы неплохо исследован археологами на материалах некрополя¹. Перестроенный в греческом духе дворец с храмом Афины был уничтожен пожаром в 380 г. до н.э. и более не восстанавливался.

В эпоху эллинизма с Солами были связаны судьбы триерарха Александра Великого – Никокла, руководившего флотом во время Индийского похода; Стасанора – сатрапа Бактрии и Согдианы в 321 г. до н.э.; философа-перипатетика Клеарха, ученика Аристотеля; историка Демохара.

При Птолемах в городе оформляется демократический режим с народным собранием, советом и магистратурами.

Римляне установили контроль над островом во 2-й половине I в. до н.э. Август сдал медные рудники в аренду царю Иудеи Ироду. Последний, в свою очередь, прислал на остров рудокопов из Иудеи для разработки меди.

В 115 г. мир в городе был нарушен – произошли серьезные стычки между евреями и римлянами в результате еврейского восстания. Возникшие со временем этнические столкновения между греками и евреями привели к изгнанию последних с острова. В результате, постепенно рудники начали приходить в упадок, а вместе с ними и прежнее могущество города.

¹ *Kaba H. Soli Nekropolü Işığında Kıbrıs'ta Klasik Dönem. Ph.D. diss. Ankara University, 2015; Kaba H. Soloi (Kıbrıs) Nekropolü'nden Klasik Dönem Tarihli Bir Grup Cenaze Takısı // KUBABA. 24. 2015. P. 45-57.*

Римский период был временем большого строительства. Страбон, побывавший в 20 г. до н.э. на Кипре, дал краткое описание храма Афродиты, храма Исиды и морского порта Сол (XIV, 3).

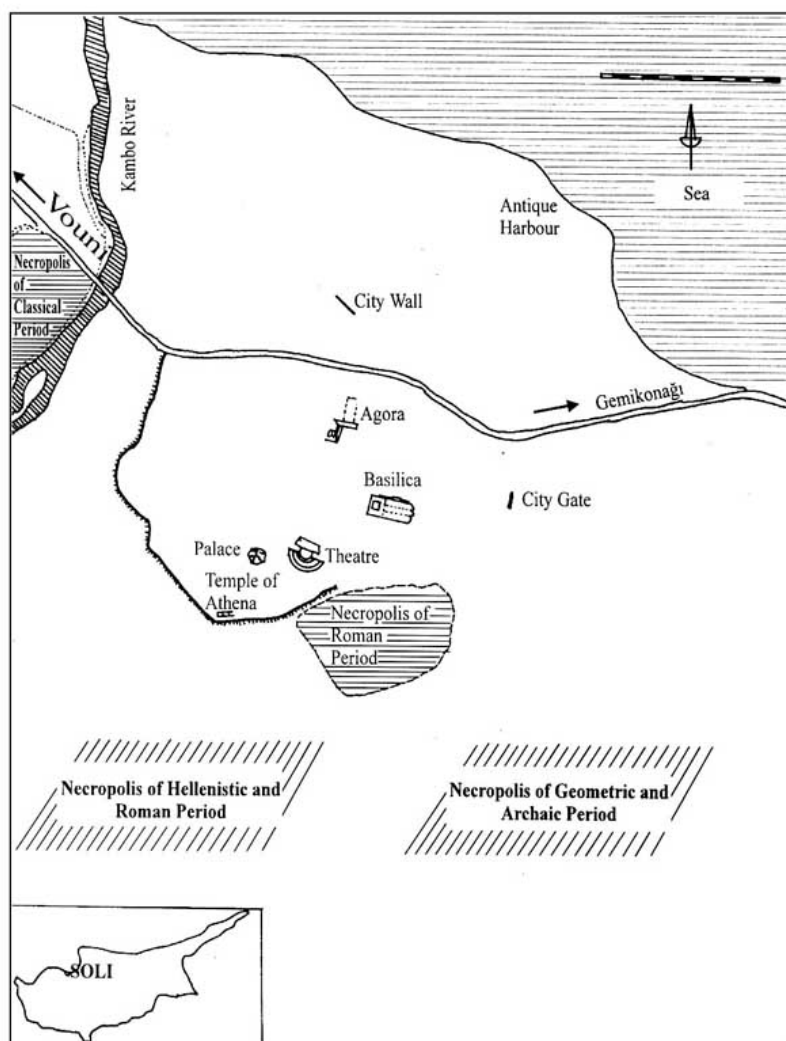
Согласно христианской традиции, Соли считаются местом, где святой евангелист Марк, родственник апостола Варнавы, крестил во время первого путешествия по Кипру в 45 г. св. Авксибия, римского солдата, который впоследствии стал первым епископом Сол.

Соли стал крупным центром христианства – на соборе 325 г. город был представлен тремя епископами. 12 епископов от города присутствовали на Сердикском соборе.

В IV веке истощившиеся медные рудники были закрыты. Гавань была заилена, что привело к периоду застоя для города, который постепенно терял свое значение. В IV в. случилось и еще одно несчастье – землетрясение сильно разрушило гавань, а также затронуло город.

В 648 году на Соли напали арабы и окончательно разрушили древний город. Уцелевшие жители покинули его и ушли вглубь острова.

В VII веке город был разрушен арабскими пиратами, уцелевшие жители ушли вглубь острова.

Памятники. Контуры города определяются *городской стеной*, которую можно проследить во многих местах.

Планировка города устанавливается пока лишь в общих чертах. Раскопками обнаружена *колонная улица* эллинистического периода, ведущая к *Агоре* – рыночной площади и местному общественному центру.

В центре агоры, с южной стороны сохранились фрагменты мраморного монументального мраморного подковообразного *нимфейона* с центральным фонтаном в виде лепестков лилии и мраморной головой льва, и двумя меньшими боковыми бассейнами. Комплекс был окружен колоннами с капителями, украшенными цветочным орнаментом.

Амфитеатр расположен на склоне холма, а море выступает своеобразным видом и фоном за сценой. Римский театр был построен во II веке на месте более древнего, греческого театра. Находки, особенно монеты из наполнения, датируются I веком, точнее 66–70 гг. Амфитеатр состоял из двух этажей – в настоящее время восстановлен только второй этаж. Полы амфитеатра были покрыты мрамором, для украшения были установлены мраморные скульптуры. Первоначальная сцена состояла из двух уровней, покрытых мраморными панелями и украшенных статуями. Места для зрителей были высечены полукругом на скалах холма (17 рядов), а вход и в них, и в оркестру был через два боковых входа. Публика была отделена от оркестра известняковой стеной посередине. Театр вмещал 4000 человек и был восстановлен до половины своей высоты. Часть оригинальной кладки можно увидеть в части оркестры. Частично восстановлен в 1962 г. – сейчас амфитеатр вмещает 3500 зрителей, но по площади он в два раза меньше древней постройки.

С западной стороны амфитеатра были обнаружены руины *храма Афродиты*. Храм Афродиты расположен на холме над театром, но недоступен для публики. В том же районе существовал *храмы Исиды, Сераписа, Кибелы*. Однако раскопки там ещё не ведутся, много тайн города Солы до сих пор погребены под землёй. Именно здесь была обнаружена знаменитая кипрская Афродита, датируемая разными учеными от II вв. до н.э. до I в. н.э., в настоящее время выставленная в археологическом музее Никосии.

Также на этом холме находятся *дворцовые постройки эллинистического периода*.

Базилика Сол была одной из первых в своем роде на Кипре; построена во 2-й пол. IV в. (датируется находкой монеты) и освящена в честь святого Авксиба (St. Auxibius), обращённого в христианство римского солдата, первого епископа Сол, крестившего апостола Марка. Первоначально это было 5-нефное сооружение. Центральный неф достигал почти 7 м в ширину.

В VI веке базилику перестроили, и она стала трёхнефной, но более крупной – центральный неф имел 10,6 м в ширину, два боковых придела – по 8,5 м. Это было впечатляющее трехэтажное здание длиной около 200 м¹.

Через тройной портал можно было пройти в вестибюль, за которым находился окружённый колоннами атриум с фонтаном. Внутри храма по

¹ *Победимская С.* Северное побережье Кипра. Никосия, 2014. С. 37.

периметру располагались 12 мощных колонн, основания которых сохранились до наших дней.

В восточной части церковь заканчивалась тремя апсидами, в средней из которых находились ряды сидений, предназначенные для епископа и духовенства.

В VII веке церковь была полностью разрушена арабами, и только в XII столетии на этом месте была построена небольшая церковь, в 4 раза меньше по размеру, которая заняла лишь восточную часть бывшего сооружения.

В настоящее время базилика покрыта шатром для сохранения мозаик от прямого солнечного света.

Самая важная часть базилики Сол – ее *мозаики*. Это напольные мозаики базилики с геометрическими узорами, изображением животных и птиц. Большая часть из них сохранилась до наших дней. Как и в случае с другими кипрскими церквями, первоначально мозаики имели геометрический рисунок. Постепенно в сюжеты проникают птицы и животные, а еще позднее *opus sectile* украшает тротуары из мелкой цветной каменной плитки.

Самый известный фрагмент мозаики – лебедь в окружении цветов и четырех маленьких дельфинов на полу нефа. На другой можно обнаружить более крупного лебедя, наиболее часто изображаемого на фотографиях из этой базилики.

Греческая надпись на мозаике апсиды, гласит: «Христос, спаси тех, кто создал эту мозаику».

Притвор и северная часть пола базилики украшены художественной мозаикой *opus sectile*, типом с использованием геометрически подобранных камней, которые относятся к VI в.

Некоторые мозаики были перестроены во время строительства меньшей, более поздней церкви, ближе к апсиде, где мозаичная надпись была частично стерта.

Открыто несколько участков *некрополей* различных периодов. Некрополь 2005 г. был открыт экспедицией Университета Северного Кипра¹. В целом открыто множество гробниц геометрического и римского периодов. Одна, вырубленная в скалах, представляет собой величественное сооружение с тремя камерами. В нем было обнаружено захоронение с золотой короной, тиарой, тронном и другими золотыми украшениями. Найденные золотые украшения и другие ценности позволяют предположить, что здесь был захоронен один из античных правителей города Солы (датируется 1-й пол. IV в. до н.э.).

Раскопки SCE (Шведской Кипрской экспедиции) начались в октябре 1927 г. с приоритетом поиска храма Афродиты и Исиды, о которых упоминал Страбон. Археологи сделали несколько пробных траншей, но не нашли ничего, что можно было бы идентифицировать как вышеупомянутый храм. Однако сначала они предприняли раскопки древнего театра.

¹ *Kaba, Hazar. An Elite Tomb from Soloi: New Evidence for the Funerary Archaeology of Cyprus // ADALYA. 23, 2020. P. 205-238.*

В других районах города пробные траншеи показали, что существовал теменос с очень плохо сохранившимся храмом, а к северу от ворот теменоса был открыт еще один большой ров. Были обнаружены многочисленные прямые стены, в которых археологи предположили часть дворцового комплекса, подобного тому, что в Вуни, и, вероятно, датируемого тем же периодом. Однако это место никогда не подвергалось тщательному исследованию.

К востоку от города холм Холадес был обследован с ноября 1930 до конца февраля 1931 г. Археологи обнаружили ряд храмов под номерами А–F, несколько раз перестроенных в течение 4-х периодов. Находки скульптуры из мрамора и известняка особенно выразительны. SCE сделал вывод из находок, что храмы А и В были синхронны и посвящены Афродите и Кибеле. Храмы С и D были посвящены Исиде, а храм Е – Серапису, Канопусу и Эросу. Храм F, вероятно, был посвящен Митре. Храмы датируются эллинистическим и римским периодами. Сегодня на этом месте ничего не видно, так как с тех пор участок был засыпан¹.

Продолжили раскопки Сол канадские археологи с 1960 по 1967 г.² Именно в то время были обнаружены остатки агоры, акрополя и церкви с мозаичным полом. Открытый на холме амфитеатр был восстановлен в 1962 г. Канадцы также раскопали городскую агору с остатками мраморного нимфейона, магазинами раннеримского периода и руинами эллинистического периода. На некрополе открыты гробницы геометрического и римского периодов.

Остальная часть города Сола, раскинувшаяся на обширной территории, до сих пор полностью не раскрыта.

Недавно в ходе раскопок, проведенных археологами ТРСК с 2005 г. (руководитель Хазар Каба), было обнаружено несколько гробниц позднеклассического времени³.

Видимые остатки Сол сегодня – это театр, базилика и агора. То, что осталось сегодня на прибрежном участке, относится в основном к римской эпохе. Большое количество камня, преимущественно из театра, вывезли британцы для строительства Суэцкого канала в середине XIX в.

К западу от Сол недалеко находится дворец классического периода в Вуни, который часто рассматривают в одном археологическом комплексе с Солами.

¹ Cypern och Kreta. Arkeologi & konst. The sites of the Swedish Cyprus Expedition – http://cypernochkreta.dinstudio.se/text1_100.html [дата обращения 22.11.2022]

² *des Gagniers J., Kahil I.G., Ginouves R., Tinh T.T.* Trois Campagnes de Fouilles a Soloi // RDAC. 1967. P. 50-58; *des Gagniers J.* Excavations at Soloi // The Archaeology of Cyprus: Recent Developments / ed. N. Robertson. New Jersey: Noyes Publications. 1975. P. 211-232.

³ *Kaba H.* A Cypro-Classical Aphrodite and Eros Figurine from Soloi (Cyprus) // *Anatolia*. 41. 2015. P. 77-108; *Kaba H.* Being Rich in Life and Death. Gold and Silver Finds from a 4th Century Tomb in Soloi // *In Northern Face of Cyprus. New Studies in Cypriot Archaeology and Art History* / ed. L. Summerer, H. Kaba. Istanbul: Ege Yayınları, 2016. P. 225-242.

Рис. 1. Статуя Афродиты из Сол

Рис. 2. Театр.

Рис. 3. Театр

Рис. 4. Театр

Рис. 5. Комплекс базилики под навесом

Рис. 6. Мозаика с лебедем

Рис. 7. Мозаичные полы базилики

Рис. 8. Северный притвор базилики с мозаичным полом

SOLI – ANTIQUE CITY IN NORTH-WEST CYPRUS**N.N. Bolgov** (Belgorod)

The paper provides the first in Russian historiography overview of the history, monuments and history of research of the city of Sola in the north-west of Cyprus. He continues the essays we published earlier on Paphos, Salamis and Amaphunte. One of its most important objects is the basilica of the 4th-6th centuries, where the Apostle Mark baptized the first bishop of the city, St. Auxibia. Excavations started by a Swedish expedition in 1927 have been continued by Turkish archaeologists since 2005.

Key words: Cyprus, Soly, city, excavations, antiquity, Christianity, Byzantium.

ГОРОДА МИРА (ЛИКИЯ) И САГАЛАСС (ПИСИДИЯ) В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ

**Е.П. Веретенникова,
А.Ю. Пашкова (Белгород)**

История регионов Малой Азии наполнена сложными политическими, социальными и экономическими процессами. Особое внимание в аспекте исторической регионалистики античного мира занимает ранневизантийский период в процессе развития таких регионов как Ликия и Писидия. Они схожи по своей истории, были одновременно завоёваны персами, Александром Македонским, римлянами. Упоминания о Ликии и Писидии встречаются в письменных источниках античной традиции. Археологические данные также позволяют получить информацию о политической, экономической и культурной жизни населения. В отечественной историографии на сегодняшний день нет работ, в которых регионы ранневизантийской Малой Азии (и вообще регионы Ранней Византии) сравнивались бы между собой как в целом, так и в частности. В статье рассматривается состояние и эволюция ликийского города Мира и писидийского Сагаласса в ранневизантийский период в контексте проблемы трансформации города и городского пространства в указанный период.

Ключевые слова: регион, Малая Азия, ранневизантийский период, Писидия, Ликия, Мира, Сагаласс.

Ликия представляла собой большой округлый по форме массив суши, который выступает из юго-западной части Малой Азии между рекой Инд на западе и заливом Памфилия на востоке. Это была компактная и изолированная территория размером около 130 км с запада на восток и около 65 км в глубину, общей площадью около 8500 кв. км. Весь регион изрезан массивными хребтами, достигающими пиков более 3000 м, и некоторых равнин и долин, в большинстве своем небольших, пригодных для проживания.

Это была страна городов: Иерокл в «Синекдеме» (VI век) перечисляет 34, и большинство из них засвидетельствованы и в более ранние эпохи. Ряд из них – Тельмесс, Ксанф, Патара, Мира, Лимира – располагались на некотором отдалении от берега; Олимп и Фаселида – на побережье; Тлос, Ариканда, Ойноанда – во внутренних районах. Все они оставались в ранневизантийское время большими (по региональным масштабам) и процветающими городами.

Ликия стала отдельной провинцией во времена Константина¹. Мира была гражданской и церковной столицей Ликии (она была сделана метрополией императором Феодосием II в 1-й пол. V в.)².

В целом Ликию можно разделить на 5 микрорегионов (Тельмесс, Ксанф, Антифелл, Мира, Фаселида), хотя иногда предлагаются и другие деления. Мира образует юго-восточный микрорегион. В этом микрорегионе можно выделить собственно Миру, ее аванпорт Андриаке и сельскую территорию внутренних горных районов.

¹ *Burrell B.* Neokoroi: Greek cities and Roman emperors. Leiden; Boston: Brill, 2004. P. 269.

² *Borchhardt J.* Myra: Eine lykische Metropole in antiker und byzantinische Zeit. B., 1975.

Мира. Микрорегион Миры предоставляет самые большие возможности в Ликии, если не во всей Малой Азии, для изучения города вместе с его территорией. Основным исследователем региона в мировой историографии является Клайв Фосс, посвятивший Ликии ряд работ¹, а также турецкие специалисты². В отечественной науке Ликия как византийский регион Малой Азии почти совершенно не изучена³, за небольшим исключением⁴.

В период Поздней античности этот регион процветал: его впечатляющий рост в VI веке – возможно, самый процветающий период за всю его историю – сменился резким упадком, а позже лишь частичным восстановлением. Археологические остатки показывают, что город и его округа здесь на протяжении всего периода развивались параллельно.

Традиция знает два случая, когда Мира получала благодеяние от императорского правительства. Император Маркиан (450–457) увеличил городскую стену по просьбе губернатора Артемона и префекта претория Палладия. Согласно легенде, император благосклонно относился к провинции, потому что, когда он был простым солдатом, направляясь в поход против персов, он заболел в Ликии, и за ним ухаживали Татиан и Юлий, внуки бывшего префекта претория Татиана (Theophan., AM 5943; Cedren., I.63; Zonar., XIII 24.5). Юстиниан стал вторым благодетелем города, когда он восстановил Миру в 529 г. после землетрясения.

Крутые горы обрамляют небольшую, но богатую аллювиальную равнину Миры. Город был основан у подножия одной из этих гор, на которой располагался его акрополь, почти в 5 км от моря и его порта Андриаке.

Сама Мира малоизвестна археологически, потому что большая часть древнего поселения занесена илом; из ее материальных остатков известна только одна большая церковь. Она была посвящена покровителю города святому Николаю Чудотворцу (270—345); построена Юстинианом в 529 г. после сильного землетрясения.

С 2000 г. в Мире и Андриаке ведутся активные археологические раскопки силами местных турецких археологов (Э. Акюрек, Н. Чевик).

¹ *Foss C. The Coast of Caria and Lycia in the Middle Ages // Fondation Européenne de la Science: Activité Byzantine: Rapports des Missions effectuées en 1983. P., 1983. Vol. 1. P. 212-255; Foss C. The Lycian Coast in the Byzantine Age // Id. Cities, Fortresses and Villages of Byzantine Asia Minor. Variorum, 1996. P. 1-62 (отд. пагинация); Foss C. Byzantine cities of western Asia Minor. Diss. Harvard Univ., 1972; Foss C., Winfield D. Byzantine Fortifications: An Introduction. Pretoria, 1986.*

² *Akyürek E. Andriake: The Port of Myra in Late Antiquity // Trade in Byzantium: Papers from the 3rd Intern. Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium / Ed. P. Magdalino, N. Neçipoglu. Istanbul, 2016. P. 465—486; Akyürek E. Myra: The City of St. Nicolas // De l'Orient à l'Occident: Le culte de St. Nicolas en Europe, du Xe au XXe s. / Ed. C. Guyon, C. Vincent, V. Gazeau. P., 2015. P. 21-37.*

³ *Виноградов А.Ю. Ликия // Православная энциклопедия. Т. 41. М., 2020. С. 60-65; Виноградов А.Ю. Миры Ликийские // Православная энциклопедия. Т. 45. М., 2021. С. 390-394.*

⁴ *Веретенникова Е.П. Мира Ликийская в ранневизантийское время // Византийский клуб. Альманах. 2021. Белгород, 2021. С. 183-188.*

В какой-то степени Житие св. Николая Мирликийского¹ позволяет компенсировать нехватку материальных остатков. В Житии упоминаются три здания в городе: собор, посвященный св. Ирине (или святому Миру – Ирине), дворец епископа и знаменитая сохранившаяся церковь св. Николая. Церковь, где он был похоронен и почитаем, находилась в ранневизантийское время за пределами города, с которой она была соединена дорогой с колоннами и портиками длиной в 1,5 км, вдоль которой стояли дома бедняков. Порттик и дома предположительно были построены тремя полководцами времен Константина, которых святой спас от казни. Сама церковь сохранилась до наших дней, хотя была сильно перестроена.

В целом Житие дает подробные сведения о топографии; упоминается ряд типичных общественных зданий, включая дворцы губернатора и епископа, соборную церковь св. Ирины, площадь Диоскуров, место (или квартал), называемое Львом, и церкви св. Каллиники и местных мучеников Крискента и Диоскорида. Описываются городские ворота и городская стена; сразу далее находилось место под названием Беррас, где казнили преступников. Вероятно, оно было расположено рядом с некрополем, который простирался за стены, по крайней мере, до церкви св. Николая. Публичный дом, в который бедный крестьянин был бы вынужден отправить своих дочерей, если бы святой не вмешался чудесным образом, мог находиться в городе или в порту.

Это неполное описание подразумевает, что у Миры был полный комплект общественных зданий, многие из которых были построены в период Поздней античности; однако по их материальным остаткам известно немного. Обширная эрозия в средние века и позже погребла равнину под несколькими метрами ила. Из римских построек до сих пор стоит античный театр, который, предположительно, продолжал функционировать и в Поздней античности.

Житие еще одного Николая – Сионского (Пинарского), игумена церкви святого Сиона (ум. в 564 г.)², дает удивительно яркое описание местных условий во времена Юстиниана, много подробностей о жизни города и округа, которые отождествляются с сохранившимися археологическими останками. В этом Житии рассказывается, что ужасная бубонная чума, пришедшая по морю из Египта, поразила Миру в 542 г. Сельские жители боялись приближаться к городу. Повествование раскрывает взаимозависимость города и страны: город получал необходимое сырье из деревень, а они, в свою очередь, получали прибыль от рынка, который предлагал город. Текст также показывает огромное значение святого человека: у Николая имелись силы, способные творить чудеса, а на более прозаическом уровне (по крайней мере, так думали официальные лица) – имелись возможности нарушить нормальную связь

¹ *Виноградов А.Ю.* Миры Ликийские // *Православная энциклопедия.* Т. 45. М., 2021. С. 390-394.

² *Архим. Антонин (Капустин).* Св. Николай, епископ Пинарский и архимандрит Сионский // *Труды Киевской духовной академии.* Т. 2, № 6. К., 1869. С. 445-497.

между городом и деревней. Эпидемия имела серьезные демографические последствия.

Ранневизантийская Мира процветала в невиданных ранее масштабах. Но расположение города на морском пути – источнике богатства в мирное время, принесло бедствия в Темные века, время непрекращающихся войн с арабами.

Использование споллий от древних стен может указывать на то, что в VII-VIII вв. центральная часть города была заброшена, и что Мира стала состоять из отдельно обнесенной стеной церкви и поселения на акрополе, где потребовались значительные перестроения. Большая древняя крепость на крутой вершине холма над театром была использована по-новому и значительно расширилась за счет стен из регулярно добываемых споллий. В этой крепости могло находиться главное средневековое поселение Миры, в то время как большая паломническая церковь на равнине внизу была удостоена отдельного укрепления. Подобная ситуация находит параллели в Эфесе, Анкире и других местах¹. Однако, мало что известно о центральной части города, здания которой в основном были занесены илом.

Таким образом, Мира в Темные века была коренным образом преобразована – из мегаполиса с большими общественными зданиями, простиравшимися над равниной, с еще одним крупным поселением в гавани, до трех отдельных небольших укрепленных центров на акрополе, у церкви и в порту.

Округа (внутренняя территория) Миры простиралась примерно на 15 км к западу вдоль высокого хребта, обращенного к побережью вплоть до территории Кианей около Тристомона.

Самые яркие свидетельства интенсивной жизни дает внутренняя территория, которая простиралась вверх по реке Мир на 20 км до Дервагзы и на север на таком же расстоянии до Кагмана (позднеантичной Плакомы). Это была горная местность с монастырем св. Сион в центре, в районе деревни Трагаласс. Этот регион был хорошо изучен, здесь было обнаружено 14 поселений, 8 из которых можно идентифицировать с местами, упомянутыми в Житии св. Николая Сионского (Пинарского).

В целом, из ближайших внутренних районов Миры, изолированных долин среди скалистых известняковых гор в радиусе около 15 км от города, происходят необычайно ценные свидетельства продолжения жизни и происходивших трансформаций. В этом районе сохранились остатки многочисленных церквей и монастырей, часто великолепно украшенных, а также целые деревни.

Итак, на основании совокупности имеющихся источников можно сделать вывод о том, что Мира была процветающим городом со значительным населением. Она имела обычный набор общественных зданий и поддерживала активную жизнь позднеантичного полиса. Она привлекала людей со всего региона по церковным или официальным делам. Посетители также приходили на поклонение к св. Николаю; паломники и празднества также оказывали

¹ *Foss C., Winfield D. Byzantine Fortifications: An Introduction. Pretoria, 1986.*

влияние на местную экономику. Наконец, Мира была основным связующим звеном между внутренней Ликией и внешним миром.

Мира была не просто городом и портом, но и большой территорией, состоящей из трех отдельных частей: непосредственной равнины города, участка побережья на западе и большого внутреннего района гор, долин и небольших изолированных равнин. В каждом из них, особенно в третьем, сохранились материальные остатки, свидетельствующие о значительной активности в Поздней античности. Свидетельства после VI в. неоднозначны, демонстрируя сохранение богатства в одних областях, но предполагающие начало фундаментальных изменений в других.

Остатки Миры и ее территории показывают, что город и деревня процветали вместе, причем наибольшая активность приходилась на VI век. Порты процветали лишь в связи с деревнями во внутренних районах. Все они были связаны дорогами и взаимной потребностью. Обширная сеть взаимосвязей и взаимозависимостей процветала, особенно в VI в. Пока работал весь механизм, части могли получать пользу от функционирования целого. Однако когда механизм взаимодействия сломался, вся ситуация изменилась и для города, и для побережья, и для внутренних районов¹.

Писидия представляет собой один из своеобразных регионов античной Малой Азии в южной ее части². С природно-географической точки зрения Писидия представляла собой суровую гористую область у западных отрогов Тавра с отдельными плато и равниной на севере. Писидия была регионом гор, глубоко врезаемых речных долин и плоских аллювиальных высокогорных равнин, ограниченных на юго-западе Ликией, на юге – Памфилией³, на востоке – Исаврией и Ликаонией⁴, на севере – Фригией.

Сагаласс до образования провинции Писидия в конце III в. имел неформальный статус «первого города Писидии» (отдельной провинции тогда не было). Но и позднеантичный Сагаласс оставался важнейшим городом вновь образованной провинции и центром исторической области (формальной столицей стала Антиохия Писидийская⁵). Он располагался на двух террасах – Верхнем и Нижнем плато, уходящем в глубокое ущелье.

IV-VI века представляли собой период роста сельской территории Сагаласса. Количество и размер деревень увеличились в результате

¹ Foss C. The Lycian Coast in the Byzantine Age // *Id. Cities, Fortresses and Villages of Byzantine Asia Minor. Variorum*, 1996. P. 1-62 (отд. пагинация).

² Болгов Н.Н. Писидия как регион римско-ранневизантийской Малой Азии // LAUREA III: Античний світ та Середні віки. Читання пам'яті професора Володимира Івановича Кадєєва. Харків, 2021. С. 98-102.

³ Вознесенский А., Гусев Ф. Житие и чудеса святителя Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского, и слава его в России. СПб., 1899 (1994).

⁴ Ramsay W.M. Pisidia and the Lycaonian Frontier // *Annual of the British School at Athens*. XI. 1902-1903. P. 243-283.

⁵ Ramsay W.M. Colonia Caesarea (Pisidian Antioch) in the Augustan age // *Journal of Roman Studies*. Vol. 6. 1916. P. 83-134.

интенсификации сельского хозяйства и более специализированного ремесленного и сельскохозяйственного ландшафта, что, возможно, отражает рост сельской демографии. В ранневизантийский период произошел некоторый рост сельского населения¹.

В Сагалассе с середины IV в. производился особый тип керамики – Sagalassos Red Slip Ware, часть Late Roman D.

Оживление исавров и возобновление разбойничьих набегов к концу IV в. сделало ситуацию здесь беспокойной и привлекло внимание центральных властей. Иоанн Златоуст, возможно, несколько преувеличивает, когда очень часто пишет в своих письмах о беспокойстве со стороны исавров на всем пространстве Малой Азии. Особенно известен эпизод с деятельностью разбойника Лидия (в описании Зосима), который сделал своей базой Кремну. Кроме того, поблизости, в Сельге, происходили события, связанные с восстанием Трибигильда (Zos., I, 69). Оба города расположены в Писидии достаточно близко от Сагаласса.

Город пережил одну из самых ярких эпох в начале V в., когда в нем была возведена Большая базилика. В начале V в. были построены новые городские стены. В городе и его округе обнаружено 8 церквей середины V – середины VI вв.

В течение 1-й половины VI в. многие здания по всему городу были почти полностью перестроены, что повлияло на городскую инфраструктуру. Дата и характер этих перестроений предполагают ремонт после какого-то катастрофического события, скорее всего, землетрясения, которое вызвало обширные работы вскоре после 500 г.

Несмотря на изменения в функциях некоторых районов, город середины VI в. все еще занимал то же городское пространство, что и во времена ранней империи.

С конца VI в. Сагаласс стал терять четко выраженный городской характер². Портики вокруг агоры были разделены на более мелкие сегменты с закусочными и мастерскими. Исчезали городские удобства, например, латрины и термы превращались в места сбора навоза. Большой городской особняк в восточном жилом квартале был разделен на несколько частей, в одной из которых, возможно, располагалась гостиница.

К концу VI в. краснолаковая керамика перестала производиться в мастерских городского квартала гончаров; производство местной посуды было перенесено, возможно, в ближнюю деревню.

Землетрясение, которое практически уничтожило Сагаласс как город, произошло в начале VII в. или вскоре после. Об этом свидетельствуют необратимые изменения в характере организации городской жизни. В конце VI и VII вв. утилизация отходов больше не организовывалась на

¹ Poblome J., Talloen P., Kaptijn E. *Sagalassos // The Archaeology of Byzantine Anatolia. From the End of Late Antiquity until the Coming of the Turks* / Ed. Ph. Niewöhner. Oxford, 2017. P. 302-311.

² Ibid.

муниципальном уровне. Бассейны некоторых нимфейонов, коридоры и сцена бывшего Одеона, заброшенные лавки у Нижней Агоры и Колонной улицы стали свалками для отходов. Части территории Мацеллума использовались до начала VII в. в том числе как мастерские. С середины VI в. северная часть территории рынка использовалась как свалка.

Системы водоснабжения и канализации также пришли в упадок и негодность. В VII в. раннесредневековая община, жившая уже в значительной мере среди руин, тем не менее могла быть более многочисленной и лучше организованной, чем предполагалось ранее, несмотря на то, что ее материальная культура была значительно хуже по сравнению с предыдущей эпохой.

Сагаласс, по всей видимости, существовал как кастрон, оборонительный и административный форпост фемы. В кастроне находилась кафедра епископа, который, возможно, координировал строительство укреплений и другие жизненно важные вопросы¹.

Таким образом, Мира и Сагаласс, представляющие собой наиболее репрезентативные центры своих исторических областей, в целом проделали сходный путь трансформации городского пространства ранневизантийского времени.

Среди наиболее сходных черт можно выделить то, что в ранневизантийский период происходит переход от монументального строительства к более простой, но многолюдной планировке.

Строительство христианских церквей и Мире и Салагассе в IV-VI вв. занимает особое место. При строительстве возводились новые большие стены, использовалась мозаичная плитка.

Главным показателем утверждения христианства на территорию Малой Азии является то, что строятся монастыри.

В городах в это время строились резиденции императоров, епископов, губернаторов.

Здания, которые не использовались в общественных целях, постепенно приходят в запустение (гимназии и театры). На улицах теперь не стоят статуи.

Существовали особые взаимоотношения между деревней и городом, на которые оказала влияние торговля. Сохраняются товарно-денежные отношения. Деревня являлась поставщиком сырья, а города выступали в качестве выгодных рынков сбыта. В городах всё свободное пространство занимают частные здания (рынки, мастерские, лавки).

Вместе с тем, отмечаются и определенные различия, среди которых главные заключаются в том, что Ликия развивалась за счёт сохранения внутренней и внешней торговли, а Писидия в силу природно-климатических

¹ *Waelkens M. et al. The late antique city in Southwest Anatolia. Sagalassos and its territory: a case study // Die Spätantike Stadt – Niedergang oder Wandel? Stuttgart, 2006. P. 199-255.*

условий являлась страной с развитой специализацией: на данной территории производилась своя керамика, развивалось сельское хозяйство.

Салагасс в целом оставался менее разносторонним городом по сравнению с приморской Мирой, а из-за постоянных землетрясений он был частично разрушен.

CITIES OF THE MYRA (LYCIA) AND SAGALASS (PISIDIA) IN EARLY BYZANTINE TIMES

**E.P. Veretennikova,
A.Yu. Pashkova (Belgorod)**

The history of the regions of Asia Minor is filled with complex political, social and economic processes. Particular attention in the aspect of the historical regionalism of the ancient world is occupied by the early Byzantine period in the process of development of such regions as Lycia and Pisidia. They are similar in their history, they were simultaneously conquered by the Persians, Alexander the Great, the Romans. Mentions of Lycia and Pisidia are found in written sources of ancient tradition. Archaeological data also provide information about the political, economic and cultural life of the population. To date, there are no works in Russian historiography in which the regions of early Byzantine Asia Minor (and the regions of Early Byzantium in general) would be compared with each other both in general and in particular. The article discusses the state and evolution of the Lycian city of Myra and Pisidian Sagalassa in the early Byzantine period in the context of the problem of transformation of the city and urban space in this period.

Key words: region, Asia Minor, early Byzantine period, Pisidia, Lycia, Myra, Sagalass.

РОЛЬ КИЛИКИИ В ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ МОРСКОЙ ТОРГОВЛЕ

Д.В. Лобынцев (Белгород)

Прибрежные поселения Равнинной и Суровой (Горной) Киликии (*Cilicia Pedias* и *Cilicia Trachea*) в период IV–VII веков продолжали своё функционирование, однако комплексное исследование активности их портовых сооружений и активности в морской торговле в данный период почти не было предметом внимания специалистов. Для изучения данного вопроса был проведён анализ археологических исследований данных городов, а также близлежащих к ним поселений. Вкупе с изучением письменной традиции и эпиграфических источников предпринята попытка описать процесс товарообмена между Киликией и другими регионами в данный период. Анализ привозной керамики, припортового сельскохозяйственного производства, деятельности гаваней городов свидетельствуют о крайне важной роли Киликии как торгового агента в Средиземноморье в условиях трансформации позднеантичной (ранневизантийской) экономики.

Ключевые слова: Киликия, морская торговля, гавани, керамика, подводная археология, Поздняя античность, Византия.

В контексте исследования ранневизантийской торговли историки традиционно говорят о роли товарообмена с Персией, о сиро-палестинских торговых маршрутах, о выходе ромейских торговцев в бассейн Красного моря через Египет и т.д. Меньшее внимание уделяется роли отдельных регионов в торговых процессах IV – 1-й пол. VII вв.

Между тем, анализ положения в них довольно показателен и интересен, в частности, в Киликии. Она, наряду с Кипром, находилась в положении транзитного региона между Малой Азией, с одной стороны, и Сирией и Месопотамией, с другой. В то же время, она традиционно играла особую роль в морских коммуникациях – достаточно вспомнить известия о киликийских пиратах (*Amm. Marc.*, XIV, 8, 4) или о масштабном наборе в VI в. киликийских моряков для византийского флота (*Procop.*, *De bello vandalico*, I. 9, 14).

Для более подробного анализа данного вопроса стоит оценить активность морских портов Киликии в IV–VII вв., установить направления торговли и связей с различными областями Средиземноморья, а также выяснить основные статьи товарообмена, динамику торгового баланса и его корреляцию с общей картиной позднеантичного (ранневизантийского) континуитета в экономике.

Довольно большое число морских портов и в позднеантичный, и в более ранний периоды располагалось в восточной части киликийского берега, в частности, в Иссском заливе (совр. Искендерун). В северной его оконечности была расположена гавань Бурназ, бывшая, помимо прочего, дорожной станцией (*mansio*) южнее Епифании Киликийской¹. Как отмечает Дж. Тобин, гавань могла обслуживать Епифанию и окрестные поселения, в т.ч. в позднеантичный период. Среди построек, стилистически соответствующих периоду IV–VI вв., по мнению исследовательницы, наличествуют

¹ *Tobin J.* The City in the Sand Dunes: A Survey of a Roman Port Facility in Cilicia // *Arastirma Sonuclari Toplantasi.* 1995. Vol. 13, No. 2. P. 155.

припортовые складские помещения¹. Состав и датировка керамики близлежащих поселений и гавани говорят о том, что поселение действовало в течение большей части I тыс. н.э., причём к позднеантичному периоду относится большая часть керамики².

Значимым портовым селением в заливе являлись, по-видимому, Эги (Айас), оставшиеся и в IV–V вв. крупной якорной стоянкой, каковой были в нач. I в. (Strab., XIV, 5, 18). Можно предполагать, что активно ведома в Эгах в VI в. ежегодная ярмарочная торговля (Theodos., Sit. terr. sanct., 85) привлекала и купцов-мореплавателей. Тем не менее, сведений о мощности и организации данного порта нет. Напротив Эг, близ восточной оконечности залива, располагалась Александрия-на-Иссе³, также упомянутая у Феодосия, однако её роль в морской торговле в ранневизантийский период, как отмечает Ф. Тюлек, была невелика⁴.

В одном из житий «Луга духовного» Иоанна Мосха упоминается некая гавань «Малый мыс» (Λεπτή ἄκρη), расположенная в 24 милях от некоего монастыря, стоящего «между прибрежной Селевкией (Селевкия Пиерия, порт Антиохии-на-Оронте. – Прим. авт.) и Россом Киликийским» (Ioan. Mosch., Prat. spirit.; 80, 84). Примечательно известие о некоем корабельщике, который при помощи 300 рабочих пытался спустить на воду корабль грузоподъемностью в три тысячи модиев (около 40 тонн, если принимать модий равным 13 кг⁵). Очевидно, в VI–VII вв. порт функционировал, однако из-за отсутствия иных упоминаний в источниках установить, на каком участке побережья располагалась эта гавань, трудно. Наличие столь мощных кораблей и портов, способных их обслуживать, также соотносится с высокой интенсивностью торговли в регионе.

В качестве прибрежного порта в Itinerarium Antonini Augusti упоминается и поселение (mansio, т.е. подорожная станция) Катаболон (Catabolo/Catavolo)⁶, идентифицируемая Дж. Тобин и Ф. Тюлек как курган Мутталип в северной оконечности залива Искендерун, рядом с которым в I-й пол. IV в. действовало поселение⁷. На наш взгляд, Катаболо также можно

¹ Ibid. P. 153–154.

² Özgen İ. Report on the Bilkent University Archaeological Survey in Cilicia and the Northern Hatay: August 1991 // Araştırma Sonuçları Toplantısı. 1992. Vol. 10. P. 389–390.

³ Hild F. Tabula Imperii Byzantini, Band 5: Kilikien und Isaurien. Vienna, 1990. S. 170–171.

⁴ Tülek F. Northeastern Harbors of The Mediterranean Sea on The Cilician Coast and Gulf of Issıkos // Ankara Üniversitesi Dil Ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Arkeoloji Bölümü Dergisi. Ankara, 2019. P. 419.

⁵ Пугулевская Н.В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком. М.–Л., 1951. С. 62.

⁶ Cuntz O. Itineraria Romana. Band 1: Itineraria Antonini Augusti et Burdigalense. Accedit Tabula Geographica. Leipzig, 1929. P. 21, 93.

⁷ См.: Tülek F. Northeastern Harbors... P. 418; Interaction of the Deli Halil Settlement with the Settlements in Issos Plain // The Proceedings of The International Symposium On The Archeology of Hatay and Its Vicinity Through The Ages 21–24 May 2013 Antakya. Antakya, 2014. P. 192; Tobin J. The City in the Sand Dunes ... P. 151.

отождествлять с Кастабалой-Гиераполом, небольшим киликийским городом, расположенным вблизи р. Пирам (Джейхан) севернее нынешнего г. Османие¹. Не исключено, что Кастабала имела речную гавань, из которой товары, произведенные в восточной Киликии, сплавливались ниже по реке для морской торговли.

В центральной части киликийского побережья важную роль в качестве морского порта играл Помпейополь (Солы), находившийся в нескольких десятках миль к юго-западу от Тарса – киликийской метрополии. Раскопки Помпейополя в 2009 г. выявили места производства сосудов, действовавшие в нач. V – нач. VII в. близ гавани², а археологическая разведка, проведенная в 2017 г., выявила наличие в культурном слое гаванного мола фрагментов амфор LRA1b местного производства, датированных V–VI вв.³ Т.к. тип амфор LR1 был широко распространен в Средиземноморье в IV–VII вв., есть основания считать, что вплоть до гибели от землетрясения в 520-х гг.⁴ масштабные морские сооружения Помпейополя использовались для осуществления торговли и поддерживались в должном состоянии.

Южнее Помпейополя, на 15-километровой полосе севернее дельты р. Каликадн (Гёксу), располагались два крупных порта – Элевсия Себаста и Корасий. Археологические исследования, а также анализ грунта в окрестностях Себасты, проведенные в 1998–2015 гг., показывают наличие северного и южного портов, активных в ранневизантийский период. Северная гавань примерно в IV в. перестала обслуживаться и была заброшена⁵, но торговая активность Себасты, которая будет оценена ниже, в V–VII вв. оставалась высокой.

Менее изучена морская торговля в Корасии. Расширение гавани в IV в. и высокая сельскохозяйственная активность близлежащих поселений в среднеимперский период, по мнению Х. Хелленкемпера и Ф. Хильда, свидетельствуют о том, что порт Корасия мог осуществлять экспорт сельскохозяйственной продукции⁶. О функционировании порта в ранневизантийский период свидетельствует наличие крупного склада близ гавани⁷, но её детальное исследование пока не проведено.

Наконец, нельзя не упомянуть о порте западного побережья Суровой Киликии – Антиохии-на-Краге. На вопрос о том, как в IV–VII вв.

¹ *Hild F.* Tabula Imperii Byzantini... S. 293.

² *Yağcı R.* Excavations at Soli/Pompeïopolis in 2010 // ANMED Anadolu Akdenizi Arkeoloji Haberleri. 2011. Vol. 9. P. 115.

³ *Öniz H.* Harbour of Soli-Pompeïopolis: recent underwater archaeological research // International Journal of Nautical Archaeology. 2018. Vol. 47. No. 2. P. 4.

⁴ *Yağcı R.* Soli-Pompeïopolis Kazıları // Kazı Sonuçları Toplantısı. Vol. 29. No. 3. Ankara, 2008. P. 149.

⁵ *Melis R.* Late Holocene palaeoenvironmental evolution of the northern harbour at the Elaiussa Sebaste archaeological site (south-eastern Turkey): evidence from core ELA6 // Turkish Journal of Earth Sciences. 2015. Vol. 24. P. 566–568, 580–581.

⁶ *Hild F.* Tabula Imperii Byzantini... S. 312.

⁷ *Cubas Díaz J.C.* Korasion: Eine unsichtbar gewordene kilikische Kleinstadt // OLBA. 2020. Vol. 28. P. 355, 364–365.

функционировала её гавань, существовавшая в ещё в эпоху ранней Римской империи, пока нельзя ответить. Тем не менее, результаты изучения её окрестностей, о которых будет сказано ниже, демонстрируют доказательства того, что Антиохия была одним из ключевых морских портов Киликии.

Анализ активности морских портов в IV–VII вв. ограничен несколькими факторами. Некоторые приморские поселения, такие как Росс, Зефирий, Селинунт, Келендерис, Корик, Афродисиада¹ и др., существовали в это время, будучи в I–III вв. крупными портами. Тем не менее, охарактеризовать их роль в морской торговле в Восточном Средиземноморье трудно, т.к. археологические исследования побережий этих поселений по разным причинам ещё не проводились. Геоморфологические исследования берега и речных русел Киликии свидетельствуют об осушении в течение долгого времени части литорали и заполнении её аллювиальными отложениями из рек Киликии на достаточно большие расстояния. Также в течение I–II тыс. расширились русла рек, а дельты их оказались затоплены². Это осложняет поиск и идентификацию прибрежных поселений и их портовых структур.

Рис. 1. Карта киликийских торговых портов IV–VII вв.

¹ *Tülek F.* Northeastern Harbors... P. 414–418; *Zoroğlu L.* Kelenderis I. Kaynaklar, kalıntılar, buluntular. Ankara, 1994. 83 s.; *Vann L.R.* A Survey of Ancient Harbors in Rough Cilicia: The 1995 Season at Korykos // Araştırma sonuçları toplantısı. Vol. 14. Ankara, 1996. P. 266.

² См.: *Doyuran V.* Erzin ve Dört Yol ovalarının jeolojik ve hidrojeolojik özellikleri // Türkiye Jeoloji Kurumu Bülteni. 1982. Vol. 25. S. 156; *Dusar B.* Holocene environmental change and its impact on sediment Dynamics in the Eastern Mediterranean // Earth-Science Reviews. 2011. Vol. 108. P. 150–153.

География торговых контактов Киликии может быть описана с помощью различных находок, в первую очередь – керамики, пришедшей в Киликию или вывезенной из неё. Так, в поздних культурных слоях гавани Бурназ и близлежащих селений (в частности, в Дели-Халил) были найдены фрагменты сосудов кипрского производства¹, североафриканская спатя (емкость для рыбного соуса гарум) и фрагменты африканской (ARS, до шестой части от общего числа позднеантичных фрагментов²) и фокейской (PRS/LRC) краснолаковой посуды, датируемые V–VI вв.³ Хотя спатю можно считать спорадической находкой, прочие артефакты довольно убедительно говорят о морских связях данного памятника с малоазийским и североафриканским побережьями. Также фрагменты сосудов PRS были обнаружены в Анемурии⁴. На наличие гипотетических связей Киликии с западным побережьем Малой Азии указала Х. Диаманти⁵, описавшая наличие амфор типа LRA в поселении Галасарна на о. Кос.

В числе находок Себасты и Антиохии-на-Краге можно обнаружить красноглиняные амфоры типа C Snp I и C Snp III, относимые к производству в IV–V вв. в городах Вифинии и Пафлагонии – Синопе, Гераклее и Амастре, а также распространённые в поселениях черноморского и восточно-средиземноморского бассейнов. Оценка форм и материалов амфор позволяет говорить о сходстве форм сосудов C Snp с киликийскими сосудами LR1⁶ и о наличии связей и товарообмена между городами южного Причерноморья и восточного Средиземноморья.

В гавани Антиохии-на-Краге было найдено множество фрагментов типичных амфор Zemer 41, которые, по мнению Э. Додда, экспортировались из Киликии, о чём свидетельствует наличие в окрестностях Антиохии множества печей для обжига, а также прессов неясного назначения. Подобные сосуды также были найдены в поселениях Кипра, Палестины, Египта, в Афинах и Коринфе и т.д.⁷

Подспорьем в выявлении торговых контактов позднеантичной Киликии может стать обширный эпиграфический материал некрополей прибрежных городов. Так, Э. Борджиа указывает на наличие в корпусе надписей из Корикиа и Корасия упоминания о переселенцах с малоазийского

¹ *Tülek F.* Late Roman Ceramics of the Deli Halil Settlement in the East Cilicia // KERAMOS: Ceramics a Cultural Approach. Proceedings of the First International Conference at Ege University 9–13 May 2011. Vol.1. Izmir, 2011. P. 241.

² *Tülek F.* Northeastern Harbors... P. 419–420.

³ *Tülek F.* Interaction of the Deli Halil... P. 195–196.

⁴ *Williams C.* Anemurium: Roman and Early Byzantine Pottery // *Subsidia Mediaevalia*. Vol. 16. Toronto, 1989. P. 44.

⁵ *Diamanti C.* Stamped Late Roman/Proto-Byzantine Amphoras production from Halasarna of Kos // *Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta*. 2010. Vol. 41. P. 3–4.

⁶ *Kızırlanoglu A.* The Relation of the Black Sea Region with Cilicia in Late Antique Period in the Light of the Elaiussa Sebaste Amphorae // *OLBA*. 2022. Vol. 30. P. 161–164.

⁷ *Dodd E.K.* Roman and Late Antique Wine Production in the Eastern Mediterranean: A Comparative Archaeological Study at Antiochia ad Cragum (Turkey) and Delos (Greece). Oxford, 2020. P. 48.

побережья и из Сирии¹, но однозначно говорить о пришлых купцах, захороненных здесь, нельзя. Изучение ономастики и захоронений, будучи сопряжённым с анализом транзита товаров через местные порты, может уточнить, какие области Малой Азии имели с Киликией более тесные связи. Некоторой репрезентативностью может обладать и анализ монетного обращения IV–VII вв. в портах.

Значимость Киликии в морской торговле ранневизантийского периода также отражается в круге ввозимых и вывозимых товаров. В первую очередь, киликийские поселения торговали керамикой собственного производства. Несмотря на дискуссии об изготовлении в данном регионе амфор LR1, есть убедительные доказательства их импорта именно из Киликии. На участке побережья близ р. Каликадн найдены многочисленные производственные районы (в т.ч. и восточный район и порт Себасты), производившие амфоры данного типа². В культурном слое Себасты фрагменты LRA1 занимают до 90%, причём многие из них были обнаружены при подводных исследованиях прибрежной линии Себасты³. Фрагменты LRA1, относимые к IV–VII вв., также обнаружены в культурном слое Антиохии-на-Краге⁴.

Весьма убедительным аргументом в пользу экспорта амфор типа LR1 может свидетельствовать исследование прибрежной линии Суровой Киликии, проведённое Х. Ёнизом. Многие из сосудов были найдены на широкой площади морского дна близ Антиохии, Келендериса и Афродисиады, причём у последней – в особо большом числе⁵. И, если о статусе Келендериса мы всё равно не можем судить столь чётко, то функционирование афродисийского порта едва ли стоит подвергать сомнению.

По мнению А. Феррацони и М. Риччи, амфоры LR1, вывозимые в различные районы Средиземноморья, использовались для хранения произведённого в прилегающих областях вина, а в дополнительном назначении – для оливкового масла⁶. Эта мысль подтверждается упоминанием о Киликии как о земле, «производящей много вина на радость другим провинциям» (Exp. tot. Mundi, XXXIX), в географическом трактате, составленном в середине IV в.

В гавани Бурназ и окрестных поселениях исследователями обнаружен масштабный комплекс нежилых построек, предназначенных для закрытого долговременного хранения жидкостей и, возможно, оливкового масла⁷. В пользу производства масла и вина на продажу говорит множество давящих

¹ *Borgia E.* Cilicia as a Multicultural Region: Indigenous and Foreign People in Roman and Byzantine Inscriptions // *Mitteilungen zur Spätantiken Archäologie und Byzantinischen Kunstgeschichte.* 2020. Vol. 7. P. 68–69.

² *Burrigato F.* Late Roman 1 amphora types produced at Elaiussa Sebaste // *LRCW 2.* Vol. 2. Oxford, 2007. P. 689–690.

³ *Öniz H.* Amphorae in the Eastern Mediterranean. P. 17–18.

⁴ *Dodd E.K.* Roman and Late Antique Wine... P. 52–53.

⁵ *Öniz H.* Amphorae in... P. 25–27.

⁶ *Burrigato F.* Late Roman 1 amphora... P. 690.

⁷ *Tülek F.* Interaction of the Deli Halil... P. 194–196.

прессов, функционировавших в позднеантичный период, обнаруженных в прибрежных поселениях Киликии. Значительная доля таких построек располагалась близ Корики, Корасия и Себасты¹ в долинах рек.

Вопрос о позднеантичном производстве вина в Антиохии-на-Краге и крайней западной части Суровой Киликии досконально изучен в монографии Э. Додда. Он отмечает наличие в гавани Антиохии сосудов со слоем смолы внутри – характерным признаком тары для вина². Сочетая этот факт с упомянутым тезисом о производстве и распространении характерных амфор, он также приходит к выводу об экспорте вина из города. Согласно датировке Додда, производство вина в области Антиохии-ад-Крагум находилось на своём пике около IV в. и длилось вплоть до VI–VII вв.³

В свою очередь, отметим, что виноделие в Киликии в VII в. могло прийти в упадок вследствие арабских завоеваний, продолжавшейся эпидемии чумы и общего демографического кризиса. Эти процессы не только разорили производящие области региона, но и уменьшили спрос на вино, устранив устоявшиеся цепочки товарообмена и резко снизив число его потребителей.

Одним из интереснейших источников в контексте данного вопроса может служить т.н. Абидосский тариф, датируемый 2-й пол. V в.⁴ Этот текст, регулировавший морскую торговлю, проходящую через Константинополь, указывает на снижение тарифов для киликийских шкиперов (*ναύκληροι*): виноторговцы избавляются от пошлин; пошлины на транспортировку масла, бобовых растений и животного жира снижаются вдвое; чуть более, чем вдвое, для киликийцев были снижены налоги на провоз зерна⁵. Стоит думать, что бобовые продукты и жир также производились в Киликии в данное время.

Введение льгот (принятых, очевидно, для поддержки киликийского земледелия) можно объяснить и ростом потребностей Восточной Империи в данных продуктах, и упадком традиционных хозяйственных регионов – Южной Италии и Северной Африки, разграбленных в описываемое время. Кроме того, тариф позволяет говорить о формировании в конце V – нач. VI вв. торговых связей Киликии с Константинополем и Причерноморьем, что согласуется с распространением здесь синопских и амастрийских амфор.

В числе вывозимых товаров, наконец, нужно назвать шерсть и изделия из неё: стоит вспомнить о производстве в Киликии тканей (*Sid. Apoll.*, Ep. II, 5), известных в Западной Империи во 2-й пол. V в., и одежды (*Ioan. Mosch.*, *Prat. spirit.*; 51) из козьей шерсти. У Аммиана Марцеллина упомянуто наличие в Киликии во 2-й пол. IV в. шерстобитного ремесла (*Amm. Marc.*, XXIII, 11, 4).

¹ *Aydinoglu U.* Olive Oil Production in Rough Cilicia: Production Installations-Settlement Patterns-Dating // *Olive Oil and Wine Production in Anatolia During Antiquity Symposium Proceedings.* Istanbul, 2010. P. 6–7; *The Farms in Rough Cilicia in the Roman and Early Byzantine Periods* // ADALYA. 2010. Vol. 13. P. 245–249.

² *Dodd E.K.* Roman and Late Antique Wine... P. 48–49.

³ *Ibid.* P. 50–51.

⁴ *Guillou A.* Le tarif d'Abydos (vers 492) // *Bulletin de correspondance hellénique.* 1984. Vol. 108, No. 1. P. 586.

⁵ *Ibid.* P. 583–584.

Направления вывоза шерсти, как и древесины или местных киликийских растений, которые также могли экспортироваться из Киликии¹, по естественным причинам не могут быть установлены на археологическом материале. Мало внимания уделено ввозу и вывозу стекла, хотя находки в Себасте, описанные Ч. Дженклером, показывают, что гипотетически киликийское стекло могло экспортироваться в Северную Африку и на Кипр².

Среди ввозимой в Киликию непищевой керамики выделяются глиняные унгентарии – сосуды для хранения ароматических масел (в т.ч. ладана или мирры) и парфюмерии. Произведённые, видимо, в Палестине, они дошли до Анемурия, Себасты и Афродисиады³. Также из районов Палестины, Сирии и Кипра ввозились светильники, произведённые в VI – нач. VII вв., о чём свидетельствуют находки ламп в Анемурии и некрополе близ Тарса.⁴

Итак, в позднеантичный период порты Киликии имели тесные торговые связи с различными частями Средиземноморья, в особенности – с западным и северо-западным побережьем Малой Азии, с Северной Африкой и Кипром. Преимущественно они были расположены близ Тарса и долины Гёксу, а также по берегам Иссского залива, т.е. в областях, где в IV–VI вв. сельское хозяйство и производство керамики были крайне интенсивны.

Примеры поселенческих комплексов гавани Бурназ, поселений близ Себасты и Антиохии-на-Краге позволяют судить о механике прибрежного товарообмена вплоть до начала VII в. С внутренней стороны материковые селения Киликии, производившие продукты средиземноморской триады и шерстяные изделия, связывались с прибрежными портами, осуществлявшими импорт товаров внутри средиземноморского бассейна. С внешней стороны в Киликию поступали товары с восточно-средиземноморского побережья – африканская, малоазийская и греческая керамика (в основном посудная), а также такие престижные товары, как ароматические масла и, возможно, гарум.

Состав керамических находок, а также законодательные поощрения вывоза товаров из Киликии говорят о её активном торговом балансе, о росте производства вывозимой растительной продукции и керамики. Одновременно с этим, в силу разных причин (кризиса поздней Империи, стихийных бедствий и др.) число действующих в регионе портов снизилось. Следует согласиться с Г. Элтоном в том, что причиной тому могло стать разорение в V в. Северной Африки и Италии, которые обеспечивали большую долю ввоза растительных продуктов⁵. Итогом тому стало «импортозамещение» привозных зерновых культур и животных продуктов восточными – в частности, киликийскими. В

¹ *Hugh E.* The economy of Cilicia in late Antiquity // OLBA. 2003. Vol. 8. P. 176.

² *Gencler C.* The Roman Glass Finds from Elaiussa Sebaste // OLBA. 2011. Vol. 19. P. 250, 253.

³ *Laflı E.* A brief note about the studies of late antique-early Byzantine terracotta unguentaria from Cilicia and Pisidia (southwestern Turkey) // *Orient-Express. Notes et nouvelles d'archéologie orientale.* 2002. Vol. 1. P. 23.

⁴ *Laflı E.* Early Byzantine lamps from Alata: A cemetery site in Rough Cilicia (southern Turkey) // *Monographies Instrumentum.* Vol. 30. Montagnac, 2005. P. 195–200.

⁵ *Hugh E.* The economy of Cilicia... P. 178–179.

таком случае рост производства в регионе амфор LR1 с целью вывоза этих продуктов за пределы Киликии вполне оправдан. Благодаря этому позднеантичный кризис стал для неё скорее шансом на восстановление и процветание, нежели испытанием.

THE ROLE OF CILICIA IN THE MARITIME TRADE IN LATE ANTIQUITY

D.V. Lobyntsev (Belgorod)

The coastal settlements of Plain and Rough Cilicia (Cilicia Pedias and Cilicia Trachea) continued to function in the period 4th to 7th centuries, however, a comprehensive study of the activity of their port facilities and activity in maritime trade in this period almost did not become the subject of attention of specialists. To study this issue, an analysis of the archaeological research of these cities, as well as the settlements nearby to them, was conducted. Together with the study of the written tradition and epigraphic sources, an attempt was made to describe the process of trade between Cilicia and other regions in this period. An analysis of imported ceramics, portside agricultural production, and the activities of city harbours testify to the extremely significant role of Cilicia as a trading agent in the Mediterranean in the context of the transformation of the Late Antique (Early Byzantine) economy.

Keywords: Cilicia, maritime trade, harbors, pottery, underwater archaeology, the Late Antiquity.

ПОЛИТИКА ПАТРИАРХА ДИОСКОРА В КОНТЕКСТЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ МОНОФИЗИТОВ

В.А. Лихошерстов (Белгород)

Политика Диоскора, оправданная общей политикой александрийских патриархов в отношении церковного первенства стала ключевой в появлении нового религиозного движения. Благодаря действиям Диоскора, часть христианского населения восточных провинций Римской империи (Египет, Палестина и Сирия) отпали от магистральной линии православия.

Ключевые слова: монофизиты, Александрия, Диоскор.

Халкидонский собор и его последствия, т.е. церковный раскол, ознаменовали собой глубокий перелом в исторической идентичности и самом существовании египетской церкви. Также он был, по сути, провальным итогом претензий александрийских патриархов на церковное первенство.

После смерти Кирилла в 444 г. на патриарший престол был избран Диоскор. По своим качествам, которые нам передают исторические источники (Hist. Patr. Alex. II. XIII.), он был типичным александрийским архиепископом 1-й половины V в. Здесь имеется в виду то, что он активно и очень радикально продолжил политику своих предшественников Кирилла и Феофила, по отношению к месту Александрии в церковной иерархии Римской империи.

В первую очередь, следует сказать об общем положении дел, результатом которых станут события в Халкидоне. Борьба между ересиархом Несторием и Кириллом Александрийским закончилась победой последнего на Эфесском Вселенском соборе в 431 г. После этого была заключен официальный формуляр воссоединения между Александрией и Антиохией. Однако были и желающие продолжить догматические споры на тематику христологии и добиться окончательной победы своей точки зрения. Одним из таких персонажей, собственно говоря, и был новый александрийский патриарх Диоскор. Вскоре ему предоставилась возможность это осуществить.

Августа Пульхерия, которая крайне негативно относилась к александрийцам, в 440 г. была отстранена от государственных дел, и её место занял евнух Хризафий, который был в составе проалександрийской партии в Константинополе. На него, в свою очередь, влиял его крестный отец монах Евтихий – один из активных участников борьбы с несторианами и ревностный сторонник Александрийского клира.

Они и станут орудием в руках Диоскора для осуществления его замыслов. Первым делом архиепископ через своих ставленников в столице оповещает папу Льва о том, что на Востоке вновь поднимает голову несторианство¹. Этим он обеспечивает невмешательство Рима. Сам же он начинает вмешиваться в дела диоцезов по всему востоку, смещая апологетов антиохийского богословия. Эти действия приносят Диоскору небывалую

¹ Дворкин А.Л. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Т.2. М., 2020. С. 187-189.

власть, и он сам утверждает, что диоцезы принадлежат ему, а не императору¹. И действительно так мог вести себя только папа на Западе (ярким примером здесь может являться вмешательство папы Льва Великого в административные споры в Галльских провинциях). Также некоторые более поздние события подтверждают это; к примеру он анафемствовал того же папу Льва и задержал провозглашение Маркиана императором в Египте².

Вернёмся к Евтихию, который из-за своей неграмотности не осознал всех богословских тонкостей в работах Кирилла, и из этого вышла новая система монофизитского учения³. Такое богословие возмутило многих епископов с разных уголков империи, в частности, Константинопольского патриарха Флавиана и Папу Римского Льва Великого, и Евтихий был осуждён на Константинопольском поместном соборе⁴.

В противовес Флавиану и Льву, Диоскор решил выступить в защиту Евтихия. Таким образом монофизитство оказалось под эгидой главенствующей церковной (александрийский клир расценивал это как защиту наследия Кирилла, т.к. монофизитство являлось крайним развитием его богословского учения⁵) и политической партии (сторонники Евтихия в окружении императора Феодосия Младшего). Это оказалось судьбоносным решением для будущего египетской, и вообще вселенской церкви. Хотя можно обвинить Диоскора в оппортунизме, причины его вмешательства были не просто политическими, которые заключались в возможности потерять влияние на императора Феодосия, но и богословскими (он стремился доказать превосходство мысли именно Александрийской богословской школы).

Далее Диоскор решил действовать еще энергичнее, чем св. Кирилл в подобной ситуации: он сам уговаривает Императора созвать новый Вселенский Собор. Причиной была названа вся та же проблема окончательного подавления несторианства. Тактические цели Собора перед Диоскором стояли такие: во-первых, отмена осуждения Евтихия, что подразумевало осуждение Флавиана Константинопольского, а во-вторых, – окончательное утверждение авторитета его кафедры на Востоке.

Данное заседание по своей сути должно было повторять Третий Вселенский собор⁶. Второй Эфесский Собор открылся 8 августа 449 г. в храме св. Богородицы Марии, как и в 431 г. Из 137 участников Собора большинство составляли сторонники Евтихия. Диоскор получил привилегию председательствовать в качестве представителя Александрийского престола. Он пользовался своим авторитетом еще более уверенно, чем его предшественник. Также не последнюю роль сыграло египетское и сирийское монашество, представители которого, возможно, с разрешения Диоскора,

¹ Деяния Вселенских Соборов. Т.3. Казань, 1910. С. 252.

² *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырёх первых вселенских соборов. Ярославль, 1908. С. 688.

³ *Тальберг Н.Д.* История Христианской Церкви. М., 2017. С. 178.

⁴ Деяния Вселенских Соборов. Т.3. Казань, 1910. С. 6-7.

⁵ *Болотов В.В.* Лекции по истории Древней Церкви. Т.4. М., 2006. С. 241-242.

⁶ *Лебедев А.П.* Вселенские соборы IV и V веков. СПб., 2004. С. 204-205.

ворвались в зал заседания и повели активную агитацию за оправдание Евтихия, а некоторые монахи даже переломали писцам пальцы, за то, что те якобы неправильно осуществляли делопроизводство на Соборе¹. Благодаря таким действиям еретик был оправдан, а все противники Диоскора, традиционно, были преданы анафеме.

Диоскор находился на вершине своего могущества, и, вероятно, не смутился, когда Олимпий Евазский в конце заседания назвал его «Вселенский патриарх»².

В целом, цель была достигнута. Диоскор вернулся в Александрию с триумфом, но это была недолгая и дорогостоящая победа.

Несмотря на то, что папа Лев отверг Собор, назвав происшедшее в Эфесе разбойничьим собором, Диоскор, как представляется, уже не нуждался в поддержке Рима, и не обратил никакого внимания на произошедший в результате его Собора раскол.

Таким образом, когда император Феодосий умер год спустя в 450 г. (в результате несчастного случая при езде верхом), Александрийский епископ внезапно оказался уязвимым, лишившись своего самого могущественного международного защитника и союзника.

После смерти императора Феодосия ответная реакция на Диоскора была быстрой и бескомпромиссной. Новая императрица Пульхерия, симпатизируя Льву, решила признать недействительными решения Второго Эфесского Собора и созвала новый собор, который должен был состояться в следующем году в Халкидоне, недалеко от столицы Константинополя.

На этом Халкидонском соборе (451 г.) Диоскор был низложен по обвинению в несправедливом смещении епископов, отлучении папы Льва и незаконном проведении собора в Эфесе (Evagr. HE II, 2). Христология Евтихия была осуждена, и было одобрено богословское компромиссное решение, основанное на трех основных документах – Томосе Льва, втором письме Кирилла к Несторию и Александрийско-Антиохийском формуляре воссоединения.

Окончательным результатом Халкидонского собора стал не христологический компромисс, приемлемый для всех сторон, а формальный раскол между египетской церковью и церквями Рима и Константинополя. В течение следующих двух столетий этот раскол имел глубокие последствия для социальной, политической и религиозной ситуации в Египте, поскольку антихалкидонская церковь там продолжала сопротивляться гегемонии государства.

Маргинализованная под политическим правлением Константинополя, Коптская церковь и ее патриархи вскоре стали изгнанниками на своей собственной земле.

Таким образом, политика Диоскора, оправданная общей политикой александрийских патриархов в отношении церковного первенства, стала

¹ *Flemming J.* Akten der ephesinischen Synode von Jahre 449. Berlin, 1917. S. 183.

² *Frend W.H.C.* Rise of the monophysite movement. Cambridge, 1972. P. 49.

ключевой в появлении нового религиозного движения. Благодаря действиям Диоскора часть христианского населения восточных провинций Римской империи (Египет, Палестина и Сирия) отпала от магистральной линии православия. В данном расколе они увидели возможность осуществления своих сепаратистских настроений.

**THE ROLE OF PATRIARCH DIOSCORUS IN THE EMERGENCE
OF THE MONOPHYSITE MOVEMENT**

V.A. Likhosherstov (Belgorod)

The article shows the influence of the Alexandrian Patriarch Dioscorus on the emergence of a new religious movement of Monophysites. It is also established that this was the overall result of the policy of the patriarchs in the first half of the 5th century.

Keywords: history, Alexandria, church, late antiquity, early Byzantium.

ХРИСТИАНСТВО СРЕДИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ И КУРИАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ В РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ АФИНАХ

Б.С. Арисланов (Белгород)

В статье рассматривается процесс трансформации интеллектуальной и куриальной элиты из столпов языческой традиции в христианскую часть однородного общества. На примерах отдельных персоналий анализируется процесс христианизации, а Афины выделяются в качестве точки бифуркации на карте имперской изменяющейся жизни.

Ключевые слова: христианство, Афины, Церковь, аристократия, интеллектуалы, философы, «*Pax Romana*», «*Pax Christiana*».

Все, что происходило в империи, влияло на ситуацию во всех провинциальных городах. Афины не стали исключением – консервативная столица эллинизма испытывала на себе перемены в государственном устройстве и перемещении центра политической власти на Восток.

Христианство в городе долго было внешним явлением и неким инородным телом, хотя последователи Христа поступали на учебу в образовательные учреждения города, и императорская администрация назначала христиан на важные посты в городе.

Для V–VI веков характерны случаи, когда в целях быстрого продвижения по карьерной лестнице афиняне принимали христианство и уезжали в Новый Рим.

Но процесс активного формирования христианской общины для Афин происходит только с VI века.

Крупнейшие представители католического христианства и влиятельнейшие христианские богословы Отцы Церкви Василий Великий и Григорий Богослов учились в Афинском университете вместе с Юлианом, которому в последствии дали «титул» Отступник¹.

Многие деятели Церкви по рождению были язычниками, но в процессе своей жизнедеятельности обрели Бога и приняли крещение: богослов Синезий Киренский², поэты Нонн и Сидоний Аполлинарий и один из крупнейших богословов и Отцов Церкви Святой Аврелий Августин – все они были язычниками, и это хорошо прослеживается в их творчестве³. Это пример неоднозначности эпохи IV–VI веков.

Такой же случай – это судьба Евдокии – жены императора Феодосия II (401-450 гг.). Отцом девушки был известный философ, преподаватель риторики в Афинской школе Леонтий. Отец-язычник дал дочери имя Афинаида в честь покровительницы города Афины, росла она тоже в среде языческих традиций, и только по прибытии в новую столицу империи она принимает крещение, обретая новое имя Евдокия. В своем творчестве она использовала античную литературу: произведения Гомера, как базу для написания собственных стихов. Евдокия-Афинаида – это пример гибкости

¹ *Bury J.B.* History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene. London, 1889. P. 3.

² Синезий Киренский. Творения. СПб.: Свое издательство, 2016. С. 290.

³ *Bury J.B.* History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene. P. 5.

человеческого сознания и метаморфоза личностного мировоззрения, подвигающего к созиданию, если перемены не вызваны насильственными путями¹.

Еще одним примером может служить Апеллес (Patr. Const. II, p. 192) – один семи философов, который сопровождал императрицу Евдокию из Афин в Константинополь.

Конец IV века – это момент, когда процесс христианизации уже необратим, наступает точка невозврата. Император Грациан (359-383 гг.) снимает в 382 г. с себя титул Pontifex Maximus² и рвет связь с языческой религией. Алтарь Победы из Римского сената переедет в здание «Нового сената», в 393 г. потухнет огонь Олимпийских игр³, а оракул Аполлона произнесёт свое последнее предсказание⁴.

Законодательная религиозная политика императоров по распространению христианства была перманентна (кроме исключительного феномена Юлиана), и ее важнейшими победами являются: Никомедийский эдикт 311 г., Миланский эдикт 313 г., указы императора Констанция II (337-361 гг.) в 353-356 гг.⁵, Кодекс Феодосия Великого в 416 г. с разделом «О язычниках, жертвоприношениях и храмах»⁶, в котором описаны санкционные последствия для каждого рода сословий империи – это были уже открытые меры против язычников (CTh.16.10.12) по продавливанию христианства «сверху» силой императорской власти.

Афины для нас стали ярким примером того, что христианская религия при помощи императорской власти стала преобладающей верой в городе и во всей империи. Начав с политики веротерпимости при Константине, с каждым годом императорский аппарат делал курс все более радикальным, направляя его на полное искоренение любых отклонений от Никейского символа веры.

Идея стать частью Рима «Pax Romana» заменяется на «Pax Christiana» или идею новой цивилизации под знаменем Христа, которая в одних частях империи принималась населением мирно, а в других перманентно насаждалась «сверху» при помощи законодательной религиозной деятельности императорской власти.

Афинская элита долго не принимала христианство (фактически до начала VI в.), и это было связано с особой ролью Афин в империи – «культурной столицы» и центра философского традиционного образования.

¹ Александрова Т.А. Византийская императрица Афинаида-Евдокия. СПб.: Алетейя, 2018. С. 21.

² Пак Е.А. Религиозная политика Юлиана Отступника // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. №9. СПб., 2010. С. 367.

³ Pleket H. The Olympic Games and their decline // Ist joint international session for directors of national sport federation. Ancient Olympia, 1992. P. 21.

⁴ Bury J.B. History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene. P. 9.

⁵ Lasaulx, Ernst Von. Untergang des Hellenismus. München: Literarisch-Artistische Anstalt, 1854. S. 55.

⁶ Кодекс Феодосия. О язычниках, жертвоприношениях и храмах / Пер. с лат. и комм. М.А. Ведешкин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. №15 (158), вып. 27. Белгород, 2013. С. 38-47.

Лишь после закрытия Афинской школы (529 г.) элита города окончательно обратилась в христианство.

CHRISTIANITY AMONG THE INTELLECTUAL AND CURIAL ELITE IN EARLY BYZANTIAN ATHENS

B. S. Arislanov (Belgorod)

The article examines the process of transformation of the intellectual and curial elite from the pagan tradition to the Christian part of a homogeneous society. The process of Christianization is analyzed using the examples of personalities, and Athens stands out as a bifurcation point on the map of imperial changing life.

Key words: Christianity, Athens, Church, aristocracy, intellectuals, philosophers, «Pax Romana», «Pax Christiana»

TRANSFORMATION OF THE BYZANTINE ARMY IN PSEUDO-MAURITIUS: ISSUES OF DOMESTIC AND FOREIGN POLICY

O.S. Zaykovskaya (Belgorod)

The article discusses the features of the military organization of the Byzantine army in relation to the VI-VII centuries AD. Attention is paid to the issues of the Roman heritage in the military organization, the significance of the reforms of Emperor Justinian the Great (527-565). An attempt is made to characterize the Byzantine military organization of the 6th-7th centuries AD.

Keywords: military affairs, Early Byzantium, Strategicon of Pseudo-Mauritius.

The third and final stage of the transformation of the Byzantine army falls on the 2nd half of the 6th – early 7th centuries AD. First of all, for this time the term of mediaevalization is already applicable, which includes, first of all, a qualitative change in the structure of the army and the right to call it an early medieval rather than a late antique model. Basic information regarding issues of weapons, structure and tactics can be found in the «Strategikon», created with the aim of «improving» the Byzantine army. The effectiveness of the recommendations presented there on rationalizing and simplifying the organization can hardly be overestimated: the “Tactics” of Leo IV created several centuries later is based in many respects on the “Strategikon”¹.

There is no unequivocal point of view among researchers regarding the author of this source; according to different versions, it could be the commander Urbicius², half-brother Mauritius Philippicus or Emperor Heraclius. The purpose of writing a treatise is stated in the introduction (Maur., Strat., Praef.), which indicates that, because of the deplorable state of the armed forces, it became necessary to write a treatise for future military leaders. So, the «Strategikon» is a source that should take measures to «improve» the Byzantine military organization, strengthen the effectiveness of the chain of command, forming trained officers.

Attention in the treatise is given exclusively to the active army. Consider the main questions:

1) Manning the army

The recruitment of the army remained unchanged (Maur., Strat., I, 2), however, the way the soldiers were provided changed³. One of the characteristic features of the Late Antique military system was a multi-level recruitment system, which consisted in providing the army with weapons and uniforms through state workshops, located mainly in provinces with the deployment of a large number of troops. At the same time, the annual supply of horses for the needs of the army was entrusted to taxpayers (CTh, XI, 17, 3). This system was abolished, and a new one came to replace it: recruits at their own expense acquired two spears, a bow and a

¹ *Bannikov A.V.* The Roman Army from Adrionopolis to Strategicon. St. Petersburg, 2019. P. 130.

² *Shuvalov P.V.* Urbikiy and the «Strategikon» of Pseudo-Mauritius (Ch. 1-2) // VV. 2002. Vol. 64 (94). P. 34.

³ *Ibid.* P. 33.

quiver of arrows; for service in the cavalry, it was necessary to come with your horse (Maur., Strat., I, 2).

2) Tactical division

Regarding the tactical division, several points should be noted. Firstly, with any size of the army (the size of the army varied greatly), the army was divided into measures: center, left and right flanks (Maur., Strat., III, 6-9). The basic principle for constructing arrhythms (which is also called tagma) is also indicated¹. The arrhythm was a square with 16 people along the front and the same number in depth². This formation had a high degree of efficiency, since it was quite maneuverable, and also could change the depth of the formation in order to increase the front.

3) Categories of cavalry units

It is worth noting that the army according to the «Strategikon» is as heterogeneous as it was in the first half of the 6th century. There was still a strictly defined distinction between the elite units and the rest - the first and second lines.

The elite included buckelaria, optimates and federates. Regarding the buckelarii, we note that, unlike the army of the Justinian time, during the period of the end of the 6th century. they become a full-fledged part of the army, distinguished by good weapons (Maur., Strat., i, 2). At the same time, their number was small, according to A. V. Bannikov, no more than 600 people³.

Another point concerns the federates, namely, that their number in the army of the time of the «Strategikon» was quite large (up to one measure). Quite successful is the assessment of the federates as «a kind of foreign legion»⁴, the opinion of F. Osares is also noteworthy⁵.

Also, during the military campaigns, the Byzantine army, as before, was supported by the allies. The treatise recommends that allied divisions be gathered from various peoples, so that it would be «more difficult for them to unite in atrocity» (Maur., Strat., VIII B, 17). Another important point: “The fighting forces of the allies should not be confused with our army, but their camps and their movements should be carried out separately and always hide our battle order and our strategy from them, so that they, knowing these techniques, during periods of hostility did not use them against us” (Maur., Strat., VIII B, 80).

4) Armament of riders

In the «Strategikon», as we have already noted, the main attention is paid to the cavalry and issues directly related to it: tactics, stratigraphic division, and partly weapons. It is known that in the treatise there is no clear division into heavy and light cavalry, however, a description is given of a certain universal type of horsemen capable of operating with the help of weapons of various types, depending on specific tactical tasks⁶. In the treatise, they are designated under the name

¹ *Bannikov A.V.* The Roman Army from Adrionopolis to Strategicon. P. 134.

² *Ibid.*

³ *Ibid.* P. 139.

⁴ *Shuvalov P.V.* Urbikiy and the «Strategikon» of Pseudo-Mauritius (Ch. 1-2). P. 35.

⁵ *Aussaresses F.* L'auteur du Strategicon // REA. 1906. VIII. P. 15-16.

⁶ *Bannikov A.V.* The Roman Army from Adrionopolis to Strategicon. P. 144.

«kabalaria»¹ - stratiots, «capable of using spears or bows» (Maur., Strat., III, 1). Interestingly, in the case of the use of spears by the cabalarii, they were called «contatans», and when using bows - «toxots», that is, archers. At the same time, the bow still remained one of the main offensive weapons of the Byzantine horseman, but its role was not dominant, as in the era of Justinian the Great (527-562)².

Of great interest is the description of the harness: “The saddles must have thick and wide blankets and all the proper harness; with saddles there should also be two iron stirrups, a leather bag, fetters for horses, a saddle bag, in which, if necessary, provisions could be placed for three or four days; a horse on a harness should have four sultans at the back, one sultan on the forehead and one more under the chin ”(Maur., Strat., I, 2). Here it is important to note the very fact of the appearance of the stirrup, which is a fundamental difference from Justinian's time. The stirrups in the treatise are called «rock» (from the Latin *scalae* - ladder, steps) (Maur., Strat., II, 8).

5) Tactical techniques of the cavalry

It is important to note this point, because during the writing of the «Strategikon» tactics were skillful and varied. According to the researchers, the cavalry received such independence and development that it could do without the support of the infantry³. Another fundamentally important point is the ability of the Byzantine army to adapt to external challenges: here we note the influence of the Avars, which supplanted the influence of the Huns and Alans in the context of cavalry tactics.

Mauritius writes about the prohibition to build the cavalry in one line: “Only an inexperienced person who wants to expose himself to another danger, it is common during general cavalry battles to line up the entire army in one line, visible to everyone, without any fuss, leaving nothing in reserve for various actions calculated to an unfavorable outcome of fate” (Maur., Strat., II, 1). In the case of a battle involving only cavalry against a cavalry enemy, the author of the treatise prescribes to line up the troops in three lines: *promachia* (advanced), auxiliary line and the actual reserve (Maur., Strat., II, 1; 2).

The main principle of the Byzantine cavalry at the time of writing the treatise was a series of repeated attacks that were supposed to demoralize the enemy⁴. According to the «Strategikon», the riders of each measure were divided into 2 categories, which had different tactical tasks. The first category is the *cursors*⁵, predominantly archers (Maur., Strat., II, 3), who fought in free order of battle and were a kind of vanguard⁶. The second category is *defensors* - spearmen operating in close formation.

¹ From the Latin *caballarius* – groom, rider.

² Ibid. P. 145.

³ *Bannikov A.V.* The Roman Army from Adrionopolis to Strategicon. P. 150.

⁴ Ibid. P. 155.

⁵ From the Latin *cursus* (running).

⁶ *Aleksinsky D.P., Zhukov K.A., Butyagin A.M., Korovkin D.S.* Horsemen of War. Cavalry of Europe. M., 2005. P. 164.

Another feature is related to the fact that often cavalry formations were recruited on a national basis and «they fought with the weapons that were traditionally inherent in them due to national traditions»¹.

And finally, regarding the process of borrowing, we note that at the time of the creation of the «Strategicon» it becomes a natural phenomenon, even in the treatise itself it is clearly indicated that it was from the Avars that cavalry spears with a loop in the middle were borrowed, the general cut of riders and other important points².

So, one of the most important markers of the transformation of the Byzantine army can be called the cavalry, and the source clearly shows that by the end of the 6th century. her position is further strengthened. We can already say that the Byzantine army relies precisely on this type of troops. The infantry naturally fades into the background, already performing a purely defensive function and the role of support. This trend is also characteristic of the next century and actually embodies the process of mediaevalization.

The foreign policy of the Byzantine Empire was inevitably reflected in a large number of written sources. In this section, we would like to characterize the written tradition of the 2nd half of the 6th-7th centuries, as well as find out how the foreign policy of the state is illustrated in the key works of the period we have chosen.

First of all, it is worth noting that the 6th century is considered to be the heyday of the Byzantine written tradition, in which new genres are becoming increasingly important - church chronicles, hagiographic works, the so-called world chronicles.

The writings of this period are characterized by a tendency to increasingly appeal to the present. Previously, the characteristic of black authors was the narrative necessarily from the creation, from the second half of the VI century AD, there is a departure from this tradition. Without a doubt, Byzantine authors were brought up on the works of ancient literature, which can be seen in the manner of presentation. Further, the peculiarity is that the authors pay more and more attention to the present. Therefore, the value of the works, first of all, is that they contain a kind of cast of the era, of which the author is a contemporary. The next important point - we can note the smaller amount of compilation, compared with chronicler historians. These works are written mainly on the basis of documents, personal experience of the author, data received from eyewitnesses, in connection with which their value as historical sources increases. At the same time, the degree of their tendentiousness inevitably increases.

First, let us turn to the work of the outstanding diplomat of the era of Justinian I (527-565), the Syrian Nonnos. His work is full of valuable information regarding the East, namely Arabia and Ethiopia, where he stayed in embassies and travels. Judging by the surviving fragments from the source, Nonnos was quite neutral in relation to the emperor Justinian and his foreign policy.

Secondly, one should dwell on the extensive work of the historian Agathius of Mirinea «On the reign of Justinian». This work describes the last years of the

¹ Ibid.

² Ibid. P. 165.

reign of the emperor - from 552 to 558. The fact that this work is a logical continuation of the numerous writings of Procopius of Caesarea is unambiguous. This is evidenced by the similar style of the narrative and other factors. We must pay tribute to the historian, he was attentive to the verification and selection of historical facts, used a wide range of sources that increase, without a doubt, the value of this work. Regarding foreign policy, it is worth noting that Agathius is positive about the restoration policy pursued by Justinian. So, describing one of the victories during the protracted Laz war, Agathius writes: "... So, they were all rewritten, and the burden of tax was imposed on them, and to this day they pay tribute to the Romans. Emperor Justinian was proud of this as a great deed. Therefore, listing other victories in one of his constitutions, which we call short stories, he is one of the first to mention the victory over this people ..." (Agath. Hist. V, 2). It seems that the author is impressed by the restoration of the former Roman Empire, so in his words we can catch a hint of pride.

Another feature in the description of the foreign policy of Byzantium during the time of Justinian is the division of the period of his reign into two parts. The first is victorious, the time of conquests, campaigns that led to extensive territorial gains. The second is the 1950s and 1960s, when the conquests come to naught and internal problems are revealed. However, we emphasize that Agafius of Mirineisky evaluates foreign policy more than positively.

Thirdly, let us turn to a later work of the 7th century, belonging to Fiofilakt Simokatta, who described the period 582-602 in his History. In the Byzantine written tradition, the author occupies a prominent place along with Procopius of Caesarea and Agathias of Myrine. The undoubted advantage of his work is, like that of Agafius, the appeal to a wide range of sources, a thorough check of the material. Theophylact also used in the «History» the works of his predecessors – Menander, Evagrius, and others. Regarding foreign policy, the author describes in some detail the wars of Mauritius (582-602) with the Persians, and the author's sympathy for the events described is clearly visible. In principle, the word «war» in Shimokatta's work is used more than a hundred times. Giving an assessment of the Byzantine army and the war as such, he, like Procopius of Caesarea, often sings of it: «... the war was over - in an open battle, the Romans defeated the barbarians and inflicted a decisive defeat on them ...» (Theoph. Sim. Hist. II 27.10).

Thus, in the written tradition of the 2nd half of the 6th-7th centuries. one can note a similar trend of positive coverage of the foreign policy of the Byzantine Empire, the military organization. The authors are gradually moving away from ancient traditions. However, the 6th century is the heyday of Byzantine authors, who created many valuable and rich historical sources.

The Byzantine Empire throughout its existence fought for the preservation of its territorial integrity¹. One of the problems of Byzantium was its geographical position, because as a result of it, the state was surrounded on all sides by potential and real enemies. In the east it was Sasanian Iran, in the Balkans – the Lombards, Franks, and in the north the tribes of Slavs and nomadic tribes.

¹ *Haldon J. The History of the Byzantine Wars. M., 2007. P. 13.*

The reign of Emperor Mauritius (582-602) deserves special attention, during which there was an unstable balance in the east¹. The financial problems associated with the army are becoming more and more aggravated, the emperor made attempts to take control of the financial resources allocated to the army. At the same time, already under Mauritius, one can speak of the cavalry not as an auxiliary unit, but as the main one. The infantry thus fades into the background. Here one can trace the influence of mediaevalization on the model of the Byzantine army.

In this section of the work, it seems important to us to dwell on one of the most important milestones in the military art of Byzantium in the 7th century, namely the Arab-Byzantine wars (639-1069), paying particular attention to the first stage – the offensive of the Arabs, the conquest of Syria and Palestine from Jerusalem (634-638) in the context of the reign of Emperor Heraclius (610-641)². The reign of this emperor opens a fundamentally new era of the Byzantine Empire, «setting the boundary between the old and the newly born historical movement»³. Once in power, he had an army in his hands, which had declined during the reign of Phocas. At the same time, the foreign policy situation required decisive action. It was necessary to repulse the Persians who invaded Egypt. In Spain, the remnants of the conquered territories were lost, in Italy there was a mutiny in the army, and significant territories were also lost in the Balkans. It is important to note here that during the campaigns of Heraclius, one might say, the power of the Byzantine army was returned: discipline, strict organization. The basis of the army continued to be cavalry, armed with bows. The tactics were reactionary.

By the beginning of the 7th century The Byzantine Empire and the Sassanid state were weakened by prolonged wars, while the Arabs are becoming more active, becoming, one might say, a new threat. After the death of Muhammad, a full-scale offensive began on both empires, in two directions. In the Levant, the Arabs were met by the Byzantine army, which consisted of imperial troops and recruits. In historiography, one can find opinions that in Syria the Arabs were greeted as liberators of Byzantine rule. At the same time, it should be noted that Heraclius could not command the Byzantine army.

Among the key battles of this stage of the Arab offensive, it is necessary to dwell on a few. First, the Arab victories at Ajnadayn in 634 and the victory at Fahla. They opened the way to Damascus, captured in the same 634. The Byzantines made an attempt to return the lost territories and turn the tide: an army was assembled under the command of talented generals, including Vagan and Theodore Trifiry.

And here, from the point of view of the peculiarities of strategy and tactics, the battle of Yarmuk in 636 deserves special attention, which is called the epoch-making battle of the Arab conquests, which decided the fate of the Middle East for several centuries.

¹ Ibid. P. 35.

² Ibid. P. 39.

³ *Uspensky F.I.* History of the Byzantine Empire. T. I. M., 2005. P. 3.

This battle is also unique in that it is a rare example of a multi-day battle (the battle lasted six days). This was due to a number of features: the terrain, the military talent of the Byzantine and Arab sides, the stamina of both sides.

However, the terrain of the battlefield required ingenuity and talent from the commanders: it was a plain bounded by the Golan Heights, the Yarmuk and Rukkad rivers, and some areas included river valleys, boulders, stones.

An important aspect of this battle, of course, is the formation of troops. The Byzantines lined up as follows: the right flank was occupied by infantry spearmen, the center and right wing were given to the cavalry. This battle also clearly demonstrates the predominant role of the cavalry, the infantry plays a secondary role of support, a possible shelter. According to Vagan's plan, the Byzantines intended to choose an offensive tactic and operate with the main body of cavalry under the cover of infantry, located so that in case of retreat they would be covered by the river.

On the construction of the Arabs, the advantage of the infantry, namely 4 infantry corps, located in the forefront, should be noted. In the second line was the infantry with a strong reserve of the guard. It should be clarified here that Khalid, the commander-in-chief of the Arab army, used a defensive tactic that is not considered typical of the Arabs, which is explained by the fact that in the early stages of the Arab conquests the cavalry did not outnumber the infantry, and the infantry, in turn, remained a reliable support, fighting in close formation.

Regarding the course of the battle, it should be noted that the first two days went with varying success¹. The third day was supposed to be decisive, Wahan intended to overturn the infantry of the Arabs, but their position was again saved by the reserve cavalry. The fourth day was a lucky one for the Arabs, as Khalid was able to catch the Byzantines in a tactical error and turn the tide of the battle in his favor, forcing them to retreat. The fifth and sixth days were the final ones: the Arabs had the initiative and were outnumbered².

Thus, this battle was of both tactical and strategic importance: the Arabs managed to keep the conquered territories, get Syria and show superiority in tactics and the ability to use infantry.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ АРМИИ ПО ПСЕВДО-МАВРИКИЮ: ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

О.С. Зайковская (Белгород)

В данной статье рассматриваются особенности военной организации византийских армий применительно к VI–VII вв. Внимание уделяется вопросам имперского наследия в военной организации, значению реформ императора Юстиниана Великого (527–565 гг.). Предпринята попытка охарактеризовать византийскую военную систему VI–VII вв.

Ключевые слова: военное дело, Ранняя Византия, Стратегикон Псевдо-Маврикия.

¹ *Nicolle, David*. Yarmuk 636 AD. The Muslim Conquest of Syria / Osprey Military Campaign Series. 31. 1994. P. 92.

² *Kennedy, Hugh N*. The Byzantine and Early Islamic Near East. Ashgate Publishing, 2006. P. 24.

THE IMPERIAL BRIDE-SHOWS IN HISTORICAL SOURCES

D.N. Dobrynina (Belgorod)

Seven independent Byzantine sources record that five times in the eighth and ninth centuries the winner in a competition of beautiful women became the bride of an emperor or future emperor. These sources, four written by contemporaries, include two chronicles, an oration by the emperor Leo VI (882–912), and four lives of saints. Were the bride-shows a common practice or are they the specifics of a certain period in the history of the Byzantine Empire, due to the political situation?

Key words: bride-shows, Byzantine Empire, woman, family, politics.

The source for the first recorded bride-show, which reportedly preceded a wedding in November 788, is the *Life of St. Philaretus the Almsgiver* by Philaretus' grandson Nicetas of Amnia. Nicetas dates his own work to 821/822, when he was in exile for a reason he fails to mention. His grandfather St. Philaretus was a provincial landowner in Paphlagonia who had allegedly bankrupted himself by his generosity. According to his *Life*, his granddaughter Maria was selected to compete for the hand of the emperor Constantine VI (780–797) by a panel of imperial envoys, who visited her village of Amnia on their travels to identify suitable candidates. At a brideshow subsequently held in Constantinople, Maria was chosen to marry Constantine by his mother, the empress Irene (797–802).

Following arguments that had already been made by Paul Speck, Ryden attacked the historicity of this bride-show by attacking the historical value of Nicetas' whole work¹. According to Ryden, Nicetas had three purposes in writing: to suppress the failure of his cousin's marriage to Constantine VI, which ended in divorce in 795, to please the emperor Michael II (820–829), who married Maria's daughter Euphrosyne, and to tell a good story². The first two motives, however, would not have required any distortions or omissions in the *Life of Philaretus*, because the *Life* ends with Philaretus' death in 792, before the divorce. Though in my opinion Michael married Euphrosyne in 824, at least two years after Nicetas wrote, in a new edition of the *Life of Philaretus* Ryden restated his view that the *Life* was a sort of «wedding gift» for Michael and Euphrosyne, and that Nicetas hoped it would persuade the emperor to recall him from exile³.

The source for the second bride-show, which reportedly preceded a wedding on December 20, 807, is the chronicle of Theophanes Confessor. This source, compiled by Theophanes from material collected by his friend George Syncellus, was completed just five or six years after the show, between September 813 and December 814⁴. According to the chronicle, the emperor Nicephorus I (802–811) assembled girls from all over the empire in order to choose a wife for his son

¹ *Speck P.* Kaiser Konstantin VI.: Die Legitimation einer fremden und der Versuch einer eigenen Herrschaft. Munich, 1978. P. 204–207.

² *Ryden L.* The Bride-Shows at the Byzantine Court – History or Fiction? // *Eranos*. 83. 1985. P. 180–182.

³ *Ryden L.* Op. cit. P. 49–50; *Treadgold W.* The Byzantine Revival, 780–842. Stanford, 1988. P. 246–247.

⁴ *Mango C., Scott R.* The Chronicle of Theophanes Confessor. Oxford, 1997. P. LII–LXIII.

Stauracius (811). At the show Nicephorus selected Theophano of Athens, a relative of the late empress Irene. The chronicler, who consistently vilifies Nicephorus, adds that Theophano had already been betrothed to another man with whom she had had intercourse «many times», and was less beautiful than two other contestants, whom Nicephorus himself seduced (Theophanes 483).

Ryden, recognizing the evident fact that Nicephorus wanted to associate his new dynasty with Theophano's relative Irene, asked, «why arrange a bride-show if Theophano was already engaged and apparently not very beautiful?» He concluded that the chronicler invented the show in order to discredit Nicephorus. Even while conceding that the chronicler «writes as if this method of finding a bride for the imperial bridegroom was a traditional possibility», Ryden declared that «there is no record of a predecessor» because the *Life of Philaretus* is «both later ... and unreliable ...» According to Ryden, since the show had no historical precedent, the chronicler must have «borrowed the bride-show motif from literature, although I cannot point to any particular source»¹.

However, even if Theophano was chosen in advance, and neither virginal nor attractive, a bride-show would have allowed Nicephorus to claim that he had demonstrated her virtue and beauty by staging her victory over a selection of the most virtuous and beautiful girls in the empire. Moreover, in all probability the chronicler invented his stories of Theophano's and Nicephorus' sexual activities, which he was in no position to have known in such detail and few if any of his readers could have known either. As I have remarked elsewhere, «While such gossip would have been easy to invent about a girl who had been engaged and an emperor who was a widower, Nicephorus would have been unlikely to expose his son to ridicule or to risk having a grandson of doubtful legitimacy ...» What the chronicler could not have done is expect readers with any knowledge of the court to believe in a very recent and public event that had never happened.

The rest of Ryden's argument is not merely baseless but circular. He can only maintain that the bride-show of 807 lacked an historical precedent on his own assumption that the bride-show of 788 was fictional. Yet the fact that Theophanes' chronicle mentions the bride-show as a recognized custom corroborates the historicity of the show of 788, because the chronicler must have been recalling an actual event, not its mention in the as yet unwritten *Life of Philaretus*. As Ryden accurately observed later in his article, «in the eighth century the literary output was too small to make the introduction of new motifs [like the bride-show] likely»².

The third bride-show, which reportedly led to a wedding on June 5, 830, is recorded by two independent sources, the chronicle of Symeon the Logothete (copied by the Pseudo-Symeon) and the *Life of St. Theodora the Empress*. Although the Logothete compiled his chronicle soon after 948, he evidently took the portion including the bride-show from a single, quite reliable source compiled between 855 and 865, twenty-five to thirty-five years after the show, again well within living

¹ *Ryden L. Op. cit.* P. 179–180.

² *Ibid.* P. 190.

memory¹. The Life of Theodora must be later than 867, though perhaps not by much². Both sources say that girls were brought from various places to compete in a bride-show held for the young emperor Theophilus (829–842), who chose Theodora.

Symeon adds that the girls were selected by Euphrosyne, Michael II's widow and Theophilus' stepmother, who held the show in the Triclinium of the Pearl in the Great Palace and gave Theophilus a golden apple to award to his choice. Seeing one beautiful contestant, the poetess Cassia, Theophilus tactlessly remarked that evil had come to man through a woman. Cassia gently responded that better things had also come from a woman. (The references, quoted in verse, are of course to Eve and the Virgin.) Wounded by Cassia's retort, Theophilus chose Theodora³. In the Life of Theodora, Theodora is naturally the heroine. When Theophilus gives all the contestants apples (apparently not golden but real ones), she is the only contestant who keeps her apple and produces another, a gift from a monk in Nicomedia who had prophesied to her what would happen⁴.

Ryden dismissed the Life of Theodora in a footnote, observing that by having Theodora win because of her piety rather than her beauty it makes the bride-show «meaningless, at least from an historical point of view»⁵. Ryden however overlooked several indications that character and orthodoxy were just as important as beauty for bride-show contestants. He also failed to notice that these two sources, with their radically different interests in the event, cannot derive from a single literary source and therefore appear to be independent reports of the event itself. While mentioning the late date of Symeon's chronicle, Ryden ignored the much earlier date of its source, which again was so early that knowledgeable readers could hardly have accepted a falsification of such an important public event.

Ryden raised three specific objections to the version in Symeon's chronicle. First, he assumed that Euphrosyne had from the first wanted her stepson to marry her fellow Paphlagonian Theodora, so that a brideshow was unnecessary⁶. Euphrosyne, who had probably never set foot in Paphlagonia, may actually not have cared much about her mother's native province; but she and Theophilus surely cared that Theodora was the niece of Manuel the Armenian, who had been an important general since 813 and had recently served as preceptor to the young Theophilus. Yet it is far from certain that Euphrosyne, who had chosen all the contestants, preferred Theodora to the others, or could have dictated any choice to her strong-willed stepson. As a secret iconophile, Euphrosyne presumably wanted her stepson to choose an iconophile bride; but both Theodora and the rejected Cassia were

¹ *Treadgold W.* The Chronological Accuracy of the Chronicle of Symeon the Logothete for the Years 813–845 // *DOP*. 33. 1979. P. 171–194.

² See most recently: *Vinson M.* Life of St. Theodora the Empress // *Alice-Mary Talbot (ed.)*. Byzantine Defenders of Images: Eight Saints' Lives in Translation. Washington, 1998. 355 p.

³ *Treadgold W.* The Problem of the Marriage of the Emperor Theophilus // *GRBS*. 16. 1975. P. 327–329.

⁴ *Markopoulos A.* Βίος τῆς αυτοκράτειρας Θεοδώρας // *Symmeikta*. 5. 1983. P. 249–85.

⁵ *Ryden L.* Op. cit. P. 188–189.

⁶ *Ibid.* P. 187–188.

iconophiles, and the empress could have made sure that the other candidates were iconophiles as well. Even if she did advise Theophilus to choose Theodora, the show would still have served its usual function of certifying the winning contestant's beauty and virtue.

Second, Ryden repeated an old observation of J. B. Bury's that the show could not have been held in the Triclinium of the Pearl, which was built during Theophilus' reign¹. While this objection made sense on Bury's mistaken assumption that Theophilus' marriage took place in 821, Ryden himself accepted Symeon's date of June 830. This date leaves eight months of Theophilus' reign for the completion of the triclinium, which the show probably inaugurated. Finally, Ryden assumed that the story of Cassia's exchange of verses with Theophilus was invented to discredit the iconoclast emperor, especially because Ryden thought Cassia was too old to be a plausible bride in 830. Again, this is far from clear. Though Cassia's age is uncertain, she could easily have been of marriageable age in 830. Her recorded exchange with Theophilus has nothing to do with Iconoclasm, and implies that she was a worthier candidate than Theodora, the iconophile saint who later abolished Iconoclasm. In any case, even if the exchange of verses was a pious elaboration, that would no more discredit the essential historicity of this bride-show than salacious elaborations in Theophanes' chronicle would discredit the bride-show of 807.

The bride-show of 855, like that of 830, is attested by two sources. The earlier is the funeral oration for Basil I (867–886) delivered by his supposed son Leo VI in 886. Leo mentions that his mother Eudocia Ingerina competed in a bride-show held for Michael III (842–867), who, because God had destined her for another husband, chose an inferior bride². Ryden pointed out that Michael had already made Eudocia his mistress before 855, when Michael's mother Theodora, who considered Eudocia shameless, forced him to marry another woman. Ten years later Michael, having packed his mother off to a convent, made a nominal marriage for his mistress with the future emperor Basil I. By this marriage Michael was probably trying to legitimize his child, the future Leo VI, whom the pregnant Eudocia was soon to bear³.

The other source for this show is the *Life of St. Irene of Chrysobalantum*. The best clue to its date is its author's remark that the rule of the Macedonian dynasty had lasted «to the fourth, or indeed (ἢ καὶ) the fifth, generation». The author's uncertainty about the fifth generation, which was that of the emperor Basil II (963–1025), suggests a date for the *Life* between 963 and 976, when the co-emperors Nicephorus Phocas and John Tzimisce held power and no one could be sure that Basil would ever actually rule. The *Life* records that St. Irene, a member of the noble family of the Guberii, came from Cappadocia to compete in Michael III's show, since she was distinguished by the physical and moral beauty required of contestants.

¹ Ibid. P. 188.

² *Vogt A., Hausherr I. Oraison funèbre de Basile I par son fils Léon VI le Sage // OC. 26. 1932. P. 38–79.*

³ *Mango C. Eudocia Ingerina, the Normans, and the Macedonian Dynasty // ZRVI. 14/15. 1973. P. 17–27.*

She was accompanied by her sister, evidently also a contestant, who later married the emperor's brother, the Caesar Bardas.

The source for the last known bride-show, that of 882, is the *Life of St. Theophano*, the wife of Leo VI and reportedly the winning contestant. According to this *Life*, after the emperor Basil I had assembled girls chosen for their virtue and beauty to compete for Leo's hand in the usual fashion, Leo's mother Eudocia selected her own relative Theophano to be Leo's bride. The author of the *Life* describes himself as a relative of Theophano. Alexander Alexakis has made convincing use of an anonymous scholion to identify the *Life's* author with the Magister Slocacas, who is known to have addressed an account of Theophano's miracles to Leo VI himself¹.

Ryden alleged that «to a high degree, the texts in which the Byzantine bride-shows are described» are «anonymous», like «the literary genre of the fairy tales».² In fact, among Byzantine texts, the sources for the bride-shows are comparatively early and well attributed. Of the seven, five have identifiable authors, one describing each show: Nicetas of Amnia for 788, Theophanes Confessor with George Syncellus for 807, Symeon the Logothete for 830, the emperor Leo VI for 855, and Slocas the Magister for 882. At one point, Ryden seemingly let slip his real objection, which has nothing to do with his textual arguments: he called bride-shows a «frivolous custom», apparently too frivolous for real emperors to have adopted³.

Any serious case against the historicity of the bride-shows would need to demonstrate that the obvious connections among them can be explained more easily as literary influence than as historical causation. Ryden did not even hypothesize literary influences that might link the seven texts, and did not identify a single verbal parallel between any two of them. On the other hand, after the first recorded show each subsequent one occurred well within living memory of a previous show or shows, so that many people at court would surely have remembered the precedent, and if necessary reminded the emperor or empress of it. Usually no reminding would have been needed, because the links among the empresses who held and competed in the shows are obvious. The second show selected a relative of the empress Irene, who had held the first show. The third show was held by the empress Euphrosyne, daughter of the winner of the first show. The fourth show was held by the empress Theodora, winner of the third show. The fifth show was held by the empress Eudocia, a competitor in the fourth show. Instead of these self-evident historical connections, Ryden assumed separate falsifications in seven independent and mostly early sources which, apparently by pure accident, produced a consistent and historically coherent myth.

The unjustified skepticism that imperial bride-shows happened seems to be based on a justified skepticism that imperial marriages really depended on open competitions to identify the best and most beautiful bride in the empire. The

¹ *Efthymiadis S. et al. (eds.). Bosphorus: Essays in Honor of Cyril Mango. Amsterdam, 1995. P. 45–56.*

² *Ryden L. Op. cit. P. 190–191.*

³ *Ibid. P. 178.*

empresses and emperors who chose the winning candidates plainly had other motives, most of which can be plausibly conjectured. In 788 Irene wanted a daughter-in-law from an obscure and impoverished family that would be unable to support her son against herself. In 807 Nicephorus wanted a daughter-in-law who could connect his new dynasty with the family of his predecessor Irene. In 830 Euphrosyne wanted a daughter-in-law who shared her iconophile sentiments, like either Theodora or Cassia; probably she either recommended one of them to her iconoclast stepson or made sure that all the contestants were iconophiles. In 855 Theodora wanted a daughter-in-law who, unlike Eudocia Ingerina, would not encourage her son to assert himself. In 882 Eudocia wanted a daughter-in-law who as her relative would be loyal to her. In most cases the wishes of the bridegrooms were ignored.

ИМПЕРАТОРСКИЕ «КОНКУРСЫ НЕВЕСТ» В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Д.Н. Добрынина (Белгород)

Семь независимых византийских источников сообщают, что пять раз в VIII и IX веках победительница конкурса красавиц становилась невестой императора или будущего императора. Эти источники, четыре из которых написаны современниками, включают две летописи, речь императора Льва VI (882–912) и четыре жития святых. Были ли «показы невест» обычной практикой, или это специфика определенного периода в истории Византийской империи, обусловленная политической ситуацией?

Ключевые слова: смотрины, Византийская империя, женщина, семья, политика.

К ИСТОРИИ ПРАЗДНИКА РОЗАЛИЙ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

Е.В. Черникова (Белгород)

Праздник Розалий в Византии представляет собой важное событие, которое изменялось с течением времени не только названием, но и особенностями проведения данного праздника.

Ключевые слова: Византия, античность, роза, праздник.

Розалии (также розарии, от лат. *Rosalia*, *Rosaria*, *Dies rosae* «праздник роз») – первоначально италийский, а затем широко распространившийся античный праздник чествования памяти умерших с разными обрядами и пением, во время которого гробницы украшались венками из роз¹.

Этот праздник в Византию пришел родом из Римской империи. В Риме Розалия или Розария была праздником роз, справлявшимся в различные даты, в первую очередь, в мае, но в целом разбросанных до середины июля.

Как свидетельство умерших, Розалии развились из обычая откладывать цветы на местах захоронения. Помимо роз, в украшении захоронений использовали также фиалки. Это была одна из обширных частных религиозных практик, с помощью которой римляне заботились о своих умерших, отражая ценность, придаваемую традиции, родословной семьи и мемориалов, начиная от простых инскрипций и заканчивая масштабными общественными работами.

По поводу даты проведения Розалии в Римской империи некоторые сведения дает календарь Филокала. В 354 г. в этом календаре цветочная ярмарка была отмечена 23 мая, когда розы поступают на рынок. Именно эта цветочная ярмарка отождествляется с праздником Розалий.

В христианских странах сроки праздника колебались от середины мая до середины июля в зависимости от сроков расцветания роз².

Точная дата проведения Розалий появилась в источниках в IV веке. Розалия была отмечена в официальном календаре как государственный праздник в амфитатре играми и театральными представлениями. В календаре из Капуи, датированном 387 г., отмечена Розария в амфитатре под 13 мая.

Христианский богослов, влиятельнейший проповедник, Святой Августин, упоминая о Розалии в Карфагене, отчетливо указывает на то, как весело было в это праздник всему христианскому (и не только) населению³.

Византийский чиновник, историк-хронограф и антиквар Иоанн Лид (VI в.) свидетельствует о том, что в Остии (близ Рима) Розалии также имели характер

¹ *Сумцов Н.* Русалии // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1899. Т. XXVII. С. 294-295.

² *Розалии* // Словарь античности = *Lexikon der Antike* / сост. Й. Ирмшер, Р. Йоне; редкол.: В.И. Кузищин (отв. ред.), С.С. Аверинцев, Т.В. Васильева, М.Л. Гаспаров и др. М.: Прогресс, 1989. С. 499.

³ *Лопатина М.Ю.* «День розы» как пример трансформации языческих праздников в ранневизантийской Газе // *Via in tempore. История. Политология.* 2021. № 48(1). С. 36-47.

местной Маюмы (майского праздника), связанный с более светскими практиками и церемониями.

Почему же именно эти цветы использовали для украшения захоронений? Ответ достаточно прост: цветы были традиционными символами омоложения, возрождения и памяти. Цвет роз и фиалок рассматривался как цвет крови.

В VI веке «День роз» проводился в Газе Палестинской как весенний праздник, который, возможно, был христианизированным продолжением Розалий. Иоанн Газский написал два анакреонтических стихотворения, которые, по его словам, он представил публично в «день роз».

Розы были, в основном, частью образов раннехристианского погребального искусства, как и плющ. Мученики часто изображались или описывались с цветочными изображениями или способами, отождествляющими их с цветами.

В одном из самых ранних сохранившихся святынь мучеников, ныне часть Базилики св. Амвросия в Милане, мозаичный портрет, датируемый, вероятно, 397–402 гг., изображает св. Виктора в классическом венке из лилий и роз, стеблей пшеницы, винограда на виноградной лозе и оливковых ветвей: круглая форма представляет вечность, а растительность – четыре времени года.

В христианской интерпретации образ кровь—смерть—цветок часто переносится от юношей из классических мифов, в первую очередь, Адониса и Аттиса, на девственниц-мучениц. Евлалия из Мериды описана поэтом Пруденцием (ум. ок. 413 г.) как «нежный цветок», смерть которого делает ее «цветком в церковной гирлянде мучеников»: поток ее пурпурной крови производит пурпурные фиалки и кроваво-красные крокусы, который украсит ее реликвии.

Роза также может символизировать кровь, пролитую при потере девственности в таинстве брака.

Опираясь на традицию цветочных венцов в качестве награды в классическом мире, богослов Киприан Карфагенский (ум. 258 г.) описал небесные венцы из цветов для верующих в загробной жизни: лилии для тех, кто делал добрые дела, и дополнительный венец из роз для мучеников.

В одном раннем повествовании о страстях мученик носит венец из роз на небесном пире. Для Амвросия Медиоланского (ум. 397 г.) лилии были предназначены для дев, фиалки – для исповедников веры, а розы – для мучеников; из них лишь образы фиалки не имеют библейских прецедентов.

В отрывке, созданном под влиянием вергилианских образов, Амвросий повелевает молодым женщинам и девственницам: «Пусть роза скромности и лилия духа расцветают в ваших садах, и пусть фиалки напиваются из источника, орошаемого священной кровью».

Таким образом, праздник Розалий в Ранней Византии представляет собой важное событие, которое имело глубокие корни и изменялось с течением времени не только названием, но и особенностями проведения данного праздника.

TO THE HISTORY OF THE FESTIVAL OF ROSALIA IN EARLY BYZANTINE

E.V. Chernikova (Belgorod)

The Feast of Rosalia in Byzantium is an important event that has changed over time not only in the name, but also in the features of this holiday.

Key words: Byzantium, antiquity, rose, holiday.

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ МАВЗОЛЕЯ В АРИАССЕ (ПИСИДИЯ)

А.Ю. Пашкова (Белгород)

В статье представлено краткое описание мавзолея в Ариассе. Поскольку Писидия, горная историческая область Малой Азии, в которую входит Ариасс, не была провинцией до времени Диоклетиана, ее следует рассматривать как географическое обозначение. Регион граничил с Ликией на юго-западе, Исаврией на востоке, Памфилией на юге и Фригией на северо-западе.

Ключевые слова: мавзолей, религия, христианство, Ариасс, Писидия.

Ариасс впервые появляется около 100 г. до н.э. среди тринадцати писидийских городов, перечисленных эфесским географом Артемидором, в котором он назван Аарассом (Strabo, Geogr. XII.7.2, 570). Позже Птолемей (V.5.6) поместил его в Кабалию. Город находится в византийских религиозных списках¹.

В новое время его впервые посетил О. Шенборн, назвавший его Кретополем. Его предложение также было принято К. Ланцкоронским². Но исследования В. Берара 1892 г. показали, что этот город в действительности носил название Ариасс.

Город расположен в 50 км к северу от Анталии, в 1 км к западу от шоссе Анталия-Бурдур³. Как и Сиа (Sia) и Панемотих, это север хребта, который круто спускается к Памфилийской равнине. Город расположен в самой южной части Западного Тавра и находится рядом с Виа Себасте, которая идет из Памфилии и, покинув перевал Дошеме, пересекает равнину между Ариассом и Панемотихом в северо-западном направлении и достигает Комамы после узкого прохода р. Эшек Деврент и Кызылкая.

Тот факт, что анатолийская погребальная архитектура и обычаи погребения имеют глубокие корни и своеобразные характеристики, является главной причиной богатого и разнообразного погребального зодчества, наблюдаемого в Писидии, от простых могил до монументальных гробниц. В римский период местные анатолийские обычаи захоронения смешались с римской религиозной архитектурой. Гробницы из Ариасса также остались верны местной традиции, как бы отражая изолированное положение региона⁴.

Цицерон упоминает, что, как и в греческих городах, захоронения в пределах города Рима были запрещены, за исключением случаев, когда они принадлежали очень важным и успешным лицам (Cic., de Leg. II. 58). Как бы то ни было, основные некрополи анатолийских городов могут распространяться на населенные районы, что свидетельствует о том, что население не боялось жить вместе с мертвыми или заразиться болезнью от

¹ Mitchell S., Owens E., Waelkens M. Ariassos and Sagalassos // *Anatolian Studies*. 39. 1989. P. 63.

² Cormack S. The Roman-Period Necropolis of Ariassos, Pisidia // *Anatolian Studies*. 46. 1996. P. 3.

³ Lang G. *Klassische antike Stätten Anatoliens* // Abonuteichos-Laranda. 2003. P. 336.

⁴ Cormack S. A Mausoleum at Ariassos, Pisidia // *Anatolian Studies*. 39. 1989. P. 31.

разлагающихся тел. Это явление можно отчетливо наблюдать в Ариассе, соседних писидийских городах Сиа и Панемотих и Термессе. В Сиа нет четкого разграничения между обитаемой и могильной зонами. Некоторые могилы свидетельствуют о том, что члены семьи были захоронены рядом с их домами. Это также наблюдается и в сельской Писидии. В Панемотихе большинство вырубленных в скале гробниц расположены в населенных районах, а это означает, что между двумя районами нет различий, как в других местах Писидии¹.

На самом деле в эллинистический период некрополи находились за пределами городских стен. Мир и процветание Августа уменьшили значение оборонительных систем и иногда приводили к их устранению. По мере расширения городов некрополи также расширялись во всех направлениях и, таким образом, распространялись в населенные районы. Города живых смешались с городами мертвых. Ариасс является хорошим примером этого. С севера, юга и востока город окружен некрополями. Девять мавзолеев в северном некрополе принадлежат элите горожан Ариасса².

Мавзолей №8 расположен в центре некрополя и обращен на восток. Эта монументальная гробница заметно отличается от других гробниц своим внешним видом. Подобно писидийским храмам-гробницам (кроме тех, что в Сиа), он не имеет органической связи с окружающей стеной теменоса или какой-либо другой постройкой. Для наружной поверхности использовались блоки из твердого известняка; ядро и внутренние стены верхнего этажа были построены из щебня и раствора³. Ниже подиума высотой 2,30 м и квадратной клетки находится сводчатый гипосорий.

Об отсутствии входа в главную погребальную камеру свидетельствует отсутствие ступенек пандуса, ведущего на подиум. Недоступность мавзолея предполагает, что этот тип гробницы является домом героизированных мертвецов. Восточная сторона, т.е. главный фасад, должна была быть украшена скульптурой и колоннами. Нет никаких свидетельств надстройки памятника. Это эклектичное сооружение, сочетающее персидские, ликийские и эллинистические архитектурные черты.

Архитектурная традиция в Ариассе была консервативной. Как указывает С. Митчелл, основная проблема в интерпретации архитектуры города заключается в том, что не было обнаружено четких доказательств абсолютной хронологии города. Архитектурное убранство – простое и небрежное, и только римская триумфальная арка может быть датирована благодаря ее надписи. Отсутствие каких-либо свидетельств, которые могли бы помочь в датировании, заставило Сару Кормак поместить мавзолей №8 во II – III века, до периода экономической и социальной напряженности конца III – IV вв.⁴

¹ *Mitchell S.* Ariassos 1990 // *Anatolian Studies*. XLI. 1991. P. 159.

² *Yilmaz N.* Necropoleis and Funerary Monuments in Pisidia During the Roman Period // *Adalya X*. 2007. S. 155.

³ *Cormack S.* A Mausoleum at Ariassos, Pisidia // *Anatolian Studies*. 39. 1989. P. 31.

⁴ *Ibid.* P. 127.

С середины III в. готские и сасанидские нашествия, землетрясения, эпидемии и бандитизм беспокоили эту часть Анатолии. Последствия катастрофической имперской монетарной политики и инфляции из-за сокращения экономики ощущались, например, в Сиде¹. Статистический анализ монет III в. указывает на увеличение производства серебряных и бронзовых монет. Однако это явление имеет какое-то отношение к обесцениванию валюты в империи и особенно в римской Малой Азии.

Тем не менее, оценить последствия наступивших проблем непросто. Начавшийся экономический кризис, должно быть, вызвал сложности в городе, поскольку известно, что Термесс пришел в упадок в конце III в. и потерял свое значение в IV веке². Однако исследования в Мелли около Ариасса рисуют другую картину. В городе были монументальные храмы-гробницы и в позднеримский период, т.е. в III и IV вв. Несомненно, эти могилы являются индикатором благосостояния горожан в период общего экономического кризиса. Сельское население Анатолии не пострадало от кризиса III века. Эти примеры важны, поскольку они показывают, что может быть ошибочно принимать только обстоятельства империи в целом в качестве критерия для датировки памятников Писидии.

Монета, найденная в почве, извлеченная при незаконных раскопках в гипосории №85, подтверждает дату, данную Сарой Кормак, но сужает ее. Ариасс чеканил монеты от позднеэллинистического периода до эпохи Августа, когда он был присоединен к Галатии, и между правлением Антонина Пия и Галлиена/Салонины³.

На аверсе этой монеты изображен одетый бюст Филиппа I в кирасе, его увенчанная лучами голова смотрит вправо. Надпись гласит: IMP. ФИЛИППОС. На реверсе надпись FELICITAS IMPPP, окруженная лавровым венком. Это серебряная монета, отчеканенная римским монетным двором (монеты Филиппа 1956 г. из кладов Западной Малой Азии). Дата (247-249 гг.) этого очень распространенного типа обеспечивает конечную точку гробницы. Предложение Сары Кормак о сравнении погребения №3 из того же некрополя с аркой Александра Севера на основе архитектурных деталей, кажется, подтверждает эту дату.

Большие размеры и общий впечатляющий вид мавзолея позволяют предположить, что он принадлежал аристократу, возможно, местному городскому магистрату и эвергету. Имя владельца неизвестно, хотя он, безусловно, был важной персоной, что подтверждается и близостью гробницы к общественным зданиям. Мы можем предположить, что она принадлежала человеку с высоким статусом, такому как Диотим, сын Самоса, известному из многих надписей в городе как благодетель, который воздвиг арку в восточном конце главной улицы. Или в честь Севера Александра в 231–233 гг., который

¹ *Nolle J.* Side. Zur Geschichte einer kleinasiatischen Stadt in der römischen Kaiserzeit im Spiegel ihrer Münzen // *Antike Welt*, 1990. P. 244.

² *Abbasoğlu H.* 1986 Yılı Termessos Yüzey Araştırmaları // *Araştırma Sonuçları Toplantısı*. V.1. Ankara, 1988: P. 213.

³ *Olçay N.* Ariassus Definesi // *İstanbul Arkeoloji Müzeleri Yıllığı*. 15-16. 1969. P. 289.

стал гимнасиархом в 238/239 г., а затем, несмотря на свой возраст, – имперским жрецом.

Следовательно, датой строительства мавзолея может быть предложена 2-я четверть III в. Имеющиеся исторические и археологические данные не указывают имени владельца, но возможно, что №8 принадлежал Диотиму.

ON THE QUESTION OF DATING THE MAUSOLEUM IN ARIASSE (PISIDIA)

A.Yu. Pashkova (Belgorod)

The article presents a brief description of the mausoleum in Ariassa. Since Pisidia, a mountainous region that also includes Ariassus, was not a province before Diocletian, it should be considered as a geographical designation. The region bordered Lycia to the southwest, Isauria to the east, and Phrygia to the west.

Keywords: mausoleum, religion, Christianity, Ariass, Pisidia.

АНДРИАКЕ – ГЛАВНЫЙ ПОРТОВЫЙ ГОРОД ЛИКИИ

Е.П. Веретенникова (Белгород)

В статье рассматривается влияние порта Андриаке на развитие экономических и политических отношений региона Ликии. Также рассматривается то, что данный порт был и центром консолидации и расселения полонников, стекавших сюда из различных регионов.

Ключевые слова: Андриаке, торговля, паломники.

Ликийский регион усеян горными хребтами, что мешало развитию экономических отношений внутри страны. Сухопутное передвижение внутри страны отнимало в два раза больше времени, поэтому был развит на данной территории морской путь. Внутренние гавани, ручьи и глубокие долины взаимосвязаны таким образом, что они текут через обширную территорию Ликии, и время транспортировки значительно увеличивается.

Морской путь являлся одним из основных путей для внешнеэкономических связей на протяжении всей истории Ликии от эллинистического периода до ранневизантийского.

В римский период появляется достаточное количество портов, которые способствовали росту городов. Главным являлся порт Андриака, который находится в 5,5 км от столицы Ликии – города Миры.

Порт был особенно развит в римский период и был межрегиональным в Средиземноморье. Своего расцвета он достиг при императоре Адриане во II веке. Он является не просто портом, но и главным промышленным и торговым центром региона.

Транспортировка кораблестроительного леса охватывала все Восточное Средиземноморье, особенно ценился ликийский кипарис и кедр; также перевозили шафран, оливковое масло, рыбу из Египта в Афины, Рим, а затем и Константинополь; все это происходило через данный регион¹. Он обеспечивал надёжную защиту товара².

Во время археологических раскопок в 2010 г. было найдено зернохранилище, или гранария, на запад от агоры. Известно, что оно занимало размер от 64,24 x 38,65 м и с высотой стен 6,4 м, которые состояли из 8 секций, соединённых между собой внутренними дверями с индивидуальным выходом. На одной из стен была найдена надпись «Склады императора Цезаря Траяна Адриана Августа, сына божественного Траяна Парфянского, внука божественного Нервы, трижды консула». Известно, что данные гранарии использовались не только для хранения зерна, масла и вина, но и для нужд

¹ *Lemaître L., Waksman S.Y., Arqué M.-C., Pellegrino E., Rocheron C. ve Yener-Marksteiner B. Identité régionale et spécificités locales en Lycie antique: l'apport des céramiques culinaires // Euploia. La Lycie et la Carie Antiques. Dynamiques des territoires, échanges et identités / Eds. P. Brun, L. Cavalier, K. Konuk ve F. Prost. Bordeaux, 2013. P. 189-212.*

² *Özdilek B. Andriake limanından ele geçen DSD grubu/Kıbrıs Sigillatları ışığında Lykia'nın Doğu Akdeniz ile deniz ticareti // Phaselis Issue, IV. 2018. S. 56-77.*

государства. Здесь хранились запасы зерна на случай возможных нужд столицы и армии¹.

В 7 секции были найдены монеты Маврикия (VI в.), которые подтверждают существующую связь между Ликией и Византией.

Другим важным открытием являлась агора, на которой происходили основные торговые операции. Она размещена на прямоугольнике размером 60 х 40 м. Её вход выходит на левый берег (север).

Помимо развития порта как важного экономического центра, сюда стекались паломники, которые позднее разъезжались по всей стране. Это являлось дополнительным источником дохода Ликии.

На территории Андриаке была найдена церковь, построенная, возможно, в V веке. Церковь представляет собой большую трехнефную базилику. Церкви строились в основном для того, чтобы оказать первую в порту службу паломникам, прибывшим в Миры для поклонения св. Николаю. Архитектурная пластика здания и мозаичные напольные покрытия отражают высокий уровень культурного развития региона и его богатство.

В результате раскопок 2009 г. на территории порта Андриаке была найдена синагога. Она была построена для использования как еврейской общиной в порту, так и в первую очередь евреями, приехавшими в порт для торговли. Поэтому рельефы, найденные в синагоге, имеют большое значение с точки зрения понимания еврейского бытия².

Порт потерял свою ценность и был полностью разрушен в VII веке. На это повлияли арабы, которые мешали функционированию торговли в данном регионе.

ANDRIAKE – THE MAIN PORT CITY OF LYCIA

E.P. Veretennikova (Belgorod)

The article examines the influence of the port of Andriaka on the development of economic and political relations in the region. It is also considered that this port was also the center of consolidation and resettlement of pilgrims who flocked here from various regions.

Key words: Andriake, trade, pilgrims.

¹ Çevik N., ve Bulut S. Myra ve Andriake Kazıları 2010 / Excavations at Myra and Andriake in 2010 // ANMED, 9. 2011. P. 59-70.

² Çevik N., Çömezoğlu Ö., Öztürk H.S., Türkoğlu İ. A Unique Discovery in Lycia: The Ancient Synagogue at Andriake, Port of Myra // Adalya. 13. 2010. P. 335-366.

К ВОПРОСУ О ВОЕННЫХ РЕФОРМАХ ИМПЕРАТОРА ГАЛЛИЕНА

С.В. Ярцев (Тула)

Сложная тема военных реформ императора Галлиена (260–268 гг.), уже давно вызывает интерес у исследователей. Скорее всего, именно высокая эффективность кавалерии в борьбе против вторгшихся во второй половине III в. на территорию империи варваров, создала предпосылки для проведения преобразований в армии, главной целью которых было срочное усиление кавалерийских подразделений. Это предвосхитило не только реформы Диоклетиана, но и дальнейшее развитие всей кавалерии в Византийской империи. Видимо только после начала данных реформ, на фоне сложившейся тяжелой ситуации в государстве, вызванной варварскими нашествиями, у армейских офицеров появилась возможность отеснить от управления в армии сенаторскую знать.

Ключевые слова: Римская империя, император Галлиен, военные реформы, римская кавалерия, готы.

Император Галлиен возглавил Римскую империю в тяжелое для государства время. Его возвышение началось еще в 253 г., когда армия провозгласила императором его отца Валериана. Последний возвысил своего сына Галлиена до статуса Августа, который незадолго до этого сам был поддержан солдатами в Риме и возведен сенатом в ранг Цезаря. Буквально сразу же Галлиену пришлось отражать нападения германских племен на рейнском участке границы и укреплять римские крепости на левом берегу Рейна¹.

Положение, которое сложилось здесь для империи было просто катастрофическое. Франки несколькими своими мобильными армиями по тридцать тысяч человек, смогли прорвать лимес в нескольких местах, опустошая Галлию и Испанию. Одновременно алеманны перейдя Альпы, смогли вторгнуться в Италию. Однако это было еще не все. Кульминационный момент кризиса наступил в 260 г., когда Валериан попал в плен персам (Zosim., I, 36,2; Vict. Caes., 32, 5), после чего в ряде мест некоторые военачальники стали подымать мятежи, провозглашая себя императорами².

В сложившейся ситуации Галлиен провел ряд реформ, из которых наибольший интерес вызывают преобразования связанные с изменениями в структуре и организации армии. Тем не менее, единой точки зрения на содержание данных реформ нет до сих пор. Большинство ученых считают, что в ходе их проведения при каждом легионе были созданы и организованы отряды легкой и тяжелой кавалерии, которые в принципе не являлись чем-то новым для римлян. Они были хорошо известны еще со времен Адриана³. При

¹ Грант М. Римские императоры: Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н.э. – 476 г. н.э. М.: Terra – Книжный клуб, 1998. С. 195.

² Там же. С. 196–197.

³ Grosse R. *Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung*. Berlin, 1920. S. 3; Eadie J.W. The development of Roman mailed cavalry // *Journal of Roman Studies*. 1967. 57. P. 168; Christol M. La carrière de Traianus Mucianus et l'origine des protectores // *Chiron*. 1977. Bd. 7. P. 393; Van Berchem D. Armee de frontiere et armee de manoeuvre: alternative strategique ou politique? // *Studien zu den Militargrenzen Roms*.

этом некоторые ученые оспаривают создание таких отдельных кавалерийских частей¹, или вообще утверждают, что они были противоположны реформам Диоклетиана², ко времени которого окончательно были расформированы³. Тем не менее, уже то, что Галлиен свел римские отряды кавалерии в отдельные подразделения, способные успешно решать поставленные перед ними задачи⁴, то есть, создал мобильную армию, которую можно было быстро перемещать из одной точки империи в другую⁵, означает, что он фактически предвосхитил реформы Диоклетиана и Константина, сформировавшие военную систему Поздней Римской империи⁶.

В своем недавнем исследовании Е.А. Мехмадиев вновь поднимает вопрос о так называемой «старинной организации легиона», включавшей в себя 10 когорт (6100 пехотинцев и 730 всадников) (Veg. RM., II, 6)⁷. Напомним, что еще Х.М.Д.Паркер говорил, что эта фраза Вегеция отражает именно военные реформы императора Галлиена, который резким повышением численности легионной конницы теперь делал возможным организацию подвижных отрядов мобильной кавалерии⁸. Е.А. Мехмадиев в качестве дополнительного аргумента по данной проблеме привлекает надпись из Нижней Мёзии, датированную периодом между 227 и 253/255 гг. и опубликованную Т. Сарновским, в которой фигурирует фраза «новая организация». Из нее следует, что, хотя легионные всадники еще не выделились в самостоятельные подразделения, их численность ко времени правления императора Галлиена действительно явно выросла. Похоже, что начало этого процесса действительно уходит еще во времена императоров

II: Vortrage des 10. Internationalen Limeskongresses in der Germania inferior / Red. D. Haupt, H. G. Horn. Köln, 1977. S. 541–543; Dixon K.R., Southern P. The Roman Cavalry: From the First to the Third Century AD. New York, 2000. P. 30; Глушанин Е.П. Предпосылки реформ Галлиена и их место в процессе трансформации римской армии // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи / Под ред. В.М. Строецкого. Горький: ГГУ им. Н.И. Лобачевского, 1985. С. 95–105; Сергеев И.П. Римская империя в III веке. Проблемы социально-политической истории. Харьков: Майдан, 1999. С. 59–61; Банников А.В. Эволюция римской военной системы в эпоху Поздней империи. Автореф. ... канд. дис. СПб., 2003. С. 16; Банников А.В. Эволюция римской военной системы в I–III вв. (от Августа до Диоклетиана). СПб.: Евразия, 2013. С. 99–109; Куликова Ю.В. Концепция власти в эпоху солдатских императоров // Studia Historica. 2007. VII. С. 142–149; Циркин Ю.Б. «Военная анархия» в Римской империи. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 218–219.

¹ Ziolkowski A. Storia di Roma. Milano: Mondadori, 2000. P. 408.

² Van Berchem D. Op. cit. P. 542–543.

³ Southern P., Dixon K.R. The Late Roman Army. London; New Haven: B.T. Batsford; Yale University Press, 1996. P. 15.

⁴ Банников А.В. Эволюция ... С. 107.

⁵ Глушанин Е.П. Ук. соч. С. 101.

⁶ Там же. С. 96.

⁷ Мехмадиев Е.А. Военная организация поздней Римской империи в 253–353 гг.: от реформ императора Галлиена до периода Тетрархии (253–305). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 82–84.

⁸ Parker H.M.D. The Antiqua Legio of Vegetius // The Classical Quarterly. 1932. V. 26. N. 3/4. P. 142–147.

Адриана и Марка Аврелия¹. Император Галлиен только продолжил эту тенденцию в сторону создания крупных мобильных армий, включавших в себя несколько войсковых группировок, из которых кавалерийская постепенно стала превращаться в основную ударную силу². По мнению Е.А. Мехмадиева, во время правления Галлиена основной упор был сделан на организацию вексилляций смешанного кадрового состава, где служили как всадники, так и пехотинцы³.

Тем не менее, хотелось бы обратить внимание также и на причины такой существенной реорганизации структуры римской армии. Император Галлиен принимая решение по созданию мобильной армии, основанной на вексилляциях, безусловно, должен был преследовать, какую-то свою, строго обозначенную цель. Ю.Б.Циркин, следуя за Р. Гроссе, согласился с тем, что Галлиен организацией «боевой кавалерии» хотел устранить из армии сенаторов и полностью уничтожить сословные перегородки в армии⁴. По мнению ученого, Галлиен опасался соединения традиционного авторитета сенаторов с должностью командующего армией, что сильно облегчало узурпаторам захват власти. Хотя, судя по тому, что последние нередко были людьми незнатного происхождения, Галлиену, действительно следовало бы опасаться не столько сенаторов, сколько представителей новой военной власти, которые появились, в том числе, и в результате его собственных реформ⁵.

Нам представляется, что отрыв senatorского сословия от командования в армии и вытеснение его с доминирующих позиций в государстве не могло являться главной целью военных преобразований Галлиена. В противном случае сложно будет объяснить концентрацию внимания императора и его окружения в ходе проведения этих реформ именно на развитии кавалерии. В этой связи Ю.Б. Циркин справедливо заметил, что в основе ускорения проведения военной реформы лежала неблагоприятная военно-политическая ситуация в государстве, в первую очередь, связанная с выявленной неспособностью действующей римской армии противостоять варварским вторжениям⁶. Созданные же усилиями Галлиена воинские подразделения с ударной кавалерийской силой (особенно далматские всадники) сыграли решающую роль в разгроме готов, в том числе и в войнах, которые вели преемники императора⁷. Речь идет о сражениях Клавдия II с готами, в которых основной удар по варварам был нанесен именно далматской

¹ Мехмадиев Е.А. Ук. соч. С. 84–86.

² Britton P.D. The military and administrative reforms of the emperor Gallienus. Masters thesis. Durham University, 1981. P. 25-26, 37-38, 44-50; Southern P., Dixon K.R. Op. cit. P. 11-13.

³ Мехмадиев Е.А. Ук. соч. С. 86–98.

⁴ Grosse R. Op. cit. S. 11.

⁵ Циркин Ю.Б. Ук. соч. С. 227–228.

⁶ Там же. С. 218.

⁷ Холмогоров В.К. Диоклетиано-константиновская военная реформа и римская армия IV века н.э. / Арх. СПб ИИ РАН. Русская секция. Ф. 276. Оп. 2. Ед. хр. 49. Гл. I. С. 4.

конницей (Zosim., I, 43, 2; SHA, Claud., XI,9). В дальнейшем при Аврелиане римской кавалерии удалось разгромить даже тяжеловооруженных всадников Зенобии (Zosim., I, 50,3)¹.

Очевидно, что именно конница оказалась самым эффективным средством борьбы против готов в период кризиса III в. Причина этого была, по-видимому, в том, что готы и все германские народы традиционно сражались пешими отрядами, в глубоком построении (Procop. Bel. Goth., I, 22, 4; IV, 35, 19)². Во времена Галлиена конница у готов еще не была развита, и им приходилось отбиваться от римской кавалерии при помощи так называемого вагенбурга³. Так, успешно осаждая Кассандрию и Фессалонику, «пришли известия о приближении императора⁴. Из-за этого варвары двинулись внутрь страны и попытались опустошить всю местность вокруг Добера и Пелагонии. Там они потеряли три тысячи человек при столкновении с далматинской конницей. Даже после таких поражений они вступили в сражение с императорской армией» (Zosim., I, 43,1–2). Видимо, узнав о подробностях новой тактики Галлиена, который «встретился с готами» и «перебил их множество», «скифы, сделав укрепление из телег, попытались бежать через гору Гессак» (SHA, Gall., XIII, 9).

Следовательно, именно по причине угрозы римской кавалерии, варварам приходилось передвигаться теперь по враждебной территории, «толкая перед собой свои повозки для защиты» (Zosim., I, 45,1). Но даже в этом случае «римская конница нападала на скифов по дороге, многих убивая» (Zosim., I, 45,1). Под Гемой же, где варвары были полностью окружены конницей и пехотой, им пришлось дать последний бой. Но даже в этой непростой ситуации, когда, казалось бы, «римляне терпят поражение в этой жестокой битве», и многие из них «уже были убиты, появление конницы уменьшило степень понесенного поражения» (Zosim., I, 45,2).

Таким образом, именно высокая эффективность кавалерии в борьбе против вторгшихся на территорию империи варваров создала предпосылки для проведения реформ в армии, главной целью которых было срочное усиление кавалерийских подразделений.

Это предвосхитило не только реформы Диоклетиана, но и дальнейшее развитие всей кавалерии в Византийской империи⁵. Видимо, только после начала данных преобразований императором Галлиеном, на фоне сложившейся тяжелой ситуации в государстве, вызванной варварскими нашествиями, у армейских офицеров появилась возможность оттеснить от управления в армии сенаторскую знать, чем они и не преминули воспользоваться.

¹ Банников А.В. Ук. соч. С. 108.

² Нефёдкин А.К. Готы. Первая полная энциклопедия. М.: Эксмо, Яуза, 2017. С. 74.

³ Там же. С. 76.

⁴ Императором в это время был Галлиен.

⁵ Банников А.В., Морозов М.А. Византийская армия (IV–XII вв.). СПб.: Евразия, 2017. С. 70–84.

ON THE QUESTION OF MILITARY REFORM OF THE EMPEROR GALLIEN**S.V. Yartsev (Tula)**

The complex topic of the military reforms of Emperor Gallienus (260-268) has long been of interest to researchers. Most likely, it was the high efficiency of the cavalry in the fight against the invaders in the second half of the 3rd century. on the territory of the barbarian empire, created the prerequisites for carrying out transformations in the army, the main purpose of which was the urgent strengthening of its cavalry units. This anticipated not only the reforms of Diocletian, but also the further development of the entire cavalry in the Byzantine Empire. Apparently, only after the start of these reforms, against the backdrop of the current difficult situation in the state caused by barbarian invasions, did the army officers have the opportunity to push the senatorial nobility out of control in the army.

Key words: Roman Empire, Emperor Gallienus, military reforms, Roman cavalry, Goths.

К ВОПРОСУ О ДАТЕ НАПАДЕНИЯ ГУННОВ НА ГРЕЙТУНГОВ

А.А. Внуков (Тула)

В данной статье автором рассматривается вопрос о дате нападения гуннов на грейтунгов Эрманариха. Анализируя письменные источники – тексты античных и средневековых историков, а также германо-скандинавский эпос, дошедший до современных дней – автор приходит к выводу, что военная кампания основной массы гуннов против грейтунгов проходила в период между маем и концом июля 376 г. Именно в то время, когда кочевники были на пике своего военного могущества, продовольствия и средств для ведения боевых действий у кочевников было достаточно, чтобы обеспечить себе успех в предстоящих сражениях против такого могущественного врага, как готы Эрманариха.

Ключевые слова: гунны, готы, грейтунги, военная кампания, набег, дата.

За почти трехсотлетний период изучения истории европейских гуннов, зарубежная и отечественная историография пополнилась большим количеством теорий и гипотез. Многие вопросы до сих пор не находят однозначного решения и имеют полярные точки зрения. К примеру, среди таковых можно назвать дату прихода основного полчища гуннов в Северное Причерноморье.

Некоторыми советскими и российскими исследователями вторжение гуннов в понтийские степи отмечено началом 370-х годов¹. А.Н. Бернштам и М.И. Артамонов обозначали точную дату – 371 год². М.Б. Щукин считал, что приход гуннов в Северное Причерноморье и их борьба с Эрманарихом происходила в 375 году³. Британский историк П. Хизер склонен полагать, что нашествие гуннов произошло в период с 375 по 376 год⁴. Другие же исследователи датируют эти события 376 годом⁵.

Позднеантичные историки тоже не сходились во мнениях, когда гунны обрушили все свои основные силы на готов. Аммиан Марцеллин утверждал, что гунны вторглись в земли грейтунгов в конце ноября 375 года, то есть в период, когда императором был провозглашён Валентиниан II (Amm. Marc., XXX, 10. 5; XXXI, 1; XXXI, 2, 1). Павел Орозий отмечает, что вторжение

¹ Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л.: ЛГУ им. Жданова, 1951. С. 149; Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб.: АО «Эллипс», 1994. С. 142.

² Бернштам А.Н. Ук. соч. С. 149; Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С. 45.

³ Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 232.

⁴ Хизер П. Падение Римской империи М.: АСТ, 2019. С. 236.

⁵ Maenchen-Helfen O. The world of the Huns. Studies in Their history and culture. Los Angeles: University of California Press, 1973. P. 18; Bona I. Das Hunnen-Reich. Budapest, 1991. P. 9; Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. Греко-варварский Крым в период Поздней античности (III-IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. С. 252, 257; Манасерян Р.Л. Гунны в отношениях с Ближним Востоком и Римским Западом. СПб.: Алетейя, 2019. С. 35.

гуннов произошло на тринадцатый год правления Валента, а значит в период с 376 по 377 год (Oros., VII, 32, 9). Зосим полагал, что гунны перешли Боспор Киммерийский лишь после того, как в начале 376 г. исавры разорили округу городов Ликии и Памфилии (Zos., IV, 20, 1-5).

Следовательно, правы те современные исследователи, которые считают, что нападение гуннов на грейтунгов произошло в период 375-376 гг. Однако такая датировка представляется слишком расплывчатой. Хотя стоит сказать, что, по нашему мнению, 376 г. – это наиболее вероятный год вторжения кочевников в Северное Причерноморье. Не только из-за отражения его в письменных источниках, но и из-за того, что такая датировка в целом согласуется с историей дальнейшей череды событий.

Если следовать рассказу Аммиана Марцеллина (Amm. Marc., XXXI, 3, 1), то представляется, что нашествие гуннов в понтийские степи было стремительным и внезапным. Конечно, готы в течение долгого времени старались дать кочевникам решительный отпор и отбиться от врага (Amm. Marc., XXXI, 3, 1), но к осени 376 г. основные очаги сопротивления грейтунгов, вероятно, были подавлены номадами, так как в это время наблюдается движение тервингов к Дунаю¹. Последние же в борьбу с захватчиками вступили позже грейтунгов, пытаясь действовать на опережение (Amm. Marc., XXXI, 3, 4-5; Iord. Get., 131). Следовательно, можно сказать, что вторжение гуннов в понтийские степи могло произойти в 1-й половине 376 г.

Не противоречат этому тезису и другие, более поздние, источники. Так, к примеру, в «Стратегиконе Маврикия» имеется рекомендация о превентивном ударе по скифским и гуннским народам. Автор текста отмечает, что на кочевников следует нападать «в феврале или марте, когда лошади ослаблены из-за трудностей зимнего времени, и вести с ними сражения как против лучников» (Strat., VII). В германских песнях также отмечается слабость гуннских войск зимой. В песне «О битве готов с гуннами» древний сказатель подчеркивает, что гунны в течение зимы вели длительную подготовку к предстоящей кампании против войск Ангатюра. «[Хумли] сказал: мы проведем эту зиму в довольствии, станем беседовать, мёд распивая; гуннов научим оружие готовить и смело его в бой понесем. Славную, Хлёд, соберем мы дружину, доблестно будут воины биться, герои-юнцы на двухлетках-конях, войско такое будет у гуннов» (Hlöðskv., 14-15). Согласно преданию, кочевники выступали в поход только весной.

У Саксона Грамматика в «Деяниях данов» сохранилась легенда о битве данов с гуннами. Конечно, стоит признать, что данный текст генетически восходит к предыдущему источнику², однако игнорировать его не представляется возможным. Саксон Грамматик прямо не упоминает время, когда Гун совершил набег на земли германцев. Известно лишь, что номады

¹ Клауде Д. История вестготов. СПб.: Евразия, 2003. С. 11. Вольфрам Х. Готы. СПб.: Ювента, 2003. С. 171.

² Шаровольский И.В. Происхождение сказания о битве готов с гуннами // Сказание о мече Тюрфинге: сага о потомках Арнгрима. М.: Вече, 2021. С. 244-250.

готовились к походу около двух лет, и лишь затем выдвинулись в путь. Судя же по контексту, вся кампания проходила в период между летними и осенними месяцами (*Gesta Dan.*, V, 7, 1-13). В этой связи интересно и то, что большинство известных набегов гуннов в период их господства в европейском барбарикуме проходило в обозначенное время, т.е. летом и ранней весной.

Следовательно, вряд ли бы гунны изменили бы свои сложившиеся привычки и в 376 г. Поэтому мы не уйдем далеко от истины, если предположим, что военная кампания основной массы гуннов против грейтунгов проходила в период между маем и концом июля 376 г. Именно в то время, когда кочевники были на пике своего военного могущества, когда продовольствия и средств для ведения боевых действий у номадов было достаточно, чтобы обеспечить себе успех в предстоящих сражениях против такого могущественного врага как Эрманарих.

ON THE DATE OF THE HUN ATTACK ON THE GREUTUNG

A.A. Vnukov (Tula)

In this paper, the author examines the question of the date of the Hun attack on the Greutung Ehrmanarich. Analyzing written sources - texts of ancient and medieval historians, as well as the Germanic-Scandinavian epos that survived to our days – the author concludes that the military campaign of the majority of the Huns against the Greutungs It was the time when the nomads were at the peak of their military power, when they had enough food and funds for fighting enough nomads to ensure their success in the upcoming battles against such a powerful enemy as the Goths Ermanarich.

Key words: Huns, Goths, Greutung, military campaign, raid, date.

ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ ВТОРЖЕНИЯ ГОТОВ НА ИБЕРИЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Е.Ю. Шехлодорова (Москва)

В статье рассматриваются причины и предпосылки заселения вестготов в Испанию. Приводится краткий экскурс в историю готов. Выделяется несколько причин, приведших к завоеванию Испании вестготами.

Ключевые слова: готы, вестготы, вторжение, Испания, Иберийский полуостров, франки, Восточная Римская империя.

Готы – древнегерманские племена, происходящие из Скандинавии. Это объединение сыграло большую роль в европейской истории. Но для того, чтобы понять, как это произошло, нужно разобраться в причинах их расселения по Европе.

По одной из легенд готы попали на материковую Европу с острова Скандзы (Iord. Get. 25-26). Существует также версия о том, что готы являются частью вандалов (Plin. Hist. IV, 99). Одной из самых достоверных теорий расселения готов из Скандинавии¹ является их миграция в сторону устья Вислы. Самый вероятной причиной этого была демографическая проблема, то есть было перенаселение на так называемом Иорданом «острове». В 375 г. готы подвергаются нашествию гуннов и делятся на две части – восточную и западную. В 395 г. был провозглашён королём вестготов – Аларих², который в время Великого переселения народов вместе с рядом других племён отправился на запад.

В 415 г. вестготы, которые ранее обосновались в Южной Галлии, перешли через Пиренеи. Во главе с королём вестготов – Атаульфом они заняли территории Барциноны и несколько городов Тарраконской Испании. Атаульф, покидая Галлию, вероятнее всего, хотел обосноваться в Тарраконской Испании, в провинции, которая на тот момент была под властью Римской империи.

Атаульф пытался создать государство по своему плану, используя родство с Гонорием, и поэтому боролся с другими варварами, которые уже обосновались на территории Испании (Iord. Get. 163). Новый король вестготов – Валлия решил вернуться к плану Алариха и продолжить путь в Африку, но это обернулось неудачей из-за шторма, который погубил вестготские корабли, и он был вынужден вернуться в Испанию (Oros. VII, 43, 11; Iord. Get. 173).

Вестготы попадают в затруднительную ситуацию со стороны римлян и других варварских племён. Рим предлагает им заключить договор, при котором они обязывались воевать с варварскими племенами, за что будут получать 600 тысяч мер хлеба. Так как с римлянами Валлия воевать не решается, он тотчас соглашается (Olymp, fr. 31; Oros. VII, 43, 12-13; Iord. Get. 165).

¹ Kahlos M. Roomalaiset ja barbaarit. Helsinki, 2020. S. 123, 197.

² Kivimäki A., Tuomisto P. Rooman keisarit. Hämeenlinna, 2001. S. 362–364.

По условиям договора Валлия начинает воевать с вандалами, которые обосновались в Бетике, и аланами (Oros. VII, 43, 15; Hydat. 60; Sid. Ap. Carm. II, 363). Военные действия продолжались на протяжении двух лет и привели к полному разгрому силингов (Hydat. 60-63, 67-68). Вскоре после силингов вестготы обрушились на аланов, часть из которых перешла на сторону вандалов, по итогу полностью уничтожив армию аланов. Риму не хотелось присваивать победу вестготам, поэтому в 418 г. по приказу Констанция прекращаются военные действия, и вестготы покидают Испанию и уходят в южногалльская провинцию, в том числе и в Тулузу (Chron. Min. I, 469; II, 19; Prosp. Tir. 1271).

Вскоре вестготы снова переходят Пиренеи и обосновываются на юго-западных территориях Галлии, делая своей столицей Тулузу (Hydat. 69). Это и говорит нам о возникновении Тулузского королевства у вестготов.

Во 2-й половине V в. вестготы захватывают всю Галлию, а также огромную часть территорий Испании. Позднее, в VI веке франки завоёвывают Тулузское королевство, и оно входит в состав Франкского королевства.

Кроме того, всё в том же веке император Восточной Римской империи Юстиниан предпринимает попытку восстановить власть в границах прежнего единого государства. Он захватывает южную и юго-восточную часть Иберии, основав там провинцию *Spania*¹.

Однако данные владения удалось удерживать всего лишь 70 лет. Если не учитывать Балеарские острова, то византийцы лишились Испании в 623-625 гг. умелыми действиями короля вестготов Свинтилы (Isid. Hist. 62). Тем не менее, византийское присутствие укрепило вестготскую торговлю, благодаря налаженной захватчиками чеканке более мелкой монеты².

Для понимания вторжения вестготов в Испанию и последующего создания на этой территории государства необходимо выявить причины того, почему вестготы решили пойти именно в Испанию. Во-первых, стоит сказать о том, что Испания сама по себе была более богата ресурсами, чем другие регионы. В Бетике в шахтах, которые работают и по сей день, добывали ртуть, серебро и медь³.

Помимо этого, в Тарраконике и в Бетике было развито сельское хозяйство⁴, а именно производство оливок, которые потом экспортировали в Рим и северную Европу. Также в Испании были активные поставки из Карфагеники, Бетики и Тарраконики солений, об этом нам говорят остатки фабрик, где помимо солёной рыбы изготавливали известный на всю империю соус гарум⁵. Во многих

¹ *Ripoll Lopez G.* Acerca de la supuesta frontera entre el Regnum Visigothorum y la Hispania bizantina // *Pyrenae*. 1996. N 27. P. 253—254.

² *Lechuga Galindo M.* Una aproximación de la circulación monetaria de época tardía en Cartagena // V Reunión d'Arqueologia Cristiana Hispànica: Cartagena, 16-19 d'abril de 1998. 2000. P. 342.

³ *Blazquez J.M.* Nuevos estudios sobre la romanización. Madrid, 1989. P. 478-479.

⁴ *Marcos Pons A.* Localización y conocimiento de la Córdoba prerromana // *Ampurias*. 1976-1978. T. 38-40. P. 420.

⁵ *Mangas Manjarres J.* La sociedad de la Hispania Romana // *HE*. T. II, 2. P. 64.

античных источниках говорится о качестве испанского винного производство, некоторые сорта высоко ценились в Италии. Также в Испании добывался минерал *lapis specularis*, который использовался для изготовления окон.

Во-вторых, при выборе Испании в качестве региона для основания королевства, готы могли руководствоваться внешнеполитической ситуацией.

В конце V века королём франков становится Хлодвиг, и в 507 г. после сокрушительного поражения вестготов встаёт вопрос о дальнейшем существовании Вестготского королевства. Они покидают Аквитанию и массово переселяются на территорию Испании.

В-третьих, изначально Испания вообще не планировалась быть окончательной территорией для расселения вестготов. В 415 г. под руководством короля Валлии вестготы входят в Иберию, для дальнейшей переправы через Гибралтар, чтобы обосноваться на территории Северной Африки. Валлия терпит крушение вестготских кораблей из-за бури и заключает договор на службу с Римом, в котором он обязывался воевать с варварскими племенами¹.

В-четвёртых, после удачных военных походов против вандалов и аланов император Римской империи даёт во владения территории на юге Галлии (*Chron. Min.* I, 469; II, 19; *Prosp. Tir.* 1271), где король Валлия в 418 г. основывает первое Вестготское королевство со столицей в Тулузе (*Hudat.* 69), получившее название Тулузского². Определяя территорию вестготам, римский император ставил задачу защищать империю от северо-западной Галлии, где бунтовало местное население. Вскоре, видя слабость Западной Римской империи, вестготы окончательно закрепились на Пиренейском полуострове.

Таким образом, можно сказать, что у вторжения вестготов на Пиренейский полуостров были свои причины и предпосылки. На данные события повлияла внешнеполитическая обстановка; осознание того, что крупная империя, с которой сотрудничали эти племена, постепенно близилась к краху; возможная необходимость вестготов в экономически развитом и географически удобном регионе; а также недооценка Валлией возможностей исполнения плана по переселению в Африку. То есть, причин было достаточно много, и скорее всего они дополняли друг друга.

CAUSES AND PREREQUISITES FOR THE INVASION OF THE GOTHS ON THE IBERIAN PENINSULA

E.Yu. Shekhlorova (Moscow)

The article discusses the causes and prerequisites for the settlement of the Visigoths in Spain. A brief excursion into the history of the Goths is given. There are several reasons that led to the conquest of Spain by the Visigoths.

Key words: Goths, Visigoths, invasion, Spain, Iberian Peninsula, Franks, Eastern Roman Empire.

¹ Циркин Ю.Б. Испания от античности к Средневековью. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор История, 2010. С. 110.

² *Orlandis J.* Historia de España. Época visigoda. Madrid, 1999. P. 28—30.

ВОЕННЫЕ КАМПАНИИ ШАПУРА I ПРОТИВ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В.Б. Монькина (Тула)

Статья посвящена войнам Сасанидского государства с Римской империей, происходившим во время правления Шапура I. На основе различных источников приводится анализ военных действий между двумя государствами. Сделан вывод о наличии в Римской империи кризисного положения и нахождении Сасанидской династии на пике своего превосходства.

Ключевые слова: Шапур I, Римская империя, Иран, персы, Сасаниды.

В 227 г. в Иране произошло официальное установление власти династии Сасанидов. Шапур I являлся вторым правителем династии. В 224 г. вместе со своим отцом Ардаширом I он участвовал в битве на равнине Хормиздакан в Месопотамии, где было совершено убийство последнего царя Парфии Артабана V. Шапур I до своей коронации всячески проявлял себя отличным военачальником. В 240 г. Ардашир I провозгласил своего сына соправителем. Коронация Шапура I произошла в 243 г., после смерти Ардашира I.

На протяжении своего правления Шапур I совершил несколько блестящих побед над Римской империей. Триумф Шапура I вызывает интерес у многих исследователей¹. В первую очередь, это вызвано фрагментарными сведениями источников о военных действиях Шапура I со своим западным противником.

За время правления Шапура I выделяют три крупные войны Сасанидского Ирана с Римской империей². Первая война началась в 242 г. с выступления римского императора Гордиана III против Ирана. Шаханшах в это время был занят военными действиями в северных и восточных районах Ирана и соседних районах Средней Азии³. Окружение юного римского императора подтолкнул к решительным действиям факт отсутствия Шапура I с главной армией рядом с римскими границами. В 243 г. римская армия встретила персов в Северной Месопотамии у Решайны. Данное место сражения упоминает Аммиан Марцеллин, который также отмечал, что Гордиан «победил и обратил в бегство персидского царя» (Amm. Marc. XXIII. 5.17). Римские источники сообщают нам о победе римлян в битве при Решайне и отвоевании территорий. Иоанн Зонара отмечает, что римский император разбил врага и отвоевал Нисибис и Карры (Zonar. XII.18). Оттеснение римлянами персов можно объяснить тем, что Шапур I не успел встретить врага значительными силами из-за войны на восточных рубежах.

Но успех Римской империи продолжался недолго. В 244 г. Гордиан погиб. Римские источники указывают на то, что «по проискам преторианского

¹ Мирзоев Е.Б. Шапур I. Триумф над Римом. СПб.: Нестор-История, 2016; *Dignas B., Winter E.* Rome and Persia in Late Antiquity: Neighbours and Rival. Cambridge: University Press, 2007.

² Дашков С.Б. Цари царей – Сасаниды. Иран III-VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях. М.: СМИ-АЗИЯ, 2008. С. 64.

³ Мирзоев Е.Б. Шапур I. Триумф над Римом. С. 80.

префекта Филиппа и нескольких преступных его пособников, его сразил преступный удар» (Amm. Marc. XXIII.5.17).

Надпись Шапура I говорит о другой версии гибели Гордиана: «...и у границы Асурестана, у Мешиха, великое сражение произошло. Гордиан кесарь был убит. И мы Меших поэтому назвали Пероз-Шапур»¹. Данная версия об убийстве Гордиана в бою неудачном для Римской империи представляется достовернее. Шапур I не упоминал о неудачной битве при Решайне с Римской империей, но здесь по праву победителя сделал упоминание². Римская империя скорее всего хотела скрыть свое поражение от персов, поэтому обвинила в убийстве императора префекта претория Филиппа Араба.

С приходом к власти Филиппа I Римская империя была вынуждена заключить с Ираном мир, уступить ему Месопотамию и Армению (Zonar. XII.19). Также предполагалась выплата Римской империей Ирану контрибуции. Филипп I мог заключить этот договор, потому что, став императором, он не был заинтересован в боевых действиях, так как ему было необходимо прибыть в Римскую империю для окончательного утверждения своей власти³.

В 252 г. разразилась новая римско-персидская война⁴. Причиной этому были разногласия, возникшие из-за Армении. Здесь Шапур I разбил римскую армию, состоявшую из 60 тыс. человек, в битве при Барбалиссе, на правом берегу среднего Евфрата⁵. Затем персы вошли в Сирию, где разорили ряд городов. Агафий Миринейский спустя 3 века описал ужасы нашествия персов этого периода: «проклятый Сапор... продвинулся дальше и опустошил Месопотамию и затем, вторгшись в соседние области, ограбил киликийцев и сирийцев и, дойдя вплоть до Каппадокии, совершил безмерное количество убийств, так что впадины и пропасти, ущелья в горах заполнял трупами убитых...» (Agath. IV.24).

К 259 г. армию римского императора Валериана поразила эпидемия⁶. В 260 г. римская ослабленная армия отправилась к Эдессе. Согласно надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры», Валериан был взят в плен и отправлен во владения Сасанидов⁷. В итоге после битвы при Эдессе Шапур I захватил великую Антиохию, Тарс в Киликии и Кесарию в Каппадокии⁸. Среди пленных Шапура I было много ремесленников; также в Антиохии в плен попал епископ, которого вместе с паствой переселили в Хузистан⁹. Пленные были

¹ Дашков С.Б. Указ. соч. С. 64.

² Мирзоев Е.Б. Указ. соч. С. 86.

³ Дмитриев В.А. «Всадники в сверкающей броне»: Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. С. 172.

⁴ Dignas B., Winter E. Op. cit. P. 80.

⁵ Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. М.: Восточная литература, 1961. С. 261.

⁶ Мирзоев Е.Б. Указ. соч. С. 119.

⁷ Мишин Д.Е. Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха. М.: ИВ РАН, 2014. С. 226.

⁸ Мирзоев Е.Б. Указ. соч. С. 132.

⁹ Фрай Р. Наследие Ирана. М.: Вост. лит., 2002. С. 292.

поселены в Парсе, Парфии, Хузистане и других местах, что позволяет выдвинуть предположение о том, что эти места составили позднее ядро христианских общин в Иране.

Если говорить о судьбе Валериана, то римские источники и персидские говорят о разном. Агафий Миринейский пишет о том, что с императора содрали кожу (Agath. IV.23). Фирдоуси упоминает о почтительном отношении Шапура I к Валериану¹. Можно сказать, что условия, в которых находился Валериан, не были слишком тяжелыми, так как современники говорили о том, что в плену император участвовал в политике своего государства, принимал послов. Но, тем не менее, как нам известно, Валериан был единственным из императоров Римской империи, который попал в плен (к сасанидскому правителю) и умер в нем.

На основе выше приведенного анализа источников можно говорить о том, что военные успехи Шапура I и, в конечном счете, пленение римского императора под Эдессой имели огромный резонанс на международной арене для Сасанидского государства.

Также необходимо отметить, что Шапур I определил границы Сасанидского Ирана; позднее они претерпевали изменения, но незначительные и временные². В память о выигранных кампаниях Шапур I отдал приказ выбить неподалеку от Бишапура скальный рельеф, изображающий свой триумф над римскими императорами³.

Победа иранцев скорее объясняется слабостью Римской империи, чем их силой. Возвращаясь из похода, Шапур I подвергся нападению пальмирского царя Одената, вследствие чего войска иранцев были разбиты⁴.

Но все же нужно сказать, что еще ни один противник не наносил такой сокрушительный удар Римской империи как Шапур I. Он победил двух римских императоров, лишил Римскую империю нескольких армий, пленил Валериана. Сасанидская империя благодаря Шапуру I показала свое превосходство над Римской империей, которая, в свою очередь, оказалась в кризисном состоянии и вскоре начала распадаться.

MILITARY CAMPAIGN OF SHAPUR I AND AGAINST THE ROMAN EMPIRE

V.B. Mon'kina (Tula)

The article is devoted to the question of the wars between the Sasanian state and the Roman Empire, which fell during the reign of Shapur I. Based on various sources, an analysis of military operations between the two states is given. It is concluded that there was a crisis situation in the Roman Empire and that the Sasanian dynasty was at the peak of its superiority.

Key words: Shapur I, Roman Empire, Iran, Persians, Sassanids.

¹ Дашков С.Б. Указ. соч. С. 86.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 68.

⁴ Дьяконов М.М. Указ. соч. С. 263.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ВИЗАНТИЕЙ И ХАЗАРСКИМ КАГАНАТОМ

В.Э. Большаков (Тула)

В статье рассматриваются дипломатические отношения между Византийской империей и Хазарским каганатом, войны и конфликты, а также некоторые факты сотрудничества.

Ключевые слова: Хазария, Византия, дипломатия.

Византийская империя и Хазарский каганат были одними из крупнейших и влиятельных государств VIII-X вв. Каждое из них играло главенствующую роль в своём регионе: Византия всё ещё играла роль политического и культурного центра Европы, а Хазария, ставшая главной преемницей Тюркского каганата, контролировала важнейшие торговые пути и вела длительное противостояние с Арабским халифатом. Вассальные территории обеих держав граничили на Кавказе и в Крыму.

Разумеется, между крупными империями, борющимися за влияние в регионе, неизбежны конфликты, причины которых могли быть разными: от сугубо территориальных и экономических до носивших цивилизационный и религиозный характер (противостояние иудаизма и христианства, степи и городской цивилизации, Европы и Азии). Но между этими двумя странами также были налажены сложно устроенные культурные и экономические связи, государства активно участвовали в политической жизни друг друга.

Источниковых сведений, документирующих эти отношения, достаточно мало. Единственным письменным источником из Хазарии является переписка хазарского царя (бека) Иосифа с еврейским сановником в Испании Хасдаем ибн Шафрутом, в которой Византия упоминается вскользь. Расположение же границы Византии с Хазарией в Крыму и Северном Причерноморье, являющимися окраиной империи, объясняет относительно небольшое число сведений об отношениях с Хазарией непосредственно в византийской историографии¹.

Взаимодействия государств началось с установлением власти хазар в Северном Причерноморье в середине VII в. Около 679 г. хазары, преследуя болгар, достигли Дуная, захватив Приазовье и Северопричерноморские степи. Молодая Хазарская держава сразу стала представлять для Византии в то время опасного врага. Вскоре хазарами были атакованы все города и поселения на обоих берегах Боспорского пролива, хазары достигли Чёрного моря. В начале VIII в. они уже контролировали большую часть Крыма, кроме Херсонеса Таврического². Сам же Херсонес в течение всего VII века переживал упадок, очевидно, в связи с хазарскими набегами на Крымский полуостров.

¹ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 26.

² Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 185–186.

Самым заметным упоминанием в контексте политических отношений двух государств является история низложенного византийского императора Юстиниана II, после 692 г. сосланного в Херсонес. Хазарский каган предоставил Юстиниану резиденцию в Фанагории на Таманском полуострове и даже позволил ему взять в жёны свою сестру. Впоследствии Юстиниан, узнав о сговоре кагана с императором Тиверием III, бежал к болгарам, которые помогли ему вернуть власть в Константинополе¹.

Вновь став императором, он в 710 г. решает послать в Крым экспедицию против хазар. Этот поход был вызван тем, что херсонцы отложились от империи и организовали ранее не существовавшее местное самоуправление под протекторатом Хазарии, в связи с чем в городе появился хазарский тудун (наместник), в обязанности которого входил контроль за местным управлением и исправным поступлением соответствующих налогов. Из приказа командиру экспедицией видно, что Юстиниан преследовал ещё более широкие задачи – вернуть Византии не только Херсон, но и Боспор и другие бывшие византийские владения в Крыму.

Из-за неожиданности нападения Херсон был занят войсками Юстиниана без сопротивления. В городе был захвачен тудун и арестованы все представители местной власти. Мириться с такой недружественной политикой недавно поддержанного ими императора Хазария не могла. Вскоре находившийся в ссылке в Херсонесе военачальник Филлипик Вардан не без помощи хазар поднял восстание, разбил войска и казнил Юстиниана, став новым императором². Между Византийской империей и Хазарским каганатом был заключен договор, по которому стороны разделили Крымский полуостров между собой: степной Крым стал хазарским, Византии принадлежал южный и юго-западный Крым с Херсонесом³.

В 787 г. в Крымской Готии, находившейся под властью хазар, вспыхнуло восстание, поддержанное светским правителем области и возглавляемое епископом Иоанном. Хазарский гарнизон был изгнан из столицы области – Дороса, и восставшие захватили горные проходы, ведущие в страну. Однако, хазарский каган вскоре овладел городом⁴.

К 860 г., впрочем, хазары оказались вытеснены из Крыма, что заставило их искать сферы влияния на Кавказе, где у них уже был опыт внешней политики⁵. Так, в 780 г. хазары помогли абхазскому правителю Леону II, у которого мать была дочерью хазарского кагана, освободиться от власти Византии⁶.

¹ Дашков С.Б. Юстиниан II Ринотмет // *он же*. Императоры Византии. М., 1997. С. 79–83.

² Айбабин А.И. Ук. соч. С. 194–195.

³ Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2001. С. 201.

⁴ Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б. Крым в «хазарское» время (VIII – середина X вв.): Вопросы истории и археологии. М.: Неолит, 2017. С. 484–488.

⁵ Там же. С. 403.

⁶ Кривов М.В. Византия и арабы в раннем средневековье. СПб., 2014. С. 129.

Византия также активно противодействовала Хазарии в данном регионе. В конце IX в., во время правления кагана Вениамина, союз из болгар, огузов, печенегов и других племён при поддержке Византии выступил против хазар. Союзниками хазар были аланы. Война закончилась победой хазар и алан. При следующем царе – Аароне – Византия сумела разрушить хазаро-аланский союз, и теперь хазары одолели алан с помощью одного из кочевых вождей¹. Позднее император Константин Багрянородный писал, что в войне с хазарами могут помочь некие узы, видимо имея в виду эти союзы племён (Const. Porth. De adm. Imp. 37. 157–159).

Потеря сфер влияния в Крыму и на Кавказе вынудила Хазарию искать новых союзников, коими оказались племена русов, ставших в IX-X вв. значительной силой в Восточной Европе. Бассейн Каспийского моря входил в сферу экономических интересов русов, поскольку тогда по Каспию проходил путь, связывавший Восточную Европу со странами Востока. Освоение Волжско-Каспийского торгового пути неминуемо должно было поставить русов перед необходимостью налаживания взаимоприемлемых отношений с Хазарией, которая, благодаря своему географическому положению контролировала каспийский участок торговли, а также часть караванных путей между Восточной Европой, Средней Азией, Восточным Закавказьем и Ближним Востоком².

В 939 г. один из русских вождей – Хельг (возможно, князь Олег) – по подстрекательству Византии напал на хазарскую заставу Самкерц на Таманском полуострове. Хазарское войско под командованием полководца Песаха разбило русов, после чего те сами пошли набегом на Византию³.

В 1016 г. византийцы и русы подавили хазарское восстание в Крыму, поднятое Георгием Цулой – стратигом Херсонеса Таврического, мятежным военачальником хазарского происхождения. Византийский монах Георгий Кедрин называет Цулу «хазарским архонтом». На этом основании его иногда считают последним хазарским правителем, а конфликт, соответственно, последней войной Хазарии со своими старыми противниками⁴. Однако, по мнению М.И. Артамонова, речь идёт не о восстании собственно хазар, а о восстании христиан-крымчан, а сам Цула был византийским чиновником, пусть и вторая половина имени выдаёт его хазарское происхождение.

Общей чертой всех этих конфликтов является то, что они велись не самими державами, а руками их союзников: хазары поддерживали восстания населения византийской части Крыма, а Византия направляла на хазар различные коалиции из кавказских и причерноморских племен. Последнее

¹ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 151.

² Коновалова И.Г. Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С. 111-120. С. 111.

³ Гумилёв Л.Н. Сказание о хазарской дани (опыт критического комментария летописного сюжета) // Русская литература. 1974. № 3. С. 160–174.

⁴ Степаненко В.П. К истории средневековой Таврики // Античная древность и средние века. 1992. № 26. С. 125–133. С. 125–126.

было характерной частью внешней политики государства ромеев ещё со времён Рима. Оба государства явно не хотели идти на прямую конфронтацию друг с другом.

Это связано с тем, что обе державы также часто прибегали и к сотрудничеству. Происходило оно, в основном, для противодействия общим врагам, главными из которых были арабы-мусульмане. М.И. Артамонов в своём труде «История хазар» пишет: «Новое утверждение арабов в Закавказье, сопровождавшееся на этот раз организацией там своего управления, привело к новым столкновениям с хазарами, которые в дальнейшем выступают против арабов не только самостоятельно, но и как верные союзники Византии, спасавшие последнюю от окончательного разгрома. Хазары не раз оттягивали на себя силы арабов и тем давали возможность своей союзнице оправиться от поражения и подготовиться к ответным ударам»¹.

Помимо вышеупомянутого союза Юстиниана III с сестрой кагана, был и другой пример династических браков. В 732 г. византийский император Константин V женился на хазарской принцессе, дочери (по данным Феофана) или сестре (по данным Никифора) кагана Вирхора; их сын Лев IV (царствовал в 775-780 гг.) за своё происхождение получил прозвище Хазарин². Династический брак на высшем уровне стал кульминацией хазаро-византийского союза, вызванного необходимостью совместной борьбы двух держав с Арабским халифатом.

Сотрудничество не ограничивалось только династическими союзами. Хазарский город Саркел на Дону был построен около 837 г. при помощи византийских инженеров и архитекторов. По просьбе правителей Хазарии кагана и бека, обратившихся к византийскому императору Феофилу, строительство велось при посредничестве византийских инженеров, во главе с Петроной Каматиром: «Их места расселения простираются вплоть до Саркела, крепости хазар, в которой стоят триста таксиотов (наёмных воинов), сменяемых ежегодно. «Саркел» же означает у них «Белый дом»; он был построен спафарокандидатом (придворный византийский титул) Петроной, по прозванию Каматир, так как хазары просили василевса Феофила построить им эту крепость. Ибо известно, что хаган и пех Хазарии, отправив послов к этому василевсу Феофилу, просили воздвигнуть для них крепость Саркел. Василевс, склонясь к их просьбе, послал им ранее названного спафарокандидата Петрону с хеландиями (вид парусного судна) из царских судов и хеландии катепана Пафлагонии. Итак, сей Петрона, достигнув Херсона, оставил хеландии в Херсоне; посадив людей на транспортные корабли, он отправился к месту на реке Танаис, в котором должен был строить крепость. Поскольку же на месте не было подходящих для строительства крепости камней, соорудив печи и обжегши в них кирпич, он сделал из них здание крепости, изготовив известь из мелких речных ракушек» (Const. Porth. De adm. Imp. 42. 172).

¹ Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2001. С. 202–203.

² Величко А.М. История византийских императоров: от Льва III Исавра до Михаила III. М., 2010. С. 46.

В 862 г. византийский император Михаил III послал в Хазарию посольство, возглавляемое Константином Философом¹. Многие жители Хазарии приняли православие, существовала Доросская митрополия Константинопольского патриархата, объединившая христианское население Хазарского каганата².

Подводя итог, стоит сказать, что, несмотря на огромные культурные и политические различия и конкуренцию за власть в регионе, обе державы за почти 400-летнюю историю взаимоотношений вступали в прямую конфронтацию не так часто. Это можно объяснить различными причинами: от наличия довольно агрессивного и могущественного общего соперника в лице Арабского халифата до сложности для обеих стран в ведении войн на территории друг друга. Но, тем не менее, столь плодотворный опыт взаимодействия государств с настолько сильными политическими, социокультурными и религиозными различиями в период Раннего Средневековья достаточно уникален.

DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN THE BYZANTINE EMPIRE AND THE KHAZAR KHAGANATE

V.E. Bolshakov (Tula)

The article examines the diplomatic relations between the Byzantine Empire and the Khazar Khaganate, the main wars and conflicts, as well as the facts of cooperation.

Key words: Byzantium, Khazaria, diplomacy.

¹ *Копылов А.Н.* Кирилл и Мефодий // Современные гуманитарные исследования. 2014, № 2. С. 16.

² *Иванов С.А.* Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и их соседи. Выпуск 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.Г. Литаврина. М.: Наука, 2001. С. 30.

Рецензия на учебник:

Саплина Е.В., Немировский А.А., Соломатина Е.М., Тырин С.В.
Всеобщая история. История древнего мира. 5 класс. М.: Просвещение,
2021. 272 с.

Н.Н. Болгов

Рецензируемый учебник входит в линейку учебников, допущенных Минпросвещения РФ к использованию при реализации ГОС, соответствует ФГОС основного общего образования, одобрен РИО.

Учебник по данному историческому периоду включает как специалистов – ученых в данной области, так и методистов с опытом реализации образовательных программ.

Авторский коллектив подготовил учебник по истории древнего мира для 5 класса, в котором на основе теории локальных цивилизаций предпринял попытку сформировать у детей на самом начальном уровне первые представления о начале всемирно-исторического процесса.

Одно из главных достоинств учебника – это его иллюстрации. Они действительно удачно подобраны, и, вопреки мнению учителей и преподавателей старшего возраста, с учетом особенностей восприятия современными детьми, вполне оправданны в таком количестве.

Наряду с несомненно положительными сторонами, учебник вызывает ряд вопросов и дает повод для предметной дискуссии.

Хотелось бы заострить внимание на самых главных вопросах концептуального характера.

1. В параграфе 1 (с. 13) дана дата появления человека разумного *в Европе* (?) (40 тыс. лет назад), но не дана дата его появления в целом, а она – гораздо более ранняя (более 100 тыс.). Эта более ранняя дата (115-110 тыс.) есть на с. 12 на рисунке-схеме, но она нужна и в основном тексте.

Не показана принципиальная разница между человеком современного типа и предшествовавшими ему эволюционными формами, из-за чего может создаться впечатление, что все упомянутые формы сменяли одна другую, а непосредственным предком человека разумного является неандерталец, но это далеко не так. Вместе с тем, на рисунке-схеме на с. 12 неандерталец включен в кластер «человек разумный», хотя в основном тексте говорится, что это не человек современного типа. Возникает путаница.

2. Пункт 4 параграфа 2 (с. 17), который впервые говорит об общественной организации, никак не вводит и не объясняет понятие «община». Упоминается, что эти люди вели общее хозяйство. Но не объясняется, почему. Совершенно необходимо указать, что человек тогда *не мог выжить в одиночку*.

3. На с. 31 дано введение в историю цивилизаций. При том, что верно даны признаки цивилизации, само определение неудачно. Это не «общество, достигшее *высокого уровня развития*». Насколько высокого? Чтобы появились нижеуказанные признаки?

Методически верно было бы дать важнейшие понятия и определения жирным шрифтом или курсивом, и – главное – сразу расшифровывать их, давать определение. Более правильно – «первобытность – это **простое** общество, в котором люди лишь обеспечивают свое выживание»; «цивилизация – это **сложное** общество, которое развивается быстрее».

4. Большая беда учебника – с понятием «государство». На с. 31 оно упоминается как само собой разумеющееся, без определения понятия и выделения жирным шрифтом. Указаны лишь две функции государства... На с. 34 далее тоже никак не расшифровывается понятие «государство» и зачем оно возникло в Египте. Оно просто возникло, и всё. Фразы «для управления обществом» и «для защиты от врагов» не объясняют причин возникновения государства. Между тем, следовало хотя бы упомянуть, что за много веков труда сложилась сеть оросительных каналов в Египте, и ГОСУДАРСТВО, которое их поддерживало, позволяло египтянам жить в десятки раз лучше, чем без каналов и без государства в «переходные периоды»... Отсюда проистекает и огромная роль религии, освящавшей весь этот порядок соответствующими ритуалами. Если нарушен ритуал – государство рухнуло – настал голод, это прямая логическая цепочка.

На с. 36 при описании могущества власти фараона не указано, на чем оно было основано.

Там же, на с. 36 не объясняется, что такое *налоги*, видимо, пятиклассники хорошо это знают.

5. На с. 72 говорится о возникновении *иудаизма*. Речь на самом деле идет о религиозной реформе царя Иосии VII в. до н.э. Было бы более правильно назвать эту религию *ветхозаветной* или развивать тему *монотеизма*, заявленную на с. 69. Как известно, талмудический раввинистический *иудаизм* возникает во II-V вв. н.э., после возникновения христианства. Подробный акцент на иудаизме в VII в. до н.э. выглядит излишним.

6. Методически выигрышно было бы в параграфе 15 об Ассирии показать ее как государство принципиально иного типа, нежели ранние речные цивилизации – *периферийное и имперское*. Роль железа показана, но не сказано о периферийности Ассирии, не связанной с оросительными системами. Имперский компонент также не акцентирован, хотя это первая в истории *империя (держава)*. Термин «держава» на с. 75 дан, но не выделен жирным шрифтом или курсивом...

7. На с. 80 в параграфе 16 о Персии было бы неплохо объяснить, почему Персия стала самой великой державой древности – потому, что это была «мягкая» империя, в отличие от «жестокой» Ассирии (по отношению к своим подданным – покоренным народам).

8. В том же параграфе на с. 79 употреблен термин «*империя*» без расшифровки и пояснения. Он уже понятен пятиклассникам? Пока не изучен Рим, здесь правильнее было бы использовать термин «*держава*», уже известный де-факто по Ассирии.

8. На с. 84 в параграфе 17 об Индии читаем: «арии *говорили на санскрите*». Однако, на санскрите они все-таки *писали*, так как говорили они на праkritах – живых языках Древней Индии...

9. При введении в античную историю на стр. 101 никак не показана специфика античной Греции, чем она принципиально отличается от цивилизаций Древнего Востока как особая (древняя «западная») цивилизация. Она описывается здесь просто как еще одна страна (цивилизация). Тут же на карте есть загадочный термин «Распространение эллинизма», ученикам совершенно неведомый. Следовало написать «Распространение греческого влияния».

10. Вывод в параграфе 20 о Крите и Микенах обязательно должен был упомянуть о сходстве этих цивилизаций с цивилизациями Древнего Востока. Их быстрая и внезапная гибель может быть объяснена хрупкостью таких цивилизаций на новой почве – далекой и окраинной Европе (по отношению к Древнему Востоку).

11. Параграф 21 «Верования древних греков» на этом месте, до Гомера, нелогичен, так как культы греков были полисными, а полисы появились позже.

12. Параграф 22 о Гомере не имеет важнейшего вывода о том, что его поэмы заменяли грекам священное писание, энциклопедию и были основным источником сюжетов для искусства. Без этого сюжеты поэм остаются просто сказками, непонятно для чего рассказанными здесь (потому, что были «популярны» – подсказывает вопрос в конце параграфа).

13. Параграф 23 о возникновении полиса выглядит методологически беспомощным. Не дано определение *полиса* (с. 118) как самостоятельной и самоуправляемой общины людей и города-государства. Не показано, что это особый тип государства – без царей, чиновников, стражников, военных и жрецов, отличающийся от всех государств Древнего Востока.

Не расшифрован термин «агора» – сказано лишь, что это центр общественной жизни полиса.

14. В параграфе 25 о Древних Афинах (с. 128) 621 год дан без «до н.э.».

На с. 130 фраза «женщины, рабы и метеки *были лишены* политических прав» неудачна. Они их и не имели. Поэтому правильнее сказать «...не имели прав».

15. Ликург не установил в VIII в. до н.э. законы в Спарте (с. 134) потому, что не существовал. Это легендарная фигура. Такие законы в реальности возникли в IX в. до н.э. и были восстановлены в VI в. до н.э. без Ликурга.

16. Из пяти параграфов по культуре Древней Греции театр и олимпийские игры выглядят явно избыточными, их можно было бы дать пунктами, а не выносить в отдельные параграфы.

17. Параграф 34 «Ослабление Эллады» начинается с Пелопоннесской войны, принесшей, по мнению авторов учебника, только упадок. Совершенно ничего не сказано, что эта война была вызвана бурным экономическим ростом Афин, которые не смогли перерасти рамки полиса и создать державу в Греции.

Соответственно, ничего не сказано о том, что Македония (правда, как внешняя сила) решила задачу объединения полисов и открыла новые пути развития и возможности, чего не смогли сделать сами греки.

18. На с. 179 термин «эллинистические государства» никак не расшифровывается. Нетрудно было бы объяснить, что это «греко-подобные», «разбавленные и смешанные греческие», греко-восточные государства, возникшие в результате завоеваний Александра и расселения греков на Востоке.

Фраза «Греческие полисы смогли освободиться от македонского владычества и вновь стать свободными» (с. 179) и вовсе повергает в изумление. Какие это греческие полисы? Полисы Греции? Если речь идет о вообще полисах, то они отлично вписались в систему эллинистических государств и в полной мере воспользовались новыми возможностями. Возникли и сотни новых полисов на завоеванных территориях (и все это – греческие полисы). Если же речь идет о *некоторых* старых полисах *Греции* типа Афин и Спарты, что наиболее вероятно, то именно их и надо было конкретно упомянуть. Правда, степень их «свободы» от македонян была ничтожной.

19. В выводах к разделу о Древней Греции (с. 183) – появляется важнейшее понятие «*Античная цивилизация*», ни разу не упомянутое и не объясненное ранее. А ведь это можно было неоднократно сделать путем противопоставления «древневосточный – античный». Ключевое слово «античный» в начале раздела не введено.

20. При введении в историю Рима (с. 185) неудачно использован термин «Римская *цивилизация*». Рим не был отдельной локальной цивилизацией, а лишь второй фазой античной. Гораздо проще и правильнее было бы сказать «жизнь древних римлян, как и греков, была связана с морем».

Если в начале учебника нет определения того, что такое локальная цивилизация, то возникают подобные казусы. Если же авторы считают Рим отдельной цивилизацией, не античной, то это не согласовывается с современными научными представлениями, учебным курсом в университетах и квалификационными требованиями к ученым степеням ВАК.

21. На с. 195 читаем: «установилась *республика*» в Риме. Определение же этого понятия дано только на с. 197.

22. Параграф 44 о гражданских войнах никак не упоминает о переходе Рима к *классическому рабству* (такого термина нет) как главной причине кризиса Республики и столетних гражданских войн.

Параграф 45-46 о рабстве не привязывает расцвет рабства к конкретным войнам и завоеваниям конкретного исторического периода, носит описательный характер.

23. В параграфе 47 никак не сказано, что он – о продолжении гражданских войн. У детей создается впечатление, что гражданские войны – это эпоха только Гракхов и Мария с Суллой.

24. Параграф 49 «Династии римских императоров» назван неудачно, так как принципат не был монархией (но был империей). Власть императоров не

была неограниченной (с. 236) – это *грубая ошибка* (фактически Нерон делал, что хотел, но официально власть императора ограничивалась сенатом и рядом прочих согласований, сдержек и противовесов).

25. Нарастание кризиса III века на с. 241 никак не показано, как и его причины. Солдатские императоры просто упомянуты, но ни слова не говорится о том, кто это и что это значит.

26. В параграфе 50 о христианстве ничего не сказано о том, почему события в Иудее получили такое распространение именно в Римской империи.

27. Параграф 51-52 назван просто – «Культура». Культура чего? Понятно, что это римская культура, но такое название неприемлемо.

28. И, наконец, главное. Пресловутое «падение Западной империи» по-прежнему считается авторами концом истории древнего мира. За последние полвека эта эпоха в науке понимается совершенно иначе. В учебник было необходимо ввести пункт о том, что Восточная империя уцелела, жила своей жизнью и медленно трансформировалась в что-то новое (будущее средневековое). Между древним миром и средними веками – не обрыв, а реформатирование. Идея о падении Запада – это европоцентричный взгляд в чистом виде, закрепленный в советском подходе. Да и о причинах упадка, собственно, не говорится. Вот только Диоклетиан установил сильный доминат, приняли христианство – и вдруг внезапный конец. Единственной причиной этого выглядят вторжения варваров. А это далеко не так. Хорошо известное из теории цивилизации понятие возраста, циклов, старости античного мира здесь никак не показано. И это не удивительно, так как греко-римское цивилизационное единство здесь не ощущается, а Рим назван отдельной цивилизацией.

29. Некоторые термины представляются избыточными (например, *зиккурат* на с. 59; «жена-мидянка» на с. 64; *Ханаан* на с. 69; термины из политической жизни Спарты; *гаруспики* на с. 188; названия всех семи холмов Рима на с. 191; *центурии и манипулы* на с. 205; «решающее сражение с самнитами при *Сентине*» в 205 г. до н.э. (этого сражения нет даже в университетском учебнике); и мн. др.). Каждый термин должен методологически работать, а не повисать в воздухе.

30. Приложение на с. 266-267 наследует хорошим традициям советского учебника Коровкина, однако, автор(ы) делал его совершенно формально, без души и эмоций. К каждому разделу выбраны далеко не лучшие художественные произведения (более полно см. например: Болгов Н.Н. Художественная литература по истории древнего мира. Белгород, 2018), как и фильмы¹.

Много ошибок:

— не Д'Эрвиль – а д'Эрвильи;

— из восьми «научно-популярных» книг по Риму шесть – художественные (составитель списка их явно не читал и не держал в руках);

¹ Болгов Н.Н. История древнего мира на экране. Белгород, 2018.

— автор явно не смотрел фильм «Борьба за огонь» (1981), иначе он поостерегся бы рекомендовать пятиклассникам интимную сцену из жизни общины первобытных людей...

Некоторые из многочисленных терминов, упоминавшихся без определений в основном тексте, даны в *Словаре терминов* в конце учебника, но бессистемно. Так, *агора* есть, а *полиса* нет, и т.п. И в целом такой прием возможен скорее для старшеклассников, а в 5 классе нужно давать определение сразу в тексте.

Частные фактические ошибки.

1. Уже на с. 9, в самом начале, вводящем в историю первобытности, говорится о том, как в 1897 г. исследователь Дюбуа отплыл к берегам *Индонезии*. Как известно, понятие *Индонезия* появляется вместе с одноименной страной только в 1945 г. Тем более не стоит перегружать обучающихся лишними названиями и терминами, которых в учебнике и так много. Было бы проще и удачнее указать «отплыл к берегам *Юго-Восточной Азии*».

2. На с. 14 в эпитафе упоминается Ж. Рони-старший как «*современный* писатель». Жил он в 1856-1940 гг. Если «*современный*» использовано в значении «не относящийся к древнему миру», то тогда это было бы оправдано, но здесь... Лучше было бы указать «писатель XIX-XX вв.».

3. На с. 92 в эпитафе указан «древнекитайский философ» без имени. Если авторы решили, что имя сложное, то такой подход неединообразен – в иных местах имена авторов изречений даны.

4. В эпитафах на с. 102 и 108 соответственно Гомер назван «*древнегреческим*», а Протагор – просто «*греческим*» автором. Удивительно, что за 300 лет между ними Древняя Греция, видимо, перестала быть Древней. Далее Гомер, Фукидид (с. 117) и многие другие названы опять «*древнегреческими*» авторами.

5. Так же на с. 174 в эпитафе Аппиан назван «*древнеримским*» автором, как и Тит Ливий на с. 190 и др., а Вергилий на с. 186 – просто «*римским*». При этом на с. 204 Вергилий неожиданно становится уже «*древнеримским*». А на с. 251 Вергилий оказывается «*римским поэтом I века до н.э.*»; нигде в иных местах век жизни автора изречения не указан, зачем же он здесь?

6. Просто «*римским*» автором на с. 218, 222 и 228 назван Цицерон, на с. 232 – Октавиан Август, на с. 236 – Траян. И если императоров еще можно назвать «*римскими*», а не «*древнеримскими*», то Цицерон должен быть назван так же, как и прочие римляне.

7. На с. 242 в эпитафе указано: «Из «*Иудейских древностей*»». Почему не указан автор – Иосиф Флавий?

8. Наконец, на с. 19 и 214 в эпитафе дана цитата из Н.Н. Трухиной, «*современного историка*». Трухина – автор одного из предыдущих учебников по истории древнего мира, преподаватель МГУ. Но ее упоминание нарушает принцип цитат в эпитафах – упоминать лишь древних авторов и их сочинения. Если же упоминать ученых нового времени – то есть значительно более авторитетные.

Вводимые термины не сопровождаются ударениями, учащиеся не смогут самостоятельно справиться с этим затруднением.

В целом вышеотмеченные основные проблемы учебника можно свести к следующему.

1. Концепция учебника основана на теории локальных цивилизаций, но методологическая основа выдержана непоследовательно. Нет четкого определения цивилизации, отличия Древнего Востока от античности, не учтены циклы эволюции.

2. Нет оценки места и роли экономики в историческом процессе, не показана связь общественно-политической организации с экономикой.

3. Учебник многословен, изобилует терминами, но во многих случаях не расшифровывает их, а главное – не акцентирует внимание на основном.

4. Учебник имеет преимущественно описательно-иллюстративный характер.

В итоге создается ощущение того, что авторы работали не вполне скоординированно между собой и, по всей видимости, в определенной мере формально, что проявляется в отсутствии тщательной продуманности каждой мелочи и общей логики.

В итоге – перед массовым запуском в серию учебник нуждается в доработке, устранении фактических ошибок, методологическом усилении и концептуальном единстве. Кроме того, ощущается отсутствие у авторов опыта преподавания данной дисциплины в университете и школе. Поэтому, возможно, текст учебника нуждается в консультативной поддержке со стороны профессионального сообщества.

**Рецензия на учебник:
Абрамов А.В., Рогожкин В.А., Тырин С.В. Всеобщая история. История
средних веков. 6 класс. М.: Просвещение, 2021. 272 с.**

А.М. Болгова

Учебник допущен Минпросвещения РФ к использованию при реализации ГОС, соответствует ФГОС основного общего образования, одобрен РИО.

Авторский коллектив подготовил учебник по истории средних веков для 6 класса, в котором на основе теории локальных цивилизаций предпринял попытку развития представлений о дальнейшем ходе всемирно-исторического процесса, уже сформированных после изучения истории древнего мира.

Авторы учебника представляют методическое сообщество и не входят в академическое сообщество медиевистов.

Как и предыдущий учебник по истории древнего мира, данный учебник построен на методологической основе теории локальных цивилизаций, и авторы совершенно правильно определяют термин «цивилизация» уже на с. 3, но это определение («большие человеческие общности») нуждается в дополнении – «изменяющиеся в ходе истории». Эволюция, изменение, развитие – важнейшие категории исторического процесса.

Важно отметить новое для отечественной науки (и воспринятое у зарубежной науки) деление исторического процесса – концом средневековья в учебнике считается начало Великих географических открытий (открытие Америки Колумбом), а также последствия падения Византии. Отметим, что в университетском курсе ИСВ такое изменение еще не введено, а XVI – 1 пол. XVII считаются Поздним Средневековьем.

В связи с этим отметим, что новое внутреннее деление («XIV-XV вв. – позднее Средневековье» – с. 5) не обосновано, не указана грань или конкретные события, отделяющие высокое Средневековье от позднего. То, что этой грани нет, или ее не видят сами авторы, говорит также и то, что в начале главы III (с. 83) XI-XIV века определяются как время расцвета западно-христианской цивилизации. При этом тот же XIV век в начале главы VI (с. 207) входит уже во время заката Средневековья. Так где же грань и критерий? И куда все же входит XIV век? И почему?

Несмотря на методологическую основу в виде теории цивилизаций, общая концепция учебника включает в Средние века весь исторический процесс на планете. Между тем, понятие «Средние века» в научном плане (и в концепции университетского преподавания) относится только к Западной Европе (см.: Ж. Ле Гофф «Цивилизация средневекового Запада»). Это – как раз яркое проявление цивилизационного подхода. Но оно в учебнике не проведено, возможно, чтобы не запутывать сложные проблемы и свести всю историю к универсальному «этапу Средневековья»

Основное возражение вызывает включение византийского материала в единую «христианскую цивилизацию». Если считать критерием не

современные ученые концепции, а аутентичное восприятие людьми эпохи друг друга по принципу «свой – чужой», то западно-европейский питомец Папы римского, член римско-католической церкви, отнюдь не воспринимал как родного брата восточного «схизматика» грека или славянина. Несмотря на формальный раскол XI века, православный восточно-христианский мир не входил в каноническую территорию римской церкви и латинского мира Запада. Поэтому авторы учебника нарушают свой же цивилизационный подход, в других местах соблюдающийся (что религия – главный маркер локальной цивилизации).

Умаление места и роли Византии (2 параграфа из 26) тем более вредно, что искажает реальный исторический процесс (до XIII в. Византия была на порядок сильнее и богаче, а до XV в. – и культурнее Западной Европы). Такое место Византии в учебной программе является проявлением европоцентризма (от которого в остальных местах авторы учебника отошли) и наследием советской традиции: и в том, и в другом случае Византия считалась историческим тупиком. Совершенно иначе считалось в Российской империи, где Византия считалась основой отечественной цивилизационной традиции.

К идее все-таки отдельной *западно-христианской* цивилизации авторы неизбежно приходят в III разделе. Византия же названа *восточно-христианской* цивилизацией лишь в отношении XIII-XV вв. Более того, понятие «раскол христианской цивилизации» на западную и восточную (в 1054 г.) авторы вводят на с. 51-53, предполагая, что до этого была единая христианская цивилизация. Но раскол 1054 г. был формальным. По церковной организации, обряду, устройству и архитектуре храма, языкам богослужения, традициям (целибату и др.), менталитету – Запад и Восток Европы стали отличаться практически сразу после последней попытки Юстиниана вернуть единство (с VII в.). Этот фактор в учебнике не учтен и сведен к формальному расколу 1054 г. При этом тема раскола прежде «единой» цивилизации – важнейший вопрос – дана лишь одним пунктом (№ 4) – почему-то в параграфе 5 под названием «Культура Раннего Средневековья» (???). Следуя такой логике, надо было поведать и о расколе исламского мира на шиитов и суннитов (с. 69) – как двух цивилизаций?

Сложный вопрос – о феодализме как экономической и социальной модели общества дан в параграфе 9. Однако, по нашему мнению, этот материал надо давать раньше, в первых параграфах. Кроме того, феодализм освещается исключительно для Западной Европы. С научной точки зрения это правильно. Но в таком случае возникает вопрос – а был ли феодализм в Византии и на Востоке? А в доколумбовой Америке? И какая там вообще была экономика? На эти вопросы ответа в учебнике нет.

Важный вопрос о гуманизме и Возрождении (с. 248-249) можно было подать не просто как тему возрождения античной культуры. Это был возврат к главным античным ценностям – человек в центре Вселенной, человек – главная ценность. Это был цивилизационный переворот, возврат Западной Европы на основные рельсы «западного» цивилизационного пути, с которого Запад временно отошел в средние века, когда главной парадигмой

цивилизации была религия (как на Востоке). Впрочем, это увело бы нас в классификации и признаки западных и восточных цивилизаций. Возможно, это сложно для восприятия шестиклассников.

К более частным проблемам можно отнести отсутствие акцента на важные процессы в ходе Столетней войны – не говорится ничего о том, что в ходе войны рождается идея нации и национального единого государства (Франция), в противовес феодальному принципу разноплеменных и полиэтничных земель, расположенных чересполосно (Англия).

Среди фактического материала ценно введение в курс тем по Японии и Африке. Но, увлекшись культурным разнообразием цивилизаций, авторы могли бы добавить, например, пункт о евреях в средневековой Европе – это тоже важный в некотором роде вопрос.

Термины, вводимые курсивом, как правило, тут же и объясняются. Они же дублируются в словаре понятий в конце учебника.

Списки для дополнительного чтения и просмотра носят продуманный, хотя и небесспорный характер, авторы знакомы с произведениями, дают краткие аннотации и осознанно предлагают их школьникам.

Важное достоинство учебника – его иллюстрации и карты. Они удачно подобраны и, с учетом особенностей восприятия визуальных объектов современными детьми, вполне оправданны в таком количестве.

В целом учебник подготовлен специалистами, хорошо разбирающимися в методических вопросах и историческом процессе. Принципиальных замечаний к его качеству нет.

ГИМЕРИЙ, СОФИСТ 2-Й ПОЛ. IV В., И ЕГО РЕЧИ

И.В. Денисова

Среди афинских интеллектуалов 2-й пол. IV в. важное место занимает Гимерий – глава риторической школы, связанной с именами Отцов церкви Василия Великого и Григория Назианзина, императора Юлиана Отступника, софиста Либания и многих других.

В своих речах Гимерий пытался воссоздать идеальный мир греческой древности. У него нет современных сюжетов. Но за строками его речей приоткрывается картина мира властителя умов христианизирующегося Восточного Средиземноморья, осознающего в начавшейся смене эпох непреходящую важность классической традиции.

Стандартное критическое издание: Colonna A. Himerii Declamationes et orationes cum deperditarum fragmentis. Rome, 1951.

Имеющиеся русские переводы:

— Речи 12, 17, 18, 24, эклога 17 // Памятники позднеантичного ораторского и эпистолярного искусства. М., 1964 (12. Перед началом занятий; 17. О пользе упражнений; 18. В честь своего дома, небольшого и скромного; 24. О том, что надо постоянно упражняться в речах; эклога 17. По поводу беспорядков, возникших в школе);

— Речи 1, 3, 23 // Поздняя греческая проза. М., 1960.

Английский перевод: Penella R. Man and the Word. The Orations of Himerius. Berkeley, 2007.

Далее предлагается полный перевод сохранившегося наследия Гимерия. В отечественной науке он до этого времени отсутствовал. Данный перевод преследует исключительно ознакомительные цели.

Названия произведений Гимерия

- I. Из речи Гиперида от имени Демосфена
- II. Демосфен от имени Эسخина
- III. Против Эпикура
- IV. Речь против богача
- V. Фемистокл против персидского царя
- VI. Речь Полемархик
- VII. Из Ареопагитика; или [Мольба] о свободном статусе для своего сына Руфина
- VIII. Монодия своему сыну Руфину
- IX. Эпиталамий Северу
- X. Из речи, озаглавленной «Диоген, или Протрептическая речь»
- XI. Из прощальной речи к его студентам, когда он уезжал в Коринф
- XII. Протрептическая речь к Флавиану, который был выдвинут в проконсулы Азии
- XIII а. Вступление к пропемптической речи

- XIII б. К вновь прибывшим от Пизона
 XIV. Из речи к новоприбывшему египтянину
 XV. Из протрептической речи
 XVI. Из импровизированной речи по поводу беспорядков в школе
 XVII. Из речи, произнесенной по прибытии киприотов
 XVIII. Из речи, адресованной каппадокийцу
 XIX. Прекрасные вещи – редки
 XX. Из речи Музонию, проконсулу Греции
 XXI. Из речи к новоприбывшему Северу
 XXII. Из речи (лалия)
 XXIII. Комиту Урсакию
 XXIV. Его [бывшему] ученику Северу
 XXV. Скилакию, проконсулу Греции
 XXVI. К вновь прибывшим эфесянам, мисийцам и согражданам оратора
 XXVII. Студентам из его отечества (Пруссы)
 XXVIII. Комиту Афинею
 XXIX. Римлянину Привату, учителю сына проконсула Ампелия
 XXX. Из речи, которую он дал, когда вернулся из Коринфа
 XXXI. Из протрептической речи Ампелию
 XXXII. Из речи к префекту Анатолию
 XXXIII. Из речи Фебу, сыну проконсула
 XXXIV. Аркадию, врачу и комиту
 XXXV. Из протрептической речи к студентам, пришедшим (к нему)
 XXXVI. Из протрептической речи к Флавиану
 XXXVII. Эпиталамий панафинеяцам
 XXXVIII. [Проконсулу Кервонию]
 XXXIX. Речь в Фессалонике
 XL. Речь в Филиппах
 XLI. Речь в Константинополе
 XLII. Речь (диалексис), адресованная префекту Салютию
 XLIII. Флавиану проконсулу
 XLIV. О дне рождения (одного) из его студентов
 XLV. Речь (лалия), данная своим студентам, заботившимся о его
 здоровье
 XLVI. Тем людям, кто устроил засаду ему и проконсулу Василию
 XLVII. К тому же Василию о Панафинеях в начале весны
 XLVIII. Гермогену, проконсулу Греции
 XLIX. – не сохр.
 L. – не сохр.
 LI. – К Претекстату (не сохр.)
 LII. – не сохр.
 LIII. – не сохр.
 LIV. Вновь прибывшим (студентам)
 LV. – не сохр.
 LVI. – не сохр.

LVII. – не сохр.

LVIII. – не сохр.

LIX. Тем, кто прибыл [в Афины] из Ионии

LX. Ионийским гостям

LXI. Как начинать учиться

LXII. [Речь], которую он опубликовал к своим константинопольским студентам

LXIII. Речь (диалексис), представленная его студентам после его возвращения с его родины

LXIV. Импровизированная речь (лалия), произнесенная в его скромной школе

LXV. Для тех, кто вовлечен в конфликты и отсутствует на лекциях

LXVI. Импровизированная речь для неких студентов, которые намеревались учинить мятеж

LXVII. К последователям Квинтиана, который имел беспорядочную аудиторию, когда [Гимерий] говорил экспромтом (не сохр.)

LXVIII. Протрептик (речь) о необходимости быть благожелательным к разнообразию своих речей

LXIX. Речь (диалексис), произнесенная после исцеления от ран

LXX. – не сохр.

LXXI. – не сохр.

LXXII. – не сохр.

LXXIII. Разумеется, не следует объявлять лекции публично (не сохр.)

LXXIV. Тема этой речи в том, что всегда нужно быть в процессе обучения у Гимерия, как уже говорилось в импровизированной речи летом

Фрагменты 1-17

ПЕРЕВОДЫ

I. Из речи Гиперида от имени Демосфена

[Exc. Phot.]

Из пояснительного комментария (феория)

[1] Каждый гражданин относится к такого рода дебатам с подозрением и как к чему-то, что может сбить с толку человека, как к чему-то достаточно тревожному, чтобы повлиять на готовность слушателя быть убежденным. Ибо обе речи нацелены на массы и воспринимаются как отстаивающие лучший аргумент. <...> ... не использовать простые слова, а те, которые выражают смысл говорящего, намекая на большее, нежели то, что он говорит ...

Из декламации (мелетии)

[2] О афиняне, Филипп думал, что одним этим провозглашением он лишит вас не только Демосфена, но и всех ваших популярных вождей, всех нас, которые, отдавшись вместе с ним государству, не позволили Филиппу проникнуть в него. Аттика и до сих пор сохраняла свободу города невредимой.

Вскоре нам станет казаться, что нам будет плохо, и мы подчинимся Филиппу по собственной воле, а не по принуждению. <...>

[3] Сначала [Филипп] восстал против варваров. После того, как он освободил эту часть материка, он впоследствии двинулся против важных областей, принадлежащих нашему городу и другим грекам. Повсюду он окружал нас сетями, как это делают умные охотники, щадящие диких животных, пока они еще готовятся к охоте. Но ничто не взволновало нас, ничто не подтолкнуло нас к тому, чтобы взять ситуацию под контроль – ни его подрыв Пелопоннеса, ни падение Фокиды, ни его установление тиранов на Эвбее (Эвбее с ее трофеями Персидской войны!), ни его порабощение Аркадии, ни бедствия Элиды. Мы даже видели, как было совершено покушение на [фракийский] Херсонес, и мы волочили ноги, наблюдая, как у нас отнимают Геллеспонт. <...>

[4] Ибо какая казнь или землетрясение опустошили столько городов или стерли с лица земли и похоронили столько народов, как Филипп и его золото? <...>

[5] Ибо [Филипп] полностью понимает, что из-за усилий этого человека [Демосфена] он лишен того, чего у него еще нет, и что он не получил бы того, что имеет, если бы кто-нибудь прислушивался к совету Демосфена. <...>

[6] Филипп, подстрекаемый решениями [греческих] предателей, не только использует взятки против наших городов, делает призывы из наших родных земель и вооружает разрушителей против наших народов; он также направил свою машину войны против наших ораторов и наших популярных вождей. <...>

[7] Напротив, все неминуемо считали, что это действие было пиршеством и праздником. Затем этот человек [Ксеркс] не [просто] сделал возмутительные замечания, но начал совершать возмутительные действия против естественного порядка вещей. Он насыпал землю в море и поплыл прямо через горы, используя море как землю и землю как море <...>

[8] Город сделал триеры своим домом вместо Аттики, и он делал на море все то, что раньше делалось в его заповедных святынях. <...>

[9] Разве македонцы, которые раньше были довольны тем, что могли безопасно жить как данники, теперь не контролируют ситуацию? Они отстранили наш город от власти и сами посягнули на положение, в котором наши предки оставили нас.

[10] Какой [ваш] закон привел Филиппа к морю и вынудил его вступить в связь со стихией, которая ему не принадлежала? <...>

[11] Ибо, когда и закон, и возможность приказывают мне делать одно и то же, я целесообразно подчиняюсь им обоим. Но когда необходимость предлагает мне сделать одно, а законы другое, я игнорирую букву закона и следую тому, что целесообразно. <...> И кто не знает, что эти люди [македонские сочувствующие в Афинах] давным-давно попросились с нашими законодателями, давным-давно попросились с Солоном, Драконтом и всеми остальными, а теперь относятся к македонскому золоту и дружбе с

Филиппом как к своим законам, своему отечеству, своему государству и самому ценному в мире? <...>

[12] ... [Эсхин?] был объявлен позорным рядом с богиней [Афиной]. ... Я с подозрением отношусь к Эсхину. Ибо меня беспокоит фокейская трагедия, трагедия реальная, а не постановочная, в которой этот чудесный третьестепенный актер сыграл свою роль <...>

[13] И тем не менее, даже если это так, они [афинские враги демоса] оскорбляют этого человека [Демосфена] и часто упоминают [тирана Писистрата] в связи с ним. Они не чувствуют стыда в том, что теперь насмеются над ним за его трусость и мягкость, а теперь выражают опасения, что он может тиранить город. Тем не менее, эти два обвинения полностью расходятся друг с другом. <...>

[14] [Демосфен], плывущий из Пирея против тиранов со всеми флотами,

...

[15] Они [афинские противники Демосфена] разрушают положение самого города и делают возможным плавное продвижение интересов Филиппа.

II. Демосфен от имени Эсхина

[Exc. Phot.]

Из декламации (meletes), в которой [Гимерий] представляет Демосфена, советуя [афинянам] вызвать Эсхина из изгнания после того, как распространился слух, что Александр [Великий] отзовет изгнанников.

[1] Это ужасно, когда граждане отменяют свое постановление своими собственными действиями, а также когда они вынуждены аннулировать постановление вопреки их мнению по чьему-то приказу. Но я думаю, что менее нежелательно то, что граждане отменяют декрет своими собственными действиями, чем против их воли. Ибо прежний ход событий иногда может выглядеть как гуманный акт; но те, кто подчиняются воле других [Александра], позорят себя и прославляют тех, кто отдавал приказы. <...>

[2] Эсхин советуется с царями даже после суда, и он все еще беспокоится о тиранах после [его обвинения] Ктесифоном и его изгнания. <...>

[3] Человек [Александр], который перепрыгнул через всю Азию со своим оружием и впоследствии боролся с природой, потому что у него не осталось [человеческих) врагов ...

[4] Из-за них [фиванцев] Филипп был вознесен на такую высоту, что из-за них потонули греческие духи, от них пришли союзники, [полезные] места, возможности, вся основа для великих успехов Филиппа. <...> Фиванская катастрофа заглушила крики других греков, но Александр действительно испытал чувство стыда в своих отношениях с нашим городом даже после разрушения Фив, несмотря на то, что он мог найти какую-то ошибку в нашем городе в то время; потому что, когда пали Фивы, мы перестали совершать

[элевсинские] обряды, чтобы не отвечать на причитания фиванцев нашей песней Иакху. <...>

[5] Если бы человек, которого благодарили, оказался хорошим человеком, то город разделил бы его славу. Точно так же он разделил бы его позор, если бы он оказался злым человеком. <...>

[6] Если бы кто-то другой [кроме Александра] предлагал что-то незаконное, я бы не стал молчать. Я бы подбежал к трибуне оратора и выкрикнул бы имя Солона; я бы сослался на конституцию. «Я не буду нарушать законы», – вот что я скажу. Я также не приветствую изгнанников из-за чьего-то приказа сделать это или смириться с убийцей фокейцев [Эсхином] по чьему-то приказу. Пока у меня есть гавань, пока я достиг здорового возраста, пока я считаю свои победы, пока хотя бы одна трирема все еще выходит из Пирея, я не откажусь от наших законов и не нарушу наши конституцию, или пусть слух [о намерении Александра отозвать ссыльных] будет разорением нашего города. И если я считаю, что удача принесет нам неопределенность, я все же не стану добровольно выбирать рабство, пока сама фортуна не навяжет его нам. <...>

[7] Итак, пусть Эсхин вернется по приказу Демосфена, а не Александра, незаконным актом [вашего] общественного оратора, а не по приказу царя, как изгнанник, к которому проявляется милосердие, а не как тот, к кому мы обращаем взор со страхом из-за чьего-то приказа. Красноречие принадлежит афинянам, и я узнаю этот город по его заявлениям. Вы – те, кто наполнили всю землю и море своими победами во имя своих законов и свободы. Смешав землю и море, Ксеркс вел с нами войну, потому что, когда [его послы] потребовали от нас землю и воду, они получили яму вместо доступа к собранию. Но город оставался менее беспокойным, чем [природные] элементы. <...>

[8] Ведь даже в других ситуациях, хотя почти каждый случай типа действия может казаться по существу идентичным, разные случаи различаются по тому, что их мотивировало. Например, предположим, что кто-то ударил своего соседа. Если он сделает это на атлетическом состязании и выиграет его, то он получит венец. Но если он ударит кого-то вне состязания, то он понесет предусмотренный законом штраф. Мы оплакивали однажды, когда [персидские] тираны опустошили город; но из храбрости мы охотно предали город персидскому огню. <...>

[9] ... [Демосфен,] который не пришел к соглашению с Филиппом, даже после той самой злополучной битвы при Херонее ...

[10] Когда-то у наших предков был обычай вести Грецию и бороться с тиранами во имя свободы. Этот обычай впервые начался с Мильтиада, он процветал во времена Фемистокла, дошел до Кимона, охранялся Периклом и почитался Алкивиадом. В мои дни это сохранялось в нашем мышлении, но было испорчено удачей и лестью, проявленной нашими предателями. <...>

[11] Мы уступили свое лидерство другим, и ты не возражал, [господин]. Мы отошли от наших предков, и ты не выказал никаких признаков недовольствия. <...>

[12] Наш город не уступил лакедемонянам после сицилийской катастрофы. Остров Сицилия удерживал всех наших молодых людей, но наш город оставался неприступным духом даже после западной катастрофы. <...>

[13] Но Эсхин, [ты говоришь], плохой гражданин. Добавь к этому, если хочешь, разорение фокейцев, предательство Фракии, уничтожение Керсоблепта – все, в чем часто обвиняли Эсхина в его злодеяниях [афинскому] народу. <...> Ибо болезнь, поразившая греков [предательство], о афиняне, достигла своего пика в то время, когда Афины были в полном расцвете. <...> Ибо в прошлом город часто щадил плохих горожан, не восхваляя их образ мыслей, а конфискуя их состояние; но пока он сохранял свою гордость в неприкосновенности, он никогда не подчинялся чьему-либо приказу нарушать свои собственные законы. <...>

[14] Почему тогда мне не <убегать> сейчас <от зла>, о котором я предупреждал? Почему я не ухожу из жизни, пока не увижу поработанный город? <...>

[15] Я, конечно, признаю распространенность слухов, но не думаю, что то, что некоторые люди баснословно утверждают, правда. Сначала я смотрю, о афиняне, на то, как обычно действует Александр. И каково это? Как только он за что-то берется, дело делается. Скорее, его действия предвосхищают его размышления над ними, его начинания предвосхищают тех, кто сообщает ему [о том, что необходимо сделать]. Ибо он достиг многих из этих своих великих успехов, которые подробно описывает его льстец, преодолевая тех, кого он атаковал, скорее скоростью, чем силой. Он был на месте происшествия до того, как было объявлено о его прибытии, и он появился до того, как его услышали, точно так же, как молния и гром, которые часто оказываются в непосредственной близости, прежде чем люди ожидают их появления. Вот как он взял Сарды, уничтожил Карию, смёл Ликию, захватил Памфилию; таким он был виден киликийцам, натолкнулся на персов, поразил Дария и (увы, беды ближе к дому!) взял Фивы. Пал город, который находился в центре Греции. Он пал до того, как распространились слухи о происходящем. Я не подозревал о катастрофе, но теперь город превратился в братскую могилу. Таким образом [манера поведения Александра] – первый фактор, который не позволяет мне обращать внимание на этот слух. Второй фактор заключается в том, что, даже если кто-то предположит, что Александр сильно опьянен своей удачей, македонский царь все равно это знает ...

[16] Почему же тогда я не разрушаю трофеи? Почему бы мне не сносить памятники? Почему я не стираю надписи? Потому что, на мой взгляд, все памятники добродетели в такой же степени обвиняют тех, кто бесчестят [их], как и честь подходит к добру. <...>

[17] Те, кто рисковал своей жизнью на Саламине, преуспели, восхищаясь Пестрой Стоей, поскольку они уничтожали в море то, что осталось [от силы персов] на суше. <...>

[18] Парнас бросил свои пики в море и вооружился от имени своего племени собственными краями более, чем оружием. Греки разделили битвы и распределили между собой победы и стихии: лакедемоняне захватили землю,

а мы – море. Они перекрыли [Фермопилы] 300 телами, а мы заблокировали доступ в Грецию таким же количеством триер. <...> В то время как молодой македонец [Александр] бродит по каждой стране под солнцем и почти что злит саму судьбу оскорбительной манерой, с которой он обращается со своими успехами, неужели никто не восстает против него? <...>

[19] Выступив в качестве посредника для царя [Ксеркса] в [передаче] обещаний последнего [афинянам], он ушел, не убедив их. Но он посчитал выгодой то, что остался живым и невредимым, хотя и не уговорил их. <...>

[20] Они [ваши промакедонские предатели] всегда заставляют вас покоряться тиранам, так что в конечном итоге они станут богатыми, в то время как у города отнимают то, что ему принадлежит. <...>

[21] Ваш страх необходим, но вы опаздываете и очень медленно начинаете защищаться и из-за характера Эсхина. Он больше не будет поджигать городские триеры через Антифона или тайно, как раньше, но будет играть роль Этии в своем лице. <...>

[22] Жители Афин предлагают вернуть Эсхина из изгнания, опасаясь слухов из Индии, как оружия и сражений. <...>

[23] [Афиняне] не решались вернуть Аристида из изгнания, хотя причиной его изгнания был не его порок, а его добродетель. Ибо, повинувшись Солону, они не избежали того, чтобы поступить несправедливо с этим праведником. <...>

[24] Вавилон лежит в руинах, Дарий мертв, [Александр] покончил с индийцами, персы порабощены. Только Афины остались из-за их славных дел; и так часто, как персам приходилось сражаться против Афин, они осознавали их достоинства.

III. Против Эпикура

[Exc. Phot.]

Из декламации (meletes) под названием «Эпикур, отрицающий существование провидения, преследуется по обвинению в нечестии».

Из объяснительного комментария (theoria)

[1] Риторика может брать предмет даже из философии; ибо способность говорить свыше абсолютна. <...>

Из собственно декламации (meletes)

[2] Эпикур теперь будет ясно знать, даже если он не знал этого раньше, что провидение управляет природой всех вещей. Он узнает это не в классе, а в зале суда. Тот факт, что нечестивые предстают перед судом, осуждаются и наказываются, является явным доказательством не того, что природа действует случайным образом и без цели, а того, что существует порядок,

закон, управление вещами и, что самое важное, то, что само Провидение существует. <...> Афиняне, что-то полезное уже, несомненно, получилось из этого обвинения: Эпикур явился в суд с грустным выражением лица и своим унынием полностью дискредитировал свое учение об удовольствиях. Он заслуживает ненависти как за то, чему он учит в частном порядке, так и за обман, который он практикует на публике. Наедине он не перестает говорить об удовольствиях, чтобы наслаждаться физической красотой своих друзей. Но здесь он принимает печальный вид, чтобы ввести суд в заблуждение. <...>

[3] Это очень странное испытание: человека противопоставляют природе всех вещей, а злой софист отстаивает свои доводы против Провидения. <...>

[4] Взгляды и учения Эпикура заставляют исчезнуть всякую добродетель; они вызывают исчезновение судов и приговоров, наград за добрые дела и наказания злых. <...>

[5] В своем проступке он достигает самого неба; нет места, которое было бы свободным от наглости и бесстыдства Эпикура. Причина этого в том, что ему было стыдно оставаться в рамках древних границ философии, и он не решался пойти по тому же пути, по которому шли философы до него. Напротив, он осудил малодушие тех [философов] среди нас, которые оскорбляли и наказывались за нечестивые учения. Он решил превзойти всех их в (своих) проступках. <...>

[6] Или как он мог не заслужить вины за попытку исказить столь великий и почтенный титул [как «философ»]? Где эти вещи [удовольствие и тяжелый труд] звучат в унисон? Где удовольствие сочетается с тяжелой работой или выносливостью с легкой жизнью? Где идут рука об руку Академия и проститутки, или философия и запой, или жизнь самообладания и необузданной молодежи? <...>

[7] Что же он выбрал и осмелился сделать? Он угрожает войной и битвой против законов всей природы. Эпикур выпустил свое безумие на людей любого возраста и любил нечестивой любовью всех, кто восхищается своей исключительной красотой. <...>

[8] Но сначала давайте рассмотрим его защиту. «Ты требуешь наказания за то, чему я учу?» Нет, но из-за твоего нечестия. Позволительно учить своим взглядам, но нельзя быть нечестивым. Если ты можешь сказать, что в твоих речах нет никакого нечестия, тогда я не сужу твои учения. Но если в твоих учениях есть какое-то нечестие, то ты не избежишь наказания, апеллируя к своему праву учить; вместо этого ты будешь больше наказан за то, что использовал свои учения для плохих [нечестивых] поступков. Ибо, если человек может использовать что-то для того, для чего это должно использоваться, но он предпочитает использовать это для того, для чего это не должно использоваться, то он обязательно будет осужден и заплатит штраф. Напротив, он объяснит тот факт, что он испортил что-то хорошее [право учить] своим неправильным суждением. <...>

[9] Мы вызываем выступающих на ораторскую трибуну. И если кто-то из них колеблется, то общий голос города часто побуждает его говорить, даже если он не хочет этого делать. <...>

[10] Молодой мужчина или женщина приходят в почитаемую школу Эпикура. Его выдающееся сообщество привлекает людей этого возраста. <...>

[11] Этот человек [Эпикур] превосходит Иксиона в наглости, Салмоней в высокомерии, Тантала в безрассудстве. Но их истории – мифы, и мы не всегда принимаем такие истории за правду, когда они разыгрываются на сцене. Однако выяснилось, что Эпикур превосходит этих людей не в сфере мифов, а в своих реальных учениях и действиях. Кроме того, считается, что эти мифологические персонажи совершили свои смелые поступки где-то еще – некоторые в горах, некоторые в долинах, некоторые в варварских и заброшенных местах, и в некотором смысле природа любого такого места освобождает заинтересованных лиц от обвинений, выдвинутых против них. Но Эпикур преподает эту свою философию в Афинах. И когда я говорю «Афины», то я имею в виду общую сумму благочестия. <...>

[12] Разве тебе не кажется, что Сократу вообще стоит подражать? <...>

[13] «И какое нечестие, – спрашивает он, – я совершил, за что должен ответить?» Это ты, Эпикур, говоришь мне, в чем заключается серьезное обвинение против тебя, что ты не только нечестивец, но и нечестивец по-новому. Следовательно, ты несешь двойную ответственность. Ты говоришь, что не переворачивал жертвенники? Ты не делал этого; но, покончив с Провидением, которому мы воздвигли жертвенники, ты утверждал, что они были воздвигнуты без цели. Ты говоришь, что ты не вводил новую форму жертвоприношения? Ты не делал этого; но ты покончил с жертвой в целом. Пусть Эпикур не избежит наказания только за то, что он не выразил своего неуважения к богам так же, как это делали его предшественники. Потому что невозможно, чтобы один человек в городе совершал всякое нечестие. Если человек может избежать наказания, апеллируя к тому, чего он не делал, а не к тому, что он делал, то какой человек, виновный в нечестии, понесет наказание? Кто будет наказан, если человек не может совершать всякого рода нечестие, и допустимо ли для привлеченных к суду говорить о том, чего они не делали, а не о том, что они сделали? Допускать уклонения от правосудия – не признак умных людей. Человек должен защищаться не от того, за что его не призывают к ответу, а от обвинений, которые его обвинители выдвигают против него и в отношении которых судьи занимают скамейку запасных. Те, кто отворачиваются от наиболее справедливого, прибегают к самому простому: наиболее справедливо для человека опровергнуть обвинение, по которому он предстал перед судом; проще всего человеку защитить себя от обвинений, которые ему не предъявлялись. <...>

[14] Итак, если ты думаешь, что нет Провидения, потому что ты еще не был наказан, то ты <не>правильно рассудил. И если твой отказ от Провидения основан на [твоем взгляде] на природу всех вещей, то тогда твой аргумент беспочвенен. Но откуда, благодаря атомам и столь обсуждаемой пустоте, ты пришел к мнению [о том, что нет никакого Провидения]? <...>

«Беспорядочный импульс и движение беспокоят природу всех вещей». Но хаос древнее и старше твоих учений. <...> «Но он не подчиняется установленным законам природы». Однако все движется по порядку, и я считаю тот факт, что все сохраняется, величайшим свидетельством этого Провидения. Беспорядок ведет к разрушению, а порядок обеспечивает сохранение. <...>

[15] Почему ты уносишь Провидение из Дельф, как с неба? И все же, [вопреки твоему взгляду на Провидение], Парнас был встревожен и потрясен персами. Вместо стрел стреляли вершины гор. Персы пали и обрели себе гробницы из камней. Но хотя Эпикур осмелился сказать это против богини [Провидения], горы не трепещут [перед ним], Гиметт не трясется вместе с [Парнасом против него], гром и молния не уничтожают его вместе с его школой. Я понимаю стратегию богов: они спасли его для ваших голосов, чтобы аттический суд мог принять то же решение, что и пифийский бог. <...>

[16] Так что, если бы он осмелился написать ровно столько, чтобы удалить статуи Провидения, то его пришлось бы наказать за нечестие. Но если его нечестие направлено против самого Провидения, чьими «статуями» являются небо, земля и элементы, будем ли мы милосердны к нему, как если бы он был кем-то, кто не намеревался совершить серьезное преступление? <...>

[17] «Злых прощают», – говорит он. Но что может быть большим несчастьем, чем [быть] злым? «Мудрый плохо расплатится». Как ты думаешь, есть ли другой вид благополучия, который лучше, чем добродетель? Люди не все имеют одинаковые склонности и характеры; цели живых существ разнообразны, и эти цели включают в себя цели, подходящие для каждого человека. Мудрый человек вообще не желает ничего из того, что большинство людей считает удачливым. Следовательно, он не рассматривает недобросовестность как наказание. В чем же тогда цель мудрого человека? На что он нацеливается, когда много работает, не спит по ночам и трудится днем? Обладание добродетелью, о господин. И как он обретает добродетель? Каким образом он получает эту божественную добычу? Нельзя достичь добродетели через богатство и деньги. Можно ли достичь этого телесной силой? Нет, потому что венец добродетели превосходит любой венец из дикой оливы. Можно ли добиться этого военной силой? Ну скажи, какие трофеи больше, чем выигранные в борьбе со злом?

[18] Так что не упрекай бедного мудреца в том, что он беден, потому что деньги не были его целью. Не придирайся к больному мудрецу за то, что он болен, если лучшая часть его существа [душа] здорова. Не придирайся к мудрому человеку, который терпит поражение от господствующих над городами, если он господствует над [своей] лучшей частью. Хороший человек был бы настолько далек от стремления получить такие вещи [например, богатство, здоровье, власть] или от того, чтобы считать себя несчастным из-за того, что не владеет ими, что некоторые хорошие люди, особенно среди тех, кто известен своей мудростью и добродетелью, добровольно отказались для себя от этих активов, чтобы, освободившись от всех внешних препятствий,

они могли получить вместо этого бессмертное богатство добродетели. Анаксагор позволил овцам пастись на всех своих сельских угодьях, определив этим действием, какое «сельское хозяйство» подходит для мудрых. Демокрит охотно перенес физическое заболевание, чтобы его лучшая часть могла быть здоровой. <...>

[19] Так почему ты обвиняешь Провидение в том, что оно не отправляет правосудие в соответствии с заслугами людей? Ибо если [мудрецы] презирают все внешние блага, когда они у них есть, то как они могут раздражаться, когда их нет, или прилагать много усилий, чтобы приобрести их? Какой богатый человек не слишком озабочен своими деньгами? Разве знание божественных и человеческих дел и величие такой важной и глубокой мудрости не кажется тебе всего лишь побочным делом для зарабатывания денег, придатком занятого человека, второстепенным вниманием человека, ищущего муниципальные должности? <...>

[20] Поэтому не называй тех, кто счастлив в самом широком смысле этого слова, несчастными. Не называй несчастными тех, кто похож на высшие силы. Не называй бедными тех, у кого есть бессмертное сокровище, или тех, кем мы восхищаемся, как если бы они были бесчестными богами. <...>

[21] Ибо часто можно встретить много людей, чьи умы неупорядочены, и некоторые часто хвалят их, хотя похвалы порождают скорее потребность [в их услугах], чем в истине. <...>

[22] Тем не менее, я с удовольствием задам вопрос тем, кто хочет упрекнуть мудрых людей в том, что они невезучие: были ли они неудачливы до того, как стали мудрыми, или они были лишены своих так называемых нечаянных удач только после того, как стали мудрыми? Если раньше, то не следует сетовать на добродетель; если только с тех пор, как они обрели добродетель, то они потеряли не то, что они желали, а то, чего они не желали.

IV. Речь против богача

[Exc. Phot.]

Богач своими отвратительными действиями разорил весь дом бедняка. [Гимерий] принимает на себя роль бедняка, отстаивающего свое дело.

[1] Он не обращает внимания на мои несчастья и возражает против характера иска. Я думаю, он предпринял попытку показать, что, поскольку он не совершил обычной несправедливости, то он не совершил никакой несправедливости вообще – как будто он не заслуживает еще большего гнева и обвинений за действия настолько плохие и серьезные, что невозможно найти для них прецеденты. Но если те, кто посмели совершить более серьезные преступления, не будут наказаны, потому что их преступления были более серьезными, то какой смысл было бы хотеть наказать тех, кто совершил менее серьезные преступления? Если мы оправдаем людей, виновных в необычных преступлениях, не даст ли это карт-бланш тем, кто желает совершить

необычные проступки, когда первый, кто осмелится совершить такие проступки, избежит наказания, как если бы он не был виновен в несправедливости? И поскольку мы ненавидим намерения человека, а также его действия, акты крайней несправедливости должны служить основанием не для оправдания, а для обвинения. Ибо, если кто-то своими несправедливыми действиями желает ввести новый тип несправедливости, то он докажет свое нечестие двумя способами: как совершением зла, которого он не должен совершать, так и желанием сделать то, что никто раньше не делал.

[2] Ты осмелился совершить необычный поступок, говоришь ты. Говоря это мне, ты четко формулируешь то, что делает мое несчастье крайним. Людям, пострадавшим от несправедливости, от которой, как они знают, пострадали другие, легче переносить невезение, поскольку они считают невезение своих собратьев утешением в собственных страданиях. Но те, кто стал жертвами новой и беспрецедентной несправедливости, считают свое несчастье невыносимым, потому что у них не может быть товарищей по несчастью <...>

[3] Предположим, чей-то ребенок стал жертвой несправедливости; ну, по крайней мере, жена этого человека, как и он сам, не пострадала от несправедливости. Предположим, что они оба получили травму; по крайней мере, за несправедливостью не последовало убийство. Человек кого-то убивает; но если он не знает, что он сделал, то это облегчает несчастье. Допустим, кто-то решается [спланировать] акт супружеской неверности и своими тайными замыслами разрушает добропорядочный дом; по крайней мере, он не делает такой нечестивый поступок еще более ужасным – я имею в виду совокупление ребенка с его матерью и побуждение прелюбодеев рассматривать то, что они считают несправедливым прелюбодеянием, не имеющим значения. <...>

[4] «Сохранил ли он свою душу свободной от порчи? Что ж, благодаря мне, у него также не будет семьи, свободной от порчи». <...>

[5] Богач, твои действия не опровергают твоих угроз. Я попался в ловушку, я был завоеван, я молчу, я забыл о политике. Своими убийствами ты отрезал мне язык. Этими трагическими знаками [узнавания] ты заткнул мне рот и слова, которые из него исходят; я с трудом могу сказать и высказать то, что мне абсолютно необходимо. Я больше не говорю о городе, а только о своем несчастье. <...>

[6] Кто несет ответственность за такие великие помрачения? Разве они не все – твои дела? Разве не правда, что, хотя все они мертвы от моей руки, они погибли по твоему умыслу? <...>

[7] Я еще не говорил о главном из твоих актов несправедливости, я имею в виду то, как знаки [узнавания] были извлечены в самый нужный момент в твоей великолепной драме. Ты внес в трагические несчастья тот финал, который бывает в комедии! Этими знаками, которые положили бы конец несчастью в комедии, ты усугубил мою беду! <...>

[8] Итак, предприняв все эти действия против меня таким образом, он ходит вокруг и говорит: «Что бы ты сказал о бедняке? Он хочет возложить

ответственность и обвинить меня в вещах, которые не запрещает никакой закон». Затем он спрашивает меня: «Так разве нельзя брать на руки [беззащитного] ребенка?» Да, но нельзя брать ребенка на руки и несправедливо с ним обращаться. Закон разрешает только одно из этих двух действий. Если ты выбрал то, что разрешено, а затем добавил к этому то, что не разрешено, ты не будешь оправдан в связи с первым действием; скорее, ты заплатишь штраф за добавление того, что не разрешено к тому, что разрешено. «То, что я сделал, разрешено», – говорит он. Это слова богача; это ответ тиранического высокомерия. Что ж, я отвечаю тебе мягко и любезно, потому что ты будешь привлечен к ответственности, пока эти люди будут судить. Ты решил сделать что-то безупречное. Тебе разрешено действовать таким образом. Но если ты превратил то, что тебе разрешено, в то, что противоречит закону, тогда я фактически осуждаю то, что тебе разрешено, потому что из-за ложных рассуждений это превратилось в то, что тебе больше не разрешается.

[9] Человеческие связи – прекрасная вещь, но только тогда, когда добрая воля, [подразумеваемая такими связями,] не вызывает подозрений. Но если человек разрушает домашнее хозяйство, строит заговоры против браков, обижает семьи, разрушает дома или притворяется, что у него доброе сердце, хотя на самом деле эта «доброта» переполнена явной мизантропией, тогда действия, которые без примеси несправедливости какое-то время были законными [например, воспитание беззащитного ребенка], становятся <несправедливыми>, потому что они добавили несправедливости к видимости безупречности – они становятся <несправедливыми> именно из-за этой примеси несправедливых действий. <...>

[10] Но, возможно, ты искал ребенка для усыновления. Почему же ты не заявил о своем намерении до рождения моего сына? Или почему ты не попросил ребенка после его рождения? Или, если, может быть, ты не хотел поступать так, то почему ты не сообщил мне об этом сразу после того, как забрал ребенка из пустыни? Ты не осуществил усыновление в соответствии с законодательством. <...>

[11] Откажется ли кто-нибудь признать, что я не действовал вопреки законам? <...>

[12] Грязное прелюбодеяние было совершено с помощью [твоих] уловок, несчастный молодой человек был напоен из грязной миски по злодейским причинам и обратился против своей жалкой матери, а рука отца была вооружена для убийства самых дорогих людей ему [твоей] злобной хитростью. <...>

[13] Теперь я оплакиваю тех, кого я убил, как своих врагов, и я сижу, плача над актами резни, которые, как я думал, я совершил законно. В человеке, которого я считал прелюбодеем до убийств, я узнал своего ребенка после того, как бойня закончилась. Теперь ты действительно ранен, теперь ты получил смертельную рану, дитя мое (Отныне я буду называть тебя не именами, указывающими на несправедливость, а именами, которые подтверждают, что ты – мой родственник). Не ты, а кто-то другой виноват в моих несчастьях. <...>

[14] Я бы с радостью задал богачу сначала этот вопрос: казался ли молодой человек добрым человеком или он был беззаконником? Если он с добрым характером, то совершенно ясно, кто несет ответственность за совершенные действия. Если мальчик был бесполезен с моральной точки зрения, то богач должен был передать его отцу. Кроме того, ты не знал, что мальчик совершает эти действия, или ты знал, что он задумал заранее, и не смог его остановить? Если ты не знал, что происходит, то можешь ли ты говорить о своей «отцовской опеке»? Но если, что кажется вероятным, ты знал, что происходит, то тебе следовало остановить мальчика, когда он был на грани действия, а не после того, как он действовал. Ибо остановить кого-то до того, как он начнет плохо себя вести, – это знак дальновидности, но вмешаться лишь после того, как он начал действовать, – это знак несправедливости. Первое действие показывает, что у человека есть доброжелательность, второе раскрывает его притворство. <...>

[15] Итак, молодой человек виноват во всем. Предположим, он может поговорить с нами. Предположим, что какой-то бог вернул его на какое-то время, ведь мы слышим о таком от поэтов как о частом событии, – чтобы он мог присутствовать на этом испытании. Разве он не закричал бы под своими ударами и ранами: «Я прелюбодей? Я беззаконник? Ты ненавистный богач (ибо после всего этого времени ты указал мне эпитеты, которые тебе подходят) <...>».

[16] «Сожалею о твоих страданиях, – говорит он, – я показал тебе эти знаки [признания], потому что я хотел, чтобы ты счел молодого человека достойным быть похороненным вместе с его предками». Как кстати, не правда ли, ты проявил заботу о примирении! Ты подумал об объединении родственников именно тогда, когда устроил войну без перемирия, разыгранную мечом и прелюбодеянием! <...>

[17] Если он будет говорить и предлагать законы и найдет себе в жизни положение, подобное положению своего отца, то мне больше не понадобятся знаки [узнавания]; я узнаю, кто он, по его поведению на трибуне оратора. <...>

[18] Дай мне [сына], истерзанного болезнями и чумой, чтобы похоронить. Даже тогда я буду сожалеть о несчастье опознать моего сына, потому что ты сохранил моего тезку – тезку его отца – только для похорон. Но я буду утешаться тем, что посылаю подземным богам сына, погибшего от болезни, а не в результате трагических событий. Каким трагичным было обнаружение этих знаков [узнавания]! Как безвременно и жестоко! Я вынужден открыть для себя своего сына сейчас, когда мне было бы удобно не знать о нем. Меня называют отцом, когда выясняют, что я убийца своего ребенка. Позволь мне оплакивать только прелюбодеяние. Свяжи мои несчастья только с одной трагедией. Почему ты разделяешь меня на [несколько] поэтов? Почему ты создаешь [отдельную] драму и постановку для каждого из моих несчастий?

[19] Во-первых, ты уделил пристальное внимание перечислению моих несчастий. Тогда ты хочешь заполнить мою гробницу после того, как опустошишь мой дом. Ты хочешь похоронить моего сына? Ты подарил мне

прекрасную чашу любви! (И как это может быть иначе, если не красиво?) Но позволь мне скорбеть о своих несчастьях. Продолжай, если хочешь, и похорони этого человека, которого ты взял в руки после того, как он был опознан, и заверни его в пелены вместо погребального савана. Твои руки достойны совершить [только] такое захоронение. <...>

[20] Откуда мне выносить труп? Из моего дома? Какая яма в земле мрачнее этого злополучного дома? Его жители злополучны, и ужасная кровь пролита во всех его частях. В самом сердце этого дома происходит много бойни, зрелище удручающее. Его окружает армия Пойн (Мщений), духов и мстительных божеств. <...>

[21] Но как обстоят дела, какой избыток, какое множество бед! Отец был вооружен против сына, мать была принуждена к незаконному сношению с сыном. <...>

[22] О, ты, враг, более жестокий, чем война, мор и тирания! Ты враг нашего отечества больше, чем нашей формы правления! Город так много дал тебе, и это благодарность за то, что ты отдаешь ему в свою очередь? В обмен на авторитет, который ты проявил, на занимаемые должности, на множество великих почестей, которых он часто считал достойным тебя, хотя ты и не заслуживаешь этого, ты перенес его в сферу драмы и, как драматург превратил наш город в описание трагического состязания. Мое несчастье будет ограничено рамками моей собственной жизни, но осквернение, которое ты вызвал, и [последствия] твоего нрава будут длиться до тех пор, пока жив город. <...>

[23] Но ты должен говорить, предлагать и формулировать законы, издавать законы и быть послом. Сначала предложи закон, если хочешь, который запрещает бедняку больше говорить в будущем и налагает наказание на любого бедняка, осмелившегося говорить, что он должен быть палачом своей собственной семьи. Но такой закон тобой уже написан – тебе больше не нужны ни слова, ни слоги! Это написано яснее, чем на словах, из-за моего собственного несчастья. Совершенно очевидно, что ты отгородил трибуну оратора стеной, и мой пример вырезал язык всем беднякам. Так что говори сам, занимайся политикой в одиночку. Никто не будет выступать против тебя. Возможно, в будущем ты не будешь заниматься мелочами или ограничивать свои возможности площадкой оратора. Возможно, тебе понадобится сцена побольше, чем та, что у тебя есть, и драмы, в которых трагический акт не держится в тайне. <...>

[24] Чтобы всех напугать еще больше, изобрази это бедствие, раскрась его, подай нам это несчастье в картине. Да, трудно будет найти талант, способный изобразить чудовищную природу этого чудовищного дела, хотя на свете нет ничего, что богач не решился бы сделать. Пусть краски будут взяты с лугов Пойн и Эриний. Пусть картина будет сделана на поверхности из какого-то проклятого и оскверненного дерева. Пусть огонь, нанесенный на картину, будет таким, чтобы воспламенились духи-мстители за смерть, как и в этом случае.

[25] Ищи художника с трагической рукой и еще более трагической душой. Прикажи ему позволить картине отразить порядок моих несчастий. Он не должен ничего рисовать до разоблачения [моего сына]; он не должен показывать меня говорящим, публичным, увенчанным или в любой другой счастливой ситуации. Пусть вся картина будет наполнена моей горестной судьбой. Во-первых, позволь несчастному отцу появиться, когда он несет своего ребенка в пустыню на своих руках, оплакивая свое невезение, оплакивая свою судьбу, уходя, возвращаясь, опуская ребенка, поднимая его, уступая своему естественному [отцовскому] чувству, и снова поддаваясь необходимости [защитить своего ребенка]. Если возможно, пусть картина намекнет на то, что он сказал, показывая мрачное лицо, и пусть каждый услышит слова отца через его манеру поведения.

[26] Затем нарисуй красоты любви, но не искажай ситуацию, рисуя моего сына. Покажи, как он колеблется, откладывает, движется к делу, а затем отступает от него, его головокружение, движимое страхом, боязнь совершить прелюбодеяние, и не подозревая, что он навязывает себя собственной матери. Если хочешь, позволь ей предстать в образе несчастной старухи. Покажи ее влюбленной, но с морщинами и седыми волосами, чтобы поразить зрителей странностью трагической сцены. Затем переходим к самой сути картины: вооружаем несчастного бедняка против самых дорогих ему людей. Представляй ужасные поступки, которые удовлетворят твою мизантропию, как ты ее себе представляешь. Затем добавь последний штрих трагедии: ты появляешься на месте убийства со знаками [узнавания], улыбаешься, сияешь от радости, восхищаешься своим успехом. Клянись богами, сохрани часть поверхности картины для меня, чтобы никто не стал искать меня и гадать, где этот несчастный бедняк, как он жил, как он мог жить после таких несчастий.
<...>

[27] Но твоя радость не будет беспримесной, богач. Ты тоже должен быть участником трагедии. Никто не знает такой высокой трагедии, в которую не впади бы тираны.

V. Фемистокл против персидского царя

[Exc. Phot.]

Из декламации (meletes) со следующим вступлением:

После персидской войны афиняне проголосовали за войну против варваров. Когда [персидский] царь узнал об этом, он пообещал возместить причиненный ему ущерб, если афиняне воздержатся от войны. Афиняне были склонны принять условия царя, но Фемистокл выступил против [него].

[1] Мои друзья афиняне, кажется, что [персидский] царь еще не перестал испытывать нас, даже <если> он всегда находит, что характер нашего города превосходит его хитрость. Я не думаю, что стоит запомнить, если царь снова попытается делать то же самое; ибо неудивительно, что отчаявшиеся и

напуганные люди не могут найти направление действий, которые позволили бы им исправить свое положение. В поведении царя нет ничего странного. Но можно было бы справедливо удивиться ораторам среди нас, если они все еще думают, что у них есть возможность предать нас, когда даже персидский царь не решил отрицать, что мы слишком сильны, чтобы быть подавленными его властью. Это правильно, что вы как группа не окажетесь ниже решимости одного человека. Как странно похвалиться победой над варварами силой оружия, попав в их руки из-за неверного суждения! <...>

[2] Он уже говорил то, что боги поведали об общем положении дел. У него было такое же мнение о триерах, что и у Пифии [бога Аполлона]. <...>

[3] Почему ты, [Ксеркс,] беспокоишь меня за мое сообщение? Почему ты прорезаешь горы морем? Почему ты покрываешь море сушей? Пусть стоит гора Афон; пожалуйста, отправь флот по волнам, а не по горам. Но если ты презрел эти [земные] элементы, пожалуйста, воздержись (хотя бы) от небес и пощади эту верхнюю сферу. Пожалуйста, не превращай день в ночь своими стрелами; не позволяй туче, образованной из стрел твоей армии, заслонять солнце. Ты, безусловно, не оставишь камня на камне, чтобы сделать город афинян просто еще одной страницей персидской истории! <...>

[4] В [своем] фактическом начинании, [Ксеркс, ты] казался более ужасным, чем [ты был] по слухам. Теперь [ты] явил [свои] чудеса на суше, ныне [ты] перенес [свою] удивительную деятельность на море. Теперь [ты] направил [свое] войско против рек, ныне ты направил свои стрелы против солнца и свои бичи против волн. Пройдена гора, пораженная бурей, весь водный пролив перекрыт и растоптан. Гора Афон направила триеры прямо через свою середину, а Геллеспонт повел персидскую конницу, пока всадники скакали через его воды. <...>

[5] Лакедемонская помощь составила 300 гоплитов. Остальные [греки] пожертвовали [силы] своих народов, насколько позволила судьба. <...>

[6] Нам безразличен тот факт, что ты, [Ксеркс], предвещаешь нам еще одну войну, более ужасную, чем первая [нашествие 480 г. до н.э.]. Ты больше не укомплектовываешь 1200 триер против города, ты не перекрываешь море сушей, ты не стесняешь землю своими воинами, ты не заставляешь земные стихии преобразиться для удовлетворения твоих собственных нужд. Ведь ты знаешь, что в бою я не был побежден всей этой тактикой. Ты нападаешь на (наш) город из Вавилона; через вестников ты испытываешь на нас свои уловки, а через посольства ты подрываешь приверженность (нашего) города высочайшим стандартам. И ты называешь эти свои уловки подарками и милостями! <...>

[7] Не трофеями утверждены наши победы на суше и на море ...

[8] Итак, если вы все думаете, что вам следует предлагать то, что вы должны делать [вести войну против персов], но не делать того, что вы предлагаете, проявляя себя выдающимся образом в своих указах, но не в своих действиях, то это нормально. Но тот, кто прославлен [только] в размышлениях, потому что ему еще не ясно, что он может действовать, еще не завоевывает чистую славу. Сомнительно, заслуживает ли он похвалы, потому

что все ждут, что он осуществит свое предложение, чтобы восхититься его умом. С другой стороны, тот, кто решил попытаться исполнить хорошее решение, вызывает восхищение по двум причинам: как за разумность его суждений, так и за исполнение своих решений, тем самым, не позволяя доказать, что постановление было неверным, когда оно было введено в действие. <...>

[9] Я бы с удовольствием спросил тех [афинян], которые выступают против нас, выражали ли они возражения, когда мы получали разрешение на войну, или молчали и думали, что им следует уступить тем, кто ее советовал. Ибо если они не выразили возражений в то время, то они, похоже, противоречат самим себе, а также нам в своем стремлении найти недостатки в предложениях, на которые они ответили молчанием, подразумевая тем самым, что эти предложения были превосходными. Ибо они, конечно, не будут утверждать, что намеренно скрывали от нас из злых умыслов то, что [они считали] благом [для города]. Но если они выразили противодействие и проиграли голосование, то разве их не обвинят в бесстыдстве, поскольку они попытаются вторично выдвинуть то же мнение, которое оказалось неспособным противостоять возражениям их оппонентов, когда они осмелились представить это раньше? И если мы откажемся от того, на что получили одобрение, то совершенно очевидно, что мы понесем позор, что нас сочтут безразличными и опрометчивыми: опрометчивыми, потому что, когда изначально необходимо было определить, что хорошо для города, мы не могли сделать так; равнодушными, потому что мы быстро меняем свое мнение после принятия решения.

[10] И я еще не упомянул более серьезное обвинение [которому мы подвергнемся, если мы передумаем]: мы, кажется, хотим голосовать против самих себя, потому что мы уступаем превосходству. Это, я думаю, сделало бы обвинение непростительным. Ибо если недопустимо, даже если не считать такого обвинения [в действиях для своей выгоды], что была обнаружена ошибка [голосования против самих себя], то как может быть что-то, кроме непростительного, если кажется, что мы получим дурную репутацию из-за наживы? Если бы кто-либо из союзников города, приняв подарок от [персидского] царя, попытался отменить указ города или осмелился бы расторгнуть его союз с нами, разве вы все не рассердились бы и не потребовали справедливости от тех, кто попытался бы отменить то, что вам было разрешено? Я, конечно, так думаю. Тогда, если вы не позволили другим отменять какое-либо из ваших решений, будет ли видно, что вы делаете это именно сами? И если бы вы не позволили себе потребовать, чтобы кто-то другой, кто поступил неправильно, заплатил штраф, то теперь не будет ли казаться, что вы сами поступаете так же охотно? Несомненно, следует избегать всего, что является или считается морально предосудительным, особенно тех действий, которые ранее были осуждены. Ибо, если человека поймают на том самом акте, когда он делает то, о чем он сообщает всем, что беспокоит его, как низменные действия, тогда он будет признан как вызывающим, так и аморальным: аморальным, потому что он делает то, что

он не должен делать, и вызывающим, потому что он пытается помешать своим соседям делать то, что, как он утверждает, теоретически он презирует, но на самом деле уличен в том, что он занимается этим сам. <...>

[11] Расскажи мне, [господин], о заявлениях законодателей. При желании включи в свой рассказ победы города; ибо успехи города [в бою] я называю военными законами. Чего мы усердно добивались во всех этих законах и победах? Не соглашаться с варварами, ненавидеть их племя как нечто отвратительное и считать войну между нами невозможной путем переговоров. И это очень разумная позиция. Ибо [афиняне] защищали себя законом от причинения вреда со стороны тех, кого они считали естественными врагами, всегда ожидая, что они станут их жертвами. Они думали, что самая большая защита их государства – это не доверять своим врагам. <...> Ибо нечестивые и те, кто всё измеряет с точки зрения собственной выгоды, обычно извлекают из симуляции дружбы больше, чем те, кто открыто принимает решение о войне. <...>

[12] Ибо я называю оракулы пифийского бога [Аполлона] указами афинян. <...>

[13] Перс был враждебен, не единожды и не однажды, не только во время фактического начала войны, но и на протяжении всей жизни [нашего] города. <...>

[14] Ибо если бы [Перс] разрушил только Платею и лишил ее людей, которые по собственной инициативе пошли на войну в защиту свободы, своего города ...

[15] Мы не должны освобождать [персидского] царя от вины за то, что он перенес; мы должны иметь в виду, что он сделал бы, если бы он победил, и понимать, что каждое наказание, которое он получает, меньше того, чего он заслуживает. Ибо несправедливо, что мы, как победители, должны воздерживаться от совершения того, что в случае поражения мы бы пострадали от них как победителей. <...>

[16] Тот, кто выступает против врага и требует от него мести до того, как он оправится после неудачи, не дает ему времени для мести и обеспечивает себе полную безопасность от ран. Он лишает побежденных, против которых он незамедлительно начинает действовать, всякой надежды на выздоровление в будущем. <...>

[17] И, говорят, [персидский] царь прислал [афинскому] народу дары. Что ж, ты говоришь мне словами Кирсила, [господин]! Ты наследник порочного вида оскорблений! И ты осмелился сделать это утверждение в Афинах, здесь, где мы ответили человеку, сделавшему то же самое перед тобой, превратив место, где он стоял, выступая, в его могилу! <...>

[18] Поскольку неясно, чем закончится морское сражение [против персов], в настоящий момент не следует советовать нам покончить с качествами, из-за которых мы пользуемся хорошей репутацией, или привычками, благодаря которым мы выжили. Те, кто с самого начала не ценил добродетель высоко, подвергаются небольшому риску, даже если они проигрывают. Но что касается тех, кому дано так много и такие великие

примеры, то какое прощение они получают от посторонних, если обнаружат, что они стерли свою прежнюю славу своими самыми последними действиями? <...>

[19] Что касается подарка или услуги, то я с большей вероятностью приму ее от кого угодно, кроме Ксеркса. Тем не менее, если бы он предлагал дар без каких-либо условий, у защитников царя, возможно, было бы какое-то оправдание, хотя даже при таких обстоятельствах принятие подарка было бы недостойным афинян. Но если царь просит взамен об одолжении у нашего города, то несомненно, совершенно очевидно, что в своем стремлении получить что-то от нас в обмен на свои услуги он показывает, что не окажет никакой услуги вообще. Если принимать от него подарок, который он делает прямо, неразумно, то насколько менее разумно принимать, когда <он> не <предлагает> подарок без каких-либо условий, а в ожидании существенного возмещения. Этим ожиданием он показывает, что соглашается отдать то, что он дает, в обмен на что-то. <...>

[20] А теперь давайте посмотрим на сами обещания [персидского царя]. «Я восстановлю, – говорит он, – весь ущерб, что я нанес во время войны». [Все], что тебе [нужно сделать, так это] открыть мне настоящую причину [последней] войны, [господин], и, [поступая так], ты даешь мне сигналы, чтобы я пошел в битву, а не стал склоняться к примирению. И ты не понимаешь, что еще больше подстрекаешь нас к войне теми самыми соображениями, которые ты пытался использовать, чтобы примирить город с царем. Как противоречивы твои слова! Когда ты говоришь со мной, то ты называешь одного и того же человека [царя] виновником ущерба и другом, убийцей и союзником. Ты зачитываешь одно письмо [от царя], которое наполнено как несправедливостью, так и подарками, смешанными воедино несмешиваемыми эмоциями, милостями и несчастьями, варварами и греками. Ты кажешься ревностным от имени города, но на самом деле ты делаешь [будущее] падение города основой царской чести. <...>

[21] Тогда почему бы нам не сесть на триеры, а не пассивно ждать, пока [персидский] царь приносит нам разрушение? <...>

[22] Ксеркс расспрашивал меня обо мне, словно желая вести войну [с нами], восхваляя город. <...>

[23] Таким образом, если несправедливость исходит от одного человека, а услуга – от другого, то нужно будет относиться к первому как к врагу и расплачиваться за последнего как за благодетеля. Но если один и тот же человек совершает несправедливость и делает одолжение, то почему было бы более уместным быть благодарным за то, что он обещает, чем требовать наказания за несправедливость, которую он, как выяснилось, совершает? <...>

[24] Что он называет «понесением ущерба»? Ибо даже в своем письме [Ксеркс] несерьезно говорит об одолжении, [что он якобы сделает нам]. Он заявляет, что обязательно восстановит Афины. То есть, он обязательно на это намекает, даже если не решается четко указать, что он имеет в виду. «Я восстановлю Афины», – говорит он. Ты восстановишь город Афины? Ты восстановишь город Тесея и Кекропа? Смогут ли тогда замолчать Эрихтонию

и Кекропы, Тезеи и Кодры? Будет ли Ксеркс всем для города, его основателем и создателем, предметом похвалы и восхваления? Горе, какой ужас! Ксеркс побежден мной, а затем овладевает городом! <...>

[25] Что, если он прикажет и нам сражаться вместе с ним против греков? Было бы не просто отказываться всячески помогать тому, кто проявляет такую щедрость по отношению к городу. Так что, если мы начнем войны против наших сородичей под командованием Ксеркса, то мы будем выстраивать похвальные боевые порядки – не так ли? – боевые порядки, достойные трофеев, которые мы воздвигали в прошлом! <...>

[26] Итак [Ксеркс] собирается позволить себе построить город и принести пользу тем самым людям, кто заставил персов увидеть его скорее беглецом и дезертиром, нежели победителем? <...>

[27] Если бы [Ксеркс] верил, что он может быстро отменить свое поражение силой оружия, то он бы начал войну с нами [снова] и не послал бы к нам посольство. Но поскольку он отчаялся в своих силах, он до сих пор использовал обман вместо оружия для защиты. <...>

[28] [Ксеркс] все еще стремился распространить клевету о городе [Афинах] среди греков, чтобы лишить нас союза с ними, а затем направить войну исключительно против нас. <...>

[29] Из его слов ясно, что [Ксеркс] несерьезно относится к подарку, [что он предлагает нам]. Тот, кто хочет восстановить наш город, ясно указал бы это в своем письме. Но Ксеркс этого не говорит; он просто говорит, что заменит то, чему он нанес ущерб на войне. Таким образом, благодаря двусмысленности формулировок в своем письме он прекрасно выдал свой трюк. <...>

[30] Но каков был знак нашего города? Его отличительным признаком было достоинство его зданий, памятники его древней добродетели, которые можно найти повсюду, и его естественные украшения, которые добавляли городу большей красоты, чем украшения, созданные человеческим искусством. Какое прекрасное зрелище был его акрополь! Какое это было жилище богов, уступающее только небесам! Как прекрасны были святыня [Афины] Полиады и близлежащий священный участок Посейдона! (Ибо мы составили два божества вместе после их состязания через их [соседние] святилища). <...>

[31] Я не принимаю [перестроенное] место для [элевсинских] мистерий от человека, которого глашатай ограждает от наших мистерий. <...>

[32] Кто поднимет людей, которых убил [Ксеркс]? Кто воскресит тела павших, которым этот [царь] на войне «нанес ущерб»? Ведь города, как говорит [поэт?], состоят из людей, а не из зданий. Он обещает восстановить для нас все, что было разгромлено им. Но кое-что из того, что было «повреждено», вернуть невозможно; некоторое из этого мы можем вернуть, но это не будет точная копия оригинала. Так как же можно не убедиться в том, что обещания [Ксеркса] по этим вопросам не могут быть выполнены? <...>

[33] Те [персы] не смогли противостоять даже 300 лакедемонянам в [Фермо]пилах. Так много десятков тысяч пали прямо на глазах у царя, а ведь

они столкнулись лишь с одной группой, и это была плеть, которая удерживала их на месте. <...>

[34] Сам царь вызывает нас в Азию [своими примирительными жестами]! Он показывает тем, с кем отказывается вступить в бой, что для них безопасно вести войну против него. <...>

[35] Вы все были одной когортой, выстроенной против всей Азии, вы были 300 спартанцев. Вы заблокировали [Фермо]пилы сначала своим оружием, а затем умирали. Вы воздвигли (себе) гробницу более достойную, чем любой трофеей. <...>

[36] Я поспешил потребовать наказания для фиванцев. Греческий народ был обвинен в измене родным и близким из-за персов. Греческий город приветствовал персидскую армию, атакующую греков. <...>

[37] Если персы будут побеждены, то это будет выгодой не только для афинян, но и для греков в целом. <...>

[38] Если бы мы [афиняне] встретили врага в битве при [Фермо]пилах! Лакедемоняне теперь будут показывать трофеей вместо гробницы. <...>

[39] Я призываю тебя, Аполлон, против Ксеркса, против Ксеркса, который вел войну вплоть до самого твоего сокровенного святилища, который пытался поджечь твои священные треножки, и из-за которого ты явил свои знамена. <...>

[40] Я хочу называть места в честь моих достижений, я хочу, чтобы моря и реки назывались моими победами, а не старыми названиями. <...>

41] «Когда же или какими средствами, – вмешался кто-то, – мы восстановим город?» Ну, какой город ты все еще ищешь, [господин], у тебя есть триеры нового города с Пифийцем [Аполлоном] в качестве его основателя? Этот город использует океан вместо стен в качестве защиты, острова вместо башен, трофеей вместо материального великолепия. И если ты стремишься узнать его пределы, то обойди мысленно весь мир, обойди каждую часть земли, по которой мы ступаем, и все части моря, по которым возможно судоходство. Вот пределы Афин при Фемистокле! <...>

[42] Я потребую у Ксеркса платан в качестве компенсации за [оливковую] ветвь Афины, чтобы на акрополе можно было увидеть два трофея, принадлежащих богине – [оливковую] ветвь за ее победу над Посейдоном, и платан за ее победу над варварами.

VI. Речь Полемархик

[cod. A, с отрывками также из Exs. Phot.]

[1] Я не стану на сторону тех, кто решит выступить у этой гробницы, а затем будет обвинять закон, [требующий произнесения речи в честь наших павших воинов]; вместо этого я буду на стороне тех, кто хвалит этот закон. В конце концов, странно, что люди, уполномоченные этим законом выступать, использовали свой авторитет, выступая против него. Это закон, заслуживающий похвалы по многим причинам, во-первых, потому что это

Атика и принадлежит строго этому городу и только этому городу. Подношения для питья и другие подобные почести, оказываемые умершему, не выделяют ни людей, которые делают такие подношения, ни тех, кому они делаются, поскольку это обычная практика для всех; в то время как честь, которую приносит похоронная речь, придает ей особую важность и выражает признательность как за решение тех, кто удостоил ее этой чести, так и за доблесть тех, кто ее удостоил. Еще одна причина, по которой этот закон заслуживает похвалы, состоит в том, что предписываемые им обряды приносят больше пользы живым, чем мертвым. Ибо, уменьшая страх смерти благодаря чести, которую приносит похоронная речь, тот, кто сформулировал этот закон, делает всех безоговорочно храбрыми перед лицом опасностей и побуждает их предпочесть смерть в битве обычному уходу из жизни. Для того, кто умер естественной смертью, смерть – это конец как жизни, так и воспоминания; тогда как, если человек погибает в результате подвига, то он получает от этого (участь) уйти из жизни телесной, но остаться здесь, на земле, с (хорошей) репутацией. Я не могу представить никого, кто, имея в виду все это, не был бы готов принять смерть в обмен на бесславную жизнь. Вот то, что вы могли бы сказать, если хотели бы похвалить закон, о котором мы говорили – на самом деле, есть и еще более важные вещи, которые можно сказать об этом.

[2] Теперь я должен перейти к самой похвале мужей, похороненных здесь. Начало восхваления может показаться стандартным для всех; но, на самом деле, для этих мужей оно особенное. Те, кто стремится хвалить других и хочет чествовать свои семьи, поднимают свои речи до уровня рассуждения, в котором мы слышим добрые слова, сказанные о предках восхваляемых людей, или узнаем, откуда эти предки произошли; ведь практически все предки людей, которых где-то превозносят, приехали в свою страну из других мест. Но это эмпирическое правило не распространяется на мужей, которых хвалю я. Ибо, как только вы говорите «афиняне», то этим наименованием вы ясно даете понять, что упомянутые люди являются автохтонными. Таким образом, в данном случае нет похвалы ни предкам [переселенцев], ни их детям или потомкам. Вместо этого для всех дается один и тот же знак благородства, как некий знак идентичности; и благодаря этому радость, исходящая от добрых слов о наших предках, ощущается всеми вместе.

[3] Если вы восхваляете Лакедемон, то фиванцы поставят под сомнение хвалебные слова, которые вы говорите, поскольку они утверждают, что Геракл был уроженцем Фив. Если вы превозносите Фивы тем, что вы говорите, тогда всплывает Кадм и странствия финикийцев, и вещи, чуждые похвале [Фив]. Если вы наметите родословную города аргивян, то вы почтите египтян больше, чем аргивян, потому что аргивяне получили своих основателей из Египта. Но в случае Афин восхваление их благородного происхождения безупречно во всех отношениях, потому что до Афин не было другого города или даже людей. Природа одновременно явила и город Афины на земле, и людей среди других живых существ.

[4] Следовательно, во всем, что считается хорошим среди людей, будь то по природе или по установленным принципам, наш город может справедливо указывать путь другим. Поскольку Афины были первым городом, вступившим в союз с богами, они также были первым городом, открывшим божественные знания человечеству. Его дар начался с доставленных им предметов первой необходимости. Было бы совершенно странно обучать искусствам, обычаям, обрядам и другим вещам, которыми украшалась человеческая жизнь, до того, как человеческое племя стало цивилизованным, которая раньше была сведена к неотесанной жизни с грубой пищей, [обеспечивавшей лишь ее] поддержание. Итак, благодетели человечества начали именно там, где должны были начать.

[5] Деметра бродила по всем краям земли под солнцем, как говорят, в поисках похищенной Керы. Пройдя всю землю и море, она положила конец своим странствиям, когда достигла Элевсина и вернула девушку, которую искала. В награду за этот вдвойне счастливый исход богиня дала плоды земли и [элевсинские] тайны тем нашим соотечественникам, которые положили конец ее странствиям. Она смягчила нашу пищу первым подарком, а наши умы – вторым. Это было началом первой и величайшей благотворительности нашего города всему человечеству.

[6] Что же было дальше? Люди ничего не знали о домах. Афины научили их строить. Ни у кого не было ни искусств, ни законов. И то, и другое пришло к человечеству от афинян. Люди еще не собирались на праздники. Наш город первым собрал их для этой цели и призвал все города сделать то же самое. Жили без оружия. Наш город предоставил оружие для защиты тех, кто столкнулся с опасностями сражения. Люди не умели пользоваться лошадьми. Афины были первым городом, в котором этот вид (животных) стал использоваться для соревнований и военных целей.

[7] Украсив свой город и страну всеми этими нововведениями, афиняне стали дороги богам. Все боги полюбили эту страну, но позволили Афине и Посейдону бороться за нее. Эти два божества не ополчились друг против друга, потому что было неправильно размахивать эгидой или трезубцем в защиту такого любимца, как Афины. Вместо этого они доверили решение тем же самым людям – [они боролись], принимая их как объекты своей любви и как судей в своем споре. Когда дело было рассмотрено путем [простого показа] оливковой ветви и морской волны, [афиняне] приняли решение в пользу оливковой ветви. (Под «оливковой ветвью» я подразумеваю богиню; поскольку оливковая ветвь, я полагаю, является символом Афины.) Когда спор был разрешен таким образом, богиня обнаружила, что она выбрана городом, и город получил свое имя от богини.

[8] Теперь, когда боги почувствовали уважение к правосудию в Афинах, они впоследствии использовали наши суды вместо рассмотрения дел на небесах. Они судили Ареса по обвинению в убийстве, которое было выдвинуто против него Посейдоном, жертвой преступления был Алиррофий. Затем они освободили Ореста из его тяжелого положения. Решая оба этих случая, они использовали предков этих [павших воинов] в качестве коллег. Но

никому не трудно придумывать подобные истории [о богах]. Чего оратору не следует делать при отслеживании подобных историй, так это дистанцироваться от великих подвигов, предпринятых от имени города или Греции в целом [человеческими] предками людей, похороненных здесь. В этой линии предков сыновья подражали отцам и передавали свое мужество в каждую эпоху и от одного человеческого поколения к другому. Итак, я перейду к этим великим подвигам.

[9] Но, возможно, стоит, прежде чем упоминать о победах города, восхититься его добротой и отметить, как он превзошел всю свое племя в этом качестве, как приняв тех, кто имел несчастье быть изгнанным другими, так и отправив за границу тем, кто желал большего. Даже здесь трудно понять, что следует упомянуть в первую очередь, или какие дела следует отдавать повествователю сначала, будь то достижения на суше или на море, или (что-то еще), с чего следует начинать.

[10] Давным-давно греческое племя отмечало (свои) пути короткими пределами. Пираты владели Кикладами, нельзя было плыть по морю у западного побережья Пелопоннеса, фракийцы подстерегали около нашего города, а амазонки угрожали откуда-то еще. Перед этими событиями ионийцы бежали [в Афины]. До ионийцев Гераклиды спасались от насилия Эврисфея [и пошли в Афины]. Фиванцы, отбросив в сторону весь человеческий род, совершали бесчинства против себе подобных. Вскоре после этого дорийцы вместе с эвбейцами и беотийцами дерзко выступили против Афин. С такой огромной тучей неприятностей, обрушивающимся на эту землю в разное время, почти ежедневно, стоит отметить, какими людьми были предки этих [павших воинов] перед лицом всех этих трудностей.

[11] Что ж, они умиротворили и заселили острова и ликвидировали пиратство. Отправив ионийцев на континент напротив них, они заполнили всю землю, омываемую Эгейским морем, аттическим племенем. Приветствуя Гераклидов, они положили конец беззаконию человека, совершавшего бесчинства против этих людей [Эврисфея]; и, изменив свое состояние, они сделали их царями всего Пелопоннеса вместо беглецов. Фракийцы и амазонки, которые действовали нагло, первые против нашего города, вторые также против всего человеческого рода, настолько возбуждались совершаемыми ими актами насилия, что все, на кого они нападали, уступали им. Но когда эти две группы напали на Афины, то афиняне вступили в битву с ними, освободив свою страну от фракийцев и человеческий род от амазонок. (Следовательно, после этого племя амазонок было известно только по гробницам, а не по какому-либо потомству.) Именно из-за этой [той же их доброты] афиняне похоронили тех аргивян, которые пали у городской стены [Фив], когда на фиванцев оказали давление – из-за страха перед городом [Афинами], а не из уважения к человечеству – чтобы передать тела в соответствии с общепринятыми правилами приличия.

[12] Все эти афиняне были достойны восхищения. Но, возможно, их древность заставляет рассказы о них относить к царству сказочного и ставит под сомнение их весьма чудесные дела. С другой стороны, кто бы не стал их

чувствовать словами за то, что они одновременно противостояли трем нападениям, и все они были совершены со стороны других греков [то есть, гораздо более позднего времени]? Кому бы не было стыдно, если бы он не упомянул об этих нападениях? Что я имею в виду? Что ж, однажды зависть вызвала против этого города войну, которую вели одновременно дорийцы, беотийцы и, в-третьих, халкидяне с Эвбеи. Как город противостоял всем этим противникам? Беотийцы пали в битве, дорийцы удовлетворились тем, что ушли живыми, а все халкидяне были уведены в плен. Были возведены три трофея. Скорость побед даже более великолепна, [чем сами победы]: и на эвбейцев, и на беотийцев потребовался всего один день.

[13] Хотя я хочу воздать должное тем, кто в прошлом отличился в борьбе за свою родину и все свое племя, я подозреваю, что, возможно, я не воздал должное им, потому что величие их деяний затмевает краткость моих замечаний. Я также подозреваю, что еще не коснулся дел, которых моя аудитория давно ожидала и хотела услышать похвалу; на самом деле они кажутся раздраженными, потому что их желание еще не выполнено. Поэтому я должен перейти к главному аргументу моей речи. То, что я непременно не сумею воздать должное этим деяниям, — это не обвинение, которое кто-либо может справедливо выдвинуть против меня, поскольку это общая ошибка всех ораторов.

[14] Итак, персы хотели силой оружия превратить все земли под солнцем в одну область, но им помешала выполнить их желание небольшая область к западу от них [— Афины]. Царь Дарий хотел удовлетворить персов этим завоеванием, чтобы их царь овладел всеми землями, затронутыми солнечными лучами. Желая убедительного предлога для исполнения своего желания, Дарий не мог придумать причину, чтобы начать войну против какого-либо греческого государства, кроме Афин, поскольку ни один грек не действовал смело против мидян до того, как это сделал наш город. В Ионии не было флотов лакедемонян, и коринфян не беспокоило то, что аттическое племя в Азии [ионийцы] было вынуждено пойти в рабство к персам. Никому не было выгодно спасать тех, кто попал в рабство, но только для того, чтобы самому избежать подобной участи. Похоже, что только наш город участвовал в первых битвах с Персией.

[15] Когда ионийцы подвергались опасности быть взятыми штурмом, их родной город [Афины] обратил внимание на вопрос об их свободе, поскольку у них был характер, достойный этого города. Ионийцы, которые были у власти, не получили помощи от Спарты, хотя первыми обратились к спартанцам. Похороненные здесь мужи были единственными греками, которые признали своих собратьев и откликнулись на их просьбу. Они сожгли Сарды и показали персам того времени, что есть еще люди, которые боролись за свободу.

[16] Это было предлогом для персидского похода. Их силы, казалось, были нацелены исключительно на наш город, который один осмелился смело выступить против Персидской державы. Но на самом деле это была экспедиция против всей Греции. Ибо было совершенно ясно, что в то время

этого было достаточно, чтобы овладеть Афинами; вместе с Афинами пришла бы и вся остальная Греция.

[17] Как только [персы] решили начать войну, все казалось неадекватным для этого предприятия. Сам Дарий чуть не отправился в бой, и он, вероятно, присоединился бы к экспедиции, если бы эретрийцы не стали жертвами проступков. Как бы то ни было, опасаясь смелости [афинян] и стыдясь войны, развязанной против [эретрийцев], он решил остаться дома. Он доверил войну своим сатрапам, дав им команду идти против греков такой же крупной силой, какую он сам, как царь, ввел бы в битву.

[18] Заметным показателем количества сил, посланных против греков, является тот факт, что даже сейчас писатели не уверены в количестве людей, принявших участие в экспедиции. Но нет ничего странного в том, что странные и неуверенные действия традиции лишают нас точных сведений о количестве напавших на нас, учитывая, что количество [персидских] воинов, которые пали, также не поддавалось точному подсчету. С этого времени [афинские] люди пытались принести в жертву богине [Артемиде Агротере] такое же количество жертв, что и [персидские] погибшие, но они не заплатили ей того, что должны; они все еще в долгу перед ней, причем более половины долга остается непогашенной даже после принесения в жертву такого количества коз.

[19] Отправляясь в поход с таким большим войском, персы не сомневались в победе. Они принесли с собой трофей и оковы вместе с остальным снаряжением, которое они несли, предполагая, что они установят трофей без сопротивления и беспрепятственно наложат оковы на своих пленников. Перед любым столкновением войск царь Дарий тренировал наш город – фактически, это был Датис – делал это вместо него. <Но опыт Датиса в противостоянии Афинам был не> таким же, как в противостоянии Эретрии и Наксосу. Ибо после того, как персидский флот отплыл из Ионии, он снова покрыл все видимое море своими многочисленными кораблями, рассеялся среди Эгейских островов и тотчас овладел городом наксосцев на море. Персы не оставили ничего, кроме самой земли и имени города, и посадили жителей на триеры. Они не считали эретрийцев достойными военного сражения, считая свое положение неравным войне с персами. Вместо этого все они соединили силы, и разграбление города эретрийцев показалось охотой с облавой.

[20] Но когда они достигли Марафона, их надежды исчезли; их опыт там преподавал им хороший урок, и они пришли, чтобы увидеть, какова разница между эретрийцами и нашим городом. Ибо, как только афиняне узнали о высадке варваров, они побежали навстречу противнику под аккомпанемент боевого ритма. Те, кто высадился там, немедленно обратились в бегство, прежде чем афиняне даже вступили в бой с ними. Наши люди разными способами рубили врага. Некоторых они быстро настигли, некоторых покорили, устранив их; одних они сразили на берегу, других, которые все еще высаживались верхом на сушу, а третьих, когда они отступили на свои корабли. И сражались не только живые [афиняне]; то же самое делали и те, чьи

жизни пресеклись в самом начале битвы. Эти люди были охвачены двойным сражением: одним против персов, а другим против самой природы, чтобы доказать свою храбрость. Они находились в стороне, чтобы не было видно, как они пали от персов; а с другой стороны, они сражались, даже если были мертвы, чтобы позволить природе действовать своим путем только после того, как персы бежали.

[21] Один афинянин [Каллимах], словно взяв на себя всю Азию, когда она обрушилась на него, сражался при жизни и не пал после своей смерти; он стоял там даже после смерти, как будто преследуя персов в одиночку [безжизненной] фигурой, я полагаю. Затем другой афинский воин [Кинегир], имевший опыт владения кораблем, предпринял смелые действия против целой триремы. Он побежал на персов, когда они бежали к морю, а затем схватил финикийский корабль, думая, что его правая рука сильнее всей триремы. Варвары опасались триремы, воображая, что она может стать добычей руки афинянина, поэтому они отрубили руку топором. Сраженный афинянин лежал с отрубленной рукой, но все еще цеплялся за трирему.

[22] О ты, первым изменивший судьбу персов! Ты, чьи победы были сверхчеловеческими! О твоём падении в битве сообщили так, словно ничего другого не было ни до, ни после твоего времени! Твою могилу почитают больше, чем трофеей! О ты, благодаря которому имя Марафон звучит везде, где светит солнце! Ты, кто впервые был благословлен союзом богов, пришедших к тебе без приглашения! Если у Марафона есть ваши тела, то боги, которые сражались вместе с вами, имеют ваши души, а земля и море имеют вашу славу.

[23] Таким образом, Марафон стал концом удачи и амбиций Дария. Ксеркс унаследовал от Дария и власть над мидянами, и войну, которую последний вел с огромными усилиями против нашего города в погоне за славой. Но в этот момент в сердце Ксеркса было гораздо больше ненависти, чем у Дария. Ибо только Сарды беспокоили Дария, а Ксеркса беспокоил Марафон так же, как и Сарды. Когда Ксеркс рассердился на наш город, то повсеместно исчезло спокойствие; все было взбудоражено и потрясено вместе с ним, как если бы сам Посейдон сотрясал всю землю и море.

[24] Ксеркс поднялся против греков больше для потехи над нашим городом, чем чтобы действительно сражаться с греками. Пока он проводил эту экспедицию, ничто не пребывало в спокойствии – ни город, ни народ, ни равнина, ни гора, ни река, ни залив, ни суша или море. Города были потрясены, каждый народ подвергся испытанию, не было ни одной равнины, которая не была бы покрыта воинами в результате похода, <...>, ни одна река не могла удовлетворить потребность воинов в питьевой воде, все заливы занял [персидский] флот, а земля и море поменялись местами: ибо [Ксеркс] проложил сухой путь в проливах и провел финикийские корабли прямо через перешейки.

[25] Затем были замечены удивительные зрелища, более грандиозные, чем можно было ожидать: мидийские лошади на Геллеспонте и флот триер, посланный прямо через центр Афона. Ксеркс в своем бесстыдстве не воздерживался даже от небес, но в своих удивительных действиях он

перескочил с моря на сушу, с земли на небо, а оттуда даже на солнце. Ибо, стреляя стрелами, он заслонял солнечный свет, плывя [через сушу], он изменял ее природу, а, пройдя [через Геллеспонт], он отказался от его нормального функционирования. Я ничего не говорю о морях, покрытых триерами, о силах, слишком больших, чтобы их можно было сосчитать, о народах, неспособных снабжать персов достаточным количеством еды, и о царе, который присутствовал повсюду, внушая им страх, но чье точное местоположение никогда не могло быть определено из-за массовости персидской экспедиции.

[26] Когда такой громкий шум разнесся по каждой стране, и весь мир предстал перед судом в Греции, все, кроме афинян, думали, что они все еще могут избежать катастрофы, если только персы будут держаться подальше от их городов. И это не было необоснованным мнением. Ибо в месте, где фиванцы были порабощены [персами], где фессалийцы встали на сторону мидян, где коркирцы наблюдали, как будут развиваться события, где аргиевцы посылали послов, где дельфийцы были в недоумении, и где Гелон делал угрозы, как это сделал Пифиец (Аполлон), прямо со своего треножника, перед Гелоном – в месте, где все это происходило, представлялась ли надежда или ожидание избавления тем, кто был полон решимости противостоять персам?

[27] Тем не менее, наш город не уступил царю, который заставил всё содрогнуться. Афины, опасаясь послания [бога] и прежде чем что-то предпринять, не приняли постыдного образа действий. Скорее всего, со времени того первого посольства город доказал, что превосходит царя. Он потребовал знаки рабства, но афиняне вернули ему знаки свободы; ибо смерть – это то, что он получил в обмен на свое посольство. Он преобразовал землю, но они оставили свою землю. Он сковал Геллеспонт, но они сделали море своим городом. Он послал тысячу триер, но они пошли против всей Азии всего с тремя сотнями триер. Все случившееся не испугало их и не заставило забыть о храбрости – ни гибель лакедемонян, чьи услуги грекам были столь велики, что они были храбро и решительно настроены идти на смерть; ни все люди, которые сражались на стороне варваров; ни порка волн и наказание ветров, и безрассудное обращение варваров с природой. Скорее, после Артемисия афиняне отплыли <на Саламин> и спели двойную победную песню, превзойдя варваров в сражениях и своих братьев-греков повсюду в доблести.

[28] Какие названия или наименования можно придумать, чтобы они соответствовали вашим делам? О вы, выдержавшие опасности для всего человеческого рода! Вы осмелились на большее, чем Ксеркс! Вы, показавшие, что ваши души более стойки, чем стихии! О вы, чья решимость не омрачена стрелами персов! Вы, которые двумя победами продемонстрировали неполноценность [греческой] экспедиции, которая длилась десять лет! Вы заставили человека, который напал на всю землю и море [Ксеркса], потерять свою собственную безопасность и сделать это с радостью. О вы, выигравшие битвы, исход которых предсказал Пифийский оракул! Вы, кто своими доблестными поступками провозгласили Саламин божественным! Вы одни доказали всем смертным, что вся грубая сила преодолевается доблестью!

[29] Но я не знаю, что делать дальше. Как мне восхвалить Платеи? Как мне рассказать о победах у Микале? А как насчет Сеста, Эйона, Византия и всего побережья? Эти [греки] атаковали этот берег своим оружием, как будто они снимали проклятие, поскольку они повсюду вырезали остатки варварских войск. Но даже если я умолчу об этих темах, то я упомяну мир, заключенный с царем, который делает наш город более достойным почитания, чем любая военная победа. Так и должно быть: ведь мирные соглашения часто являются делом удачи, но в этом случае царь охотно уступил Афинам в том, что он останется внутри страны на расстоянии однодневной прогулки на лошади от моря и не пошлет торговый корабль между Хелидонским и Кианским островами. Как это может не принести нашему городу безупречную славу со всех сторон?

[30] И если бы кто-то пренебрег восхвалением города за действия, которые он предпринял против лакедемонян и беотийцев в то время, когда он действовал против варваров, то не показалось бы, что он лишил его великой славы и сделал это несправедливо? Разве эти афиняне не были людьми, которые сражались с варварами и плыли вокруг Пелопоннеса в то же самое время, когда осаждали Эгину? Разве это не те люди, которые победили лакедемонян в Танагре, беотийцев в Беотии и коринфян на самых границах своей земли, сражаясь как во славу победы, так и за мегарцев?

[31] А как насчет сражений после них, когда лакедемоняне несправедливо обошлись с нашим городом и затем пообещали заплатить штраф за это несправедливое обращение, чтобы мы считали их полностью в расчете? У Аттики есть трофей, посвященный победе над лакедемонянами, а у Сфактерии есть свидетельства нашего поражения Спарты [там]. Подумайте о том, что произошло в Крисейском [Коринфском] заливе, о нашем наказании коринфян, о нашем многострадании на Западе и в Геллеспонте, о наших бесчисленных победах в морских и сухопутных сражениях и о том, как афиняне противостояли всякой тирании по отношению к каждому деспотическому режиму, в разное время ведя бесчисленные битвы от имени своего племени. Мне нелегко перечислять такие поступки, да и тем, кто пробовал это до меня, было нелегко.

[32] Таким образом, я думаю, что, подобно тем, кто объявляет победителей на ипподромах, я должен составить один и тот же знак чести [за все эти достижения] в надежде таким образом исполнить закон: «О вы, наполнившие каждую часть земли и моря, к которым у нас есть доступ, победами, а недоступные области – своей славой и славой! Только вы своими великими делами преодолели природу, время и зависть. О вы, измерившие всю землю трофеями, а не маркерами! Вы боролись против всех людей, у вас были противники, которые хвалили и свидетельствовали о вашей доблести. Из-за вас афинское имя всегда будет бессмертным и нестареющим. Ни Вавилон, ни Ниневия, ни какой-либо другой город или земля, удачливые в своей славе или в [своем требовании] времени, никогда не звучали так громко, как город, чьим потомком вы являетесь. О отцы трофеев, вы, научившие нас добиваться всяческих успехов! Вы превзошли всякую похвалу и все, что можно сказать о

вас. Вы, не колеблясь, перешли к большей части славы, которая надежна и наследниками которой вы теперь являетесь; ибо вы проявили славу в деле мира, а также в трофеях победы».

[33] Мои слова, возможно, хуже того, чего заслуживает моя тема, но они не хуже, чем у многих других. Все, что нам осталось, – это всем нам вместе выступить у этой могилы с возгласом хвалы, а затем мы можем покинуть эту церемонию чести.

VII. Из Ареопагитика, или [Мольба] о свободном статусе для его сына Руфина

[Exc. Phot.]

[1] Мужичи [ареопагиты], которые давным-давно принимали решения за богов о том, кто [законно] должен господствовать, и ныне принимают решения за афинян о предоставлении свободного статуса <...>

[2] Итак, согласно закону, я буду говорить только по существу. Я был у вас и софистом, и отцом. Вы знаете, опытный ли я софист, потому что я всегда говорю, и моя жизнь проходит в лекционных залах. Настоящий случай покажет, аттический ли я отец или нет.

[3] Ибо мне невыносимо не называть сына афинян свободным. Я вручаю своему сыну свободу еще до того, как он достигнет совершеннолетия. Он мой, он афинянин, он принадлежит к городу, который чтит свою древность как общее благо больше, чем другие чтят старость своих отцов. <...>

[4] Этот молодой человек – потомок Плутарха, через которого вы просвещаете весь мир. Он потомок Минукиана, который не раз получал статус свободного для многих людей благодаря своему красноречию. Я представил вам потомка Никагора, моего собственного сына. [Упомянув этих предков моего сына], я составляю для вас список софистов и философов, и они поистине являются знатью Аттики <...>

[5] Я часто выступал как софист, теперь говорю как отец. <...>

[6] Вы дали мне сына аттического племени; примите его сейчас как освобожденного по вашему указу. Освободите моего сына для меня своим указом и позвольте своим свободным голосам звучать вместе с [его голосом], чтобы как афинянин – что то же самое, что сказать как свободный человек – он мог говорить и предлагать законы среди вас, и, если боги желают, то сыграйте политическую роль в вашем сообществе.

VIII. Монодия своему сыну Руфину (Плач по сыну Руфину)

[1] Я поступаю чудовищно, если могу говорить, когда Руфин мертв. Однако, поелику судьба сохранила меня единственно ради того, чтобы я оплакал это несчастье, я все-таки буду говорить. Веление высшего закона побуждает меня почтить отпрыска красноречия надгробным словом. Сколь

славна эта задача! Быть может, судьба для того и сохранила отцовское искусство, чтобы оно тебя прославило? О, если б мне суждено было говорить, стоя над твоей могилой! О, если б ораторской трибуной был твой могильный холм! Тогда я был бы трижды блажен! А ты похищен у меня, не сказавши ничего, не попрощавшись, не подарив отца последним объятием.

[2] Думаю, что злой рок положил начало беде уже в тот самый день, как лишил меня общения с тобою, а тебя – моих объятий и лобзаний. Но зачем винить судьбу! Я сам погубил тебя, дитя [из-за моего отъезда]. Зачем я вырвался из твоих объятий? Ты стал добычей зависти, направленной на меня, случайной жертвой злобного духа. О, этот ужасный и жестокий день! Какой глубокий мрак окутал меня и после сколь ослепительного света! Каждодневно я с жадностью ловил трижды желанные вести о тебе и постоянно поджидал человека, который должен был сообщить о твоём приходе. Но какое ужасное уготовал мне [злой] дух известие вместо сколь сладостного!

[3] А я целыми ночами думал о купальне для тебя, о доме, о богатстве, обо всем, что люди признают самым желанным, а с наступлением дня принимался хлопотать об этом. Злосчастный, я не знал, что вместо омовения для тебя буду печься о могиле, вместо дома – о высоком холме земли, вместо богатства и роскоши – о печальнейшем для человека: о погребальных дарах.

[4] О, если бы ты вовсе не родился на свет, дитя мое, или, родившись, не блистал так достоинствами душевными и телесными! Ты завоевывал сердца, лишь только учась говорить, и пленял всю подлунную уже младенческим лепетом. Немногими избранными Перикл был любим всегда, но стал говорить перед народом, лишь пройдя школу Анаксагора, тебе же искусство красноречия было дано с пелен. Алкивиад покорила своей красотой весь театр, но был тогда уже юношей в расцвете сил, а ты покорила его в пору, когда еще питался молоком матери. О горе, достойное Эсхилова велеречия! О чем мне плакать, чему расточать похвалы? Я скажу лишь то, что известно всем, кто знал тебя, и на что уповали те, кто о тебе слышал.

[5] О услада Харит, ныне игральнице Эриний! Горе мне, я обрел новое имя, – прежде, когда ты был жив, меня звали трижды блаженным, отныне зовут трижды злосчастливым. До каких только городов молва не доносила твое имя! Какие пределы не исполнил ты своей славой и достоинствами юной души! Гераклу пришлось долго скитаться и совершить двенадцать подвигов, дабы всю подлунную сделать свидетельницей своей славы. Ты же, не расставаясь с домашним кругом, благодаря чудесным своим деяниям перешагнул в молве через Геракловы столпы. Всех людей ты полонил своими чарами!

[6] Отцы обычно расточают своим сыновьям незаслуженные хвалы; благодаря тебе это правило нарушено: отец о твоих достоинствах молчал или, во всяком случае, говорил о них мало, ибо ввиду твоих великих достоинств опасался козней судьбы; напротив, все другие рассказывали твоему отцу о достоинствах сына. Ведь ими ты покорял людей всякой судьбы и всякого возраста.

[7] Что за злой рок унес с моего очага твои золотые локоны? Кто угасил яркое пламя моей славы? Какой прах покрыл священные волосы, которые ты с первых дней жизни лелеял для бога Диониса, и глаза, красотой едва не затмевавшие блеск солнца? Какая эринния похитила багрянец твоих щек, нежную и сладостную улыбку губ? Увы, Дионис, как ты стерпел, что из твоего храма увели священного отрока? В честь победы над тобой и надо мной воздвигли эриннии трофей!

[8] О печальные восторги Диониса! О киферонская беда, ты побеждена моим злосчастьем! Увы, Деметра и Кора, не сберегли вы своего питомца! Он принимает посвящение, но в храме под землей, не отцом посвящается, а мрачным и злобным демоном, глядит не на пламя факелов, а на светильники эринний и пойн.

Почему я не ушел раньше его? Почему отец не упредил сына? Почему мне не было дано уготовить ему брачное ложе в подземном мире, поелику зависть эринний лишила его свадебного чертога на земле? О, для сколь слезных стенаний я пощажен! Произносятся всевозможные речи, я избегал надгробных, не ведая, что пощажен, чтобы произносить ее над собственным сыном.

[9] Я дарю тебя словами, дитя, ибо не могу подарить погребальными дарами. Из слов насыпаю тебе могильный холм – расстояние не дает мне возможности покрыть землю твое тело. О, какие речи я посвящал тебе прежде и какую посвящаю ныне: могила – вместо ареопага, вместо свободы – смерть. Из-за тебя, думается мне, всплыли в памяти древние имена, соседей этого судилища, богинь, которые не могут ни обвинять, ни карать.

[10] Какой другой сын столь предан отцу, как ты? Кто справедливее к родичам и родителям? Мы, злосчастные, я и твоя мать, оспаривали друг у друга твою привязанность, ты же разрешал спор, обходясь с каждым так, что мы оба считали себя победителями. О медвяные речи! О голос сладостнее славного нектара богов!

[11] Издавна уже ты заботился о своем уходе из этой жизни, уже давно ты доказал тем, кто мог это понять, что тебе суждена более высокая участь. Кто из старших тебя по возрасту так ревностно почитал богов, какой прорицатель или жрец столь благочестиво пребывал в храмах и у алтарей? Есть ли священная флейта, которая бы пела гимны слаще, чем твой голос? Какая лира, какая кифара более мелодически звучала в пеанах, чем твои уста?

[12] Некогда ты попрал пределы возраста своими достоинствами, ныне смертью. Братской любовью ты затмил Диоскуров. Они, хотя и сражались за Елену, не могли помешать ее похищению, а ты был сестре более надежным стражем, чем каменная стена. Даже из числа людей самых строгих нравов кто был воздержнее тебя? По своей воле, часто не дожидаясь предостережений наставника, ты отвращался от всего вредоносного и, если узнавал, что что-нибудь может быть опасным, не дотрагивался до него и кончиком пальца, даже когда для этого представлялись тысячи удобных случаев. Если же по неведению и прикасался к чему-нибудь такому, достаточно было только сказать слово, чтобы ты сейчас же послушался.

[13] А как не удивляться твоему мужеству! Тяжелые недуги подкашивают и крепких людей, ты же не поддавался ни одному из них (а они были страшными!) единственно благодаря своей душевной стойкости. На это, быть может, и вознегодовал злобный и жестокий демон и после многих своих поражений сокрушил тебя наконец тайными и коварными кознями. Ты, как мне довелось слышать, не покорился ему до последнего вздоха: побежденный телом, духом ты был непобедим. Демон душил тебя и не отступал, ты же, дитя, задыхаясь, продолжал до тех пор говорить о любезной твоему сердцу выпестовавшей тебя богине Афине, пока он, лишив тебя всякой помощи, не удавил своей петлей. Он ведь помнил, сколько раз терпел поражение, когда отец был с тобой и помогал тебе.

[14] Какой срок, какая чаша египетских целебных снадобий утишит мою тоску по тебе? Как я после твоей смерти буду глядеть на поприще Афины? Какое место, какая земля, какой город не исполнят меня, при одном взгляде на них, плача, слез и воплей? Когда я отправлюсь в совет, мне померещится, будто я вижу, как ты, стоя на возвышении, обращаешься к герусии; о твоей трагической судьбе напомнит мне тот театр, где тебя часто единодушно прославляли.

[15] Тебе единственному уступали в успехе лучшие из афинян, и только когда их побеждал ты, все они мирились с этим – одни, очарованные твоим искусством, другие, быть может, опасаясь твоей грядущей славы; первых ты покорял, вторых приводил в трепет, но обычно всеобщая любовь и восхищение приносили тебе победы. Как я буду глядеть на ареопаг, где ты, не достигши еще трех лет, поразил некогда всех своей серьезностью, точно уже знал мифы об этом судилище. Там ты победил отца, ибо твое молчание показалось удивительнее моих речей, победил также суровость и неприступность судей. Впервые тогда этот вечно насупленный совет просветлел улыбкой: ты подвинул на любовь души, которые не могли тронуть даже боги, представавшие перед этим судом.

[16] Как у меня достанет сил посмотреть на моих слушателей? Ведь это ты собирал их в моем доме, ибо твой нрав привлекал людей сильнее, чем моя слава. Опостылели мне места, прежде милые, и непереносимо то, что я прежде любил. Твоей могилой стала прекрасная роща, которую я лелеял для твоего брака.

[17] Где ты обнимешь меня, когда я ворочусь назад? Дома? Но ты покинул дом, оставив его мне как воспоминание о страшном несчастье. В святилищах и тенистых рощах? Там я найду тебя, но ты даруешь мне вместо объятий потоки слез! В сколь страшной процессии, милый, ты отправился, как рассказывают, из города в любезное некогда место, ныне же более ужасное, чем Киферон. Не таков был путь, когда его разделял с тобой отец: то ты скакал верхом, то ехал в повозке. О, сколь часто ты высказывал мысли, более примечательные, чем те, что встречаются в воспоминаниях! В какой день, во время какого пути, в каком месте не звучали твои чарующие слова и благоразумные речи?

[18] Своей смертью ты затворил для меня городские ворота: как я могу пройти через них? Закрыв мне и дорогу в Элевсин: укоряя богинь, как я войду в их храм? Как мне совершить возлияние Дионису, не сберегшему посвященного ему отрока? Как приносить жертвы Афине, которая в твою защиту не подъяла, дитя мое, на преследовавшего тебя демона свою горгону? Как отцу, оплакивающему сына, обращаться с молитвой к отчему богу? Как войти в собрание эллинов и не сделать вступлением к декламации плач о тебе? Как, глядя на твоих сверстников, утишить скорбь? Как, общаясь с юными учениками, смирить свое горе? Ведь в мое отсутствие ты был их пастырем, управлял ими не речами, а чарами своего нрава.

[19] Ты был опорой моей старости, потому что тебя все любили: меня совестились печалить, имея перед глазами тебя, ибо твою юность берегли больше, чем мои седины. О дерзостные речи! Руфин мертв, а вы все еще полны сил! О злосчастный язык, прежде служитель Муз, ныне – враждебного Музам демона! Пусть эта моя речь станет слезным плачем по тебе!

[20] Сладчайшее дитя, прежде достойное зависти, ныне же горьких слез! О ты, прежде опора моего дома, ныне его черная погибель! Ты сверкнул стремительнее утренней Звезды и столь же стремительно угас. О ты, даровавший мне самый радостный день, когда солнце впервые взглянуло на тебя, и самый печальный, когда до меня дошла ужасная весть!

[21] Как я смогу достойно восхвалить тебя? Под какой печальный и трагический напев смогу вдосталь насытиться плачем? Какую ужасную участь судил мне рок вместо сколь блистательных упований! Я оплакиваю того, кто, как я надеялся, должен был стать красноречивее Минуциана, серьезнее Никагора, слаще Плутарха, глубже Мусония, сильнее Секста, блистательнее и выше всех своих предков. Часто я сам уступал тебе, еще мальчику, победу и считал твои речи совершеннее моих, всегда предпочитая твой лепет прилежным стараниям зрелого мужа. Все это похитил у меня демон и скрылся, оставив мне вместо тебя стенания и слезы.

[22] Прими эти надгробные возлияния, которые я делаю в твою память у реки Мелан; справедливо ли ее воды получили древле это имя, знают те, кому прежде довелось посетить ее берега, мне же она ныне воистину кажется черной и мрачной, более зловещей, чем Коцит и Ахеронт; коварный демон, словно нарочно, позаботился о том, чтобы все было похоже на сцену из трагедии – место, время, весть о несчастье. Ночь была временем, Мелан – местом действия, вестью – смерть Руфина. Посреди всего этого отец стенает и пишет свою речь, деля часы между трудами и плачем.

[23] А ты, сын мой, навсегда ушел туда, куда увел тебя демон. Из-за своего отца, быть может, ты обретаешь бессмертие и, пребывая вместе с богами в горних высях, будешь взирать оттуда на землю, играя с Эротом, предаваясь веселью с Гименеем, с Бранхом пророчествуя, преисполняясь священным вдохновением с Трофонием. Ведь едва ли такой душе суждено сойти в подземные пределы, а не присоединиться к сонму богов. Я почту тебя погребальными играми, а имя твое передам потомству – этим я покажу себя

более сильным, чем демон: тело Руфина достанется ему, душа – небесам, а слава – человечеству.

IX. Эпиталамий Северу¹

Вступление к речи

[1] Излишним, может быть, покажется толковать о том, как надлежит составлять свадебные речи. Разве там, где царят Гименей, хороводы и поэтическое своеволие, уместно говорить о законах мастерства? Но поелику полагается, чтобы умелый оратор даже в такого рода речах не обходился без них, следует посвятить этому несколько слов. Так вот, золотое правило свадебных речей: в слогe сообразовываться с поэтами, в содержании – с данными условиями, в объеме – с имеющимся материалом. Удастся ли достичь этого нашему эпиталамию, будет ясно из дальнейшего.

[2] Речь состоит из четырех частей: первая – вступление; оно в изящной форме дает понятие о замысле, согласно которому оратор построил свою речь; вторая часть посвящена теме брака; хотя она по своей природе не нова, мы, однако, необычностью доводов и способом изложения мыслей постарались придать ей приятность и сообщить нечто сладостное для людей любознательных, что не укроется от того, кто искушен в науках. Третья часть – восхваление новобрачных; она перечисляет все, что достойно хвалы, исполнена живости и вполне подходит к случаю. Кончается Эпиталамий описанием невесты; здесь он обнаруживает поэтические цветы и обретает парение.

Речь

[3] Рассказывают, что Аполлон, после одержанных им великих лирных побед, перед дверьми спальни запел свадебную песнь. Если слова поэтов не сказка, сперва она огласила долины гор и пещеры: бог ведь пел ее для своего любимца. Поэтому, отроки, и нам следует, раз мы скликаем наших Муз на брачный хоровод любви, позабыть сурово бряцающие напевы, чтобы с девами вместе в честь Афродиты водить хороводы.

[4] Сколь, однако, трудно сочинить такую нежную песню, чтобы она полюбились этой богине, можно узнать у поэтов; они, я думаю, более искушенные в делах любовных, рассказали о вражде Геры к отрокам и девам, но тайнства Афродиты предоставили воспеть на лире лесбиянке Сапфо в ее эпиталамиях. Она переступает порог спальни, тклет полог, стелет ложе, приводит в дом жениха дев, Афродиту на колеснице, Харит и сопутствующий богине веселый сонм эротов. Цветами гиацинтов обвивает она волосы богини, оставляя свободными лишь ниспадающие на виски кудри, так что они слегка волнуются при движении. Крылья и локоны эротов Сапфо убирает золотом и посылает их толпу перед колесницей с высоко поднятыми в руках факелами.

¹ Один из учеников Гимерия.

[5] И нам необходимо такое же искусство, ибо новобрачный не чужд Муз; он еще недавно делил с ними веселые досуги, но нежданно убежал из нашего стана, чтобы предаться буйствам Афродиты. Поэтому-то и мне полагается присоединиться к брачному хору. Ведь и пастух в полях берется за свирель, когда видит, что вскормленный им бычок созрел для игр Афродиты; не обходятся без песни и те, кто пасет коней, когда их жеребята начинают в играх с кобылицами подражать взрослым жеребцам. Не безмолвствовал бы и Хирон на свадьбе Ахилла, если б тот, не любил Гипподамию тайно. Я слышал также, что Пан, пастушеский бог, громче играл на свирели, когда в пещере на Крите Дионис сочетался браком с Ариадной.

[6] Теперь я хочу напомнить вам другой миф. Посейдон любил Пелопса. Он обучал еще юного отрока скакать верхом и гнать колесницу по морским волнам, едва касаясь воды. Когда же страсть к Гипподамии заставила Пелопса служить Эроту и Афродите, бог собирает хоровод nereид и на самом берегу моря возводит для него брачный покой (покоем, мне думается, служила волна; сине-багряная, высокая, она выгибалась над ложем, чтобы создать подобие стены). Кроме того, он поет Пелопсу свадебную песнь. Мы, однако, подобное прославление оставим прочим богам и Посейдону и будем славить брачное торжество, как это принято, по порядку, начав с рассказа о том, откуда произошел самый брак и свадебный покой.

[7] Существовал бог, и существовала природа. Он хотел потомства, она – бремени зачатия, но брака еще не было, и с тем, что способно к зачатию, еще не сочеталось то, что призвано оплодотворять. Для того чтобы положить этому начало, сама Вселенная стала брачным чертогом для Вселенной. От этого брака произошли небо, солнце, сонм звезд, луна и оба небесных полюса, вокруг которых осуществляется жизнь этого первого поколения, происшедшего от первого брака божества.

[8] Затем совершился брак Океана и Тефии, от которых родились реки, озера, и родники, и ключи, и глубокие воды колодцев, и мать всех вод – море. Далее были порождены растения и животные, земля заселилась, в море появились рыбы, воздух стал дорогой для крылатых. Брак этот соединил растения с растениями, реки с источниками, град и дожди с землей, Нил с Египтом и всякую мужскую сущность с женской. Тогда Истр воспылал любовью к Боспорскому морю, а Рейн к Кельтскому; столь близкие друг другу реки, происходящие из одного источника, разъединил Эрот – Истр он сделал женихом Эвксинского Понта, Рейн – Атлантики.

[9] А свидетель божественных деяний и вершитель всего на земле, человек, произошел от этого брака последним. Рассказ же о том, будто человека породила аттическая земля, разверзшись в родильных муках, – только сказка, шутливая выдумка этой изобретательной страны. Брак, который произвел на свет человека, уготовал ему все, что населяет сушу и море; ради него плуг покрыл землю бороздами, корабли рассекли волны, кони были укрощены уздой. Он дал оружие войне, услады миру, старости почет, юности – цвет и сладостную надежду на потомство. Поэтому мы и чтим жертвами брачных богов, славим покровительницу брака, Геру, и воздвигаем алтарь

Зевсу - блюстителю брака. Далее самое Афродиту, скрытую волнами моря, брак в ослепительном блеске показал белому дню, разорвав для ее рождения лоно морских вод.

[10] А род героев, стоящих между богами и людьми, откуда он появился, как не от того же брака! Постигнув, что недопустимо соединять высшие существа с низшими, брак породил создания, занимающие среднее положение между небожителями и смертными, дабы передавать долю божественной природы природе низшей, – вот почему Геракл подвиги совершает, Дионис лозы сажает, Асклепий врачует, а судьбами плывущих по морю управляют Диоскуры. Прославлять брак должны Музы, ибо порождены от него, и Аполлон, ибо браком произведен на свет, и Гермес, ибо также произошел от брачного союза.

[11] Если б мне вздумалось рассказать о любовной страсти рек, огромный поток вод влился бы в мою речь. Ибо все они, мне кажется, влюблены в море и поэтому стремительно бегут к морю, словно друг перед другом спешат приветствовать возлюбленную. А если понадобилось бы взаимное влечение рек считать браком, их союз тоже можно было бы прославлять. Брак приносит в дар речному потоку его соседку Фисбу, превратив ее из девы в речную воду, хранит их любовь и после превращения, сливая воедино волны невесты с волнами жениха. Энипей был известен как ненавистник любви. Но дабы и его оделить каким-нибудь любовным мифом, рассказывают, что в его водах сочетался браком бог Посейдон. Энипей бьет в берега и ликует, становится сине-багряным и выгибается брачной сенью, как мне думается, похваляясь перед другими реками тем, что только ему одному доверены любовные страсти Посейдона. Но довольно вспоминать иноземные мифы! Ведь жажда брачного соединения заставляет аттический Илисс безумствовать по аттической родниковой струе. И дабы мы не корили его за то, что, словно какой-нибудь соблазнитель мальчиков, он скоро изменит любимой, Илисс украшает не только ее воды, но и прозвище, к которому присоединяется слово «красота».

[12] Прекрасны все перечисленные нами блага брачного союза, прекрасны и те, которые воспевают поэты и которые принято славить у дверей свадебного покоя. Однако сегодня заключенный брачный союз запечатлен особой прелестью. Не по прихоти случая сочетаются друг с другом новобрачные, но, как молодые кони-погодки дружно бегут рядом в одной упряжке, так и эти двое пожелали соединиться, будучи одного возраста, одинакового воспитания и сходны во всем прочем. Рассказывают, что однажды Олимпиада, которой впоследствии выпало счастье стать матерью Александра, участвуя на Самофракии в мистериях кабиров, увидела там Филиппа (тогда он был еще очень молод), а увидев, влюбилась в юношу, дала согласие на брак и сделала мистерии преддверием брачного торжества.

[13] Фракийский город, названный по имени царя Филиппа, – родина невесты; к северу от него – земля скифов, к югу – Эгейское море. Происходит невеста от самых знатных людей Фракии, во Фракии рожденных и возводящих

свой род к царям; она с материнской и отцовской стороны в родстве с Гермогенами, Медами и нынешней фракийской знатью.

[14] Из краев, называемых Понтом Зевса, происходит жених; основатель его рода – знаменитый Андрокл; от Андрокла, словно от одного корня, произросло множество отпрысков, распространилось по всему кругу земному и осчастливило многие города. То же, я знаю, было с родом Пелопидов: его основатель, переселившись из Ионии в землю эллинов, передал в дар потомкам славу своего имени. Люди считают за великую честь хотя бы по одной линии быть сопричастными славе Андроклова дома; как реки, беря начало из одного источника, а затем разделившись, вновь сливаются воедино, так и род Андрокла, рассеянный по всей земле, ныне снова воссоединяется. Говорят, что Ахилл родился от матери богини, отцом же его был смертный муж – Пелей; а новобрачный – отпрыск двух во всем равных друг другу родов.

[15] Таково происхождение жениха и невесты. Еще более они сходны между собой нравом и цветущим возрастом: они, как молодые розы на одном лугу, в одно время появились на свет, в одно время раскрывают свои лепестки; душевное же их сродство удивительно – оба стыдливы и чисты нравом и отличаются друг от друга только свойственными природе каждого занятиями. Она изошрилась в тканье шерсти, славном деле Афины, он обретает радость в трудах Гермеса; у нее на уме ткацкий челнок, у него – речи; она держит лиру, он не расстается с книгой; ее любит Афродита, его – Аполлон. Новобрачный первый среди юношей, невеста – среди дев; он еще безбород, и его щеки покрыты первым пухом, она созрела для брака.

[16] Сапфо сравнила деву с яблоком; людям, которые хотят до времени сорвать его, яблоко не дает дотронуться до себя даже кончиком пальцев, а тому, кто будет ждать срока, оно подарит прелесть своей зрелости. Жениха подобало бы сравнить с Ахиллом и уподобить его дела подвигам этого героя. Как в поэме Ахилл доблестью превосходит всех остальных эллинов, так и жених, пастырь своего стада, славен великими победами: если нужен совет, он побеждает всех рассудительностью, если мужество – он самый отважный, если благородство – среди сверстников ему нет равного в знании философии. Молва обо всем этом завоевала ему счастливую невесту – ведь эроты могут и за море посылать свои стрелы и на расстоянии зажигать брачные факелы.

[17] Предание, соединяя Деяниру, дочь Ойнея, с Гераклом, рассказывает, что ее любви домогались многие, в том числе поток Ахелой; словно желая указать на то, что соперникам цена разная, оно награждает Геракла невестой, а поток – любовной раной. Мне думается, что и этот союз заключен по божественному умыслу, дабы – новобрачная ведь чужестранка – Аттика стала местом свадебного покоя, восприняла и вскормила первый плод брака и благодаря Северу счастливила Фракию аттическим отпрыском.

[18] Не хочется мне умолчать и об устроительнице брака и создать ей хвалу, ибо мое и ее искусство происходят от одних и тех же предков. Хотя она и женщина, но делает честь нашему роду: образованностью не уступает Аспазии и настолько превосходит мантинеянку мудростью, насколько афиняне выше аркадян. Она привела в наш город жениха из Фракии, имя

которого созвучно названию Халкиды, желая, думается, внушить веру в древний миф о том, как любовь к Орифии заставила Борея покинуть Фракию ради Афин и таким образом соединила его с этим городом. Много о ней можно сказать достославного, но, разумеется, самой великой хвалы достойно устройство этого брака, ведь дева едва не попала в злые сети и была спасена богами.

[19] Однако, надолго покинув брачный покой, речь моя словно забыла о невесте, будто она и не знает, сколь печалит жениха то, что я еще не описал ее. Возвратим же речь в брачную сень и заставим обратиться к красоте невесты. «О прекрасная, о милая!» – тебя ведь надлежит хвалить словами лесбиянки. Сотоварищи твоих досугов – розовоногие Хариты и золотая Афродита, для тебя Горы цветами расцветивают луга. Ты водишь там хороводы, легко взлетая в лад песне. Эроты плетут венки из роз, которые они собирают, когда им вздумается, в садах Афродиты, и украшают ими твое брачное ложе. Пейфо, Вожделения и Гимер¹ пестуют твою красоту. Гимер пребывает в очах и оттуда посылает свое неборимое пламя, Вожделения румянят щеки багрянцем стыдливости, более румяным, чем лепестки роз, когда в весеннюю пору они, расцветая, раскрываются и алеют, Пейфо обитает на устах и сообщает свою прелесть речам. Золотые волосы на лбу девы распадаются пробором. Если б я пожелал описать цветущее лицо ее, пришлось бы заимствовать слова у портов. «Ах! Ты белей молока!» – так сказал некогда один пастух, влюбленный в nereиду Галатею, черпая сравнения из привычного себе обихода.

[20] Тот, кто вздумал бы созвать в хоровод Харит, дал бы в подруги богиням и нашу деву. А будь я сам портом, умей я говорить, как свойственно им, не подчиняясь законам, я на гомеровский лад воспел бы ее красоту. Невесте не у Аполлонова алтаря, а в роще Афродиты отвел бы я место и нарядил ее в золототканые одежды. Я созвал бы из Афин Муз (я не одобряю портов, если они отнимают Муз у этого города и считают их беотиянками), из близкого нам Эгейского моря nereид, хоры нимф, звонкоголосых дриад, скачущих сатиров, Пана с его свирелью и всю Дионисову свиту. Самое богиню Афродиту, вышедшую из морских глубин, с волосами, еще обрызганными пеной, я бы подвел к брачному ложу, чтобы она, сладостно улыбаясь, приказывала эротам осыпать своими стрелами новобрачных. А была бы нужда в песне, я бы создал такую: «О невеста, полная благоухающей, как роза, любовью, о любимая услада Пафии, иди в брачный покой, восходи на ложе, нежноулыбчивая, желанная. Пусть тебя, почитательницу брака сребротронной Геры, не против воли провожает туда Веспер».

[21] Но где же хоры дев и отроков? Моя речь уступает вам место. Пусть один возьмет в руки яркий факел, другой запекает, пусть все наполнится песней! Песне пусть вторят горы, долины, пастушьи дудочки и свирели овчаров – так же сладкозвучно, как во времена, когда Зевс на Геликоне даровал жизнь дочерям Мнемосины. Пляшущим я предоставляю водить хороводы и,

¹ Бог любовного желания.

стоя у свадебного покоя, призываю Тихе, Эрота и богов – покровителей рождений: Эрота – неустанно метать стрелы, Тихе – даровать супругам долголетие, а богов – покровителей рождений – позаботиться о появлении на свет законных детей, чтобы из этой свадебной чаши нам довелось совершить возлияние во благо новорожденного.

Х. Из речи, озаглавленной «Диоген, или Протрептическая речь»

[Exs. Phot.; два очень коротких отрывка также в Exs. Neapol.; но пункты 5, 7, 8, и 16 исключительно в Exs. Neapol.]

Эта речь также украшена предварительным пояснительным комментарием (*protheoria*), и форма диалога оставила на ней свой след в том виде, в каком она была составлена.

Из предварительного объяснительного комментария

[1] То, как мы относимся к общим темам, делает их нашими. Таким образом, с помощью искусства риторики можно сделать пропемптические речи более старыми, даже если они стали недавним обычаем. И это именно то, что я сделал. Ибо я превратил настоящую тему в форму диалога, не ставя под угрозу текущие дела и не умаляя достоинства, присущего этой форме диалога. Хотя мой дискурс является этическим, тем не менее, в манере Платона я цепляюсь за физические и богословские соображения, смешивая их с этическим материалом. А поскольку Платон скрывает свои более божественные рассуждения в мифе, то следует заметить, подражал ли я ему в этом. Что касается других качеств диалогов – я имею в виду избавление от монотонности, расположение материала и интерлюдий, а также элегантность и драматизм повсюду – письменная версия речи покажет лучше [чем все, что я мог бы здесь сказать] независимо от того, удалось ли мне достичь этих качеств. Диалоги начинаются довольно простым стилем, так что характер декламации может вызывать ощущение простоты; затем в дальнейшем они становятся возвышенными [по стилю] по мере развития действия. Те, чьи уши были подготовлены риторическим обучением к прослушиванию речей, могут судить, следовал я этому образцу или нет.

Из самого диалога

[2] Это время для молчания, а не для слов, всякий раз, когда красноречие огорчается тем, что ему приходится посылать учеников из своего стада. Тем не менее, красноречие должно выражать само себя, независимо от того, что с ним происходит. Так что, если вам всем это нравится, я произнесу вам речь о том, что чувство беспокойства, охватившее меня, породило. <...>

[3] Хотя эти двое мужей были столь же далеки друг от друга в своем правлении, как средняя часть Европы отделена от внутренних глубин Азии,

где они встретились, они тосковали по этому человеку, каждый из них желал опережать друг друга в похищении первых плодов его языка. <...>

[4] Вы не следовали обряду посвящения, который определяет один раз для молодого посвящаемого, а второй – для принятия старшего. Скорее, вы приняли одного и того же человека в одно и то же время в качестве и юного посвящаемого, и жреца (prophetes) святого обряда ваших учений, и вы позволили ему ненасытно наполниться водами, вытекающими из этих учений. <...>

[5] ... когда вы освежаетесь под деревьями ...

[6] Разве вы не слышали, что давным-давно эти цикады были людьми; потом, когда в своей любви к Музам они растворились в песне в результате своего бесконечного пения, они превратились из людей в птиц и перешли от одной мелодии к другой? <...>

[7] Затем, имея, сплотился ...

[8] Я знаю, как натянуть тетиву красноречия. <...>

[9] Послушайте историю. Когда Зевс создал людей, у них было все, как сейчас, за исключением того, что Эрос еще не обитал в их душах; этот бог, с его крыльями все еще высоко над этим миром, часто посещал небеса и стрелял своими стрелами только в богов. Но Зевс боялся, что самое прекрасное из его произведений [человечество] может погибнуть, поэтому он послал Эроса, чтобы тот был хранителем человеческого рода. Эрос принял эту роль от Зевса, но он не думал, что он должен жить во всех душах или рассматривать каждую личность, как недавно посвященную, так и грешную, как часть своих владений. Скорее он поручил пастырство многих обычных душ простодушным Эротам, потомкам нимф; и он сам обитал в божественных и небесных душах, и, пробуждая их к безумию любви, он бесчисленными способами приносил пользу человечеству. Поэтому всякий раз, когда вы видите какого-то медлительного человека, который не может легко завязать дружбу, поймите, что этот человек не достоин даров этого Эроса. И когда вы видите человека с резким и горячим нравом, который, как огонь, рвется к любящей дружбе, поймите, что он наслаждается гостеприимством этого Эроса. <...>

[10] Ибо ты рассказываешь мне, дорогой Сократ, лучший из любовников, об одной части добродетели Клиния, его храбрости перед лицом страха, и это качество, которым практика часто наделяет, не дожидаясь руководства со стороны аргументированного рассуждения. <...>

[11] То, что когда-то давало Периклу возможность свободно говорить, когда он был главнокомандующим в городе [Афинах], также дает ему это, а именно, честный характер. <...>

[12] Если вы видите этого человека, отстраненного от правосудия, то оплакивайте закон, потому что он был побежден деньгами. <...>

[13] Он достиг своего расцвета вместе с городом императора [Константинополем], который знаменует собой разделение великих морей, и он заложил такую же основу для своей репутации, как и для репутации города. В то время как этот город, будучи в пеленах, все еще строился физически, он

руководил кормилом других должностей, доверенных ему императором. Но когда [Константинополю] потребовалась точная рука, такая, какая требуется для придания формы статуе, он вернулся к ней, чтобы стать одновременно началом и концом всего украшения города. <...>

[14] ... возведенные города, процветание народов, жизнь Тартесса, рог Амальфеи, вся сумма счастья ...

[15] Но почему [я] так увлечен этим молодым человеком? Каждая душа, недавно отделившаяся от верхней сферы, по-прежнему несет в себе свежее видение наслаждений, что она узрела, когда танцевала тот счастливый танец с колесницами богов. Поэтому всякий раз, когда такая душа видит здесь, на земле, красоту, скрытую внутри [другой] божественной души, красоту, которую она наблюдала без оболочки вокруг себя, когда находилась в верхней сфере, она взрывается от радости от этого вида и устремляется к месту этой красоты, чтобы соединиться с [той другой душой], будучи освещена как [правильным] мнением, так и [истинным] знанием. Это то, что я испытал в случае с этим молодым человеком. Я видел в его душе, как в зеркале, как возникал образ моего собственного разума, и мне это нравилось. Следовательно, я тосковал и искал его душу, как если бы она была моим альтер-эго. <...>

[16] Обременительно, дорогая [душа], и чрезвычайно трудно лишиться с течением времени близких отношений, которые были тебе предоставлены. Но мы, как говорится, подчиняемся велениям необходимости и воле богов, даже если делаем это неохотно. <...>

[17] Таким образом, он вполне способен сохранить в памяти все, над чем он, возможно, работал под руководством наставника ... как философ [он сохранит] свои суждения, как <ученый человек> [он сохранит] не только это красноречие [чему он научился у меня], но также и все, что он пожелает из обилия лугов Муз и Аполлона. Собрав на тех лугах листву всех ученых, он сделал свою душу весенним венцом. Если возникнет необходимость в чьей-то речи, то вы больше не будете спрашивать, чей это мальчик, и кому он принадлежал; так тщательно он стал образом своего наставника, точнее, чем могла бы быть любая картина. Он был бы хорошим помощником, если бы ему было необходимо помочь своему наставнику, но он также мог бы хорошо действовать и сам по себе. <...>

[18] Поэты, а вместе с ними художники и скульпторы справедливо лишают Эроса старости и делают этого бога молодым и юным, указывая на его неверность его юностью. <...>

[19] О ты, который был так силен в красноречии, как я слышал, каким был фессалийский Киней. Этот человек, который пересек все страны и моря с царем Пирром, своим красноречием заставлял города сдаваться раньше, чем это сделают любые боевые машины. <...>

[20] Ибо я не учитель этого юноши, клянусь своей любовью к тебе, о красноречие, из-за которого я отбросил благословенное счастье моей родной земли [Вифинского Пруссия] и поселился на таинственных берегах Иллисса. <...>

[21] Александр, который использовал свои военные трофеи как пограничные камни для всего мира ...

[22] Ибо зной полудня ускользает, и ветер смягчает солнце ... и с помощью Зефира разделяет волны, набегающие на нос ...

XI. Из прощального [разговора] (Suntaktikes) со своими учениками, когда он отправился в Коринф

[Exc. Phot. (1), Exc. Neapol. (2)]

[1] Всякий раз, когда серьезные певцы-лирики прошлого спешили в другую землю, они не уходили молча, а прощались со своими последователями с песнями и мелодиями. <...>

[2] ... не фальшивая мелодия и не пустяковая песня ...

XII. Протретическая речь к Флавиану, который был выдвинут в [про]консулы Азии

[Exc. Phot.]

[1] Когда Александр, сын Зевса – его великая слава среди греков связывает его с небом и с Зевсом – когда этот Александр, я говорю, наполнил всю Европу своей славой, он отправился в Азию, желая связать континенты своим чудом. Он потребовал флейту Тимофея – она издавала громкий звук, достойный такого великого царя, – и под звуки ее песен он ослабил канаты своих кораблей. <...>

[2] Ну, я напишу [копию] картины своими словами; у слов, я думаю, есть свои краски для изображения вещей. На картине изображены корабль и море. Я думаю, что море было Эгейским; ибо было много островов, отделенных друг от друга в различных частях, и по ним было ясно, что море – Эгейское. Оно не изображалось грубым и диким, поднимающим свои волны до самих облаков, как Эгейское море часто ведет себя, нагло нападавая на тех, кто плывет по нему. Вместо этого волны утихли в штиль, и вся вода вокруг берегов стала лиловой, а каждая волна плавно превратилась в сине-зеленую пену. <...>

[3] Ибо фригийцы считаются первыми, кто играл на свирелях и придал роль цимбалам в религиозных обрядах. <...>

[4] Другая сторона корабля, сужавшаяся к носу, была сделана из настоящего золота. Мастерство живописца заслуживает восхищения тем, как это было сделано. Ибо там, где нос врезался в море, вода сияла от сияния золота и, казалось, делала море того же цвета, что и золото. <...>

[5] Поэтому дайте мне навыки Зевксиса, технику Паррасия. <...>

[6] Конечно, Дельфы, священный город Аполлона, всегда служит своему богу и танцует вокруг треножника, распевая песнопения. <...>

[7] Когда элейцы направляют реку Пису [Алфей] к сицилийскому источнику, они плачут над ней, как будто, я полагаю, они опасаются, что она позаботится о его уходе и отдаст свои воды другим. <...>

[8] Возможно, соловьи и лебеди, и все песни улетят вместе с тобой, [господин]. Ибо наши музы уже осмеливаются строить лодки; они угрожают, что убегут и бросятся к морю, даже если оно бушует волнами. <...>

[9] Выбросив лиру из рук, он велит песне замолчать. <...>

[10] Флагман [стоит] на якорной стоянке, парус [находится] высоко, высоко в воздухе, готовый быть распахнутым резким морским бризом. <...>

[11] Луга Гесперид незначительны по очарованию, египетские пирамиды незначительны по размеру; незначительно также и все остальное, что было создано персидскими или ассирийскими руками и оставлено как чудо для потомков. <...>

[12] Скорее, путешествие [было] в дороге Афины, которые так зажгли тебя своей тоской [по вам], что ты нес свою любовь [к вам] на самом своем языке. <...>

[13] Почему ты не решаешься ответить, [господин], когда общая слава [всех нас] вот-вот переместится среди других? <...>

[14] Легенда лишила киммерийцев, западного народа, солнца. Затем, опасаясь, что эта история будет подвергнута сомнению, легенда поспешила скрыть ее, говоря о ней двусмысленно. Но ни один поэт, казалось бы, не лгал нам, если бы после вашего отъезда он выразил желание лишиться солнца. <...>

[15] О дорогое отечество, теперь я вижу, что действительно поступил с тобой несправедливо, пренебрегая твоей любовью в моем желании удовлетворить во всех отношениях неверного любовника. <...>

[16] Но, следуя правилу по этим вопросам, я почти привел свою речь в состояние беспорядка, хотя боги исполняют мое желание. Ибо снова [у него] скипетр, снова [у него] престол правосудия. <...>

[17] Эфира [Коринф] произвела на свет этого человека, город, который не только украшен рассказами о нем, так что им восхищаются – как и в случае с большинством греческих городов – но также демонстрирует свою удачу для пронизательного глаза. <...>

[18] Таким образом, семья этого человека прославляется в бесчисленных словах, [сказанных об этом,] и в бесчисленных делах подобного рода. <...>

[19] Теперь следует упомянуть саму семью, но не всех ее членов; для сообщения, в котором учитывалось такое большое количество <людей, которые были бы перегружены>, я думаю. <...>

[20] Те, кто были плодом этого брака, несли в своих славных душах образ мудрости этого человека. <...>

[21] Ионический залив сглаживает берег, омывая его своими волнами. Вдоль этого побережья плясали хоры nereид, все белые, того самого цвета, как молоко, которое появилось бы благодаря искусству пастухов. Глаза nereид были голубоватыми, у них были устрично-зеленые волосы, а белая морская пена все еще капала с кончиков их прядей. <...>

[22] Она, в свою очередь, любит своего жениха и подтверждает их брак подарком, потому что она посылает родник из середины моря. Источник, как будто зная, почему невеста это сделала, лишает других моряков своей пресной воды, спасая их как напиток дружбы, который могут выпить [только] дети невесты. Песня посвящена той же аранжировке в случае [источника] Аретузы. <...>

[23] Пусть [ему приписывают] душу, которая легко обучается, обладает исключительно быстрым интеллектом, с врожденной памятью, готовой к красноречию, душой, умной в сокрытии [вещей], но даже лучше в самосокрытии – ибо это мудрее и, в то же время, более уступчивой богам – душа, еще более умная в оценке любого встречного, сопротивляющаяся удовольствиям, но уступающая дружбе ... Он выдающийся в мудрости, искусный оратор, неподкупный со стороны друзей, благородный в страхе, величавый как частное лицо, справедливый в должности. Он превозносит рядового гражданина своим высокомерием и смягчает резкость своей власти разумностью. Вы можете увидеть, как фортуна сопровождает жизнь этого человека, как если бы ему в спину дул попутный ветер. <...>

[24] Он был чем-то вроде старика, величественного вида, старомодного в том, как он жил и говорил. Он был мудр, когда говорил, и даже лучше слушал, благороден во всех отношениях. В самом начале своей юности, до того, как его первая борода стала очень длинной, он привлек внимание императора из-за своих замечательных качеств; в то время он уже был переполнен славой, и вся Греция обратила на него внимание. <...>

[25] В этом месте речи поэт обвинил бы венец розами и повел бы Муз с Геликона ... вокруг города [Константинополя], где Европа, простирающаяся от Гадеса, заканчивается и отрезана перед лицом Азии морским проливом ...

[26] Он даже спустился на Истр [Дунай] и не боялся варварской реки, которая, будучи покрытой льдом, похожа на равнину. <...>

[27] Когда Бог, желая сделать его совершенным во всех добродетелях, однажды повернул ветер удачи против него, чтобы всем было открыто, какой у него был ум, когда дела стали тяжелыми и жизнь стала бурной, а также чтобы он мог бы прославиться своим поведением в такой ситуации – в этих обстоятельствах какой поэт или прозаик мог бы дать голос, достойный достижений этого человека? <...>

[28] Он столкнулся не с сицилийской Сциллой и Харибдой, а с бесчисленными фалангами злых людей, восставших против него, хуже, чем этот дикий сицилийский пастух, Киклоп; и он поверг их по всей земле не оружием, предназначенным для ближнего боя, ни копьями и копьями, а своей пронизательностью и разумом. <...>

[29] Так называемый вождь и глава тельхинов, получив смертельную рану, плачет и оплакивает войну. <...>

[30] Вся Азия – я не имею в виду то, что мы сейчас называем Азией, используя название всего континента для простой части – [Малая Азия] начинается высоко в Индии и отделена от другого континента на востоке и севере – у Красного залива и Фасиса [реки], на юге и там, где заходит солнце,

у Египта и Ионического моря. От Пропонтиды до Памфилии одна его сторона тянется вдоль и придает форму континенту. Вся эта сторона омывается Эгейским морем, которое имеет одно и то же начало ... Люди, населяющие эти города, ясно показывают, кем были предки, от которых, я думаю, они произошли изначально, не по цикадам и хитону, а по их добродетели и мудрости. <...>

[31] Эта Мелес [река] – ибо неправильно переходить в тишине реку, которая произвела такой большой язык [Гомера] – берет начало в пригороде Смирны, где бесчисленные источники, текущие рядом друг с другом, порождают его. Из-за них река разливается вверх и быстро образует под ними море; она становится судоходной для купцов и гребцов. Пройдя по берегам с обеих сторон, заросших кипарисами и тростником, она разделяет свой поток с близлежащим морем, если «ручей» – правильное слово; ибо вы не услышите ни звука, и вам не покажется, что вода движется. Река подобна любовнику, который хочет скрыть свидание со своей возлюбленной; он тайно смешивается с морем, успокаивая морские волны своим течением. <...>

[32] Поскольку я хочу вызвать ветер в поэтической манере, но не могу выразить себя поэтически, я хочу обратиться к ветру в соответствии с музой Кеоса [Симонидом] <...>

[33] Мягко рассеиваясь по волнам, [ветер] разделяет их, когда они плывут из-под носа корабля ... Ибо он [Флавиан] жаждет плыть по твоему морю не в поисках безрассудной любви, а в своем желании посвятить всех ионийцев в торжественные таинства самообладания. <...>

[34] Легенда гласит, что на родосцев обрушился золотой дождь, когда Зевс распахнул над ними золотое облако. Но никакая сомнительная история не скажет о том, как всем вам [азиатским провинциалам] повезет благодаря этому человеку; нет, чудеса, [что он приносит вам,] будут происходить прямо у вас на глазах. <...>

[35] Прекрасный источник, конечно, должен был принести вам всё – не соловьев, лебедей или цикад, но само солнце, которое озарило Ионию своими золотыми лучами. <...>

[36] Прежде всего, жеребенок, который вел моих жеребцов, [был] священным и властным, как жеребята, которых нисейцы обучают для бога Гелиоса. Оснастив этого жеребенка уздой Муз и полностью связав его гриву повязкой Харит, я поднес его в качестве первых плодов моего стада [учеников] и посвятил его как бы богу. <...>

[37] Пусть появятся сияющие звезды, озаряющие своим ярким светом морское путешествие. <...>

[38] Мое красноречие почти предвосхищает будущее. Посреди своих прощальных песен он пытается сочинить песню, приветствующую [его] в ответ. Я думаю, он имеет в виду, каких высот он достигнет, когда увидит свое возвращение и собирается снова станцевать танец Муз в его честь. <...>

XIII.1-5. Из другой протретической речи

[Exc. Phot.]

[1] Лисипп, как вы знаете, был умён не только руками. Он использовал свой ум для создания таких смелых произведений искусства. Он причислил Случай (Kairos) к богам, затем сделал из него статую и объяснил его природу тем, как он его представлял. Насколько я помню, так выглядит статуя. Лисипп представляет Кайрос как мальчика изящной формы, находящегося на пике юности. У него волосы на висках и на лбу, но сзади он лысый. Он вооружен железом в правой руке и протягивает левую руку к равновесию. Его клешни крылатые, не для того, чтобы подниматься высоко над землей в воздух, а для того, чтобы, хотя он и касался земли, он мог ускользнуть от внимания, поскольку он украдкой воздерживается от отдыха на земле. <...>

[2] Главк, подстерегая, как я думаю, саму возможность (to kairion) конкурса, в котором призом был венец, только появился и первым получил венец. <...>

[4] Соловьи летают с земли в небо; ведь миф осмеливается поднять птиц в небо из-за их песни. <...>

[5] Итак, они подошли к лебедю, который был на весеннем лугу и собирался отдать свои крылья Зефиру и спеть. <...>

XIII.6-8. Новоприбывшим последователям Пизона

[6] Врач получает власть над болезнью благодаря своим познаниям в медицине, а ритор получает власть над массами благодаря своему красноречию. <...>

[7] Когда солнце жарит вас, и вы хотите укрыться в тени долины <...>

[8] ... не тогда, когда Нил раздувается и покрывает своими водами Египет ...

XIV. Из речи к новоприбывшему египтянину

[Exc. Phot. (I, 3), Exc. Neapol. (2, части 3, 4)]

[1] Египтяне называют [прогрессирующее] увеличение Нила «локтями», и они измеряют [рост] его воды [в локтях], и локоть является для них поводом для празднования <...>

[2] Умный предприниматель накапливает большую сумму денег, постепенно увеличивая свое состояние. <...>

[3] И вы увидите, что прекрасным полководцам сначала приписывают лишь несколько побед; затем, по прошествии времени, могут объявить об их бесчисленных победах. Фемистокл был довольно невысокого роста в Артемисии, так как он превосходил там тех, кто все еще был [только] слугами [персидского] царя. Он был сильнее при Пситталии и действительно велик при Саламине, потому что в битве при Саламине он потопил всю Азию. <...>

[4] Мне кажется, что сам Гомер написал о десятилетней войне и уничтожил Троя огнем только после этого перерыва, чтобы показать всему

человечеству через свои стихи, что удача дает людям добро только после тяжелой работы и прохождения времени.

XV. Из протрепетической речи

[Exc. Phot.]

[1] И, может быть, это хорошо, что вы это сделаете [т.е. закончите учебу?]. Человек, который хочет, чтобы его хвалили, должен стремиться делать такие дела, которые вызовут у него восхищение. Действия, которые были предметом гордости Перикла, были недостаточны для его детей; на самом деле, поскольку дети были недостойны отцовской добродетели, его репутация заставляла их подвергать их большему осуждению, чем они могли бы быть в противном случае. У многих других выдающихся людей были дети, для которых слава отцов была скорее доказательством их собственных недостатков, чем источником похвалы. <...>

[2] Как же тогда, спросите вы, заботятся о уме? Силой и красноречием (логос). Добродетель правит красноречием и руководит ею. Красноречие, как искусный слуга хорошей царицы, со всей поспешностью выполняет и исполняет приказы добродетели. <...>

[3] Существует еще одна бесчисленная группа добродетелей, которые все вы обнаружите, войдя в святилища знаний. Но я рекомендую эти добродетели [вместо этого] вам, как нянькам и матерям других, и я говорю, что с их помощью вы также овладеете добычей добродетелей, которые от них зависят. <...>

[4] Мальчики, отпущенные учителями, принимали участие в этом шествии. <...>

[5] Фригийский Мидас, когда хотел захватить Сатира, налил вино в воду. Он связал его сном и летаргией, и таким образом сделал его своей добычей.

XVI. Из импровизированной речи по поводу беспорядков в школе (По поводу беспорядков, возникших в школе)¹

[Exc. Phot. (1-9), Exc. Nearol. (несколько строк с 4 по 10)]

[1] Быть может, друзья мои, в нашей речи заключено какое-то чарующее средство, обладающее силой прекращать ссоры? Разве наше искусство не стремится освежить нас так же, как, по словам Гомера, утешил плачущих гостей кубок Елены, поставленный перед ними этой дочерью Зевса в доме Менелая? Не был ли волшебный напиток, поданный Еленой, вовсе не зельем из разных трав, изготовленным по указаниям египетского искусства, но речью, сладостной и мудрой, способной, подобно лечебному снадобью, умиротворить пламя души, пылающее в глубине сердца?

¹ § 1, 3, 5 даны в имеющемся русском переводе.

[2] Поэма Гомера помещает историю [приобретения Еленой снадобья] в далеком Египте, чтобы намекнуть на тот факт, что эта земля – мать мудрых слов. <...>

[3]. Некогда царь [Александр Великий] впал в уныние: но музыкант Тимофей не допустил этого и своими напевами вознес его дух до неба.

[4] Порой вспыхивал царь безудержным гневом – его пыл укрощал звоном струн тот же мастер. Грустил ли царь – Тимофей тотчас же заставлял его улыбнуться. Предавался ли Александр чрезмерным наслаждениям, – послушав музыку, царь погружался в задумчивость. Одним словом, его видели всегда таким, каким его делал Тимофей своей игрой <...>

[5]. Зефир своим дыханием успокаивает волны океана; неужели аттический оратор своей эллинской речью, как только она зазвучит, не укротит вражду? <...>

[6] Ксенофонт отправился на военную кампанию, потому что он взял в руки копье после общения с Сократом. <...>

[7] Ибо то, что имеет хорошие природные склонности, вспыльчиво. <...>

[8] Алкивиад жил сладострастной жизнью среди афинян. В Лакедемоне он был мрачен. Он один превзошел персов в роскоши. Но всякий раз, когда ему приходилось придумывать речь и заниматься философией, он превращал все в Ликей и Академию через свои беседы. <...>

[9] Они, упорно трудясь над докладом этих мужей <...>

[10] Мы будем настолько развиты в мудрости <...>

XVII. Из речи, произнесенной по прибытии киприотов

[Exc. Phot. (I, 4, 5, 7), Exc. Neapol. (2-4, 6, 8)]

[1] Поэты отдают Кипр богине Афродите, так же как они отдают Делос богу Аполлону. Ибо Кипр – великая страна. <...>

[2] Сапфо и Анакреон с Теоса не перестают взывать Киприду в качестве прелюдии к своим песням. <...>

[3] Они говорят, что благополучие этого острова не имеет ничего общего с сушей и морем, но на самом деле с небом. <...>

[4] Его жители [являются] истинно греческими по языку. <...>

[5] Море породило Афродиту с Небес, но мистические учения требуют, чтобы точная природа этого рождения была скрыта. Значит, это небесное существо должно было родиться. Море немедленно успокоилось и стало спокойным, набухая мягкими волнами вокруг новорожденной богини. <...>

[6] Можно сказать, что остров [Кипр] – это луг Афродиты; и этот остров, я думаю, переполнен эротами. <...>

[7] Всенародная Афродита не имеет ничего общего с небесной. Первая порождает эротов с грешной и нечистой природой. Но дети последней – золотые, и стрелы их тоже; они нацелены на недавно посвященные и непорочные души. <...>

[8] Вы сами сможете заметить, если я открою двери, чтобы поприветствовать ложного любовника.

XVIII. Из речи, адресованной каппадокийцу

[из эксцерпта Фотия]

[1] Из-за стрелы [Аполлона] скиф [Абарис] был перенесен не только через сам Дунай и Танаис, но также во все земли и моря; и, конечно же, стрела Аполлона красноречива. <...>

[2] И река там [есть в Каппадокии], с которой связана история, – которую греки могут посчитать достойной внимания. Дионис пошел на индийцев, людей, которые отвергли его доброту. Его войско состояло из вакханок и сатиров; его оружием были олени шкуры и тирсы. Как только индийцы увидели бога, они были побеждены. Они отбросили свое оружие, и те, кто до этого момента сражался против Диониса, стали его хором.

[3] Когда их [индийцев] привели на территорию каппадокийцев, они расположились лагерем на берегу реки, которой собирались дать название. Когда им пришлось умыться в ее водах, река преобразилась, ее серебристая вода потемнела (*melainetai*) после контакта с индийцами. Таким образом они заставили реку называться так, какими они были сами. <...>

[4] Молва привела молодого человека [ко мне?] оттуда [из Каппадокии?]. <...>

[5] Но мое богатство – это не золото Гигеса или Лидии [золото], а мальчики в расцвете юности, люди наилучшего возраста, которые, прежде всего, выглядят гордыми и высоко несут голову, потому что они родились прямо от груди Зевса.

XIX. Прекрасные вещи – редки

[2, 3, 9 только в Exs. Nearol.; 1, 4-8, 10 в Exs. Phot., с некоторыми из этих разделов также, полностью или частично, в Exs. Nearol.]

Из речи, которую он произнес по случаю, когда, когда его попросили дать ораторское представление (*epideixin*); он задержался на некоторое время, а затем заговорил.

[1] Персы заняты луком, и вся их жизнь состоит из колчана и стрел <...>

[2] Когда он [перс] пирует, стрелы не будут лежать далеко от миски для смешивания; и, одним словом, их луки – оружие для них, если им приходится сражаться, и украшения, когда они в мире. <...>

[3] Сам [персидский] царь тренируется в обращении с луком. <...>

[4] Я хвалю обычай. Это достойное испытание трудолюбия. <...>

[5] Ибо прилично, чтобы вещи, почитаемые в чести, были редкостью.

<...>

[6] Природа знала этот закон раньше, чем [узнали] персы. Человек никогда бы не подумал, что видеть океан – что-то стоящее, если бы он не охватил концы земли после бегства из его средних областей. Какую репутацию имели бы пирамиды, если бы они не были зрелищем вдали от нас? Какую репутацию имела бы каменная статуя Мемнона среди эфиопов, если бы его мать [Эос] также не поместила ее в глубь суши, вне поля зрения большинства людей? Именно из-за местоположения статуи мы считаем, что то, что они говорят о ней, является правдой, а не просто мифом, а именно, что как только статуя соприкасается с солнцем, она издает звук и говорит как человеческое существо. <...>

[7] Природа также по крупицам дарит людям розу. Она не возникает и не расцветает сразу; скорее, она остается внутри своего зародыша в течение большей части своего расцвета, появляясь и прорастая только после длительного периода [сокрытия]. Люди не могут собирать урожай, когда захотят. Если вы хотите яблок или собирать спелый инжир, то вы должны дождаться сезона сбора урожая, который получил свое название от слова «урожай». <...>

[8] Время ненавидело бронзовый гонг в Додоне, потому что он звучал без конца, и поэтому превратило изобретение в обыденность. Ибо близкое знакомство способно вызвать чувство сытости и своей властью запятнать то, что нам доступно. <...>

[9] Солнце тоже часто раздражает нас, потому что мы получаем его слишком много. <...>

[10] Когда мы живем на суше, мы ищем моря; и наоборот, во время плавания мы ищем зерновые поля. Моряк думает, что земледельцу повезло, а человек за плугом придерживается противоположной точки зрения: он считает, что счастлив моряк. Все это забавы от пресыщения. Близкие отношения порождают пресыщение. Бежим от сытости, мальчики мои. В своем высокомерии она часто стреляет стрелами даже в любовников. Я однажды слышал это в пословице.

XX. Из речи Музонию, проконсулу Греции

[Exc. Phot. (1-7), Exc. Nearol. (первое предложение в 1 и 8)]

[1] Когда я очень неохотно выступал перед аудиторией и стремился избавиться от красноречия на массовых собраниях, ты заставил меня отказаться от этой привычки. Лебедь нарушает молчание всякий раз, когда слышит, как Аполлон ударяет по своей лире, и пронзительный звук Зефира выводит соловья из пещеры на солнечный свет. <...>

[2] Моряк осмеливается плыть по волнам, а человек, принадлежащий Вакху, смело подпрыгивает – первый, когда видит, как весна успокаивает море, а второй, когда чувствует, что Дионис потрясает тирсом. <...>

[3] Я не думаю, что отважный поэт постеснялся бы сравнить тебя с самим Аполлоном. Но твоя любовь к луку и стрелам заходит достаточно

далеко, чтобы показать, что ты обладаешь природой Аполлона; твоё оружие всегда остается незапятнанным кровью. Незаконно касаться зазубрин твоих стрел человеческой кровью. Напротив, благодаря твоему решению человек избежал публичного палача, даже когда тот поднял свой меч над шеей жертвы. <...>

[4] Точно так же и жеребенок хорошо укрощается, а щенок умело дрессируется, когда конюх хочет поднять свою лошадь без использования стрекала или хлыста, а дрессировщик хочет вырастить свою собаку, используя только свою руку, чтобы приручить ее. <...>

[5] Что сделало Кира великим среди персов? Его нежный и мягкий характер. <...>

[6] Ибо город всегда хорошо справлялся с варварами. <...>

[7] Однажды один из доблестных воинов объявил народу победу. Они так восхищались его энтузиазмом, что в результате тех слов, которые он сказал им, среди афинян была установлена его бронзовая статуя <...>

[8] О росток Муз, о милейшее создание Граций!

XXI. Из речи к новоприбывшему Северу

[Exc. Phot. (I, 2, 4), Exc. Neapol. (часть 1, 3)]

[1] Ахилл, конечно, не забывал свою лиру даже во время сражений. Равнины сияли оружием, но он был в своей палатке, настраивая свою кифару. Что касается темы его песни: ну, Ахиллес любил доблесть. Сражался ли он или пел песни, он старался снова оживить славные дела людей <...>

[2] Среди богов были споры по поводу того, чем они были очарованы. Но хотя у Афины было оружие, она не использовала его в борьбе [с Посейдоном]. Посейдон также не нацелил свой трезубец на [нее], хотя он и держал его. Вместо этого она размахивала оливковой ветвью, а он, в свою очередь, кричал на нее с шумом своих волн. Голосование уладило спор, и Афина забрала награду. <...>

[3] Но хоры Муз и Аполлона играют на мягких лугах. <...>

[4] И один играл на авлосе, другой держал кифару, а третий играл на сиринксе.

XXII. Из речи (Ialia)

[из эксцерпта Фотия]

Когда Музы танцуют вместе на горе Геликон, для меня все наполнено звуком. Звучит цикада и в своей песне напоминает сказку: «Я» – говорит, – «всегда пела, когда была человеком; и когда я отказалась от одной природы в пользу другой, я не отказалась от своего желания подпевать определенной форме жизни». <...> Стаи соловьев и ласточки, а также группы лебедей танцуют вместе вокруг богинь [то есть, Муз].

XXIII. Комиту Урсакию¹

[cod. R, начиная с п. б: «он мог заменить на посеянное зерно...» с некоторыми отрывками также в Exc. Phot. и/или Exc. Neapol.; nn. 1-5 и большую часть вступительного предложения п. б исключительно в Exc. Phot. и/или Exc. Neapol.; одна строка из Lex. Lopad.]

[1]. Иерофант радуется, когда он чувствует, что все эти неопиты желают посвящения; поэт приходит в восторг, когда видит, что аудитория с нетерпением собирается послушать его стихи; и полководец с радостью подает сигнал к войне, когда видит своих солдат, жаждущих битвы. <...>

[2]. Я думаю, что каждый любит то, что принадлежит его собственной стране. Если египтянин придет сюда, то он обнаружит, что Нил, то есть наше представление о нем, раздувается в речах, которые мы произносим в Египте. <...>

[3]. Ораторское искусство может иметь тот же эффект, что и живопись; однако, любая попытка изобразить что-либо лишена емкости ораторского искусства. Вот насколько эффективны некоторые [речи] в поиске истины. <...>

[4]. Говорят, что мудрец Абарис был родом гиперборей, а по языку эллин; по одежде и внешнему виду – скиф, но чуть только пошевелит языком, – его слова казались исходящими прямо из Академии и самого Ликейя <...>

[5]. Поскольку среди нас живет человек из Иллирии, поэт говорил бы о его «золотом лице». <...>

[6]. Говорят, что элевсинский юноша [Триптолем] был воспитан Деметрой, чтобы он мог заменить пищу кочевников выращенным зерном. Но стрелой ... он пришел к {афинян}ам и другим грекам ... {и, хотя он вырос на Скиф} ских равнинах, он понимал греческий язык и ... страстно желая посетить {Грецию?}.

[7]. Абарис прибыл в Афины вооруженный луком, с висящим на плече колчаном, облаченный в хламиду. У него на чреслах был золотой пояс, штаны были натянуты от ступней до ягодиц. У него были приятные глаза и очаровательное лицо, что показывало всем, кто его встречал, его эллинский характер. Но когда он вошел в город, совет приветствовал его, говоря {по-гречески, и} они изучили его мысли {а также} его речь, чтобы увидеть, была ли она тоже полностью эллинской (?) ...

[8]. Мы находим, что, как и в случае с гармонией лиры, все, что он слышал, полностью согласовывалось с тем, что он думал. С ним было приятно познакомиться; он мог спокойно совершить великое дело; он был проницателен в видении того, что лежало перед ним, но также предусмотрительно помнил о будущем. Он всегда уступал мудрости и любил дружбу. Мало что он доверял удаче, гарантируя все своим суждением.

[9]. Когда Кентавр [Хирон], построив пещеру, настраивал в ней свою лиру, Эак, сын Зевса, пришел к нему, чтобы увидеть пещеру и лиру. Кентавр поместил в нее лебедей с горы Пелион по кругу в середине пещеры и заиграл

¹ Пп. 4 и 7 – в пер. В.В. Латышева.

на лире. Затем всю гору Пелион охватило изумление, когда лебеди эхом отозвались в ответ на лиру. Эак был восхищен Кентавром за его мастерство и за то, как хор лебедей сразу же начал танцевать вокруг лиры, и он привел [своих сыновей] Теламона и Пелея к Хирону и отдал их ему, чтобы он присматривал за ними вместе с лебедями.

... чтобы быть довольным едой, которую я [обеспечиваю], но если мои навыки красноречия полностью обеспечивают еду ...

XXIV. Его [бывшему] ученику Северу

[cod. R, с отрывками также в Exc. Phot., Exc. Neapol. и Lex. Lopad.]

Но благодать превосходства присуща не только истокам [искусства], но и всем, кто восхищался им и сам стремился достичь в нем отличия. Тот факт, что семя ремесла Фидия пришло от Дедала, не сделало Фидия менее известным, чем Дедал; действительно, Фидий полностью практиковал свое скульптурное искусство для всего человечества. Кратин был не менее известен, чем Эпихарм, и те, кто процветал во времена Горгия и Протагора, не были менее знаменитыми, чем последователи Тисия и Коракса ... заострить свое красноречие.

[20] Что касается этих вопросов, сын мой, то ты теперь услышишь {о риториках?} ... некоторые из них так быстры ... расширили свою известность вместе с ... в то время как другие цветут по-лаконски ...

Но сам он [Север] рекомендовал учиться под моим руководством [своему сыну?], ожидая, что это будет олимпийский ипподром. Между тем, об этом не было объявлено обычным образом, как если бы [молодой человек] был «таким-то, сыном такого-то». Он был сыном хорошего отца ... Его люди и его семья {были указаны?} в уведомлении. Что же до его народа, то он происходил из Понта ... вплоть до другого берега через Боспор и земли киммерийцев ... Теперь некоторые люди ... службу эпарха ... [30] и, что не менее важно, [это] обращает мое внимание на тебя, и ... Но и то, и другое говорить недостойно ... то, что я сам слышал, они открыли имперские [двери] этому человеку ... и немедленно зачислил его в друзья императора ... в манере атлетов, он собрал тех, кто ... он начал с должности {большей?}, чем, как если бы, начинали другие [из его когорты] ... Галаты были преддверием к его почестям, затем вифиняне ... как будто слушая лиру Орфея ...

[40] Музы позволили Орфею исполнить песнь Каллиопы, чтобы, играя на своей лире среди диких зверей, он мог успокоить их, как он говорит, своей музыкой. Миф, повествующий об этой истории об Орфее, будет свеж в применении к тому человеку [Северу], когда {он сам} предался диким зверям ... так что работа, которую он получил от императора, заключалась в том, чтобы руководить народами и городами. И ...

Ибо кто преследовал суть справедливости больше, чем он, и с его скоростью? Кто, после того, как правильно выследил это, обнародовал [так быстро, как он]? [50] Кто действовал так же быстро, но так же медленно

наказывал человека, у которого возникали проблемы с законом? Кто был настолько выше взяточничества, так неспособен утаить милосердие и жалость от человека, переживающего несчастье; столь красноречив, но еще более мощен в делах и действиях? Они знают ...

... по словам Гомера, «чтобы кто-нибудь в будущем поколении отзывался о тебе хорошо» (Od. III.200) – он [Гектор?] увел [троянцев] ... он приказал сражаться (?) и вооружил их против греков ... обратившись в бегство. Что сделало Платона мудрым? Солон ... Геракла у греков, Сократ ... к добродетели ... [60] вождь и руководитель моего любимого дела ... подстегнуть ... он совершил для нас великие дела, и он (сделал?) некоторых из них [исконных героев?] объектами клятвы, чтобы ... воодушевить город на [великие] дела.

Я также расскажу вам лаконскую историю. Везение на войне молодому лаконцу часто не удавалось. Его мать была огорчена его неудачами, поскольку лаконские женщины – замечательные любительницы [красноречивых] слов или [смелых] поступков. Она придумала следующую хитрость. На священном участке Афины стоял бронзовый щит – посвящение героя войны из того самого дома, откуда родился молодой человек.

[70] Мать тайно взяла щит – ибо даже лаконская мать Ликурга действовала самонадеянно, чтобы смягчить несчастье своего сына – и предложила его своему сыну, который уклонялся от битвы, но прежде чем сделать это, сказала: «Победа или смерть». Сын принял лозунг матери вместе со щитом. С того дня, как говорят, он был признан самым знаменитым из всех спартанцев и был провозглашен победителем по всему городу.

XXV. Скилакию, проконсулу Греции

[cod. R., с некоторыми отрывками также из Exc. Phot., Exc. Neapol. и Lex. Lopad.]

Скил{акию} ... после того, как он [Гимерий] стал ареопагитом ... ораторское представление.

Приди же, [получив] миртовый венец афинян ... {занимайся} делами Муз, танцуй с Музами, даже если я столкнулся с конкурсом поздно и с большим трудом.

Вспомни Ахилла, сына Фетиды, который развязал войну против полубогов: поэзия вооружила его для битвы очень поздно, потому что он не потерпел бы появления на равнине, чтобы сражаться, прежде чем он получит оружие от Гефеста. Но однажды щит, сияющий золотом, спустился с небес – щит, который своим чудом выдал руку Гефеста [10], потому что только он, в силу мастерства [своего создателя], мог подражать природе в мастерстве которое она показывала – Ахилл больше не позволял себе оставаться в своей палатке и [только] слышал звуки битвы. Он взял доспехи, которые бог изваял из бронзы, и вступил в войну на равнине.

... жетоны лучших мужей. Атлет бросается на каждое соревнование, когда видит присутствующего там отличного судью. Воин <бросается> в войну, когда, сражаясь под началом знатного полководца, он идет ... моряк не боится моря, когда лодкой правит {опытный} рулевой ... [20] Я бы с удовольствием потанцевал под флейту Пана, потому что он знает ... Апеллес не думал, что ему следует выставлять одну из своих картин, если только кто-нибудь, разбирающийся в живописи, не увидит его работу. {Я знаю, что всадники} с радостью имели Александра [вождем], потому что он лучше всех македонцев знал искусство верховой езды.

Я слышал такой рассказ об эфиопской Музе. Из отрогов ее гор бьет родник. Говорят, что он расширяется из небольшого потока в реку. Эфиопы называют его источником Диониса, и природа этого потока воды такова, что он исчезает, если кто-то непосвященный хочет испить из него [30], затем он снова набухает, если поклонник Вакха приближается, чтобы прикоснуться к его водам.

Откуда для нас, о ... знак трубы (?), который сначала был так замечен в императорском дворце, что ... позже выпустил свои задвижки на Ионию. Когда он привел и этот регион в порядок ... Что же тогда, о красноречие, что, клянусь Музами, друзья, мне делать? Какую Му{зу?} ... ты желаешь? Он [Скилакий] желает, он желает узнать и изучить [так?] эту трубу ... Зевс ... лиру Хирона, потому что она единственная из [инструментов жаждет] кентавров ... восхвалять род Зевса ... помощник нашим словам. Крылья поэтов [40] легкие, а потому ... соседствуют с моими словами. Пойдем, доверим гимн этой [моей лире?], настроив [ее] ...

Древние, придавая благородство уму и семье, некоторым из них ... что соединение каждого из них редко встречается у людей ... повезло, что у меня была часть этой удачи ... некогда искать наверху, потому что рядом есть тот, кто даст устное свидетельство ... Говорят, что у греков процветали два племени: одно произошло от Зевса через Эака, другое – от Посейдона через Тесея; одна аттическая [50], другая, более ранняя, с Эгины. Пусть кто-нибудь из этих двух племен преобладает в той области, в которой он пожелает; он одержит победу, конечно же, благодаря этому [своему племени]. Отличительный знак [каждого] племени – не какое-то плечо, как говорят, Пелопида; скорее справедливость – это превосходство Эакидов, а доброжелательность показывает, кто такие элитные афиняне.

... Случай делает действия его добродетелей несправедливыми, если он не позволяет в речи перечислить их все, поэтому нужно упомянуть как можно больше из них. Ты поражаешься [его?] отваге, справедливости и самообладанию (?) ... Каковы его добродетели? Доказательство его храбрости можно найти в {освобождении} писидийцев, которые прежде были рабами, ... в гениальных мерах, принятых в отношении реки Меандр. Суждения справедливости вождей ... [70] первое, чтобы управлять собственной душой и держать руки подальше от всех {денег} ...

Давайте поговорим, начав с Меандра ... Эта река превосходит Нил по природе настолько, насколько уступает ему по величине. Почва, которой Нил

одаривает египтян, удивительна. Но [Меандр] лишил моряков моря и дал земледельцам борозды вместо волн, чтобы пробивать их плугами. Вы можете видеть равнину там, где раньше было море, где вместо дельфинов прыгал олененок; вы услышите звук свирели пастуха вместо того, чтобы матрос выкрикивал команду. [80] Ибо природа этого места такова: выступающий залив ... отделяет остров [Лада] от города [Милета]. Это Меандр ... превратил сушу в залив.

Когда этот человек [Скилаккий] увидел, что с природой поступают несправедливо ... сравнимой по размеру с морем (?) – везде появлялись бухты, и место позволяло плавать ... это озеро, которое со временем испортилось [избытком] воды, {он} ... через канал, прорытый на равнине ... он дал озеро жителям ...

Говорят, что Кир Персидский разозлился на реку Гинд, потому что она утопила его нисейского жеребенка и залила животное своими водами [90]; он разбил воды этой реки, которая ранее была судоходной, на серию каналов, чтобы ассирийские женщины могли пересечь Гинд. Ты, однако, не искал благородного жеребенка, но видел, как обижают {эту местность}, когда ты {отводил воды реки туда}, где они текут естественно, и вернул городу его гавани и ... это было сделано вот так.

А какое великое дело ты сделал с писидийцами? Ну, грабители опустошили писидийцев. {Труженики области} не могли безопасно пройти по ней ... Грабежи разогнали [их]. Но когда появился этот человек, и его поддерживал закон, вся куча разбойников ... он разорился.

Под твоей юрисдикцией люди перестали осмеливаться опозорить правосудие взяточничеством ... [100] они ушли, научившись не оскорблять эту богиню [Справедливость].

О ... всего, о жилище всякой мудрости! Эти слова пока что ... мы ... для тебя, как ... красноречия ... {Я} могу поднять для тебя один этот {кратер дружбы?} в третий раз и еще чаще. Но ты ... срока пребывания в должности ... красноречие, для того, чтобы {я?}, познав торжественные тай{ны} Права (Фемиды) под твоим [отправлением] правосудия ...

XXVI. Новоприбывшим эфесцам, мисийцам и согражданам оратора
[*cod. R., с отрывком также в Exc. Phot. и другим отрывком в Exc. Neapol.*]

В основном (нацелена) на ... который стал учеником [Гимерия] и посещал его школу вопреки желанию своих родителей.

[1] Когда Аполлон установил свой пророческий тренажник и предсказывал будущее людям, пришедшим отовсюду, все народы и все города посещали бога, убеждаемые его репутацией ... {Аполлон}, радуясь, я думаю, для этих посольств {установил} пророческие дни для тех, кто пришел {к его оракулу. Позвольте мне еще раз произнести мои «пророческие» слова}. Я

думаю, что люди должны вкусить священный лавр, бога и его представителей ... {Мисийцы и ионийцы. Одна группа произошла от Геракла, а другая – от Иона, давным-давно ... поселение [10] Ионии, из-за которого ионийцы почти считаются афинянами, откуда традиция настаивает на том, чтобы они отправились, если не из Дельф и ...? И так, они приносили жертвы аттическим музам, {почитая свою землю?} своим красноречием, как это было в Олимпии по обычаю всякий раз, когда они {проводили} праздничное собрание {там} в честь {бога} ... {Кто бы ни хвастался, что {Гера}клиды были их предками, пусть сначала принесет жертвы ... но вместо этих жертв – музы ...

[20] Я предполагаю в начале [карьеры молодого человека] страсть к учебе, поскольку так принято, что ... {Ахилл} был ... в битве в результате учения Хирона ... и Сократ более чем снаряжал Алкивиада для жизненных трудов ... делал.

... Возможно, большинство людей не сочтут эту [следующую] историю неожиданной ... Один молодой человек попросил первоклассного наставника, чтобы {он смог одержать победу на} Пифийских играх. Но его город и его отец привели его на другое соревнование. Кто-то еще {уговаривал его?} забыть о {последнем соревновании} и довериться [первоклассному] наставнику ... [30] бог даровал [молодому человеку] победу и послал известие его отцу.

{Есть несколько потомков} Нелея {здесь} – потому что мой лекционный зал открыт для всех ... Эмиграцию за меня возглавит не рой пчел, собранных вместе ... {а, скорее, музы?} ... чтобы успокоить все своей песней, чтобы ... вся Аттика, так же, как лира Орфея, привнесенная из-за моря, сделала остров Лесбос, вокруг которого разделяется вздымающееся Эгейское море, музыкальным, хотя до этого он был немзыкальным – его лира сделала его таким музыкальным, что чудеса этой музыки распространились по всему миру.

XXVII. Студентам из его отечества (Прусы)

[cod. R, с отрывками также из Exc. Phot., Exc. Neapol., и Lex. Lopad.]

Была произнесена в {гимназии?} ...

[1] Пора, мои мальчики, настроить мою лиру для моих сограждан ... Музы привели сюда, чтобы увидеть, как я выступаю, {группу молодых людей}, которые так любят красноречие ... но мои слова снова сделают единственно тебя, [мое отечество] опять моей темой; и по этому поводу ... эти [молодые люди] танцуют [со мной] в честь Муз, но они дождались этого момента в моем ... [10] этой фаланги студентов у общего очага гостей (?) ... И я слышу это также от Гесиода, который повелевает ... мудрыми и красивыми словами. Как же могут стихи Муз не ... но и у богов такое же мнение о родине. {Аполлон} любит {Делос} ...; он установил на месте остров, который качался {в} морских (волнах) прежде, чем он появился. Дионис любит Фивы, потому что он положил конец родовым мукам Семелы. Пан гордится аркадцами, Афродита

гордится Пафосом, а Диоскуры гордятся городом на реке Еврот [Спартой]. Гомер приносит большинство богов не с небес, [20] но из гор и городов, называя Геру «Аргосской», Зевса «Додонским» и Аполлона «Ликийским». Что касается бога моего ремесла [Гермеса], возможно, {красноречия?} ... потому что это удовлетворило бога, вызвав его ...

{Я считаю, что гомеровские фигуры} испытывали такие же нежные чувства к своей родине. {Одиссей}, называется (?) ..., любит маленькую И{таку}, несмотря на то, что он часто бросает свое ясеневое копье в Трою, и что он один ... Гомер {не} назначает {Нестора} ... Микенам, богатым золотом, но маленькому Пилосу ... Анакреон украшает город Теос своими песнями, и он уводит оттуда эроты. Алкей украшает Лесбос [своими песнями] и повсюду упоминает Митилену [30]. Ни Симонид, ни Вакхилид не пренебрегали Иулисом. Стесихор не только освободил сицилийскую Гимеру от тиранов, но и украсил ее своими словами.

Друзья мои, что мне делать с городом, который произвел меня [на свет]? Я не езжу на колеснице, запряженной свободными лошадьми, и я не поэт; итак, давай, позволь мне укрепить город образцами людей и прозой. {В конце концов, Ликург (укрепил Спарту), когда с помощью бога [Аполлона] он (дал) лакедемонянам их законы; (тогда как Вавилон и Ниневия?), которые {когда-то} процветали своими щедрыми (стенами) , теперь известны только по их ничтожным руинам. Время {вряд ли} сохранило {стены Трои} ... на память человечества. [40] {Кадм просто} воздвиг ..., {но стены Фив {были поставлены на место} с помощью лиры Амфиона. Сам Сократ публично ... всегда ... и восстановил город с помощью риториков, а Эзоп прославил Фригию одной басней. Он сказал: «Не я ... Хабрия ... ученик (?) Платона».

Еще я хочу рассказать вам кое-что о Пифагоре. {Хотя он был с Самоса}, он проводил время не на Самосе, а в Италии. Оказалось, что его родина Самос {не центр} ... его философского учения. Так как он считал ужасным, если город [50], где человек провел свои первые годы, не был украшен его достижениями ..., {он удостоверился} в том, что не только Самос, но и вся Иония {считалась} благословенной из-за этой [его философии].

XXVIII. Комиту Афинейю

[*nn. 1, 4, 6 - из Exc. Phot.; nn. 2, 3, 5, 7-9 - Exc. Neapol.; большая часть n. 6 - также из Exc. Neapol., nn. 3 и 7 частично также из Exc. Phot.; одна строка цитируется в Lex. Loraad.*]

[1] Что в мире вдохновило на этот громкий звонкий звук Гомера? Разве это не слава мужей? ...

[2] Пиндар [Ол. 1] пел в Олимпии во славу Гиерона под аккомпанемент лиры. Анакреонт пел о судьбе Поликрата, из которой самосской богине были отправлены подношения. И Алкей упоминал Фалеса в своих песнях, когда Лесбос <собирал> собрание. Теперь Сапфо со своей лирой, единственная из женщин, любила <прекрасное> и поэтому посвятила все свои стихи

Афродите и Эротам. Она сделала <красоту> и очарование девушки поводом для своих песен ...

[3] Ибо даже если это блаженная энкомия, она может показаться энкомией удачи. Но я ищу добродетели и хочу, чтобы мои похвалы людям основывались на добродетели ...

[4] Есть два признака того, что человек обладает добродетелью, присущей правлению: суждение императора о нем и любовь его подданных к нему ...

[5] Когда время зачислило этого человека [Афиней] в ряды [взрослых] мужчин, он стал во всех отношениях подражателем человека из Пеании [Демосфена]. Ибо, как трибуна оратора и суд потребовали Демосфена после того, как [его подготовил] Исей, так и собрания и красноречие сделали [Афиней] своим; он имел власть над всеми, и все восхищались им ...

[6] Уместно исследовать его природу, а также его действия. И вы обнаружите, что и его дела, и природа, позволившая успешно совершить их, одинаково знамениты. Каковы признаки этой природы? У него острый ум, возвышенные чувства, он без колебаний поступает правильно, и у него приветливый нрав. Если ему нужно говорить, то он превосходит Перикла; если ему нужно действовать, он подражает Алкивиаду. Или мы могли бы сказать, что он «патриотичен и слишком силен, чтобы поддаться взяточничеству», как история характеризует Перикла. В своих действиях он гораздо более пылкий, чем сын Клиния [Алкивиад], и каждым своим действием он не менее гармоничен, чем любая лира из всех ...

[7] Египетские мифы ясно показывают, что именно таким человеком был Протей, поскольку они превращают его то в воду, то в дерево или огонь. Желая таким образом показать, что он обладал способной к адаптации натурой, они превращают этого Протея в разнообразные формы. Так [также] афиняне разделили эти логики Гермеса по всему городу и приветствуют его под разными именами в разных частях [Афин]. ...

[8] Прежде чем он создал свою большую [Афину] Парфенос, Фидий изваял маленькую на Акрополе. Поскольку это [маленькое] произведение искусства не давало простора для мастерства Фидия, Перикл убеждал его приложить к нему усилия, которые позволяли его размеры, и сохранить всю мощь своего мастерства для большого <Парфенона> ...

[9] Это первые плоды дружбы и красноречия для тебя. Мои слова пророческие, и они могут даже предвидеть [больше] вещей того же рода [чем ты уже наслаждался], а также лучшие вещи; они предсказывают удачу, власть над греками, почести от императора и хвалебные слова.

XXIX. Римлянину Привату, учителю сына проконсула Ампелия

[cod. R, с отрывками также в Exc. Phot. и Exc. Neapol.]

Жажда элевсинского огня привела к мистериям даже и скифа Анахарсиса. Этот Анахарсис был мудр и стремился к добродетели. Хотя он

был скифом как по внешнему виду, так и по отношению к вкусу красноречия, он сразу же стал аттиком в речи и отказался от скифского языка; вот насколько замечательно его характер преодолел то, что было для него привычно, и насколько эффективно его любовь к добродетели превзошла исконную привычку. Он также занимался [в Афинах] осмотром остальных чудес афинян – изделий их рук, их языка, их ремесел, их обучения и их законов. [10] Ничто не ускользнуло от этого любителя учиться, ни одна [афинская] улица, святое место или история... дал, и он узнал о том, как Посейдон боролся за это... {Он узнал об оливковой ветви}, которая победила, и волне, которая грохотала на гребне [Акрополя], точно так же, как ... заставляет ... шуметь.

{... Затем Анахарсис отправился к Солону – ибо слава Солона достигла его, вера в него [Солон] ... {мог} говорить как кто-то божественно вдохновленный. То, что дало ему эту {известность}, я думаю, было ... Когда он был в доме [Солон], Анахарсис ... история ... [Солон] возвращал [Анахарсиса], очарованного [его мудростью] до того момента, обратно к скифскому складу ума, и он призвал его ..., {хотя?} раньше {он} часто {... его} к поэзии [20], так что Анахарсис тоже мог бы ... и рассказать еще несколько историй, по которым можно было бы лучше ...

Поликрат был молодым человеком. Это Поликрат, который [впоследствии] был царем не только Самоса, но и всего эллинского [Эгейского] моря, которым ограничена суша [Малая Азия]. Как бы то ни было, этот Поликрат любил музыку и песни Родоса и убедил отца поддержать его в его любви к музыке. Его отец послал за лирическим поэтом Анакреонтом и поручил ему своего сына, чтобы тот научил его тому, чему он хотел научиться. При Анакреонте мальчик много работал на лире, чтобы достичь царской добродетели, и он исполнил гомеровскую молитву [30] за своего отца, став лучше [чем все остальные] во всех отношениях.

И Гомер восхищается учителем Ахилла Фениксом за то, что он научил юношу действовать и говорить, когда Ахилл был в Фессалии, потому что именно там, в компании Ахилла, Феникс научил его добродетели и за то, что он был для него всем *in loco parentis* (в родительском месте), когда Ахилл был в Трое, потому что он тоже был с ним там. Таким образом, этот герой стал настолько велик в делах и словах, что почти полностью отвечал за создание великой поэмы Гомера [«Илиады»].

XXX. Из речи, которую он дал, когда вернулся из Коринфа

[cod. R, с отрывками также из Exc. Phot. и Exc. Neapol.]

[1] Поэзия [Гомер] восхищается многими аспектами хитроумия Одиссея, иногда называя его «произошедшим от Зевса», а иногда «находчивым» ..., {но особенно}, кажется, восхищается тем, как {...} его любовь к Итаке и его желание никогда не {оскорблять?} память о своих подданных ... как он думает {о своем отечестве}, поля Пожирателей лотоса кажутся ему бесплодными, {их земля?} кажется выжженной и неприятной ...

Конечно, {он} также {отвергает} песню сирен, применив не воск, но тоску по своему городу к ушам [товарищей]. Этот превосходный царь ... для хорошего правителя [10], безусловно, следует всегда быть со своими подданными, я думаю. Если удача физически отделит его от них, то ему следует хотя бы сосредоточить свой ум на них, а не отделяться от них каким-либо увлечением.

Я знаю, через что прошел Одиссей; поэма о нем объясняет мое душевное состояние. Когда я был отделен от вас и был среди сыновей эфирейцев [коринфян], их земли ... казались мне угнетающими и мрачными, воды Пирены казались солеными, а Крисейский [Коринфский] залив казался взволнованным даже в слегка вздымающийся штиль. Я был совершенно подавлен, переполненный моей тоской по тебе.

Но зачем на этом останавливаться? Ко мне вернулось красноречие, я вернул себе Афины и ... очень сладкий. Это лучший аттический мёд. Однако, позвольте мне не возражать против того, чтобы я был в отъезде, начиная с [20] ... Иерофант кажется более приятным посвященным после долгого отсутствия; то же самое делает рулевой на корабле. Тем, кто {хочет?} танцевать в хоре ... Иногда даже солнце, которое люди считают великим, прячется, чтобы мы могли снова смотреть на него нетерпеливыми глазами, когда оно поднимается из океана. Кроме того, говорят, что, когда Ксенофонт, историк и опытный полководец, увидел, что он побеждает, продвигаясь по территории [персидского] царя, что теперь находится во владении Византия, он хотел испытать ряды (воинов), чтобы увидеть, насколько хорошо они повинуются к нему, то он на время скрывался от них, а затем внезапно [30] появлялся снова, как будто возникнув из ниоткуда. Мужчины обнимали его, когда он вернулся, как будто он отсутствовал целый год, и обращались к нему со всеми [мыслимыми] титулами.

Таким образом, сытость – это зло, и оно причиняет вред многим прекрасным ситуациям. Мы исправляем это, ограничивая наше воздействие [на других].

XXXI. Из протрептической речи Ампелию

[*Exs. Phot., с несколькими отрывками также в Exs. Neapol. и Lex. Lorađ.; nn. 2-4, 13-17, исключительно в Exs. Neapol., определенные для этой речи Colonna; n. 1 исключительно из Lex. Lorađ., определенный для этой речи Colonna, «quamvis incerto in loco reponendum»*]

[1] Мои мальчики, я должен был, как один из греков, должен был найти ловушку, которая помешает этому человеку [Ампелию] сбежать. Вчера он угрожал бежать в своей повозке, но сегодня мы видели, как его легко поймали в мои сети. <...>

[2] Поскольку Симонид Кеосский, отправляя Гиерона из Сицилии в другую страну, взял лиру, схватился за нее и смешал слезы с издаваемыми ею звуками; и поскольку Филаммон, сын Аполлона, <сочинил> победную песнь и спел ее Ясону Фессалийскому среди героев (это было после того, как Ясон

получил золотое <руно>, которое он принес в качестве награды грекам, когда убаюкивал бессонную змею, и когда он выполнял миссию священной триремы [Арго]) ...

[3] Разве свирель не будет звучать для тех, кто возложил венец на голову в Олимпии и возвысит свои гирлянды песней? Тогда разве афинское красноречие не отпугнет и тех, кто с непоколебимой решимостью бежал в гонке за славой? <...>

[4] У людей есть множество почестей для тех, кто преуспел. Есть тук в Спарте, чаша в Фивах, земля у аргивян, картина в Сикионе, <одежда> у мидян и стол у сибаритов. Но для жителей Аттики почетный венец – элегия, речь или стихотворение. Это древние дары. Ничто не может их одолеть, и они не позволяют течению времени восторжествовать над ними. <...>

[5] Говорят, что даже Александр [Великий] дал древним искусствам повод для споров. Поэтому, когда Лисипп и Апеллес поставили перед собой задачу представить его вид, последний выразил природу царя в красках, а первый – в бронзе. Но поскольку речь выходит за пределы тела и занимается красотой и очарованием души, пусть она будет [считаться] художником, который не обманывает. <...>

[6] ... если у него нет капитана на носу [корабля], квалифицированного во всех областях морского дела. Ибо, когда доходит до действия, неопытные приходят в замешательство, тогда как хорошо обученные уверенно демонстрируют навыки, которым они научились. <...>

[7] От ворот до поворотного столба держитесь прямым и ровным курсом. <...>

[8] Ты мягок? У тебя есть общая добродетель [с Ампелием]. Ты ненавидишь зло? Он боролся с тобой против зла. Ты избегал прикасаться к несправедным подаркам? Этот человек также запер врата своей души против возмутительного золота, пренебрегающего справедливостью. Ибо он понимает, что справедливость при скудных ресурсах – не порицание, а богатство с несправедливостью – враг добродетели и чести. <...>

[9] Хвала начинается там, где начинаются [достойные похвалы] действия. Но что следует сказать после этого? Что нужно воздержаться от слов? Ибо трудно говорить и неблагоприятно не говорить. Подумай, как, когда люди видят прекрасные черты статуй, их глаза приковывают внимание при первом же взгляде на них; затем, когда они впоследствии сосредотачиваются на других особенностях статуи, они не знают, на что смотреть в первую очередь. Но подожди минутку! Зачем мне древняя статуя? Вместо этого подумай, как, когда люди видят какое-то новое произведение мастерства, они вынуждены красотой, которая охватывает все это целиком, рассматривать все его особенности вместе; затем, когда черта за чертой побеждает их желание, их просмотр становится более фрагментированным из-за чудес [отдельных частей]. Точно так же все твои достижения, которые поражают нас повсюду, требуют какого-то повествования, отличного от того, что мы можем тебе предоставить; они не довольствуются нынешними правилами красноречия. <...>

[10] Что следует рассказать о твоих делах или о твоих судебных решениях? О твоём внимании к деталям или о твоей заботе обо всем? О твоей заботе о бедных или о твоём мягком наказании сильных мира сего? <...>

[11] Но благодаря тебе даже Спарта нежится, сменив свои грязные локоны на прекрасную шевелюру. Кто мог бы достойно сказать о бесконечном количестве зданий, [построенных тобой]? Пропилей и Парфенона хватило, чтобы удовлетворить амбиции Перикла, царской резиденции хватило Дарию, золотой виноградной лозы хватило Артаксерксу – работа Феодора Самосского, бесполезный объект мидянина, неестественно нежащегося. Но ты урбанизировал все, что находится между [Фермопилами] и самым дальним ущельем Пелопоннеса. <...>

[12] В самом центре города [Афин] была улица, которая называлась Коллит, в честь ее дема. Он был удостоен чести использовать его как рынок. Из-за древней славы улицы этот человек [Ампелий] пошел в это место, привлеченный тем, что он слышал о нем. Когда он увидел его, он был поражен природой этого места, но больше всего он почувствовал стыд за город из-за плохого состояния улицы. Он не позволил городу больше терпеть затруднение по этому поводу. <...>

[13] [Ампелий] ценится императорами, осторожен с тиранами, добр к народам [с которыми он контактирует]. Он вызывает уважение у мудрых, больше всего нравится пожилым людям, его любят люди всех состояний и возрастов. <...>

[14] Литература (Ном. Од. IV.382ff.) заставляет египетского софиста Протея принимать различные формы; затем она представляет его, таким образом трансформирующим себя, что он побеждает тех, кто поджидает его. <...>

[15] Так же, как поэзия (Ном. II. 18.187-238) говорит, что Ахилл, не имея оружия, одержал победу в результате одного лишь крика ...

[16] Ибо часто то, что правильно в нашей среде, ускользает от внимания, в то время как то, что редко можно увидеть, всегда побеждает зрителя. Но замысловатое мастерство украшает произведение искусства, приветствуя проходящего мимо зрителя и человека, делающего покупки на агоре. <...>

[17] Один [город] возводит колоннаду, другой наслаждается [сооружением] бассейнов. Баня заставляет [город] чувствовать гордость, жилище [архонта] басилевса, названное в честь этого чиновника, делает то же самое для другого. Каждый [город] что-то производит, и все они гордятся твоими самыми выдающимися достижениями. <...>

[18] Ты сделал правдоподобными истории о том, как камень может любить и горевать и проливать слезы, как любовник, лишенный своей возлюбленной. Поэтому я опасаюсь, что тоска по тебе вызовет страдания, и что некоторые люди сами станут рассказывать странные истории, принимая другую природу и становясь цветами или деревьями. <...>

[А 1] Считая возмутительным, что скульптура и связанные с ней искусства были так самонадеянны по отношению к богам ...

XXXII. Из речи к префекту Анатолию

[некоторые пункты сохранены в Exc. Phot., некоторые в Exc. Neapol., два отрывка есть в них обоих; три коротких отрывка также в Lex. Loraд.]

[1] Когда Ахилл у Гомера оплакивал убийство своего друга [Патрокла], Зевс, послав ему знамение с небес через Гермеса, приказал ему взять в руки свое оружие. Пойдем же и мы, как бы с одобрения свыше, превратим несчастье в праздник и станем танцевать в честь [Аполлона], предводителя Муз. <...>

[2] После [битвы при] Кизике Алкивиад вернулся в Афины с победоносным флотом. Весь город собрался ему навстречу, одни аплодировали ему, некоторые венчали его, другие плакали, и все они окружили Алкивиада словами хвалы. <...>

[3] Великий префект стал жертвой моего риторического искусства. <...>

[4] Нежное пение в гиподорическом стиле ...

[5] Мы имеем дело не с баснями, не с аттическими вымыслами, как их шутливо называют лаконцы за счет города – Диониса, чужеземца из Фив, или Посейдона, выразившего свою любовь к Афинам своей волной, – а с реальной встречей [с Анатолием?]. Но [то] образование, [что предлагают Афины], и [их] законы, основание и метрополия [его] благословений ...

[6] ... что Геракл, сын Зевса, боролся своими трудами и очистил человечество от зла исключительно с помощью своей дубинки, и что благодаря мифу эта дубина стала предметом повествования ...

[7] Он сам насадил свою душу этим растением, орошая его аттической водой. <...>

[8] Прекрасные вещи всегда редки, и они приносят бессмертную славу тем, кто их изобретает. <...>

[9] Мудрый Анахарсис был первым, кто пришел к грекам из Скифии, а Пелопс был первым, кто пришел из Лидии. Пелопс, несущийся над спокойным морем на бессмертных лошадях, получил в награду за свой беспрецедентный подвиг [право] дать свое имя стране [Пелопоннесу]. Александр был первым царем, омывшим свою славу в [Индийском] океане, а Кир был первым ... выехать на своем коне из Вавилона. <...>

[10] [Моя] хвала [тебе] все еще за пределами берега; [моя] речь идет в море и не видит якорной стоянки. <...>

[11] Музыка принесла славу Тимофею, а мудрость принесла славу Пифагору, но именно риторика заставила воздвигнуть золотые образы Горгия. <...>

[12] Так что, возможно, мне лучше, запечатлев природу этого человека [Анатолия] на его портрете, подражать примеру Фидия. Фидий знал, насколько велик был Зевс, и он был велик во многих отношениях, потому что его душа была мудрее, чем умелая рука. Так как он хотел запечатлеть природу Зевса в одной статуе, он смешал слоновую кость с золотом и в одной статуе сформировал изображение олимпийского бога, каким бы огромным он ни был, для элейцев, но также предназначил этого Зевса также и для остального человечества. <...>

[13] Я хочу нарисовать для тебя картину божественными красками, потому что земные цвета быстро смываются с течением времени. Если кому угодно будет почтить картину почетным указом, то я не буду возражать. <...>

[14] На мой взгляд, всякий раз, когда это великое тело, которое мы считаем землей и центром этой божественной вселенной, поражается болезнью зла, тогда веретено Лахесис, разделив небеса своими нитями, выводит из очага Зевса чистую душу, доставляющую нам сущность божественных явлений. Эта душа приносит справедливость, она приносит мужество из этого очага. Такая душа – просто абсолютное благоразумие. Бесчисленная группа врожденных добродетелей следует за душой такого рода: возвышенность, великолепие суждения, независимость языка, руки, которые нельзя подкупить, тоска по дружбе, любовь к истине, стойкий ум. <...>

[15] Природа преобладает над искусством. <...>

[16] Не использовать дружбу как основу для оценки добродетели, но оценивать дружбу на основе добродетели ...

XXXIII. Из речи Фебу, сыну проконсула

Фебу, сыну проконсула Александра, ... {который был доверен} ему [Гимерию] его отцом после того, как он отучился в Коринфе.

[cod. R, с отрывками также из Exc. Phot. и Exc. Neapol.]

[1] Я думаю, что разумно, что те, кто перешел от малого языка [т.е. учителя] к двери софиста, также должны найти рассказы о софистах. Итак, вот один о софисте Исократе. Его имя и его речи, я думаю, хорошо известны всем, потому что именно из-за него софисты презрели язык поэтов и приняли собственный закон. Теперь этот Исократ всегда открывал двери своей царской школы любителям красноречия посредством речей ... Тем самым он хотел познакомить молодых людей со своим учением [10], особенно всех, кто от природы подходил к учебе и принадлежал к царской семье ... и другой человек считался достойным этой услуги. В трудах Исократа совершенно справедливо указывается [кем был этот человек]. [В прошлом] я объяснил, что он ..., но об этом я тоже хочу рассказать всем вам.

У кипрского тирана Эвагора был сын {по имени Никокл, который любил} Ликей, и разве что не вдыхал дух самой горы Ликабет, да во всех остальных отношениях был чистым аттицистом. Когда его отец увидел (что он так жаждал аттического красноречия) и в своем стремлении к нему развил привязанность ко всему аттическому, он задумался о своем сыне ... чтобы {он мог поехать туда} ... киприоты – достойные наследники его славы. Теперь Исократ занимал афинскую кафедру [в то время], и его слава простиралась [20] так далеко, насколько могло видеть солнце, потому что он очистил риторику, которая была воспалена странными стилистическими особенностями в результате ее древних искажений. Своим искусством он вывел ее на

правильный путь, размеренный и упорядоченный ... Когда Эвагор увидел, что все, кто желает овладеть настоящим искусством риторики, стекаются к Исократу отовсюду, {он решил} послать своего сына {к нему}. Исократ приветствовал Никокла. В дополнение к упражнениям его в остальном обучении через его наставления {он отмечает} ... взяв усердного юношу своим партнером в собственных усилиях, ибо, когда красноречию недостает любви, оно, на мой взгляд, неполно и без крыльев. Когда Никокл насытился этой купелью и стал таким человеком на деле [30], как {он показал себя на словах, он} стал истинным адептом красноречия {своего наставника}.

XXXIV. Аркадию, врачу и комиту

[cod. R, с отрывками также в Exc. Phot. и Exc. Neapol.]

[Гимерий] обратился с этими словами к Аркадию (врачу и комиту) ...

Аркадий, случилось так, ранее слышал эпиталамий [Гимерия], и желает (подвергнуть его испытанию [как возможного учителя для своего сына]?), ..., к которому [Гимерий] обратился.

[1] ... {Почему} мы не дадим {ему} попробовать вкус нашей собственной {лиры}? Почему бы нам не показать ему нашу собственную вооруженную Музу, под эгидой которой {мы обязуемся} инициировать ... Ибо [наша Муза] только что рассказала о молодых людях, играющих в спальне и превосходящих изящество поэтов своим обаянием. Но теперь мы сталкиваемся с еще одним соревнованием, еще одним ипподромом и участком Муз, открытым для святых посвященных. Ибо непосвященные нацелились на вульгарное посвящение ... {и об инициаторах}, которые покажут {им неосвященное вместо?} святого. Но душа воспитана всякими изучающими [10] {желания}, вроде ..., чтобы отыскать {источники Муз}, чтобы черпать из них все, что нужно.

Теперь многие отцы, {введенные в заблуждение} множеством {софистов}, рискуют своими дорогими подопечными, бросив кости; и, как и следовало ожидать, они очень быстро наказываются за свое невежество из-за того, что случается с их детьми. {Пелей?} ..., и точно так же он нанял для своего сына [Ахилла учителя, который имел бы] такую большую власть над ним, поскольку он не доверял никому, кроме себя [в этом вопросе] ... Во времена Хирона было много кентавров. Пелей, однако, послал своего сына не к кому-то другому, а к Хирону. Некоторые афиняне проводили инициацию своих сыновей в Афинах ... а также в (мистерии) Элевсина и Деметры, но отец [20] ... послал {своего сына?} в Афины для участия в этих обрядах [здесь].

Я хочу рассказать историю, которая применима к нашему делу. Говорят, что Солон, любивший мудрость, путешествовал по всему миру, всегда выслеживая какую-нибудь мудрость. Когда он прибыл в Лидию, он также был замечен ионийцами после того, как был среди лидийцев, а затем отправился в землю египтян – и какой мудрости он не научился среди них, какие

прекрасные знания он не принес оттуда грекам? Достигнув греков, он нашел Эсхила. Последний был еще молод; и, после Феспия и тех, кто создавал трагедии до Феспия, он как раз тогда поднимал [трагические] стихи над землей [30], чтобы он мог обратиться к зрителям с высоты. Солон восхищался трагедией и часто ходил вместе со своим сыном посмотреть пьесы Эсхила, чтобы они вдвоем могли узнать трагические истории из этих пьес.

Они также говорят, что, когда Демокед, этот знаменитый человек из Кротона и первый, кто принес греческую медицину варварам, пошел послушать Пифагора после того, как он побывал в Сузах и среди мидийцев, он больше восхищался блаженством мудрости Пифагора, чем богатством [персидского] царя.

XXXV. Из протрептической речи к студентам, пришедшим (к нему)
[cod. R, с отрывками также из Exc. Phot. и Exc. Neapol.]

Протрептическая речь, адресованная ученикам, пришедшим к нему [Гимерию] от других софистов, по вопросу [стилистического] разнообразия ...

[1] ... {теперь мы их видим?} внимательно смотрящими на мои обряды. Так где же эти молодые люди были посвящены в [тайны] Муз? Почему {они с первого взгляда не вошли} в открытые {двери моей школы}? Что ж, тогда давайте теперь вести этих посвященных вперед; давайте сейчас покажем им мистический огонь. Но перед тем ... я хочу спеть предваряющую песнь. Пусть эта песнь станет священным изображением, которое объяснит им, где находится [настоящий академический] дом молодых людей ...

{В прошлом} людям в Афинах требовалось некоторое время, чтобы найти Ликей и начать учебу у Сократа [10]. Они занимались здесь и там (учёбой) ... но [все еще] не извели истинного знания и философии. Когда по счастливой случайности, вроде ..., они взглянули на философию Сократа, то они отбросили все другие наставления и тому подобное ..., отдались его учению. Так же, как когда на сцене механики устанавливают {подъемные машины для смены действия}, можно было наблюдать, как эти люди, после того как начали общаться с Сократом, {изменились} ... в своей жизни, в своем обучении, и проще говоря – во всех отношениях. Того, у кого была возвышенная душа, называли храбрым, потому что он умерил свои эмоции разумом. Тот, кто вел роскошную жизнь, достиг самообладания, сдерживая свою природу [20]. Удалив туман из своей души, он приобрел иную изощренность и ... {научился} чтить свою клятву и почитать богов. Ибо какой человек, который научился клясться собакой или платаном, впоследствии не стал бы гораздо более благочестиво осторожным, когда клялся богами? Ибо только после того, как Алкивиад оставил софистов, он наполнил весь мир своими трофеями.

Именно тогда {Платон} по праву научился любить ..., и {он ...} Филолая, который проявляется как искренний любитель [познания] в беседах Сократа

(Pl. Phaedo 61d) ... {не?} только театры, но также палестры, и закоулки и симпозиции ... и он не имел обыкновения сильно интересоваться астрономическими явлениями [30], как это было с другими [философами] ... {Но так же, как} музыканты, выражая свои навыки владения целым рядом инструментов, соблазняют каждого из своих слушателей, [взывая] к соответствующей части своей души, так и [Платон] улавливает каждое ухо, которое его слышит ... {предлагая} многогранное обучение.

То, что софист Орфей, возможно, также обладал подобным талантом, {намекают} в рассказах о нем ... [Миф] собирает для него аудиторию из самых разных существ, я думаю, чтобы послушать, как он играет на лире, убежденный, что его находчивость и разносторонность {очаруют} его слушателей. И Гомер, восхищаясь Одиссеем, прояснил многие стороны умения Одиссея [40] одним высказыванием: «Муза, поведай о том многоопытном муже» (Od. I.1). Из-за отсутствия разносторонности создается сухость во всем.

{Мудрые люди даже обнаружили разнообразие} законов природы. Потому что они разделяют время на множество сезонов, и они делят ... движение небес. Традиционно они разделяют душу на три части и всю вселенную ... различных элементов. {Даже} правитель всей этой вселенной на небесах, которого ведущие мудрецы объявляют, {называя} либо Аполлоном, либо Солнцем, {ибо многогранен} ..., тот, кто наслаждается хором человеческих существ, поскольку он является им в {различных} формах. Если вы хотите музыкальную лиру, {его мелодии} звучат (?) поблизости. {Если какая-то} болезнь {мучает вас}, пэан Аполлон уже под рукой. Если земной посредник утомлен, то песня, посланная [ему Аполлоном], не утомляет [50]. Если {вы хотите увидеть} небесный факел [Солнце] ..., он благосклонен ко всем. (Но я подозреваю, что киммерийцы, удрученные люди, у которых нет солнца и которые живут [вечной] ночью, на самом деле возненавидели солнце, которого они никогда не видели).

Луг обязан своей сладостью тому факту, что он изобилует всевозможными цветами, и ценится именно ожерелье, украшенное красотой, собранной {из камней разного вида}. Почему люди восхищаются павлином больше, чем другими птицами? Не потому ли, что павлины так разнообразны по окраске А Сибарис славится разнообразием своей кухни. Море тоже различается по своей природе и принимает разные формы. Оно становится виноцветным, когда сглаживает волны на спокойной поверхности, но приобретает темный вид, когда его возбуждает и провоцирует ветер [60]. В одно время это ... с белой пеной, {в другое время} она вздымается ... Разве мы не восхищаемся царским дворцом Алкиноя и феакийскими садами {из-за их гостеприимства ...}?

Поэма Гомера позволяет своей стране через множество благословений собирать плоды всех времен года в одно время года и наслаждаться рогом Амальтеи. {Их земля} была удостоена чести ... теми, кто, возможно, тоже {считает} эти благословения метафорой красноречия. Какой дар более прекрасный, чем красноречие, могла преподнести судьба человечеству? {Он

разнообразен}, как и голос Сократа, и поэзия Гомера, музыка Пифагора, история Геродота и {звуки горы Геликон, ибо на гору Геликон Музы принесли {все} виды инструментов отовсюду и произвели из них всех звук лиры долины [70] ... {и} из-за Сократа {мужчины?} подражали обряду [Муз?].

Но, как [я] сказал, пора зажечь огонь.

XXXVI. Из протрептической речи к Флавиану

[в основном сохранилось в Exs. Phot., с некоторыми отрывками также в Exs. Neapol. и/или Lex. Lorađ.; некоторые отрывки исключительно в Exs. Neapol. или Lex. Lorađ.]

[1] Ты убегаешь от меня, мой друг, пока я работаю над наилучшей настройкой лирой, чтобы поприветствовать тебя после твоего пребывания в Ливии [Африке]; ты меня вдруг оттолкнул и заставил спеть мрачную песню. Мы еще не видели весны, а теперь на нас обрушивается геллеспонтский шторм и замораживает нашу душу. Мы еще не видели солнца, а теперь оно направляет свои лучи в другое место и грозит принести грекам ночь. Мы мрачны, прежде чем улыбнуться, мы молимся богам обочины перед тем, как принести жертву в честь твоего прибытия. <...>

[2] [Я думаю?] что [мое] красноречие подвергается испытанию, красноречие менее смелое, чем рука, колеблющаяся делать то, что воск и железо желают сделать. <...>

[3] Ибо [твоя] слава всегда переходила через море из Ливии к грекам. <...>

[4] Он изобразил ветерок в распутном и игривом состоянии, как лидийских женщин, которых изображают художники, искусно заставляя их казаться опьяненными на своих полотнах <...>

[5] Итак, кратко изложив нашу речь на суше с середины пути, мы теперь позволим ей течь через Ливию. <...>

[6] Никто не возобладает [над Флавианом], потому что все [в нем] вызывает восхищение. <...>

[7] Ибо моя речь, последовавшая [его] желанию, была почти направлена на другой путь, когда она (уже) двигалась, словно сильный поток. Так что его нужно вернуть в Ливию. <...>

[8] Ибо они говорят, что сошли с ума от любви, ниспосланной небесами друг к другу. <...>

[9] [Флавиан] обладает природой, которая с самого начала [любого начинания] указывает на его божественное происхождение. То, что он говорит, как дома, так и на публике, наполнено всевозможными знаниями. В силу этих его черт Перикл покажется вторым по убедительности, Фемистокл – довольно скучным в быстроте суждений, Платон – по натуре, Солон – в законотворчестве ... И все знают, что, в то время как другие люди гордятся одним качеством, этот человек гордится всеми ими. <...>

[10] «Что мне делать? Какое решение я должен принять? Послать ли мне [Флавиана] в качестве [городского] префекта к римлянам? Но люди, привыкшие к роскошной жизни, не знакомы с серьезным правителем». <...>

[11] «Возможно, Карфаген раздражен на меня, город Африки, который когда-то в своей храбрости противостоял Риму, город, который кормит всю Италию всеми прекрасными продуктами, которые он производит, город, который не может быть первым только в той степени, что он чувствует себя униженным [городом] Римом. Я знаю, что великий город в опасности, и вся земля [Африка] находится под властью плохого правительства». <...>

[12] Абсолютно все греки между [Фермо]пилами и Ионическим заливом на западе, от одной стороны [Греции] до другой, в публичных театрах свидетельствуют о том доброжелательном отношении, которое они испытывают ко мне. <...>

[13] «Давайте пошлем его [Флавиана] как великого держателя бразды правления справедливостью». Таков был приговор императора, и золотые скрижали власти немедленно отразили его решение. <...>

[14] Достигнув этой точки в своей речи, «что мне сказать в первую очередь, что дальше, что в последний раз» (Нот. Од. IX.14)? Ибо действия [Флавиана] повсюду приводятся в движение, все они равны, и не говорить о них так же трудно, как и говорить; первому препятствует количество [его дел], второму – их величина. Поэтому я должен сказать не все, что можно сказать, а все, что я могу сказать. <...>

[15] Увидев его [Флавиана], ведущего свое сопровождение в шторм, как будто бы море было спокойным, и играющего на волнах, словно в гавани, некоторые тосковали по нему, как по страстному любовнику, а другие содрогались от него, как если бы он был непобедим никаким страхом. <...>

[16] Они устроили [для Флавиана] большую процессию, чем для Гефеста. Люди пели как бы в ответ на (набегающие) волны, аплодисменты города вторили прибою, крики из Карфагена заглушали шум моря. <...>

[17] Пусть все, молодые и старые, простят меня, если я говорю как эпический поэт; ведь любовь умеет, да, она умеет сочинять ораторскую тему только по своим законам. <...>

[18] Он страдал от болезни, которая была больше, чем его состояние, но не меньше, чем его порочность. Пусть никто не удивится, если во время болезни он поступил так против этого человека. С незапамятных времен меньшие люди придираются к прекрасным государственным деятелям. Клеон ложно обвинил Перикла, Никий должен был защищаться от Гипербола, Демад предстал перед судом над Демосфеном, Клеофон предъявил обвинение Алкивиаду, человек из Серифа упрекнул Фемистокла. Те, кто завидуют выдающейся удаче других, вынуждены своей смелостью восполнять недостаток достоинств <...>

[19] Затем он действительно показал, в чем разница между добродетелью и лживым характером. <...>

[20] Ибо услуги, которые оказываются с легкостью, даже если они великие, естественно, считаются незначительными, потому что они не требуют никаких неудобств. <...>

[21] Александр, желая воздвигнуть город в Египте [Александрию] после тяжелых испытаний, исполнил свое желание, просто заложив для него фундамент. <...>

[A1] Какие города не испытали на себе добродетельных действий Флавиана? <...>

[A2] [Он?] провел однодневную процессию через Карфаген, освещенный огнем и факелами. <...>

[A3] Какую необычную мелодию на лире мы можем придумать, чтобы в одно и то же время с человеком прощались и приветствовали его прибытие?

XXXVII. Эпиталамий панафинейцам

[Exs. Neapol., с короткой цитатой из п. 1 также в Lex. Lopad.]

[1] Фимбрис [река Тибр] течет полным потоком из внутренней части Италии до города [Рима], где она разливается своими переполненными водами. Когда она соприкасается с городом, она разделяет текущие воды на две ветви. Затем река снова сливается и воссоединяется, но не без разделения своего потока вокруг [суши] между двумя рукавами и образования там острова значительных размеров [острова Тибра]. Римляне посвятили это место священному Асклепию. <...>

[2] После того, как Асклепий наделил всех искусством [медицины] и даровал чудеса этого искусства трем континентам, он пришел в город фимбрийцев. <...>

[3] Фракийский Боспор, узкий водоем с сильными течениями, водоем, который рождает Евксинское [Черное] море, своим течением разделяет континенты [Европу и Азию], затем рассеивается через Пропонтиду и превращается в широкое Эгейское море.

XXXVIII. [Проконсулу Кервонию]

[cods. R и B, с короткими отрывками также из Exs. Neapol. и Lex. Lopad.]

Это первая речь (lalia) в Афинах, которую он [Гимерий] произнес в претории. Она была адресована проконсулу [Греции] Кервонию, который задал ему тему и восстановил город. [Гимерий] в сдержанной манере упрекает [своих соперников] софистов и тех, кто недавно высмеивал его.

[1] Смотри, о благородный [Кервоний], искусство Муз возрождается вместе с этим твоим новым городом. Они раньше старались явиться грекам – я думаю, потому что ничто красивое не желает быть скрытым, – но «именно

ради тебя», как уже пел один из лирических поэтов, они сохранили плоды своего труда для тебя, чтобы они могли показать это в их зрелости и в надлежащее время.

[2] Они говорят, что до того, как бог Аполлон явился человечеству, этот соседний остров Делос был скрыт в глубине, двигаясь и мечась под водой. Но после того, как бог явился и вывел [остров] на свет, он немедленно поднялся из глубин на поверхность, твердо стоял посреди волн и больше не плавал.

[3] Пойдемте же, мальчики мои, потому что этот человек тоже вывел меня на свет. Он подобен богам, которых поэты часто превращают в различные человеческие формы и образы и вносят в города и народы, богов, «которые натываются на добродетель и благородство человечества» (Hom. Od. XVII.487). (Например, таким образом Гомер выставил Афины на обозрение, как Анакреонт и Еврипид сделали с Дионисом.) Подобным образом появляется этот человек и приказывает мне не обращать внимания на молчание или на ограничение красноречия в темноте – условия, которые были достигнуты раньше его прибытия. Он приказывает мне сделать красноречие публичным, чтобы вывести его на первый план для греков; и красноречие действительно собирается обнажиться на ипподроме Муз, как будто подчиняясь божественному повелению. Теперь я не верю, что я поэт. Но я друг божественного хора поэтов. Так что позвольте мне рассказать вам аттическую сказку, вроде преномической песни, которую пели перед началом конкурса.

[4] Было время, когда афиняне больше, чем кто-либо другой, приветствовали софистов, когда софисты и их деятельность были для них всем. Таким образом, те, кто практиковал это искусство, приезжали в Афины отовсюду и спешили общаться и проводить там свое время с молодежью. Различные слушатели были очарованы разными софистами, одни – Горгием из Леонтин, другие – Продиком с Кеоса. Некоторые думали, что им следует учиться у Гиппия из Элиды, поскольку он рекламировал находчивую и разнообразную мудрость.

[5] Я слышал, что Сократ тоже был жив в то время, человек истинной мудрости и необычайно любящий красноречие – не то красноречие, которое предназначено для простых людей и масс, а такое, которое, когда оно входит в нежные души молодых, заставляет их приносить полностью сформированные плоды в сезон. Когда несколько молодых людей наталкивались на Сократа, когда он разговаривал, и поражались тому, насколько он хорош в красноречии и образовании, они решали, что им больше не следует идти к софистам, а следует остаться с самим Сократом, философствовать и разговаривать с ним.

[6] Когда это стало известно софистам, я не могу сказать, рассердились они на него или нет, потому что я не люблю выдвигать обвинения против этих самых мудрых людей сейчас. Но, конечно, такие люди, как Калликл и Фрасимах, люди, связанные с Горгием, часто приступали к клевете и высмеиванию Сократа. Некоторые из них шутили над его лицом, говоря, что он курносый и у него неприятная внешность. Эти жалкие люди не знали, что Сократ молился богам о внутренней красоте! Другие софисты ухватились за

другую возмутительную клевету против него, пытаюсь таким образом отвлечь его от общения с молодежью.

[7] Их замысел почти сработал. Помешало этому то, что один из друзей Сократа случайно отправился в Дельфы к богу [Аполлону] и спросил его, кто из ныне живущих мудрее. Бог со своего треножника правдивым и громким голосом дал [самому] Сократу это имя. Будучи пророком и братом муз, бог, я думаю, точно знал, кто обладал истинной мудростью, а кто – ложной и обманчивой. Его заявление достигло ушей всех греков, и Сократ был воодушевлен и начал предавать гласности свое красноречие. Для Калликла все было кончено. Итак, вот аттическая сказка, которую я приготовил для вас, мои мальчики.

[8] И что, о красноречие, ты сделаешь для этого благородного человека [Кервония]? Он вывел вас, скрытых и невидимых для греков, на свет и в их среду. Тебе не следует молчать; но если ты заговоришь, тебя неминуемо посрамят, если ты не поддержишь его репутацию. Так что теперь я хочу спеть ему песнь или короткую песню, которую я сочинил, как будто для какого-то бога. Затем в другом случае, если Бог даст это, я заплачу ему долг благодарности в полном обряде.

[9] О око Справедливости и Правосудия (Фемида)! О жрец Муз и Гермеса! О прекраснейшее создание самой Афины, которому ты красиво вернешь свои трофеи! Ни сам Пиндар, ни тот сикелиот [Ферон], которому беотийский лирический поэт присвоил титул «верховный властитель города» (Ol. II.7), не возмутился бы тем фактом, что мы называем тебя тем же титулом. Благодаря тебе этот город снова стал юным и пробудился после сильного упадка. После слез и причитаний он начинает пировать и танцевать, как будто земля только что освободила его для этого. Нимфы Наяд, как сказал бы отважный поэт, покинули свои рощи и играют на аттических улицах. Все сияет и расцвело, как на весеннем лугу. Стаи юношей, которые раньше безрассудно прыгали, теперь тихо пасутся, ныне тихо разместились в своих загонах, как если бы вырвали лиру Орфея или Амфиона.

[10] Теперь каждая Сирена перемещается в твоей орбите, все барбитоны и лиры звучат <для тебя>, народы и города воспевают твои дела. Теперь священный сосуд отправляется на Делос, неся аттический хор богу [Аполлону], который, как говорят, Тесей устроил для него после того, как покинул Крит. Пусть этот хор споет гимн, прося, чтобы этот человек правил греками очень долго.

Это то, что я сейчас пою тебе, человек, дорогой богам. И если делийский бог [Аполлон] окажет мне услугу, в будущем я полностью заплачу тебе свой долг.

XXXIX. [Речь в Фессалонике]

[cods. R и B, с отрывками также в Exc. Neapol. и Lex. Lopad.]

[Гимерий] произнес эту [беседу] в Фессалониках, когда по призыву императора Юлиана он спешил на Восток. Он был официально приглашен

городом и [двумя] высокопоставленными лицами, викарием [епархии Македонии] и бывшим софистом Мусонием, а также консулом [провинции Македония] Каллионом. Он адресовал конец речи Мусонию, который был проконсулом Греции [Ахайи] и присутствовал при этом.

[1] Однажды, когда Симонид спешил в Пису, чтобы почтить Зевса гимном, элейцы завладели его лирой, и народ публично приказал ему спеть о городе Зевса [Элиде] перед тем, как воспеть самого Зевса. Так что, друзья, скажите, что вы мне приказываете? Вы хотите, чтобы я ненадолго прервал свой поспешный курс и дал вам попробовать мою аттическую флейту? Это определенно то, о чем молятся некоторые из вас, и они настоящие соседи Пиерии.

[2] Что ж, тогда я с радостью подчиняюсь вашему приказу и считаю, что ваше давление на меня идет мне на пользу; ибо ничто из того, что делает возлюбленный, не является бременем или неприятностью для его возлюбленного. Когда Анакреонт направлялся ко двору Поликрата, он был рад обратиться к великому Ксантиппу [сначала в Афинах], а Пиндар был рад приветствовать Гиерона перед тем, как обратиться к Зевсу. Алкман, присоединившийся к дорийской лире с лидийской песней, случайно нес свои песни через Спарту по пути к святыне Зевса Ликейского; но он не прошел мимо Спарты, прежде чем не поприветствовал и сам город, и Диоскуров.

[3] Я также слышал историю об Исмении-флейтисте, которого вызвал из Фив Александр [Великий], чтобы празднование победы последнего было ознаменовано песней после резни персов. Исмений узнал в Фокиде, что дельфийцы отмечают Пифийские игры жертвоприношениями. Когда к нему незамедлительно подошло посольство Дельф и попросило его не обходить молчанием их торжества, он поприветствовал посольство и почтил город песней. Это был благоприятный знак для царя [Александра], поскольку [песня Исмения] была призом победы для Аполлона.

[4] Таким образом, мы не стали бы проплывать мимо города, наполненного таким количеством добродетелей; ибо тишина – не характерна для Аттики и не достойна болтливости города [Афин]. Ксеркс, любуясь листвою платана в Лидии, украсил ее золотом. Он не знал, как говорить; он был так же беден красноречием, сколь богат золотом. Но для нас вполне разумно, чтобы ваш город потребовал даров, которыми располагают наши правители.

[5] Такие дары подходят вашему городу из-за его добродетельного поведения и не в последнюю очередь из-за рвения, которое он проявляет к мудрости, даже несмотря на то, что он окружен людьми, которые почти все говорят на иностранных языках. К северу на него наступают пэонийцы. Следующими соседями города являются иллирийцы, которые, в свою очередь, передают эту роль мезийцам. Фракия так близко граничит с вашим городом, что касается его окраин. Ваш город в изоляции поддерживает греческий язык как золотую середину и защищает его от заражения каким-либо соседним языком. Таким образом, я осуждаю и обвиняю фракийскую сказку, которая грабит этот город Орфея, <сына> Каллиопа, и награждает его горами Фракии.

Поскольку там нет людей, которые могли бы его слушать, сказка создает для него собрание диких животных.

[6] Итак, все в этом городе – греческое – его язык, его стены, его одежда. Он начинается высоко в горах, возвышаясь над ним, как пик, высоко в середине неба. Затем он спускается к берегу, где он разделяется на бесчисленные города, разбросанные вокруг, но он населяет центральную часть одним городом. Он стоит на якоре прямо на волнах, как будто раздраженный тем, что соседнее море не позволяет ему распространяться так, как ему хочется.

[7] Ваш город, такого большого размера, украшен со всех сторон: здесь есть места собраний (аgогаі), поблизости бани, по всему городу есть колоннады, повсюду религиозные святыни. Поначалу невозможно решить, чему удивляться. Подобно тому, как те, кто наблюдает за весенним небом, должны смотреть на каждую его часть из-за красоты зрелища, и что бы первое ни поразило наблюдателя, привлекая его внимание, так и этот город удивляет людей как в целом, так и в каждой отдельной его части.

[8] Но я еще не назвал величайшую особенность греческой судьбы города. Аттическая Муза пасет город. Кафедра софиста украшена кафедрой викария; риторическое мастерство придает счастью [должности] больше изящества, чем оно получает от нее. Ибо шлем более великолепен, когда он защищает славную голову, щит, когда он покрывает грудь Аякса, трибунал, когда Кир выносит приговор, лира, если Пиндар или Анакреонт щиплют ее струны.

[9] Оглянитесь вокруг, клянусь богами, и посмотрите, как греки, которые когда-то побеждали всех своим оружием, теперь делают это, используя добродетели своих людей на службе. Преимущество того, что каждый город управляется рулями Муз <— это то, чего хотел император> для всего мира. Но так как это было невозможно, он взял самое прекрасное владение, которое у него было [Мусония], и подарил его этому победоносному городу. Тем самым, он пробудил в моих риторических навыках больше, чем говорят, что оливковый венец пробудил олимпийского победителя Килона. Этот человек хотел быть тираном, но не исполнил своего желания; но ты, [Мусоний], победил, сдавшись императору, и даже до того, как вооружился.

[10] Изображая жизнь Ахилла, Гомер заставляет его взять лиру в одном случае и копьё в другом; и ты тоже, [господин], смешал твои дела и действия со своими словами. Вот как Перикл вел народ; так правил Фемистокл. На трибуне стоял оратор, а на арене войны – полководец. Ораторское искусство стояло перед собранием, а трофеи стояли перед лицом врага.

[11] Я понимаю, что именно такое сочетание талантов характеризовало Алкивиада. Когда он был переполнен Ликеем и тем, что он узнал в Ликее, он создавал образ очень опытного оратора. Он заставлял всех подчиняться себе. После окончания Ликеев он предался превратностям и делам общественной жизни. Когда он приложил столько усилий к оружию, сколько приложил к учебе, он стал и военным победителем. Геллеспонт видел, как его имя было написано на двух трофеях. Великий царь [Персии], македонцы, Фракия и все

человечество видели, как он победил всех – то в военном, то в словесном отношении. Вот почему он был единственным полководцем, которого считали достойным пифийского провозглашения.

[12] Но поскольку были упомянуты Алкивиад, красноречие, Афины, Ликей, аттический софист [викарий Мусоний] и залы, наполненные его присутствием, то давайте также почтим Никия нашими словами – Никия, который был коллегой Алкивиада, которого мы уважаем как хорошего полководца на протяжении всей его жизни. Скорее, если вы все согласны, я дам вам полный отчет о нем. Когда город афинян был на пике, лакедемоняне лежали мертвыми в Пилосе, а [афинские] люди руководили всем, Алкивиад и Никий разделили командование. Они были соперниками друг другу, <но отложили это соперничество>, когда это было на пользу городу.

[13] С такой парой, контролирующей все, город наполнился истинным счастьем. Совет заседал под руководством законов, на рынке царило процветание, проводились священные шествия и совершались божественные обряды, порока нигде не было видно, власть закона и руль разума были повсюду. Алкивиад говорил, а Никий составлял законы. Один был полководцем в городе, другой плавал вокруг Пелопоннеса. Алкивиад быстро понимал [чего требовала ситуация], а Никий умел преобразовать эти взгляды в законченный законодательный акт. Они совместно имели военное командование и совместно управляли властью – точно так же, как когда воды, выходящие из одного источника, разделяются на две реки в ходе своего течения, но связаны друг с другом красотой своей природы.

[14] Что ж, я хотел бы остаться с вами на год и продолжать сочинять речи. Ибо независимо от того, ищите ли вы Острова блаженных или эфиопский дуг безграничного плодородия, или рог Амальтеи, ваш город удовлетворит все желания. И поэтому я прощаю и извиняю Одиссея за то, что он написал очень длинную речь во дворце Алкиноя; продлевая свое пребывание там, он наслаждался своей любовью к этому месту.

Однако насколько более достойным уважения, чем гомеровский Алкиной, является ваш собственный – я имею в виду человека с таким же именем [как ваш викарий].

[15] Несмотря на замечательные качества этого города, кто [также] не похвалит человека, который честно руководил кормилом греков в компании сладкой Сирены; потому что убедительность всегда сидит на его устах. Кому теплее в дружбе? Кто лучше всего подходит для того, что может принести удача? Кто так велик, когда удача приходит с попутным ветром, но не менее величественен, если ветер стихает?

[16] Постойте! Звук колесниц, кажется, поражает меня; «шум быстроногих коней поражает мои уши» (Ном. II. X,535). Мне кажется, я слышу, как император говорит: «Подумай о своем великодушном возвращении [в Константинополь], славный Одиссей». Так что примите пока эту чашу дружбы, как бы мало она ни содержала. Если боги когда-нибудь позволят мне вернуться, я снова обращусь к городу после встречи с императором, как я сделал это до того, как увидел его.

XL. Речь (диалексис) в Филиппах

[cods. R и B, с отрывками также из Exc. Neapol. и Lex. Lopad.]

[Гимерий] произнес эту [беседу] импровизированно в Филиппах, когда, вызванный императором Юлианом, он прибыл ко двору. Первая часть речи [нацелена] на город, последняя – на ученика [Гимерия] Севера, который организовал ораторское выступление.

[1] Иногда лебедь поет у океана, и его мелодия издает громко звучащее море. Иногда он поет у водоворотов реки Каистр и вод Герма или Гилла. Иногда он находит небольшой источник чистой и прозрачной воды; он радуется весне и, омыв свое крыло, воспекает воды песней.

[2] Неужели софист будет казаться менее громким, чем лебедь? Промчится ли он молча мимо древнего города?

Вы знаете, что Филиппы были городом древнего [мира] еще до Филиппа. Его население было аттическим. Трудями Каллистрата городу был дан язык, которого он заслуживает. Скорее, позвольте мне сказать, что, учитывая, что есть два благословения, которые повсеместно высоко ценятся, мудрость и удача, ваш город получил по одному из них от каждого из ваших двух основателей; от афинян он получил мудрость, а от Филиппа он гордился своей силой и удачей.

[3] Ну, тогда позвольте мне поставить здесь кратер для Зевса, бога дружбы. Позвольте мне отплатить жертвеннику Зевса, бога гостеприимства, даром красноречия. Ведь есть древний закон, согласно которому нужно расплачиваться с теми, кто начал дружбу, из имеющихся у него ресурсов. Земледелец чествует других снопами зерна, виноградарь – гроздьями винограда, охотник – своей сумкой; все чтят других всем, чем они зарабатывают на жизнь. Гость ласточка прилетает со своей мелодией, цикада со своей песней, соловей с его аттическими одами, несомненно, чтобы напомнить тем, кто говорит на аттическом греческом об Афинах. Птица не оценивает места, в которых можно выразить свой голос, по их размерам; ей нравится любая роща, в которой звучат ее песни.

[4] Конечно, даже Гомер знал тот закон, о котором я говорю. Таким образом, желая записать этот закон для всех, он не навязывает скитаний никому, кроме оратора, чтобы [этот оратор], Одиссей, мог, изрекая, сделать таинство незыблемым. Так Одиссей заговорил на Огигии и наполнил великий остров своим красноречием. И опять он говорил с феаками, и своими речами сделал город Алкиноя великим.

[5] Когда Горгий из Леонтин – поскольку, по мере продвижения, моя речь обнаружила, что софист, а не поэт был создателем закона, который мы рассматриваем, когда Горгий отправился с посольством из Сицилии в Афины, он поразил город своим ораторским искусством. Он должен был пройти из Афин через Беотию, но он не миновал Платеи, прежде чем обратиться к этому древнему городу.

[6] Теперь, когда наше правило было подтверждено обычной практикой софиста и высказыванием поэта, давайте также получим одобрение философии. Был человек по имени Гермий из Атарнея. Атарней – город мизийцев, небольшой, но великолепное место для осмотра, названный в честь мизийского царя. Теперь Гермий был учеником Стагирита [Аристотеля], одного из тех, кто был к нему наиболее привязан. Всеми добродетелями, которыми обладал Гермий, он глубоко повлиял на своего наставника, заставив Аристотеля полюбить его от всего сердца. Как можно слышать, Аристотель дал много указаний на свою любовь к Гермию. Он тщательно обучил его красноречию и научил добродетели, а Гермий был единственным из учеников Аристотеля, смерть которого он почтил элегическим стихотворением. Но позвольте мне теперь рассказать вам о наиболее убедительных доказательствах, которые дал Аристотель о своей привязанности к Гермию.

[7] Великий философ был вызван в Азию Александром [Великим] как вестник и наблюдатель его персидских побед. Когда в ходе своего путешествия он достиг Атарнея и увидел, что весь этот маленький город жаждет добродетели и мудрости, он не прошел мимо него молча, а поприветствовал город и Гермия коротким сочинением.

[8] Вот, о друзья, моя благодарность за ваше гостеприимство. Если боги позволят, в другой раз я поставлю для города более полные кратеры.

XLI. [Речь в Константинополе]

[cods. R и B, с отрывками также в Exc. Neapol. и Lex. Lopad.]

[Гимерий] отправился продемонстрировать свое красноречие в Константинополь, когда он ехал ко двору императора Юлиана, куда его вызвали. Он был посвящен в митраистские мистерии перед тем, как выступить с ораторским представлением (*epideikseos*). Затем он произнес свою речь городу и императору, установившему обряд посвящения [в Константинополе].

[1] Я очистил свою душу через Митру, Солнце, и через богов я провел время с императором [Юлианом], который является другом богов. Итак, позвольте мне зажечь не факел, а речь для императора и города. Аттический закон предписывает посвященным нести свет и колосья зерна в Элевсин как признаки цивилизованной жизни. Но для наших [митраистских] посвященных позвольте мне предложить речь в качестве благодарственного приношения, поскольку Аполлон и Солнце, я думаю, – одно и то же, а слова – дети Аполлона. Итак, начав с богов, обратимся к городу.

[2] И снова среди вас есть Аттические Музы [Гимерий]; снова Афины обращаются к собственному потомству. Мне кажется, что вся учеба – друг этого города. Вот почему, когда Константинополь собирался породить человека, которому божественно суждено было стать императором [Юлиана], город предоставил Музам быть повивальными бабками его характера, чтобы он мог превзойти [всех] тех, кто когда-либо гордился удачей [императорского

престола] – я имею в виду, превосходят их по добродетели, а не по [простой] удаче. Моему собственному образованию было суждено, как будто по воле некоей судьбы свыше, принадлежать этому городу. Позвольте мне рассказать вам, каково лучшее доказательство этого. Когда этому моему учению, выдержав аттические состязания и выиграв великие венцы девственной богини [Афины], пришлось покинуть Аттику и засеять остальную землю семенами познания, которые оно внесло туда, судьба не унесла его ни к Рейну на западе, ни доставила его в сказочные воды Океана. Нет, судьба привела его к вам, когда он был еще в расцвете сил и отрастил первую бороду, чтобы он мог сплести гимн городу из еще нежных бутонов. Но когда его волосы поседели, когда у него появились седые локоны, он сам восхвалял императора, чтобы этот город снова мог стать прелюдией к гимнам хвалы, которые будут вознесены ему. Итак, давайте сначала обратимся к городу, начав с того, чем он гордится и чему радуется.

[3] О город, зажегший факел свободы всего человечества! О город, зачавший и родивший счастливого младенца! О город, который произвел на свет ребенка, который был даже лучше, чем тот, которого породил сам город-мать! Первым потомком вашего города-матери был Кекропс. Он был бунтующим, но настоящим человеком, так как ниже пояса у него были [змеевидные] кольца своей матери, и он еще не говорил на аттическом греческом. Но у вашего потомства, конечно же, несмешанная природа. В нем есть сочетание высшей удачи и высшей добродетели; я думаю, оба сформировали его рождение, и они присутствовали здесь не наполовину, а полностью.

[4] Все лиры сделали остров Делос, который имел честь быть местом божественного рождения Аполлона, предметом поэм и песен, хотя это небольшой остров, почти скрытый волнами. Но вы не то, что люди называют островом или [обычным] городом; вы почти целый континент, породивший город, и какой поэт или прозаик не воспекает вас по уважительной причине? Я восхищаюсь и поражаюсь и всем остальным вашим особенностям. Потому что вы – начало Европы, а также ее конец, и вам отведена такая же роль в Азии. Вместе с вами волнообразное [Эвксинское] море останавливается, и из вас вытекает Эгейское море.

[5] Великий Боспор – это ваш ближние проливы, о которых все поэты и все ораторы соперничают друг с другом в восхвалении, проливы, которые успокаивали море для возлюбленной Зевса [Ио] и, по моему мнению, пророчествовали, что они будут вскармливать от своей груди императора, произошедшего от Зевса. Говорят, что именно по решению Зевса дочь Инаха Ио превратилась из девушки в корову и плавала в этих водах, дав проливу свое название как указание на то, каким было ее состояние на тот момент.

[6] Кто бы мог найти достаточно великие или достаточно красивые слова, чтобы воспеть ваш размер или красоту? Этот город начинает омываться водами, которые проходят почти на полпути через пролив. Он простирается на довольно большое расстояние к западу, превращая материк, который встречал его, в большой город, не оставляя пустыми ни его трещин, ни <береговую

линию>, ограничивающую <весь полуостров. Распространившись по всей береговой линии и по всем равнинам, он фактически превратил само море в часть материка и заставил его стать частью города; он превратил то, что по своей природе катится и постоянно движется [море], в нечто неподвижное.

[7] Теперь, когда Гомер хотел в своих стихах прояснить огромные размеры Спарты, придав ей соответствующий эпитет, он назвал ее *ketoessan*, что означает «значительного размера». Если это действительно правильное слово для описания размера города, то я должен применить его к вам, [Константинополь], а не Гомер <к Спарте>, хотя этот город, на мой взгляд, не имеет размера <без красоты>. Как в ожерельях золото <усиливает> драгоценные камни, так и Константинополь сочетает в себе цветок красоты с его огромными размерами. Следовательно, золото города заставляет людей смотреть то сюда, то туда. Чудеса его мастерства привлекают тех, кто их созерцает. Его сенатский дом сияет, его бани очаровательны, его театры также пользуются популярностью у людей. Здесь все, проще говоря *kestos* Афродиты!

[8] Я еще не упомянул величайшее и самое красивое украшение города, украшение, которое сияет на великолепии города ярче любого золота и делает его красоту более красочной, чем любой искусственный краситель. Я имею в виду божественного императора. Город, породивший его, каждый день получает от него бесчисленные милости, и бесчисленные украшения и венцы украшают его голову. Он не одобряет этого только с большими и красивыми зданиями. Он также смыл своей добродетелью тьму, которая мешала нам поднять руки к Солнцу, и тем самым дал нам дар поднять нас на небеса, как будто из какого-то Тартара или жизни без света. Он воздвиг храмы богам, установил религиозные обряды из-за границы в городе, и сделал священными таинства небесных богов, представленных в городе. Он лечил не все постепенно, как люди с человеческими навыками, исцелял больных, но все сразу, с благами [духовного] здоровья, которые немедленно возымели действие. В конце концов, можно было ожидать, что тот, кто связывает свою природу с Солнцем, даст свет и покажет лучшую жизнь.

[9] Он также создает репутацию города своими повседневными действиями и поступками, так же как дела Ромула возвышают город Ромула, а знаменитые испытания добродетели, перенесенные Гераклом, превозносят город Геракла. Если кто-то спросит афинян, почему они намного более энергичны, чем другие люди, то они начнут с Тесея и проследят свою длинную цепочку успехов от него. <Данай> – украшение для аргивян, как Ликург – для спартиатов. Ликург был началом Спарты, так как до него люди почти отказывались там жить. Амфиполиты, передавая свой город из Гагнона к Брасиду, больше гордятся достоинствами этого лаконца [Брасида], чем чудесными особенностями своей земли, которую дала им природа. Что может быть лучше для этого города, чем такой великий император, который так гордится своей родиной?

[10] При создании [словесного изображения] ассирийского города [Вавилона] Карийская Муза – я имею в виду Музу Геродота (Hdt. I.178–180),

почти превосходит поэзию – разделяет и ограждает город варварской рекой [Евфратом]. Но ваша стена – это великий император и море; император создает стену оружия для города, а море защищает его своими волнами.

[11] Население города такого размера должно быть пропорционально большим. Ибо если звезды – украшение неба, то города – слава его обитателей. Те, кто называют себя племенем, вышедшим со своей родины, прослеживают происхождение своих городов до мифического основателя. Они придумывают истории, которые идут вразрез с законами природы, потому что не имеют никакой связи с высшими существами. Это было и ваше состояние. Но семья, произошедшая от богов, объединившись с изменчивым человечеством, породила семью героев. Эта масса смешалась с вами и действительно сделала этот город отражением какого-то небесного мира.

[12] Следовательно – и учитывая, что весь город так внимателен к этому, – философия обитает среди вас, как иностранного происхождения, так и местная философия. Как добрая пчела с незагрязненных лугов, дающая мед, она питается всем городом. Теперь он гудит в театрах и своими личными усилиями объединяет вас с Академией и с сыном Аристона [Платоном]; затем он наполняет души молодых всей добродетелью, как говорят, что сделал Пифагор, когда он укреплял Италию против Ликея.

[13] Когда поэты строили корабль Афины «Арго», первое судно, открывшее ваши берега, они, я думаю, облагодетельствовали его божественным грузом; ибо на этом судне, созданном Афиной, должны были грести герои. Как и у «Арго», у вас [Константинополя] есть божественный экипаж – экипаж не одной триремы, а экипаж целого города. Природа вашего груза такова, что от начала до конца он очищен богами.

[14] А где в хоре мы поместим <рулевого> [префекта] этого города? Явно на первом месте. Для сравнения представьте себе круглый щит: любая точка, которой вы касаетесь на краю, огибающем его, считается первой. Таким образом, совершенно очевидно, что тот, кто будет сидеть у руля города, будет старшим рулевым. Если город небольшой, то поддельный губернатор, непосвященный в искусстве управления, представляет лишь небольшую опасность; любой ущерб, который он наносит, минимизированный удачей города, скрыт от общего обзора. Но я думаю, что городу высокого ранга нужен человек высокого ранга, чтобы управлять таким огромным морем города. Пусть городской рулевой будет кротким (epios), если использовать слово Гомера, чтобы он мог иметь это отцовское обозначение, которое приходит к нему. Пусть он будет мягким в своих словах, но быстрым в своих действиях, чтобы он не обидел криком, а был замечен в действии, прежде чем люди даже ожидают, что будут предприняты какие-либо действия. Пусть он построит город, но только если его жители радуются его проектам и не огорчаются их стоимостью; ибо если город радуется его проектам, у него не будет ощущения, что деньги тратятся. Пусть он углубит гавани и окружит их портиками, которые являются долгожданным облегчением для моряков от их тяжелой работы в море. Пусть он построит храмы богам; пусть он умилюстит высшие силы и сделает их дружественными по отношению к городу. Пусть он

расширит портик, царственный характер которого подтверждают, я думаю, его красота и размер. Пусть он избегает несправедливой выгоды из-за склонности быть справедливым, а не из-за страха перед законами; ибо последняя мотивация – признак трусости, тогда как первая – признак воздержания.

[15] Разумно ожидать, что он будет должным образом мотивирован, если он благородного происхождения, был воспитан с надлежащим образованием и знаком с хорошей литературой, имеет множество царских стандартов, которыми он руководствуется, имеет такого великого императора, как свидетель добродетели и получает честь должности в награду за свою справедливость, а не за плату золотом. Гомер изобразил человека из Пилоса [Нестора] голосом более сладким, чем у других ораторов в Трое. Но этот [наш городской префект], который занимает такую большую должность, управляет таким большим городом и держит весь сенат в подчинении своего скипетра, имеет голос слаще меда, с кем бы он ни разговаривал. Таким образом, он явно превосходит Нестора, потому что, хотя Нестор превосходит его по возрасту, он превосходит его по обаянию своего красноречия.

[16] Что ж, я уступил своей любви к городу, и я вижу, что мои слова безудержно разносятся вокруг их возлюбленного. Боюсь, что, если они останутся здесь подольше, они могут внезапно заболеть, как среди пожирателей лотоса. Так что позвольте мне, позвольте мне теперь искусно загнать их в ловушку и взглянуть на императора. И пусть моя любовь [к городу] снова будет возбуждена [в другой раз] всеми стрелами, на которые он хочет попасть.

XLII. Речь (диалексис), адресованная префекту Салютию

[Exc. Neapol.]

[1] Кто после Фемистокла мудр, кто после Мильтиада горяч, и кто после Аристида сможет устоять перед искушением наживы? Кто превосходит Перикла в красноречии, кто более пылкий в действиях, чем Алкивиад? Кому из полководцев повезло больше, чем Никию? У кого есть знак Фокиона, отличное суждение? Кого так не тронут обвинители, как Кефала, которым он всегда хвастался? Кто, с таким же нравом, как лаконянин, так добр к своим друзьям? ...

[2] Если бы у меня был избыток золота, который, как все говорят, был у Креза Лидийского, Мидаса Фригийского и Киниры Кипрского ...

[3] Говорят, что такова была дружба Геракла и Тесея, которые вдохнули один вздох от имени всего человечества и своей добродетелью очистили всю землю и море ...

[4] Царь Агесилай, которому повезло иметь Антандра в качестве секретаря и советника, когда-то был настолько высок среди ионийцев, что сам Агесилай казался [их] царем, в то время как все ионийцы любили его, ибо они знали, что в случае нужды он выступит против [своих врагов]. Точно так же мы

видим, как великое солнце движется вместе со сменой времен года, так что своим светом оно может выдерживать каждый сезон, когда последний достигает пика в соответствии с движением времени; тем не менее, солнце по своей природе все еще остается неподвижным. Точно так же, я думаю, они говорят, что Фемистокл уступил командование флотом Эврибиаду, но на самом деле, похоже, оставался его командующим на протяжении всего времени.

XLIII. Флавиану проконсулу

[Exc. Neapol.]

[1] Гомер, желая почтить добродетель через личность Одиссея, написал целую поэму [о нем]. <...>

[2] Пелей, уже старый и уже не способный владеть ясеневым копьем, послал Ахилла в Троию, чтобы сражаться в войске. <...>

[3] Но ты, держа в своей сильной правой руке вдохновенное ясеневое копье, сам считаешься отцом и учителем аттического племени. <...>

[4] Лира Пиндара, которая пела свои мелодии Гиерону, тирану Сицилии, гарантирует, что этот тиран всегда будет предметом песен среди людей; и язык, который превосходит всех муз и все трубы и воспеваешь тебя словами, никогда не позволит забывчивости бросить вызов твоим делам с течением времени. <...>

[5] Посмотри, как красноречие Аттики отличает тебя золотой ветвью дикой оливы, как какого-нибудь олимпийского победителя, такого как Главк или Тимасарх, или [как] сам славнейший триумфатор; посмотри, как оно скрепляет твои брови лентами и венками из Ликея и Академии. <...>

[6] Итак, когда египтяне видят, что родился Апис, они судят о своем будущем процветании по знакам быка. <...>

[7] Иолай, помогавший Гераклу с его задачами, пока тот боролся за свои труды, подходил ему, как и Патрокл для [Ахилла], сына Пелея.

XLIV. О дне рождения (одного) из его студентов

[cods. R и B, с отрывками также из Exc. Neapol. и Lex. Lopad.]

Речь (laila) в день рождения <одного> из его учеников, которую [Гимерий] представил, собираясь отбыть на родину [в Прусий].

[1] Хотя Одиссей Гомера тосковал по своей родине и <был привязан> к памяти своих родственников, мастер игры Алкиной побудил его проявить свое мастерство в обмен на оказанное ему гостеприимство. Празднества были массовым мероприятием; состязания были посвящены богам; и посреди всего были все феаки, одетые в белое. Но теперь Одиссей присутствовал (тут) только телом, потому что тоска по земле, которая его воспитала, овладевала его

разумом. Тем не менее, он не уклонялся от соревнований, готовясь выступить, пока царь [Алкиной] наблюдал за ним. Объяснение его настроения таково: хотя он любил только свое <отечество>, побуждение, которое он нашел для [дальнейшего продолжения] своего отсутствия [на родине], когда его таким образом призывали к действию [среди феаков], было таким, что он оставит памятник себе.

[2] Теперь, друзья мои, разве моя ситуация не такая же, как у Одиссея? Разве наши затруднения не могут быть представлены таким же образом? Тогда давайте, позвольте мне одним и тем же усилием отпраздновать день рождения и сделать мою разлуку [с домом] менее болезненной, как я на словах подражаю тому человеку из Итаки, который давным-давно соревновался в действительности. Я думаю, что демонстрация музыки голоса похожа на демонстрацию силы тела.

[3] О, самое прекрасное и почитаемое время года, когда Деметра и Вакх, [которые представляют] избранные продукты земли, объединяются! Деметра уже работает на гумне и заканчивает свою работу; Вакх начинает раньше, чем она заканчивает, и заставляет его дар [виноград] сменить ее. Слава этим двум распорядителям жизни, которые назначили одно время года [своим трудам]! Этот [молодой] человек в их компании занимает третье место. Мне стыдно называть его смертным, но я воздерживаюсь от того, чтобы называть его богом; второй обвинил бы меня в наглости, первый – солгал бы. Я назову его героем и убежден, что таким образом смогу воздать ему и смертную, и божественную хвалу.

[Молодой человек], твоему разуму не доставляет удовольствия притворяться, что похвалы, принадлежащие другим, принадлежат тебе.

[4] У тебя нет отличительного знака плеча из слоновой кости потомков Пелопса. Мы не можем похвалить тебя за столь резкую быстроту ноги потомков Персея. Твой признак – это не золотой узел из волос, который потомки Кекропса носят на макушке. Нет, у тебя есть чувство собственного достоинства, изящество и благородство характера.

[5] Теперь, если ты счел Египет достойным своего дня рождения и [все же] празднуешь этот приятный праздник здесь [в Афинах], [по крайней мере] узнай о том, что является самым прекрасным в этой стране. И что бы это было? Что украшает эту землю? Ты знаком с любовной жизнью Нила, потому что слышал шум его вод и, кроме того, видел эту чудесную реку своими глазами. Ты также знаком с супругой Нила, которая носит в своем чреве и приносит всевозможные плоды. Самым большим аспектом их отношений является то, что, когда река отступает, она не уходит так сильно, что не может все еще любить и быть любимой своим супругом. Кроме того, люди стояли, чтобы созерцать размер пирамид, и они восхищались Аписом в форме быка, который предсказывает будущее. Звук Мероэ и шум Катаракты часто привлекали путешественников своим чудом. Эта мраморная статуя Мемнона, издающая неодушевленным звуком живое изречение, считалась божеством, приветствующим божественное Солнце. Это великие достижения Египта; это то, что украшает твое празднование [дня рождения].

[6] Добавь к этим чудесам мою скромную Музу, если хочешь, Музу, которая может нравиться многим, но предпочитает одного человека в одиночестве. Предание гласит, что приятнейший Ксенофонт, который превосходил рой пчел в своем красноречии и имитировал сочащийся мед в своем повествовании, не считал героя Алкивиада своим другом, хотя сын Клиния [Алкивиад] был его однокашник и любил [его] одного, и слушал учение Сократа вместе с Ксенофонтом. Традиция также считает, что Ксенофонт не был заинтересован в общении с авторитетным Платоном, поскольку он знал, что у Платона было много друзей в его философском кругу, и он передает свою любовь [от неимущих] богатым. Ксенофонт общался только с Киrom, и он предоставил Киру отличную арену для обучения. Я не знаю по собственному опыту, осознавал ли Кир ценность Ксенофонта. Но я считаю, что Кира постоянно уважает Ксенофонт.

[7] Итак, превосходнейший товарищ – ибо ты превосходишь мое красноречие своими способностями характера – суди об этом моем благодарственном приношении не по его длине, а по его намерению; приписывать слабость моей песни (следует) исключительно [ограниченному] времени, которое у меня есть на нее. Жители Андроса, люди, знающие толк в выражении благодарности, однажды испытали на себе благосклонность Аполлона. Когда впоследствии они захотели отплатить богу, они просто зажгли огонь, поскольку у них не было лучшей жертвы. Бог был доволен их манерой благодарить его, принял только пламя огня и предпочел этот символ их почтения жертвоприношению. Я, о друзья, говорю только несколько слов, но внутри меня есть более сильные чувства, которые я порожаю. Я надеюсь представить их тебе, [юноша], когда они вырастут, и для них настанет время.

XLV. Речь (лалия), данная своим студентам, [заботившимся о его] здоровье

[cod. R; B, с пассажами также из Exs. Neapol.]

В беседе говорится о зависти.

[1] Ласточка открывает весну своим голосом после холодной зимы и не скрывает песню, производимую ее красивым языком, как только она видит, что сочная весна расцвела снова. Цикады поют на прогулке после того, как месяцы, враждебные начинающим год, проходят, и тот месяц, как я слышал, поэты называют «листьев пролитием».

[2] Таким образом, он не причина для меня, чтобы сыграть свою соответствующую роль, также и в очередной раз приветствовать тех, кого люблю, с песней, после того, как они были больны.

Что за день, что было, что недавно представилось мне, когда приступ лихорадки, казалось, охватил как чума всё! Я поделился в страдании, друзья мои, я вошел во вкус заболевания через мою любовь [своей жертвы]. Я не был физически болен, но мои душевные страдания были хуже, чем любые

физические страдания. И я не могу обвинить мой ум за то, что он был в этом состоянии [3], ибо, как сказал Демосфен, когда болит голова, то всякая болезнь внезапно наступает вас. Точно так же, когда рулевой болен, страдает весь корабль вместе с ним, и когда предводитель хора лежит больной, хор остается безрадостным. Поэтому, естественно, что в это время я увидел солнце, но мне всё казалось тусклым. Нил казался мне обмелевшим, хотя это было во время половодья. Я словно променял свое нынешнее существование на очень темную жизнь киммерийцев. Но теперь мы избегли зависти [судьбы], и праздник ожидается в будущем.

[4] Друзья мои, я хочу рассказать вам историю, которая оказала влияние на то, что произошло. Дионис был еще молод, и раса тельхинов восстала против бога. Вакх начал расти, и все титаны лопались от зависти. Наконец, не в состоянии удержать себя, они хотели разорвать Бога на части. Они приготовили ловушки, и изготовили яды и укусы клеветы против него, и пытались обмануть его в том, кто они были. Они ненавидели Силенов и Сатиров, я думаю, что они их называли колдунами, потому что они радовались Вакху. Так что же случилось в результате этого? Дионис лежал раненый, как я думаю, и оплакивал серьезный удар, который он перенес. Виноградная лоза была удручена, вино было грустно, виноград, казалось, плакал, и лодыжки Вакха еще не могли в любом состоянии двигаться. Но если плакать – то не победить, в конце концов, и победа не перешла к врагу. Зевс вседержитель увидел сверху всё это. Он поднял Диониса на ноги, и, как мы говорили, и пусть герой мифов ездит с титанами.

XLVI. Тем людям, кто устроил засаду ему и проконсулу Василию
[cod. R; части текста также в Pap. Osl. № 1478 и в Exc. Neapol.]

[Гимерий] дал эту речь, выйдя выступать вслед за другими софистами. Первая часть иронично и в то же время поразительно направлена на тех, кто расставлял сети для него; последняя часть, у проконсула [Греции], Василия, сына Василия, который задал тему. [Гимерий] намекает на то, что он разработал тему экспромтом.

[1] Какая любовь к моему красноречию, дорогой друг, овладела тобой? Кто убедил тебя впустить мою Музу, изгнанную и бесчестную, как она есть, в твои уши, как нечто великое и великолепное? Клянусь самими Музами, разве ты не обратил внимание на мою ситуацию? [Возможно, я все еще оставил себе возможность призывать этих свободных и счастливых богинь. Потому что враждебное воззвание, направленное против меня, до них не дошло. Они действительно любят поклонников Аполлона и Гермеса и резвятся с ними. И злобный и резкий приказ может иметь силу над людьми – хотя и не над теми, кто в высшей степени благороден, – но, конечно, такой приказ отгоняет от любого хора богов].

[2] В любом случае, понимаешь ли ты, что то, что мы с другом называем тебя, как и Муз, своим другом – это как если бы я нахожусь в длительной осаде? Потому что все население воюет со мной, некоторые по своей воле, некоторые по соглашению с другими. Я понятия не имею, какая жалоба на меня стала причиной этой войны. Говорят, что прошел слух, что я хочу танцевать в честь Муз.

[3] Теперь о том, как либетрии, жившие недалеко от горы Пангей, восхищались фракийцем Орфеем, сыном Каллиопы, и радовались ему, прежде чем он открыл им песни, которые он выучил от своей матери Музы. Но как только он взял свою лиру и спел им божественно вдохновенную мелодию, несчастных охватила зависть. Осмелившись совершить акт женской наглости по отношению к нему и его мелодичным песням, они впоследствии были превращены в женщин в сказке.

[4] Они также говорят, что фригийский сказочник Эзоп, над которым смеялись и высмеивали его не из-за некоторых его рассказов, а из-за его внешности и звучания его голоса, был очень мудр и, следовательно, был жрецом Аполлона, и что жители Дельф, хотя и жили рядом с пророческим богом [Аполлоном], были настолько невежественны в отношении этого человека, что несправедливым постановлением, выдвинутым против него, они сбросили его со скалистого обрыва и так покончили с ним.

[5] Но ни мать Орфея не пренебрегала им после того, как [научила его играть] на лире, ни Аполлон не пренебрегал Фригийцем [Эзопом]. Вместо лиры Орфея, которую они предпочли бесчестить, либетрии получили безумие, отсутствие музыки и тишину. Песня бежала от них, она ушла в пустыню и покорила дубы, скалы, деревенских птиц и небольшую группу пастухов. Хотя [его страна как сообщество] издавала мало звуков, Орфей наслаждался ими больше, чем голосами либетриев, потому что, будучи музыкальными и тихо слушая его песню, они четко звучали в ответ на его лиру. Что же касается жителей Дельф, то они заплатили штраф своему богу предков [Аполлону] за жестокое обращение с Эзопом.

[6] Эти вопросы были и будут проблемой для богов красноречия. Но теперь мы должны сравнить тебя с самим предводителем муз [Аполлоном], взяв Сапфо и Пиндара в качестве образцов. В своих стихах они наделяют его золотыми волосами и лирой и сопровождают на гору Геликон на лебедях, чтобы он мог танцевать там с Музами и Харитами. Или мы могли бы подражать поэтам, вдохновенным Музами, которые, когда впервые засияет весна, венчают Вакханта – это имя, которым его называет лирическая поэзия, что означает Дионис, – весенними цветами и гроздьями ягод плюща. Эти поэты ведут бога то к высоким пикам Кавказа, то к долине Лидии, то к скалам горы Парнас и Дельфийской скале, когда он прыгает и ведет вакханок с криком «эвой!». Нам говорят, что пока это происходит, земля, словно осознавая пришествие бога, течет медом и молоком, а также реками нектара, из которых черпают сатиры и вакханки. Он сладко улыбается и сияет золотом и повсюду разрастается цветами, так что бог может прыгать и играть в них. И мне кажется, что земля все это делает правильно для бога.

[7] Ты желаешь увидеть мое красноречие? Я получаю от тебя знак говорить? Да, я подчиняюсь тебе. Благодаря этому знаку я убедил свое красноречие не бояться состязания, произвести что-то, показать другим, как оно задумано, и позволить [тому, что оно производит] находиться в твоих священных местах, точно так же, как священные птицы богов, обитающие в [священных] рощах. Фактически – и я обвиняю себя перед тобой [в том, что ты говоришь это], что мое красноречие угрожает еще больше, что, однажды зажженное и осмелившееся раздеться [для действия], оно ранит себя и тебя, своего отца. Смотри, оно ободряется, поднимается, собирает для тебя все свое очарование и приводит в движение свои заклинания. Оно уже танцует и через меня поет тебе песню.

[8] О сын божественного человека! О отпрыск консульского отца! О ты, получивший скипетр добродетели своего отца, и не менее скипетр, чем тот, который был у Гомера (Ном. II. II.204-205), что дает царю ахейскому, принося это снаряжение Агамемнону от Зевса! Ты вечерняя звезда, я думаю, «из всех звезд самая красивая». Это песня Сапфо <к> вечерней звезде.

[9] Говорят, что Пелей Фессалийский, уже старый и из-за своего возраста не готовый к войне, украсил своего сына Ахилла собственными руками, когда тот был еще молод и только начинал отращивать бороду. Он послал Ахилла в Троию, чтобы он был полководцем у греков, и он послал его не из покоев девушек и дома Ликомеда – давайте не будем верить мифам на этот счет, – а с горы Пелион и от Хирона. Поэтому прямо в разгар битвы Ахилл играл на своей лире [10] и пел то, чему его научил Кентавр [Хирон]. Он напугал <троянцев> своим золотым оружием и спас греков. Но ты приходишь к грекам ради нашей пользы, не с золотым оружием для нас, а с золотым Правосудием и золотым Правом (Фемида), помощниками твоего отца. Справедливость и Право приняли тебя за пазуху, когда ты родился; с тех пор, как ты был в пеленах, они кормили тебя не пчелиным медом, а с уважением к закону и ученостью, благодаря которым природа души взращивается и укрепляется. Сначала они привели тебя к дочери Зевса [Афине], а [теперь] они с гордостью приводят тебя к богине [в Афины] как к своему потомству.

[11] Роль поэта заключалась в том, чтобы дать крылья славе, послать ее на запад по небу и объявить твоему отцу твою репутацию и то, что греки говорят о тебе, а также организовать хор лебедей вокруг славы и сделать тебя сюжетом птичьего пения. Но <оставлю> это поэтам; сейчас я пою свою мелодию и, возможно, спою еще раз.

XLVII. Речь к Василию, произнесенная в начале весны в праздник Панафиней

Василий¹.

[1]. «О милый светоч с улыбчивым ликом!»²

¹ Наместник Ахайи.

² Цитата из Анакреонта.

Заимствовав стих у лириков, я стану славить твой приход. Сколь великой усладой для меня было бы всю мою речь заставить звучать стихами, чтобы воспеть тебя так, как Симонид или Пиндар воспели Диониса и Аполлона. Но поелику она непокладиста, исполнена гордыни и свободна от оков метра, воззову к поэзии – да подарит она меня песней теосского певца (я люблю его Музу), чтобы почтить тебя гимном Анакреонта, прибавив к нему свои слова: «О светоч эллинов и всех нас, кто пребывает на священной земле Паллады и в рощах Муз» [2] (вот уже ты и склонил мою речь звучать стихами!). Ты пришел к нам, как, по словам Гомера (Ном. II. VII, 4), попутный ветер приходит к отчаявшимся морякам, как является Веспер тем, кто жаждет водить хороводы Афродиты. Так трепетно, как мы тебя, ждут лишь вестника мира или, пытаясь спастись от бурь и непогоды, тоскуют по сверкающим лучам солнца.

[3] Ныне, отроки, воистину весна! Я чувствую ее сладкое дыхание. Ныне соловьиное пение не звучит мне похоронной заплачкой, и я начинаю верить рассказам о том, что эти птицы заводят свои песни не в память погибшего мальчика, а во славу богов. Да и по отношению к аттическим ласточкам я опровергаю этот фракийский миф и уверен, что и они, подобно соловьям, поют не печальную, а веселую песнь.

[4] Ныне обильны и прозрачны воды Илисса, и, быть может, он снова предсказывает таинства Деметры; если некогда лебеди в хоре с Зефиром, как на Каистре и Гебре, пели у его берегов, они огласят их ныне еще более звонкой песней; если же лебедей никто здесь не видел, Илисс предрекает, что они прилетят на аттические луга.

[5]. Заметил ли кто-нибудь из вас, как пышно цветет и украшается земля? Это в твою честь нивы до срока, в пору, когда чудо найти весенний цветок, покрылись спелыми колосьями. Земля увенчивается и убирается не анемонами, фиалками и другими цветами, а дарами Диониса и блистающим венцом Деметры, точно ради тебя всем этим награждают эллинов боги.

[6]. Лидийцев, справляющих оргии Диониса у берегов золотого Пактола (золотым называют его тамошние предания), этот бог подвигает на исступление и пляски, когда солнце сменяет холода теплом и приводит весеннюю пору. Они видят, что наступила весна не по тому, что поют птицы, хотя в рощах много этих звонкоголосых певцов, не по нежно и сладостно зазеленевшим лугам, но по тому, что Дионис, покинув Нису и пределы эфиопов, в буйном шествии появляется на берегах Тмола и Пактола, и по тому, что видят пляшущих вакханок. Тогда лидийцы вместе с приходом бога встречают приход весны. Им приводят весну Дионис и его неистовые таинства, мне и моему искусству ее приводишь ты. Ты, вместо вакханок и сатиров вдохновляешь служителей Муз и Гермеса, заставляешь меня вместо приветственных криков Эвию¹ призывать и славить тебя, великий оплот мусического искусства.

¹ Дионис.

[7]. Никого пусть не удивляет, что речь моя стремится уподобить этого мужа богу; Гомеру не подобало сравнивать царя ахейн, Агамемнона, с тремя богами (Ном. II., II, 478-479), мне же это не запрещено, ибо разве по справедливости не укорят меня в недостатке поэтического велеречия и в том, что я слишком боюсь уклониться от истины, хотя и могу рассказать об этом муже больше, чем Гомер об Агамемноне?

[8]. О ты, любезный богам и достойный сравнения с ними! Ликом ты, думается, схож с Зевсом, если вспомнить Гомера, и эпический певец сказал бы о тебе:

Зевсу, метателю грома, очами подобный (Ном. II., II, 478),

но мне кажется, лучше сравнить тебя с Зевсом, вспомнив о величии твоей души: ведь что бы ты ни изрек —

Невозвратно то слово, вовек непреложно (Ном. II., I, 527).

Вот за что прославляют этого бога. Никто из людей, даже если б обладал волшебным поясом, против которого, как говорит Гомер (Ном. II., XIV, 214ff), бессилён сам Зевс, не может похвалиться, что обманул тебя.

[9]. Аполлон – тоже твой покровитель, и потому, думается, ты сходен и с ним. Он предводитель Муз и вдохновитель их хороводов на беотийском Геликоне, где богини даже пастухов делают поэтами. Разве все это не сближает тебя с Аполлоном? Ведь ты сделал Аттику обиталищем Муз, как этот бог – гору Геликон. И меня ты призываешь заниматься мусическим искусством, сам подаешь мне знак, как Аполлон – дочерям Зевса, Музам.

[10]. Эллина чтят Посейдона-Конника, на Истме приносят ему жертвы, и изображают возницей даже в статуях. Разве кого-нибудь другого справедливее, чем тебя, сравнить с этим богом, разве неправильно назвать тебя его учеником в искусстве управлять конями?! Разве тебе не больше, чем пилосскому юноше пристало считать своим учителем Посейдона? Ведь тот, не позволяя коням быстро бежать, позорил искусство бога, ты же, мне сдается, способен был бы подчинить узде и бичу самого Буцефала, Пегаса или бессмертных коней Ахилла.

[11]. Гомер в стихах (Ном. II., III, 237) превозносит Кастора, сына Зевса, как славного наездника и присваивает ему единственное качество – опытность в этом искусстве, ибо уже одно это может украсить даже отпрыска великого бога. Конь сделал Беллерофонта из Эфиры достойным прославления поэтов, Дария – персидским царем, а Александра возвеличил среди македонян. Впрочем, тебе, пожалуй, эти прославления великих царей не покажутся значительными.

[12]. Поэтому я расскажу об афинском празднестве, на которое ты прибыл. Усладительно и отрадно не только присутствовать на Панафинейских торжествах, когда афиняне посылают за богиней священную триеру, но и говорить о них перед эллинами. Триера начинает свой путь, показываясь из ворот, словно выходя из спокойной гавани. Точно скользящую по морской глади, ее проводят через Дром, сбегающий прямо и ровно вниз, между украшающими его с обеих сторон портиками, где идет торговля между афинянами и чужеземцами.

[13]. Жрецы и жрицы наполняют корабль; Эвпатриды увенчаны золотыми венками, остальные – венками из цветов. Высокий и величавый, словно качающийся на волнах, корабль движется на колесах, которые благодаря множеству искусно прилаженных осей легко катят его к холму Паллады. Отсюда, я думаю, богиня любит праздничным обрядом.

[14]. При пении священного хора афинских граждан отвязывается причальный канат, и все призывают ветер сопутствовать священному кораблю. А ветер, узнав, как мне кажется, кеосскую песнь, которую Симонид обратил к нему после спасения из волн морских, появляется вслед за словами песни, мощно дует в корму и своим дыханием подгоняет корабль.

[15]. Рассказывают, что египетская река Нил, когда солнце на своей колеснице достигает середины неба и наступает летняя пора, выходит из берегов и покрывает водой посеvy, превращая египетскую землю в море, по которому свободно могут ходить корабли.

[16]. Священная же триера Девы не нуждается в этих мощных разливах, потому что она идет посуху: звонкое дыхание аттических флейт звучит ей вслед, как попутный ветер, и направляет ее бег. Но самое большое чудо – это то, что Веспер виден на небе вместе с солнцем; единственный среди звезд, он показывается тогда при свете дня и одновременно с родителем зажигает над священным кораблем свое пламя.

[17]. Вот и ты явился, прекраснейший светоч на небосводе (тебя афиняне зовут Веспером), осчастливил эллинов великим торжеством и благими знаменьями возвещаешь, как говорит народ, грядущие счастливые дни; в истину этих слов верю и я.

XLVIII. Гермогену, проконсулу Греции

[cod. R]

[1] Когда-то греки жаждали Филоктета после того, как на него напала болезнь, и они возносили много молитв богам [чтобы вернуть его]. После того, как его болезнь утихла, он взял свои стрелы, желая узнать, сможет ли он снова поразить свои цели. Именно Одиссей, находясь с этим знаменитым Филоктетом, побудил его вступить в бой и дал ему сигнал начать упражняться в своих навыках – тот Одиссей, который был основой почти всей поэмы Гомера [«Одиссеи»] и позволил воспеть себя в гимнах музыкой и песней. Ибо Гомер не уделяет много внимания Ахиллу, сыну Фетиды, в своей поэме [«Илиада»], описывая [только] его битву на реке Скамандр и его бег [вокруг Трои]. Но, что касается Одиссея, то он появляется повсюду в эпических стихах Гомера; поэт ошеломлен, поскольку он прилагает столько усилий по отношению к Одиссею. Итак, греки считали Одиссея ответственным за победу Филоктета и за то, что он совершил в Трое благодаря своему мастерству владения луком.

[2] Но ты, мой друг, приказываешь мне «стрелять» за греков, принимая песни Муз, а не лук и стрелы Геракла. Вот и в этом я подчиняюсь тебе. Если я

тоже играл на своей лире в прошлом, когда я жаждал обратиться к <тебе> среди греков, то теперь я хочу [сначала] предъявить обвинение Аттическим Эротам, поддерживая всех вас, мои мальчики, потому что они так долго заглушали [мою] песню и позволяли лелеять этого человека [исключительно] его эфирейским любовникам.

[3] О, как я могу объяснить, как тихо мы прошли зиму? Хребты горы Гиметт становились белыми, Плеяды быстро садились. Солнце больше не желало ярко гореть; это был мягкий и тихий солнечный свет, который призвал Муз сойти с горы Геликон. И они пришли и организовали обычные хоры на лугах аттических. Зима, теперь уже в полную силу, охватила всю землю. Группы молодых людей танцевали вокруг своих корифеев, а свирели пастухов были готовы исполнить аттическую песню, желая исполнить свою песню для вождя Муз [Гермогена]. Но сам вождь, которого призвали народ Аттики и которого жаждала богиня-дева [Афина], издалека приветствовал аттических Муз. Так как же мне не придаться к аттическим Эротам за это?

[4] Сейчас мне нужны песни Теоса, ныне мне нужна лира Анакреонта. Когда мальчик, которого он любил, презирал его, он знал, как использовать эту лиру против самих Эротов. Я бы использовал его слова против них: «Ты наглый и злой, и ты не знаешь, в кого стрелять стрелами!» Возможно, я бы также высказал Эротам угрозу, которую Анакреонт изрек против них. Однажды он был влюблен в красивого юношу. Когда он увидел, что молодой человек не обращает на него особого внимания, он настроил свою лиру и пригрозил Эротам, сказав им, что, если они сразу же не ранили молодого человека для него, то он больше не будет заводить песни в их честь.

[5] Побывав в этой ситуации, я поздравляю поэзию, если она позволена настолько, что может даже означать серьезную и ужасную угрозу самим Эротам. Что касается меня, то искусство риторики обижает меня тем, что не научило меня играть на лире или барбитоне, а только танцевать этот прозаический танец для Муз. Так что я позволю поэтам прийти в ярость и буду искать недостатки в предводителе Муз по-своему.

[6] Тогда скажи мне, [Гермоген], почему ты так пренебрегаешь заботами Муз? Почему ты так пренебрегал аттическими театрами, ты – детище Муз? Разве мы не обязаны под твоим надзором заниматься деятельностью, которую опекают Музы? Разве Бог не привел тебя к грекам, чтобы красноречие снова приобрело древнюю силу? Или же те, кто должны справлять обряды Справедливости и Правосудия (Фемида), должны быть инициированы тобой каждый день и каждое время года, когда ты [с готовностью] обращаешься к ним и делаешь им свои признания, в то время как представители Гермеса и Муз имеют доступ к тебе только после долгого и трудного ожидания? Когда бы мы прыгали зимой по обители Муз с большим удовольствием, чем после того, как получили от тебя согласие, тебя, кого не было бы ошибкой называть царем нашего искусства? Когда бы мы дали больше потока эгоистичного и благородного красноречия, чем с тобой, как со свидетелем наших усилий?

[7] Или вы думаете, что сатиры и вакханки в Лидии отказываются кричать в честь Диониса или приходиться в ярость до тех пор, пока не придет

весна и не появится бог и не подскажет им, что безумие может начаться, тогда как мы не очень тосковали по тому, кто сделал сезон более очевидным для нас? Как дерзки те, кто осмелился попрактиковаться в искусстве красноречия зимой перед вашим визитом! Кого они поставили руководить культурными делами, прежде чем заняться своим искусством? Даже лебедь у реки Каистр молчит, если дует ветер, кроме Зефира. Даже если другие птицы часто поют, лебедь ждет Зефира, желая сочинять свою музыку только под этим ветром.

[8] Но теперь мне пора снять обвинение. Я знаю, что было на уме у вождя Муз [Гермогена], и почему он предпочел это время года для своего визита. Поэзия недавно научила меня [снимать с себя ответственность], и поэтому, взяв следующий рассказ, я хочу спеть палинодию и выступить от имени вождя Муз перед всеми вами. Египтяне всегда тоскуют по египетской реке Нил, и, благодаря тем, кто открыл им религиозные истины, они молятся, чтобы воды этой реки пришли к ним из Эфиопии. Нил также жаждет Египта во все времена года, потому что Египет – мудрая и богодухновенная земля; и река с радостью принимает молитвы египтян. Но когда египтяне, принесшие жертву в честь Деметры, работают на гумне, тогда Нил льется из Эфиопии полными водами и внезапно превращает весь Египет в море.

[9] Когда это произойдет, вы сможете увидеть, да, вы действительно сможете увидеть великие чудеса в этой стране. На одном участке земли вы увидите одного и того же человека, играющего роль моряка и земледельца; вы увидите, как скот выгоняют на пастбище, а вскоре и лодки; вы внезапно увидите остров, который раньше был городом, окруженным сушей. Тогда, говорят они, весь Египет наслаждается танцами и песнями. Обычные суда плывут по Нилу не просто по делам, как они только недавно делали, но как будто в процессии в честь реки из-за вод моря [они были даны]. Моряки на этих судах в восторге, все танцуют. Они несут кимвалы вместо морских орудий. Наконец-то может отправиться в плавание даже очень большой корабль, который долгое время находился на суше, потому что не мог найти достаточно большой водный путь, чтобы ослабить тросы. Когда воды Нила достигают своего пика, корабль такого размера выходит из заболоченного залива и с парусами, наполненными всевозможными ветрами, поднимается высоко над волнами.

[10] Как это звучит для вас, мои мальчики? Разве это не звучит хорошо, потому что (среди прочего) очень подходит для нынешней ситуации? Теперь я также хочу рассказать вам историю Алкея, которую он спел в своих лирических стихах, когда сочинил гимн в честь Аполлона. Я не буду рассказывать вам историю в лесбийских стихах, поскольку я не поэт, но я перебиваю размер лирической поэзии на прозу.

Когда родился Аполлон, Зевс снабдил его золотой повязкой на голове и лирой. Он также дал ему колесницу, которую тащили лебеди, и отправил его в Дельфы <и> в воды Касталии, чтобы оттуда разъяснять грекам справедливость и закон. Но Аполлон сел в свою колесницу и приказал лебедям лететь к гиперборейцам. Когда Дельфы услышали об этом, их люди сочинили гимн и песню [в честь Аполлона] и разместили хоры неженатых молодых людей вокруг треножника. Тогда город призвал бога оставить гиперборейцев

и перейти в Дельфы. Но Аполлон целый год доносил до этих людей оракулы. Когда он постановил, что настало время и для Дельфийских треножников, то он снова отдал приказ лебедям, на этот раз улететь от гиперборейцев.

[11] Было лето, самая середина лета, когда Алкей увел Аполлона от гиперборейцев. Итак, с наступлением лета и прибытием Аполлона в Дельфы лирика поэта о боге приобрела нечто похожее на летнюю пышность. Соловьи поют богу, как у Алкея поют птицы. Также поют ласточки и цикады, не рассказывая о судьбе людей, но делая бога героем всех своих песен. Касталийский источник течет, как говорится в поэзии, серебристыми водами, а великая река Кефис вздымается вверх, набухая своими волнами, подражая гомеровской реке Энипей. Ибо, подобно Гомеру, Алкей прилагает все усилия, чтобы изобразить даже воду как способную почувствовать прибытие богов.

Но не думаете ли вы, что мои обвинения [против Гермогена] были полностью отклонены? Я сам, безусловно, готов отдать свой голос и попросить всех вас проголосовать так же, как и я по данному вопросу.

[12] Теперь я обращусь к вождю Муз после того, как сначала скажу несколько слов о его душе, чтобы вы могли увидеть человека, содержащегося, как в зеркале, в том, что я говорю о божественной и благословенной душе. Такова природа его божественной и недавно инициированной души: она всегда стремится к лучшим и величайшим занятиям. Когда-то он посещал Бога, часто созерцающий истину в небесном обращении и наполненный зрелищем небесных чудес. Затем он столкнулся с несчастьем: у него отвалились крылья, и, облачившись в тело, он был вынужден принять жизнь в этой земной зоне. Однако, несмотря на то, что на какое-то время он снизился до состояния, совершенно противоположного тому, которым он наслаждался ранее, и, несмотря на то, что он забыл о чудесах неба, он не остается здесь полностью бескрылым и не проводит здесь свою жизнь в неведении. Когда он видит что-то хорошее и прекрасное на земле, он пробуждается и переносится в память о вещах, которые он когда-то видел, когда был на самом небе с богами. Когда что-то здесь движется, оно обращает свое внимание на небесное, ищет эту область и сосредотачивается на том, что [на самом деле] существует.

[13] Для тех, кто испытывает это, он демонстрирует кротость истинно божественной природы. Он хочет осуществлять юридическую и политическую власть и никогда никому не причиняет вреда, поскольку божественная природа никогда не должна быть причиной какого-либо зла для людей. Эта душа преодолевает страхи, властвует над удовольствиями и кажется свободной от страстей. Он формирует его тело, приводя его в соответствие с его природой; то, что он ищет, это темные глаза, достойное лицо и истинная симметрия конечностей, которые мудрые люди называют красотой, чтобы, соединив тело, красивое и благородное с обеих сторон, он мог позволить этому телу показать себя перед человечеством как образ бога.

[14] Посмотрите, как моя речь изображает этого человека для всех вас; это изображение, которое она формирует само по себе, более точное, чем изображение, созданное из любого воска и любого цвета. Если бы все

пластические искусства, которые пытались воспроизвести человеческое тело, все еще пользовались высокой репутацией сегодня, я бы предложил, чтобы эти мастера использовали свои руки, чтобы соревноваться в представлении тебя, [Гермоген]. Разве Александр, созданный Лисиппом, не принес последнему такую известность и репутацию, что даже в поэзии выражалось восхищение его работой? Разве вы не слышали эпиграмму о статуе Александра «Лисипп, скульптор Сикиона, рука умелая», и все остальное, что поэт писал об этом мастере?

[15] Разве тот, кто изобразил тебя [в камне] для греков, по понятным причинам не почувствовал бы превосходство над другими ремесленниками, потому что он изобразил бы человека, который является философом, а также стратегом? Но у такого ремесленника не было бы стихов, способных воздать должное его творчеству. Неправда, ведь все стихи, как лирические, так и другие, разве не сделали бы твой образ своим предметом? Я бы поставил такую статую в Аттике рядом с девой богиней [Афиной], если бы все греки согласились с этим, потому что ты считаешь мудрость и воздержание. Но если бы они не согласились с установкой статуи, то я бы отвез тебя в Дельфы и поставил рядом с треножником Семи Мудрецов, потому что твой разум принадлежит их разуму, и было бы уместно, чтобы твою статую можно было увидеть в Жилище пифийского бога тем, кто приезжает сюда во время общественных праздников.

[16] Но теперь, когда нет Лисиппа или любого другого живого человека, который мог бы продемонстрировать навыки, достойные модели, представленной перед нами, новые искусства заняты тобой, и избранные люди со всех частей света служат этим искусствам. Эти люди считают, что их предложения подходят аудитории Аттики, и поэтому решают посвятить их там. Я сам очень хотел изобразить тебя устно, своими красками, и никакое время никогда не сможет нагло стереть этот портрет с лица земли.

[17] Хорошо, тогда я буду говорить, рассматривая каждое из твоих качеств отдельно. Я не хочу, чтобы какой-нибудь придира обвинил меня в том, что я не смог привести достаточное количество истинных оснований для похвалы, в том, что моя речь выходит за рамки того, что позволяют факты. С другой стороны, я ограничу свои замечания в соответствии с тем, что позволяют время и соразмерность. Конечно, мне нужна была свобода речи, как лошадь, которую выпустили на низменную равнину, – свобода действий, которая разумно требуется тому, кто жаждет воспеть человечеству такие хвалебные речи, как эта. Но, остерегаясь другого обвинения, которое я понесу, если буду потворствовать этому побуждению, я еще раз отложу долгую речь; по этому поводу я позволю своей речи затронуть только те вопросы, которые она изначально намеревалась решить.

[18] Когда другие могли направлять его и направлять его дела, [Гермоген] научился учиться и вести себя в соответствии с желаниями своих наставников и с тем, что казалось лучшим [им], поскольку его философская природа была податлива. Оказавшись при императорском дворе в раннем возрасте, он был признан достойным такого большого доверия, что только он

один считался достойным хранителем тайн. Он как советовался с богами по этим секретным вопросам, так и передавал их высказывания человеку, который послал его [к ним]. Он был проповедником лучших законов и обычаев, всегда желая успокоить разум правителя, как говорят, делал Пифагор Самосский, когда он был с Фаларисом на Сицилии.

[19] Говорят, что по мере того, как его тирания становилась сильнее, Фаларис желал сотрудничать с Пифагором. Последний был вызван и пришел, думая, что, если он будет с Фаларисом, то он сможет сделать его лучшим правителем своих подданных в будущем. Но характер Фалариса был неисправим, и его нельзя было изменить. Поэтому, когда ни одно из его предложений не было реализовано, Пифагор быстро покинул Сицилию. Он сдался, прежде чем либо сделать тирана более доброжелательным, либо убедить его заключить мир со своими подданными. Напротив, этот наш человек продолжал говорить и рассуждать так много, что, рассказывая правителю древние истории и обращая его внимание на отрывки из поэзии и прозы, он смягчал режим. Он любил учиться еще до того, как стал разбираться в философии.

[20] Когда он стал мужчиной и достиг полной зрелости – в то время, когда мудрость показывает нам, судя по тому образу жизни, который выбирают мужчины, кто ею обладает, – он попрощался с этими должностями и чинами власти. Он полюбил добродетель и знания, с помощью которых душа питается и, таким образом взращенная и вознесенная, легко идет вверх по своему пути. Он был настолько выдающимся в своей добродетели и образованности, что, если кто-либо, все еще обитающий в теле, когда-либо исследовал верхнюю область и цеплялся за чудеса там через рулевого души, я совершенно убежден, что это он.

[21] Я слышал, что Платон, последователь Сократа, обучался борьбе и с ранних лет заботился о своем теле. Затем, когда он стал старше и услышал, как Сократ разговаривает с молодыми людьми, он настолько увлекся философией, что отказался от своих ранних занятий и, после общения с Сократом, стал источником и началом философии для последующих поколений. Именно такая любовь к философии охватила и этого человека [которого мы хвалим]; ибо, одержимый каким-то богом и, как тот, кто прикоснулся к цветку величайших тайн, никакое количество посвящений в них не могло наполнить его.

[22] Первое, что он сделал, – это уделил самое пристальное внимание своим инструментам, точно так же, как хороший мастер, который чувствует, что лучше всего выполнит каждое из своих начинаний, когда не отсутствует ни один из инструментов, необходимых для завершения предлагаемой работы. Затем он научился спорить, побеждать софистов и одолевать простых болтунов. Он сочетал искусную аранжировку с благородными словами, и только человек с точным знанием того, как располагать слова, обладает естественным расположением и считается искусным оратором или вдохновенным поэтом. Словом, усвоив все эти навыки, он доверил их своему уму.

[23] Собрав все инструменты вместе, он приступил к рассмотрению основных вопросов. Вся философия разделена на три части: одна касается [человеческих] действий, другая – природы, а третья исследует и изучает сверхнебесную реальность. Наш муж не учел одну часть, проигнорировал другую и пренебрег третьей как бесполезной для человека, [который хочет быть] счастливым. Скорее он отдал себя и овладел всеми частями философии более основательно, чем кто-либо, кто когда-то придавал очень большое значение усвоению только одной части. Он с особым уважением относился к взглядам Платона и Аристотеля и много работал над их философией, обращаясь непосредственно к их сочинениям. Он знал философию стоиков, таких как Зенон, Клеант, Хрисипп, и всех тех, кто, наведя порядок в иррациональном человеческом поведении с помощью разума, передавал свою философию от одного человека к другому.

[24] Он также знает общие взгляды Эпикура и Демокрита и то, как эти люди представляли природу. Он понимает все Академии, а также научные школы, которые прошли путь от Ликеев до Ливии и Кирены. Он также исследовал тропы Пиррона (и возникший из них раздор между всеми людьми), хотя он рассматривал их не как важный предмет изучения, а как приправу к остальной философии.

[25] Обладая знаниями в области астрономии и географии, он знает, что другие писали [по этим предметам]. Но он хотел узнать об этих вопросах на личном опыте и точно; он хотел понять, что утверждается в книгах, лично увидев обсуждаемые в них явления. Итак, этот человек путешествовал по большей части земли, подражая Платону. Ведь Платон, получив наставление Сократа, отправился в Египет к тамошним толкователям воли богов. Он хотел найти среди них больше, чем то, что он узнал в Аттике. Он даже отправился на Сицилию и к тем, среди кого философия Пифагора все еще сохранялась после его смерти.

[26] И я слышу следующую историю о Дионисе. В мифах говорится, что, прежде чем стать богом, когда он приносил жертвы, но желал расширить свои знания за пределы области жертвоприношений, Дионис устремился в Египет и Нил, а затем к индийцам, эфиопам и всем остальным людям в своем любопытстве относительно функционирования природы. Затем он пришел к грекам, которые все обрадовались встрече с ним, и получил от них почести. Желая, чтобы афиняне первыми получили его дары и изделия, он приехал в Афины. Афиняне, которые в то время отмечали праздник, устроили публичное празднество в честь Диониса и проголосовали за организацию с этих пор шествия в честь Диониса как бога.

[27] Таково было намерение путешествий [Гермогена]; и если вы услышите, как он рассказывает о народах и городах, которые он посетил, то вы удивитесь, как он помнит эти путешествия, и какое удовольствие он получил от них. Так сказать, капли меда, падающие с его слов, поистине наполняют всех его слушателей сладким удовольствием. Раньше я получал такой восторг от рассказов Геродота, но теперь я стал считать Геродота простым ребенком по сравнению с обаянием этого человека. Такие писатели,

как Гелланик и Дурис, и работы Галикарнасца [Геродота] и всех, кто старался описать словами обитаемую землю, отныне незначительны по сравнению с теми чарами, которыми [Гермоген] так очаровывает своих слушателей.

[28] Как только он пожелал быть уподобленным Богу и осознавая, что божество заботится о человеческой природе, он проявил политическую добродетель, взяв греческий и латинский языки в качестве телохранителей, я думаю, чтобы помочь ему в его душевном состоянии. Теперь есть город [Константинополь] в устье Эвксинского [Черного] моря, слева, когда вы плывете в это море, в самом конце Европы. Это большой и удачливый город, у которого небольшой узкий морской пролив [Боспор] разделяет материки своим течением, как пограничный камень, установленный на полпути между ними. Отправившись туда, [Гермоген] отдал себя законнейшему императору с благородным характером, на стороне которого он мог использовать свой арсенал знаний.

[29] Император с радостью приветствовал его и немедленно сделал его партнером в его работе, так же, как Геракл сделал с Тесеем, Кир с Клеархом, Гиерон с Симонидом и Алкивиад с Сократом. Он доверял ему во всем, смотрел на него и восхищался им, считая его своего рода рулевым своего правления. Итак, император дал название режиму, но [Гермоген] сделал свою работу. Так было и с премудрым Фемистоклом. Он был назначен со-командующим с Эврибиадом. Когда греческие войска выступили против персов, он формально уступил военно-морское командование лаконцу, но в бою показал, что именно он фактически командовал флотом греков.

[30] Какие законы, которые не были гуманными, были приняты через посредство [Гермогена]? Какие люди, попавшие в [юридические] неприятности, не избежали своих проблем через его посредничество? Кто, достойный должности, не получил должность через свое содействие? Кто, в чем-то нуждаясь, не бежал к нему? Стоя между императором и его подданными, он обслуживал потребности последних перед их императором и работал, чтобы выполнять приказы первого среди своих подданных. Точно так же мифы говорят, что Гермес был посланником Зевса, и узнавал и объявлял, что было в уме Зевса, богам и людям.

[31] Но теперь, когда Бог и время утвердили этого человека в качестве правителя на величайшем посту на земле – ибо твердо установлено, что племя греков самое великое и лучшее под солнцем – примите участие здесь со мной, греки, в панегирике с этого момента на самих себя. Мы, аттический и древний народ, будем первыми, кто вместе сочинит панегирик и вместе устроит гармоничный танец, так сказать, вокруг престола Справедливости. Я подам знак, чтобы начать танец.

[32] Спокойствие овладело всеми подданными [этой провинции], как если бы они перешли от могучей волны и шторма к гавани без волн. Здесь нет ни высокомерия, ни упоминания этого слова. Разум руководит всем и не нуждается в мече. Я знаю, что пастухи, которые превосходно пасут овец, не часто используют посох, но пасут своих животных с помощью флейты. Теперь, однако, мы действительно узнали того гомеровского правителя,

которого Гомер, в своем желании уподобить его чему-то в свете его любви к людям, удостоил титула «отца»: «он был нежен, как отец, – говорит он» (Od. II.47). Это хорошо, очень хорошо обращаться так же и к тебе, ибо ты единственный, кто работает на благо всех, ты, единственный, ради греков, напрягаешь свои глаза и ум и не даешь им покоя. Ты похож на превосходного рулевого, который позволяет всем морякам путешествовать на корабле, не работая, в то время как он один стоит у руля и направляет судно, чтобы его не беспокоили волны.

[33] Утренняя звезда часто приводила тебя к святилищу Справедливости, а вечерняя звезда часто сопровождала тебя оттуда, освещая своим чистым светом твои обряды. Люди и города призывают тебя, они умоляют тебя прийти к ним и поздравляют афинян с их удачей, но они теряют дар речи перед ними в своей победе. Я сам даже убедил Делосского Аполлона покинуть свой остров и быть с нами, стать нашим наследственным богом и настроить свою первую лиру среди всех афинян. Благодаря тебе красноречие процветает и осмеливается делать то, на что раньше не осмеливалось.

[34] О ты, достойный быть воспетым в каждом гимне и произношении, особенно мной и в моих речах! Потому что ты возлюбил мой риторический талант, даже когда он еще был в пеленах. Ты часто предсказывал, что с абсолютной уверенностью, что когда мой талант достигнет зрелости, он широко и ярко проявится в человечестве в своем великолелии. Посмотри, исполняется ли это твое пророчество. Я прикажу ему проникнуться уверенностью (в своих силах) и восстать.

[35] Приди же, красноречие мое, и отныне вознесись; покинь нижние пределы и с этого момента устремись к небу! Ибо предводитель Муз [Аполлон] дает тебе крылья и покажет человечеству. Он не прикрепит тебе крылья, как это сделал Дедал [Икару]. История гласит, что когда Икар, юноша из Аттики, был поднят этими крыльями, он стал уверен, что сможет летать над океаном; но когда он приблизился к солнцу, он растаял вместе с воском и стал со своими крыльями ни чем иным, как историей для будущих поколений. Но твои крылья, [о мое красноречие], были рождены Музами в садах Мнемозины, и Оры и Хариты питали их, черпая для них воду из источников истины. Таким образом ты поднимаешься над многими и становишься невесомым; неосвященные и бескрылые души не могут увидеть тебя больше, чем они говорят, что киммерийцы могли видеть солнце. Так что обращай к своему возлюбленному [Гермогену] в соответствии с твоей природой.

[36] Ты пришел ко мне, [Гермоген], как сладкий и нежный свет, как утренняя звезда светит своим светом человечеству как вестник весеннего дня, как полуденное солнце стоит перед теми, кто устал от зимы. Я очень хотел увидеть тебя, пока ты еще танцевал вместе с лебедями у водоворотов Истра [Дуная] в честь вождя Муз [Аполлона]. Я хотел изобрести какое-нибудь устройство, с помощью которого я мог бы подняться на крыльях в воздух и улететь от греков к Истру. Но ты, мой друг, предвосхитил мою тоску; потому что тебе пришлось, ты должен был пролить свой свет на всех греков, ты – такое

великое и красивое чудо. Но я хочу попросить самих богов о небольшой услуге от имени греков. И сначала я призываю своих богинь, Муз, к своей молитве.

[37] О дети Зевса, идите, идите, златокрылые Музы – мне приходит в голову обратиться к вам в поэтической манере – танцуете ли вы с Аполлоном на горе Геликон или в Пиерии и играете сладкую и божественную песню на лире, или играя с касталийскими нимфами в Дельфах и [источнике] Касталии, или летая по лугам Аттики и делая венки для своего вождя [Аполлона]. Придите и послушайте эту молитву, которую я говорю от имени греков, и разрешаю этому человеку руководить отрядами молодых людей в течение очень долгого времени, чтобы [мое] красноречие могло возлить ему возлияние из второй и третьей чаши для смешивания.

LIV. Вновь прибывшим (студентам)

[cod. R]

[Гимерий] произнес эту [речь] импровизированно в своем доме в присутствии своих учеников, приветствуя недавно прибывших [молодых людей].

[1] Как мне снова мил этот лекционный зал! Как сладок мой хор [учеников], то есть хор [учеников] Муз, когда он пробуждается, чтобы снова расположиться вокруг моей лиры! Подумайте о тех людях, которые когда-либо терпели разлуку с моей дружбой и жизнью отдельно от меня хотя бы на один день. Какой смелый поступок, какие у них сердца! Они дерзкие и безрассудные, мало заботятся о любви. Если бы это было вообще возможно, с радостью я бы задал им несколько вопросов: какой звук для них слаще моего языка? Чья осанка держится бодрее, чем у меня? Какие от природы музыкальные весенние птицы звучат так же ласково и приятно, как я? Какой мелодичный и ритмичный припев, звучащий под музыку авлоса или донакса, когда-либо тронул их души так сильно, как звук, исходящий из моих лекционных залов?

[2] Поэтому я придираюсь к тем пастухам, которые отказались пасти свои стада с песнями и сиринксом, а вместо этого угрожают им ударами и плетками. Что касается моей паствы и моих созданий, то пусть я никогда не буду гневно смотреть на них. Пусть мои слова приведут их к медовым потокам и водам Муз, пусть они будут водимы песнями, а не суровыми ударами, чтобы, возвращая таким образом нашу взаимную любовь, я мог бы музыкой и гармонией сохранить мою управление ими на правильном пути.

[3] Поделитесь этими нормами, мои мальчики, с этими новоприбывшими учениками, как частью вашего гостеприимства по отношению к ним, чтобы, попробовав лучшие нормы и принципы при их первом появлении, они могли бы двигаться с этой точки по мере того, как они становятся более развитыми. полностью посвященные, к созерцанию наших тайн. Для тех, кто опытен в обряде, станут хорошими мистагогами для

посвященных. Те, кто познакомился с большей частью великого океана, хороши в мореплавании и руководят морским путешествием. Собаки, которых учат управлять дикими зверями, учат щенков, которые только учатся охотиться. А орлы говорят, что орлы, только что готовые к полету, не позволяют себе отставать от старых птиц в полете, а следуют за ними, пока они не поднимутся над облаками и не начнут летать вокруг самого великого солнца.

[4] Я также хочу рассказать вам историю о царе. Говорят, что Александр [Великий], сын Филиппа-Александра, известен всем грекам, я думаю, по книгам; мы слышим, что у него был благородный характер и что он был воспитан в соответствии с его характером, поскольку <он вырос> среди военных трофеев, побед и славных дел – во всяком случае, мы слышим, что когда он узнавал, что его отец шел на войну, его желанием было не отставать от линии фронта, а следовать за своим отцом, несмотря на то, что он был еще молод, находится лишь в начале своей юности и еще недостаточно зрел для битвы. Его отец беспокоился о своем сыне и велел ему оставаться дома, но Александр не хотел этого. Вместо этого он преподал своему отцу тот же наглядный урок о щенках, который я вам только что предложил, а именно, что благородных сук дрессируют с самого детства, когда они только что собираются на охоту. Он убедил своего отца позволить ему вступить в бой. Итак, с этим военным опытом, приобретенным в юности, он взял все земли под солнцем в свои руки.

[5] Говорят, что Александр высказал эти замечания [о щенках по этому поводу]. Думаю, Гомер дал бы нам совет по тому же вопросу. У Гомера Антилох – молодой воин, увлекающийся войной, он подражает Ахиллу и увековечен его азиатскими победами. У других поэтов Иолай подражает Гераклу, а Тесей подражает Пирифую. Таким образом достигает славы вся группа благородных юношей.

[6] Приходите, тогда научитесь этому сами, чтобы эти [недавно прибывшие студенты], воспитанные на этих принципах, могли занять видное место на лугах Аттики, а затем, взяв отсюда прекрасные изделия [риторики], практиковать их в их собственных регионах.

ЛХ. Тем, кто прибыл [в Афины] из Ионии

[cods. R u B]

[1] Эти гости – ионийцы аттического происхождения. Пойдемте, позвольте мне показать им их родной город, не надев брошь с цикадами, а проведя словесную экскурсию. Когда они покинули Аттику, пчела привела их в Ионию; но теперь, когда они возвращаются оттуда в Афины, их будет вести красноречие.

[2] Я направлю вас к великим достопримечательностям, хранящим знания ваших предков. Я покажу вам в наглядной форме битву при Марафоне и ваших предков, сдерживающих натиск персов, когда они бежали и рубили

этих варваров. Я также покажу вам своих воинов, один из которых даже на картине борется против природы; потому что вы подумаете, что этот Каллимах, даже если он просто изображен, скорее сражается, чем мертв. Другой воин [Кинегир] пытается топить персидский флот голыми руками и отмеряет свою телесную силу для преодоления [природных стихий].

[3] После того, как вы увидите Пеструю Стою, я отведу вас на холм, в мастерскую Афины [Акрополь]. Там вы сможете наполниться бесчисленными историями, как люди, которые ищут в документах свидетельства своих предков. Вы увидите росток оливы, триумфальный памятник вооруженной богини [Афины]. Вы увидите океанскую волну высоко на холме, которая все еще издает грохот, как будто ее трясет вместе с богом [Посейдоном], борющимся за свой любимый [город]. Я также поведу вас в своей речи к суду богов и покажу вам Ареопаг. Я буду рассказывать вам мифические сказки, пока вы смотрите вокруг, и сделаю то, что вы видите, еще слаще, лишь при условии повествования.

[4] Возможно, вы обвините меня в медлительности. Возможно, вы позаимствуете закон, принятый нашими предками о праздности, и предъявите мне претензии и обвинение в том, что, по моим словам, я еще не привел вас к отцу Иона [Аполлону]. Что ж, тогда я тоже изображу его для вас устно и устрою пир для ваших ушей, прежде чем состоится пиршество для ваших глаз.

[5] Его золотые волосы разделены пробором на лбу. С обеих сторон его локоны свисают на шею и волнами падают на его божественную грудь. Его одежда ниспадает на ноги, у него есть лира, но нет лука. Бог улыбается. Как будто он пророчествует ионийцам, что они будут переселенцами. [6] Он музыкальный бог, мальчишки. Так что позвольте мне тоже пощипать лиру в моей душе, чтобы, громко звуча речью, я мог присоединиться к колонистам в их родном городе.

LX. Ионийским гостям

[cods. R и B]

Накануне [Гимерий] был в их присутствии, достаточно долго, чтобы произнести речь [dialexeos], но в этот день он говорил на какую-то тему импровизированно.

[1] Вчера мы обратились к Ионии в небольшом приятном отрывке [Or. LIX], в шутку совершая словесную обзорную экскурсию по городу с его [мифическими] сказками. Но теперь давайте споем для ионийцев *orthios nomos* [песнь об их родной земле].

Признак их земли – не только льняные хитоны, этот причудливый узел волос или стол для гурманов; это также земля, известная своей серьезностью, своим красноречием, своим оружием и своими сражениями.

Можно более или менее сказать, что ионийское племя гордится тем, чем гордились его предки. Эти люди в древности пересекли Эгейское море,

очищая его от персидского высокомерия; они плыли по Ионическому морю, чтобы колонизировать Сицилию; и они вызвали распространение названия Греции на народы Италии через язык Пифагора.

[2] В те дни искусство, которым я занимаюсь, было скромным и бесхитростным; оно не выходило за пределы зала суда. Но именно ионийцы возвысили его и заставили звучать громче трагической поэзии. Они внесли большой вклад в струнную музыку, медицину и поэзию. Эти [ионийцы здесь перед нами] – сограждане и родственники мудрого Гераклита, из-за которого гений Платона взлетел и созерцал знания, превосходящие красноречие. Говорят, что реки Ионии рожают поэтов; все ионийцы отдают должное [реке] Мелесу как гению Гомера.

[3] В соответствии со всем этим [Аполлон], вождь Муз, разделив всю землю [и отдав часть ее] своей сестре [Артемиде], сам решил поселиться среди греков, но сделал [ионийским] эфесский удел Артемиды. Фактически, сам Аполлон обнимает Эфес на юге и севере, заставляя его треножники звенеть от Бранхид и Колофона.

Я приветствую Ионию через вас, дорогие гости. Скажите ионийцам, что у них есть свои многословные заслуги из моих уст.

[4] Теперь я расскажу вам историю, которая одновременно является аттической и ионической. Однажды, во время праздника Диониса, Пиндар со своей лирой, как обычно, привлек все внимание публики. Теперь некоторые ионийские посетители, очень известные ионийцы из семей, которые ведут свою родословную от Кодра и Нелея, приехали в Афины. Они желали мистического огня и посвящения в Элевсине. Что ж, когда они прибыли, они обнаружили, что Пиндар только начинал склонять к себе пару молодых людей. Он был в восторге от Муз, но в этом случае, поскольку он чувствовал себя неважно, он как можно лучше отметил прибытие ионийцев, произнес лишь краткую мелодию. Но он сказал им, что появится перед аудиторией на следующий день, и перенастроил для них свою лиру, готовясь к *orthios nomos*.

LXI. Начинаящим учиться (Речь перед началом занятий)

[cod. R; B]

[1]. Начало наших занятий речью мы речью же и украсим, чтобы двери Гермеса открылись перед благозвучным словом так же, как врата муз открываются, когда зазвучит лира. Ведь звуки флейты раздаются перед входом в брачный покой; и когда на состязаниях входит судья, гремят трубы; и пастушеская песня провожает стада на пастбище; возможно ли, чтобы начало занятий речью не было озаменовано речью?

[2]. Я часто замечал, что и другие мастера, и не только те, кто служит искусствам Муз, а и те, кто работает руками, готовят образцы своего искусства для тех, кто приходит к ним учиться; живописец подготавливает таблички, чтобы ученик научился правильно проводить линии; ваятелю на первых шагах

обучения его искусству образцом служат различные маленькие восковые изделия и фигурки.

[3]. Флейтист обучает игре на флейте, проигрывая сам мелодию на тростниковой дудочке, а кифаред играет ее на форминге перед своими учениками. Ребенок учится управлять лодкой, держась вместе с стариком за рулевое весло, а подросток, участь стрельбе из лука, натягивает лук вместе с индийским лучником. Даже птицы, выпуская своих птенцов из гнезда, разве не учат их расправлять крылышки, прежде чем позволят им смело летать?

Так же поступает и учитель красноречия: как искусные пловцы поддерживают своими руками тех, кто плавать еще не умеет, и тем самым заставляют их плыть, так и учитель, облегчая труд начинающих юнцов, внушает им смелость.

[4]. Эти мои слова в данное время вполне уместны: среди нас находятся двое приезжих гостей, один из них уже издавна искушен в речах и теперь прибыл к нам как судья на состязаниях и как посланник тех краев, где Геллеспонт отделяет Европу от Азии; другой – юнец и новичок, стремящийся вкусить сладость наших таинств.

[5]. Давайте тогда расскажем ему историю о его собственной стране.

Жители Памфилии до походов Кимона не были подлинными эллинами, но стояли ближе к мидянам, Ксерксу и персам; когда же Кимон воздвиг в Памфилии два трофея, тогда не только Евримедонт стал восхваляться в речах наравне с Нилом, но и памфилийцы стали почти что жителями Аттики и с тех пор имя нашего города у них в большом почете.

LXII. [Речь], которую он опубликовал для константинопольского студента

[cod. R]

[1]. Я слышал, что эфиопский камень [статуя] чудесным образом делает музыку, когда появляется свет дня (Эфиопы сами называют этот камень «статуя Мемнона», говоря, что он наименован после Мемнона, сына Дня). Согласно эфиопам, когда статуя впервые видит улыбку рассвета, она неожиданно прерывает свое молчание и делает музыку, производя мелодии для своей матери. Сейчас правильно ли, мои друзья, для меня казаться хуже в музыкальности, чем Мемнон? Правильно ли для меня созерцать этот город [Константинополь] в молчании, без мобилизации каждой части музыки и каждой Сирены ради него?

[2]. Я думаю, я буду братья за лиру Пиндара и с ней, делать музыку для этого города. Это будет недостаточным, назвать город опорой Греции, фраза, которую Пиндар употребил относительно Афин; скорее, это сладчайшая слава каждой земли, которые солнце освещает. Посейдон, повелитель моря, окружает тебя своими синеватыми волнами, как если бы ты был нимфой-наядой; он обнимает тебя с каждой стороны и наслаждается тобой. Хоры пурпурно-морских nereid, скачущих по поверхности волн, танцуют вокруг

всего тебя в круге. Твой любовник не какая-то чуждая река, подобно тем, которые хвалятся в некоторых поэтических выражениях о городах. Нет, этим божественно владели императоры, которые любят тебя; это они, кто налагает золотую диадему [стен] вокруг тебя и добавляют вид небесной красоты твоим земным качествам.

[3]. Это не будет ложью, назвать тебя вершиной всей Европы, так как Европа начинается от тебя и тянется к самому океану и побережью Атлантики. Каждый вид моря показывает себя вокруг тебя. На одной стороне, Эгеида поднимается на твое взморье сквозь середину Геллеспонта; на другой стороне, узкий пролив [Боспор] принимает форму реки, как если бы был заключен договор, что так, через своего представителя, он может принести близко к тебе, как дар, континент [Азии]. И, с другой стороны региона, Кианеи [скалы], которые трагедия назвала Симплегады, блокируют Пропонтиду и выпускают великое [Эвксинское] море из того места, где они расположены.

[4]. Так я нахожу ошибку у Гомера, потому что, когда желая написать о посеидоновой свадьбе, он делает речную волну своей брачной комнатой. Он мог бы положить спальню бога на твои берега, где он бы был способен иметь не малое количество воды, но целое море бы всё окружало его – не волну, имитирующую море, но целый пульсирующий океан вокруг его спальни.

[5]. Ты один превзошел город Ромула в чуде, которое ты выпускаешь; ты сочетаешь такую красоту с твоим размером, который жители [Рима] не имеют никак соотнести с твоей красотой. Торговые суда плывут к тебе отовсюду и из всех гаваней, не нуждаясь в Тибре, чтобы достичь твоих укреплений; они входят в порты непосредственно из моря и привязывают свои тросы прямо к твоим стенам.

[6]. С тех пор как Музы также должны почитать этот город наряду с другими богами, они все собрались здесь отовсюду, не только из Геликона и Пиерии, и не только те, кто населяет Пангей, но также те, кого выращивали аттические луга. Они кажутся мне, что всегда любили этот город и охотно установили свои хороводы здесь, но восхищенные танцами здесь намного более сейчас, потому что случилось, что муж, который берет свое имя от них и веселился в их ритуалах, правящий городом.

[7]. Так я верю, что Симонид провозглашал Муз в своих песнях. Это то, что он говорит. Музы всегда танцуют, и эти богини любят заниматься музыкой и песнями. Но всякий раз, когда они видят Аполлона, начинающего вести танец, тогда они продлевают свою мелодию более, чем перед этим и распространяют из Геликона тщательно разработанный гармоничный звук. Кто-то может увидеть, что это случается сейчас в городе под твоей властью, для всякого везде наполняющегося искусствами Муз (μουσικῆς) и украшенного ими. Это было твое великое стремление [для меня], которое стало причиной моего красноречия путешествовать, перед тем как его волосы не обратились в серые в аттических лугах и принесло его сюда, и сейчас убеждает его показать свою молодую красоту публично.

[8]. Но принимая первые плоды [моей риторики] со спокойным хладнокровием, о наиболее превосходный ставленник Муз [т.е., «муж,

который... правит городом»] – для этого хорошо использовать такой язык тебя. Пожалуйста, посмотри на мое красноречие в этом способе, так как это ожидалось, когда предпринималось настоящее состязание.

LXIII. Речь (диалексис), представленная его студентам после его возвращения с его родины

(О пользе упражнений)

[cod. R]

[Гимерий] произнес эту [речь] дома в присутствии своих учеников после возвращения со своей родины [то есть, из Пруссия в Вифинии] и перед тем, как объявить публичное ораторское представление (*epideixin*). Здесь он утверждал, что упражнения на все навыки очень полезны, прежде чем предпринимать более амбициозные [демонстрации их].

[1]. Принесем прежде всего в нашем доме жертву музам; а жертва музам – речи; приступим к священнодействиям раньше всего на нашем домашнем алтаре. Таков аттический закон: прежде чем обращаться к вышним богам, участвуя в таинствах, справляемых вне стен дома, надо умилоstitвить их священными обрядами в самом доме. Мы имеем обычай и в разных иных делах начинать с малого и стремиться к великому. Ни один моряк не пустится сразу в открытое море, не научившись управлять своей лодкой в тихом заливе; когда же он увидит, что его судно хорошо выдерживает легкую зыбь, тогда только он становится смелее и решается спустить его на бурные волны.

[2]. Также усердный борец, – даже уже одержав победу на олимпийских играх и стяжав великую награду из уст глашатая элейцев, – чуть только заметит, что его силы за время отдыха немного упали, выходит на широкое поприще не ранее, чем проделает упражнения в палестре. Знаю я, что и те, кто занимается музыкой, не станут играть перед народом, собравшимся в театре, прежде чем дома разовьют гибкость руки. И флейтист не решится выйти на сцену, если он у себя дома не проверит свою флейту, и кифаред не станет играть перед народом, если на досуге не поупражняется в игре на лире.

[3]. Взгляни, наконец, на певчих птиц – и они сперва тоже слегка испытывают свои напевы, и уж потом взлетают ввысь и с вершин деревьев льют свои песни. Так же поет свою песенку и кузнечик; и лебедь, взмахнув крыльями, готовится воспеть свой гимн Аполлону. Ни один возница не запряжет в колесницу необъезженного жеребенка, если он впоследствии хочет сделать из него коня для бегов; нет, он сперва научит его бегать без упряжи и только тогда, крепко взяв в руки узду, он направит бег коня против его соперников.

[4]. По этому поводу я хочу вам рассказать одну историю. Эфиопы, живущие близко к восходу солнца, – кочевники и лучники; только стрельбой из лука весь этот народ добывает себе пропитание; и войну они ведут тем же оружием; сидя верхом на слонах, они сверху мечут стрелы в своих врагов. К

этим-то эфиопам и пришел Александр [Великий], миновав многие земли. Расспросив, кто из эфиопов наилучший стрелок, и узнав, как его зовут, он призвал его к себе и велел ему показать свое искусство; а тот понурился, призадумался и сказал, что для этого он хотел бы сперва поупражняться, – случилось-де так, что ему вчера целый день не пришлось стрелять. Вот сколь разумен был этот эфиоп.

[5]. Мне думается, и Гомер в своих песнях хочет сказать то же самое: он не заставил героя Итаки сражаться с Антиноем, самым дерзким из женихов, тотчас же после возвращения от феаков и высадки на берег с корабля; он дал ему возможность испытать свои силы в стрельбе сквозь кольца секир, и только когда Одиссей достиг успеха в этом состязании, поэт позволил ему натянуть лук, чтобы поразить Антиноя.

[6]. Также и вы, юноши, ввиду того, что мы давно не занимались произнесением речей, должны много упражняться в речах и держать их пока под защитой домашних стен, прежде чем вывести их на сцену перед народом. А если у вас и найдутся такие дерзкие и хвастливые речи, которые захотят показаться особенно сильными и цветущими и уподобиться своему богу, – ведь его и художники и ваятели всегда изображают прекрасным и молодым, – то пусть они подражают не тем его изображениям, которые пользуются искусственными прикрасами, а ему самому, такому, каким его отец родил от богини.

[7]. Значит, уж раз так повелось во всех делах, что каждый еще до состязания должен испытать самого себя путем упражнений (декламаций – мелетий), то и мы будем пока «вести игру» в пределах нашего дома, а самые состязания перед большим числом зрителей отложим на будущее время.

LXIV. Импровизированная речь (лалия), произнесенная в его скромной школе

(В честь своего дома, небольшого и скромного)

[cod. R]

[1]. Говорят, на острове Делосе его жители показывают храм, по своему убранству очень скромный, но в речах и сказаниях прославленный. Молва гласит, что у Латоны, когда она рождала богов, именно там закончились родовые муки и что Аполлон почтил это место, положив на нем лавровые ветви и воздвигнув священные треножники, чтобы отсюда провозглашалось правосудие для всей Эллады. Ибо для каждого сладостно и почитаемо место, где началась его жизнь, хотя бы само по себе оно было и незначительно.

[2]. Радостно мореходу видеть ту гавань, из которой он впервые пустился в море; радостно воину видеть то поле, где он стяжал первый трофей; любит пахарь тот клочок земли, с которого он собрал первые колосья. И мы видим, что и те, кто жил в давно минувшие времена, чувствовали то же самое. Скудную Итаку, скалистый остров, предпочитает Одиссей прекрасной Огигии

и самой Калипсо¹; предпочитает и Нестор свой Пилос Трое, а Аянт – Эгину Коринфу. А Демокед, родом кротонец, живший, говорят, у царя персидского и получивший от него всевозможные блага, ничего не ценил выше родного Кротона; и Сузы, и Бактры, и поток Хоаспа и даже золотую трапезу царя он не ставил ни во что по сравнению со своим жилищем в Кротоне.

[3]. Так и мы, выступавшие в состязаниях на сценах многих больших театров, ныне, возвратившись к себе и собравшись снова вместе для наших занятий, обратимся же с приветом к этой тесной сцене! О храм муз и Гермеса! О священное прекраснейшее убежище, впервые принявшее к себе наши рожденные в муках речи! С любовью стремясь к тебе, я сказал «простите» золотым залам, распрощался с богатством и почестями, которых жаждет толпа. Выше всего этого я оценил славу, которую даешь ты: ведь то, что кажется незначительным, часто вызывает у людей большее восхищение, чем то, что принято считать великим. Какой чужестранец, прибыв в Афины, станет разыскивать огромный дом Гиппоника вместо скромного жилища Демосфена или дворика при доме Сократа? Кто при посещении Фив захочет видеть громадное строение Тимагенида или других фиванских богачей вместо домика Пиндара? И спартанцы прежде всего показывают приезжим дом Ликурга, как самое великое, что имеется в их городе.

[4]. Поэтому, ученики мои, не будем и мы считать позорным для себя именно здесь усердно заниматься искусством речи! Тесна была мастерская Фидия, но в ней были созданы Зевс и Афина; невелика была она и у Праксителя, но, чтобы увидеть ее, все стремились побывать в Книде. В негустом кустарнике поет соловей, но и вдали все слушают его песню; на малой лужайке живет лебедь, но когда он запоет, на его песнь откликается вся окрестность.

[5]. О Аполлон-песнопевец, – ибо радуют тебя призывы в гимнах поэтов, – о хор геликонских муз! Никогда не покидайте нас, радеющих о красноречии! Будем ли мы на малых или на великих сценах вести наш хоровод, потрудитесь вместе с нами над созданием прекрасных звуков!

LXV. Для тех, кто вовлечен в конфликты и отсутствует на лекциях *[cod. R]*

[1] В какой-то момент Гомер собирает собрание, хотя Ахилла на нем нет; но оно маленькое и угрюмое, как будто, как мне кажется, поэт хочет показать, что созывает это собрание неохотно и против желания. Подумайте об этом зрелище и о том, что о нем думал поэт. Царь [Агамемнон] был подавлен сложившейся ситуацией и винил удачу в том, что все его войско было изранено. Один из его воинов и полководцев показал последствия удара в лоб, другой был поражен ударом по голове, у одного была ранена рука, у другого в ногу попал дротик. Так что вид его войска был болезненным для царя. Поэма

¹ Od., VII, 244 сл.

показывает нам, что он очень любил своих воинов. Он был огорчен и опечален тем фактом, что сам вождь греков [Ахилл] был вынужден из-за серьезной раны не участвовать в битве.

[2] Давайте одобрим такое отношение царя, мои мальчишки; ибо я действительно думаю, что, если человек радуется с солдатами, когда они побеждают, и скорбит вместе с ними, когда они не в порядке, мы можем принять это как указание на то, что у него склад ума полководца. Человек, который принимает неприятное выступление танцоров, определенно не умеет [руководить] танцем; никто из тех, кто терпит неумелость в моряках, не умеет управлять мореплаванием. Лира не воспроизведет свою песню, если хотя бы одна струна не настроена должным образом. Нам нравится слушать цикад, но только тогда, когда все они вместе исполняют свою летнюю песню.

[3] Но, возможно, сейчас не время продолжать угрюмые тона. Ведь мелодия требует от меня отречения. Итак, давайте оставим этот мрачный разговор и воспеваем победу богов. Давайте молиться, чтобы победа способствовала [моей речи] здесь. О златокрылая Победа, Победа, дочь великого Зевса, дитя благородного отца и любительница смеха – ибо это эпитеты, которыми поэзия превозносит тебя, – будь благосклонен и даруй, чтобы мы снова могли принести тебе жертву, как мы в прошлом, в честь победы над варварами.

LXVIII. Протрептик (речь) о необходимости быть благожелательным к разнообразию своих речей
[cod. R]

[Гимерий] произнес эту [речь] перед речью под названием «О насмешливом замечании»

[1] Когда я увидел театры аттического красноречия такими иссушенными, я поспешил облегчить засуху своим красноречием, как будто внезапный проливной дождь. Вы знаете, что каждая земля дает свои отличительные плоды и потомство. Лошади указывают на фессалийцев, длинные волосы – на кельтов, роскошный стол – на мидян, лавр – на дельфийцев, а война – на спартиатов. Но слово и человек – плоды этого города [Афин].

[2] Когда какой-либо из этих плодов приходит в упадок, мы говорим, что земля, на которой он производится, находится в плохом состоянии. Итак, когда красноречие процветает, оно возносит Афины до небес; но когда оно перестает быть слышным, оно бросает город обратно вниз.

Но видно, что это правда из прошлых времен. Когда-то сцена процветала, и город вместе с [драматическим] красноречием тоже. Трибуна оратора расцвела своими ораторами, как и народное мышление вместе с ними. В то время Ликей изобиловал мудрецами, и все величественные дома повсюду

были наполнены мудростью. Но как только общественный голос затих, речь почти [полностью] перешла в [личный мир] моряков и рабов.

[3] Итак, мальчики, давайте зажжем все красноречие, как неугасимый огонь, и в этом огне обеспечим сохранение города. Этот огонь вспыхнул бы и озарил бы все, если бы те, кто придает форму словам, отказались бы навсегда довольствоваться древними образцами и вместо этого продолжили бы придумывать новые произведения искусства, вводя их в моду.

[4] Ибо создание новых работ в некотором смысле усилило талант Фидия и искусство других мастеров, чьих рук мастерством мы восхищаемся. Фидий не всегда делал изображения Зевса, и не всегда изображал в бронзе Афины вооруженной, но обращал свое искусство и на других богов. Он украсил деву [Афины], позволив румянцу покрыть ее щеки, чтобы он мог скрыть красоту богини под этим румянцем, а не под шлемом.

[5] Разве не такова же цель искусства в случае с Дионисом, чей облик сыновья богословов изменяют в образ юноши? Бог позволяет волосам расти на его щеках, и золотой пух бороды покрывает их. Думаю, именно так и нужно было украсить прекрасного Диониса; ему нужна была красота, цветы которой распускались бы вместе с красотой весны.

[6] А что касается других вещей, то каков был план великого мастера на небесах? Одно время он закрывает солнце облаками и белит всю землю и море снегом. [В эту зимнюю погоду] он пугает моряка и корабли в море, он прогоняет скотовода и его животных с лугов, он примиряет гоплитов и прячет свой меч, и он делает солдата невоинственным. В другой раз он дает людям весну, <разогнав> тучи и послав золотое солнце. Он венчает землю цветами, небо хором звезд, а море тишиной и покоем. Затем следуют колосья и снопы зерна, после колосьев идут фрукты и виноград, ограничивающие виноделов, и сияющая доброта осени.

[7] Посмотрите, если хотите, на этот прекрасный гомеровский луг, на котором есть все, луг, который поэты называют «щитом Ахилла». Изучите бесконечный пир на этом щите, сколько всего он предлагает. Один человек сражается на нем, другой плывет, у одного мысли сосредоточены на браке, у другого – на уходе за своим скотом, кто-то занят игрой на лире, кто-то заставляет музыку течь из своей трубы, здесь человек серпом жнет хлеб, а там кто-то другой обрабатывает землю золотым плугом, за которым почва словно раскаляется и чернеет.

[8] Давайте, мальчики мои, будем подражать умнейшей лире Аполлона. Как он ее настроил? Что ж, у Колофона есть своя лира, но его треножники [в Дельфах] также звучат [его пророческими высказываниями]. Кроме того, вы увидите, как воды Бранхидов помогают ему издать оракул; и вы также увидите пророчествующего бога среди деревьев делосцев. Однажды мы почитаем Аполлона как солнце, когда, купавшись, он выталкивает своих лошадей из океана и летит над землей со своими ниспадающими волосами и пылающим огнем; в другой раз мы почитаем его как Диониса с прекрасными волосами, когда, потушив [солнечное] пламя, он наслаждается песнями и танцами.

[9] Мне кажется, что Протей тоже был софистом, с умелым красноречием. Когда Мом с его любящим осуждением языком устно оскорблял его, он использовал много стилизованных качеств в своем ответе, чтобы таким образом доказать, что насмешливые замечания Мома в его адрес были ложными. Но когда Протей столкнулся с более искусным софистом [Гомером], то он обнаружил, что в сказке этого софиста он обладает тем же разнообразием, которого ему удалось стилистически достичь в своем ответе на этого Мома. Отсюда и гомеровский Протей (Od. IV.417-418, 456-458) воспламеняется, как огонь, течет, как вода, рычит, как лев, растет в высоту и цветет, как дерево.

[10] Я хочу рассказать вам одну из историй Протагора. Когда природа создала людей и других животных, почти предрасположенных к одному образцу, она наложила единую форму на внешний вид всех существ. Узнав об этом отсутствии украшений, Зевс согласился послать двух небесных существ – я имею в виду Прометея и Эпиметея – на помощь природе. Они принесли с собой от [бога], который их послал, ум и восприятие, а также силу и скорость. Таким образом, они внесли разнообразие в образцы природы, изменив их этим разнообразием внешнего вида то, что создала природа. Разум принял человечество; а оставшиеся способности подходящим образом восприняли каждый из других видов животных, сделав красоту природы теперь пестрой из-за разнообразия ее созданий.

[11] Итак, мои мальчики, у вас, равно как и у меня, есть история Протагора, чтобы подготовить вас через свой миф, чтобы внести разнообразие в ваши речи. Фактически, вы выбираете разнообразие даже раньше, чем мы с Протагором, потому что вчера я видел, как вы работали в качестве подсобников для вашего оратора [Гимерия], когда вы отбросили свои книги и построили импровизированный зал для Муз, аудиториум, который выглядит намного лучше, чем стена, воздвигнутая против лакедемонян Демосфеном и афинянами в Пилосе. Эта стена была построена из-за зимы, но этот зал был построен из-за желания и тоски ваших ушей, которые жаждали новой декламации.

[12] Но поверните свой взор от стен [зала] к языку и подражайте Амфиону, если хотите. Он приложил руки частично к стене [Фив], а частично к своей лире и распространил известность своей страны за границу, потому что он так гармонично окружил Фивы стеной.

LXIX. Речь (диалексис), произнесенная после исцеления от ран [cod. R]

[Гимерий] произнес эти заметки после того, как его рана зажила, когда [возобновились] занятия, и он собирался впервые выступить в той же аудитории.

[1] Пора открыть лекционный зал, мальчики мои, так как Музы дают красноречию свое время. Мы должны сделать то, что, по их словам, сделал Гесиод, когда выбросил свою маленькую дудку в своем желании посетить Муз со своей лирой. И позвольте мне сначала предложить здесь гостеприимство тем, кто приехал в мою школу из других стран, чтобы я мог, наконец, заплатить старый долг. Я не позволил своему опозданию с выплатой долга достичь этого момента. Неприятно, когда красноречие требует перерыва, как те собиратели денег, которые обычно стремятся уйти от толпы, чтобы при встрече с ними [позже] они казались более впечатляющими для тех, кто их созерцает.

[2] Но зависть хороша при злоупотреблении возвышенными речами, а также при большой удаче, а борьба зависти с красноречием намного интенсивнее, чем борьба с материальным процветанием. Ибо меньшее благо материального благополучия, хотя и оно часто вызывает зависть, все же не очень часто его вызывает; но высокий и великий язык, я думаю, стреляет в самый центр сердца зависти.

[3] Итак, ни один человек во всем мире не завидовал Сарданапалу, даже несмотря на то, что он правил бесчисленным множеством людей, и из-за того, как он одевался, его считали словно сделанным из чистого золота. Но наглая зависть не позволяла Паламеду и Орфею уйти, пока не сделала их жертвами обвинителя и безумия соответственно.

[4] И я знаю, что на гомеровских пространствах многие полубоги становились игрушками и забавой зависти: «Сын Тидея, сильный Диомед, был поражен; Одиссей, известный своим копьем, был поражен, а также Агамемнон» (Ном. II., 660-661). Зависть гонит всю фалангу героев прочь от битвы через нанесенные им раны. Поэзия поражала даже самих богов, как если бы она пыталась утешить смертных героев, указывая на то, что зависть пускает стрелы до небес. Терсит – единственный у Гомера, кто не пострадал, потому что ему нечем было вызвать зависть. «Но терпи, сердце мое», – сказал мудрец [Одиссей] после Циклопов, лестригонов и океана (Ном. Od. XX.18).

[5] Но зачем мне Одиссей? Зачем мне Гомер и Циклоп? Пойдемте, в борьбе с упреком поищем утешения у Муз и лирических стихов. Анакреонт после болезни настроил свою лиру и снова поприветствовал своих любимых песней. Стесихор также настроил свою лиру после своих страданий. Существует широко распространенная история о том, что Ивик упал с колесницы, когда ехал из Катаны в Гимеру. Сломав руку, он довольно долго не пел, а сделал свою лиру даром Аполлону.

[6] Но хватит бед! Довольно боли и болезней! Возможно, мы не можем сказать «хватит зависти», пока красноречие витает на своих золотых крыльях. Давайте снова заговорим, давайте снова возглавим наш хор среди зависти. Несомненно, Музы сделают все, что в их силах, чтобы притупить стрелы зависти, ведь именно они, как и пастухи, склонны к красноречию. Теперь звучат трубы Муз, стихли крики моряков, цикады прерывают свои песни и уступают место красноречию [софистов], а соловьи воздерживаются от своих мелодичных звуков и уступают место софистам. Течение Нила ослабевает, и

то, что какое-то время было морем, [снова] становится рекой; это реки и ручьи Муз, чьи воды поднимаются.

[7] Итак, прежде чем переходить к обрядам и святыням, позвольте мне сказать вам, что правильно делать и чего не делать. Пусть слушают все посвященные и переходящие на более высокую степень посвящения.

Бросайте мячи из рук. Вложите всю свою энергию в использование стилосов. Поместите игры палестры за запертые двери и позвольте открыть мастерские Муз. Попрощайтесь с улицами, оставайтесь дома и пишите. Ненавидьте пошлый театр и обратите внимание на лучший театр [школы риторики]. Пусть из ваших трудов будут удалены роскошь и погоня за удовольствиями. Покажи мне, что ты можешь быть строгим и преодолевать роскошь. Это мое заявление и закон – многое содержится в нескольких словах. Кто из вас слушает и повинуется, пусть песня Иакха зазвучит в полной мере; если кто-то из вас не послушается и не прислушается к тому, что я говорю, я скрою от него [священный] огонь и запру его от алтарей красноречия.

[8] Это заявление для всех, но особенно оно адресовано, мои молодые люди, тем из вас, кто только что получил посвящение и недавно пришел ко мне. Из этих новых учеников [гора] Аргей послала одно – гору, у подножия которой растут золотые саженцы моей семьи. Народы и города галатов прислали еще одну, и это первая «колония», которую они отправили учиться риторике [под моим руководством]. Некоторые приходят к мистериям, которые обитают недалеко от реки Каик; и когда эта чета оставит нас и вернется к той реке, я думаю, что она наполнится золотыми водами.

[9] Конечно, среди посвященных есть также хор с Нила. Когда я украшу их гирляндами муз, я пошлю их с [реки] Иласса в Египет с лирой, чтобы они с аттическим неистовством воспели море Нила.

Это мое воззвание, сделанное в качестве предисловия. Позвольте мне теперь открыть священные [обряды] посвященным как в мои действия, так и в мою речь.

LXXIV. Тема этой речи в том, что всегда нужно быть в процессе обучения (у Гимерия), как уже говорилось в импровизированной речи летом

(О том, что надо постоянно упражняться в речах)

[cod. R]

[1]. «Усердие помогает делу» – это слова трудолюбивого поэта [Гесиода]. Однако не будем верить одним только поэтам, а если нам придут на ум какие-нибудь иные доводы, давайте припомним и их. Да нет, лучше я расскажу вам вот какую повесть на заданную тему.

[2]. Праздновались пифийские игры, и Тимагенид объявил, что он будет играть на двойной флейте: и вот, прежде чем вступить в состязание со своими соперниками, он потихоньку вышел из толпы и стал упражняться в игре в кругу своих ближайших друзей: он то проигрывал мелодию на одной из флейт,

то, сильнее напрягая дыхание, пользовался обоими стволами, то он, словно шутя, немного изменял напев и делал несколько ходов, как бы внося предварительный залог к своему выступлению, то наигрывал ту самую мелодию, которую приготовил к состязанию – ее называют напевом Афины [Панафинеи]; именно такие упражнения оживляют и совершенствуют искусство.

[3]. Конь может участвовать в бегах, если его выпускают на ристалище не от ясель, а после длительной подготовки; и борец скоро услышит свое имя провозглашенным на играх, если он предпочитает гимнасий пиршествам. Да и воину я советую не дожидаться войны, а упражняться во владении оружием и в мирное время. Мы видим, что и усердный землелепашец ладит плуг раньше, чем зайдут Плеяды, и, не дожидаясь того времени, когда они снова взойдут, точит серп, чтобы сжать ниву, как только начнется зной.

[4]. А тому, кто стремится овладеть искусством речи, что иное следует делать, кроме как усердно заботиться об этом? Слушал я однажды одного искушенного мужа (а искушен он был в том самом искусстве, которым и мы занимаемся), и вот его слова о нашем деле: «Речь порождается речью».

[5]. Потому-то, согласно аттическому сказанию, соловья и лишили языка, что он поет не всегда, а разделяет год на время молчания и время пения; поэтому и песню его называют «жалобным плачем», порицая его за то, что он, будучи уроженцем Аттики не все время занят пением. А вот лебеди в наших сказаниях посвящены Аполлону, и пение их восхваляется за то, что они никогда не перестают воспевать гимны божеству.

Фрагменты

Фрагмент I: Из разных оставшихся речей на разные темы

[Exc. Phot.]

[1] <...> царский двор и [его] крылатая золотая удача <...>

[2] Ибо твоя служба не была отнята у тебя; ты отбрасываешь это по собственной воле, как высокомерный поклонник, который хочет потешаться над своей возлюбленной. <...>

[3] <...> золотые волосы <обведены?> красным венцом из роз <...>

[4] Но какая благодарность была проявлена за эти вещи? Бегство, исчезновение и отказ от такой большой дружбы! <...>

[5] По твоему мнению, я победил цикад летом и предупредил аттических соловьев, что, если ты устроишь для меня аттический театр, то то, что я скажу в твою честь, действительно превратит их [красноречивые] языки в миф. <...>

[6] О самый яркий свет твоей семьи, ты [Констанций II], который был для своей семьи тем, чем часто был для тебя той предок Солнце! Ибо из этой прекрасной пары [Галла и Юлиана] тот [Галл], как утренняя звезда, рано встал вместе с тобой, когда ты осветил свой великий престол. Он имитировал твои лучи своими лучами света. Другой из двоих [Юлиан], позволяя своему свету

светить из стада молодых людей, как задорный бык, ведущий стадо, прыгал по лугам Муз, как вдохновенный жеребенок с высоко поднятой головой. Он подражал гомеровскому юноше, сыну Фетиды, будучи одновременно хорошим «говорящим слова» и «делателем дел». <...>

[7] Если бы я разделил силу поэтов, я бы показал тебе плачущую реку Илосс, я бы раскрасил прекрасные воды Каллирой в печальный цвет. <...>

[8] Пусть Пан, находящийся на обочине дороги, проведет тебя, пока он играет сладкую мелодию для сопровождения на своей флейте. Пусть Афродита и ее дети Эроты смешают чашу любви и отправятся впереди тебя в твоё путешествие.

Фрагмент 2: [Без названия]

Он успокаивает взволнованных людей.

[Евстафий. На «Одиссею» Гомера, IX.415, р. 353 (1637): «[Гомеровская] строка «Киклоп, стонущий и страдающий от боли» имеет довольно своеобразный аллитерационный эффект, возможно, не изученный, а случайный и непреднамеренный, который возникает своевременно из-за похожего звучания слова. Также и у Гимерия предложение «Он ... люди» имеет [аналогичный эффект]». Ср. На «Одиссею» Гомера XII.169, р. 6 [1710]: «Строка [Гомера] («Бог усыпил волны») имеет определенный аллитерационный эффект. Софист Гимерий также пользуется этим приемом»].

Фрагмент 3: [Без названия]

[*Exc. Neapol.*]

Я считаю, что внимательный и справедливый кредитор – это хорошо во всем.

Фрагмент 4: [Без названия]

[*Lex. Lopad.*]

Порабощение ученика невыразимой любовью ...

Фрагмент 5: [Без названия]

[*Lex. Lopad.*]

Музы развлекают приезжих гостей по любому поводу красноречием, отсылающим к родному краю.

Фрагмент 6: [Без названия]
[Lex. Lopad.]

Несомненно, правящий город [Константинополь?] справедливо придирается к нам по многим причинам.

Фрагмент 7: [Без названия]
[Lex. Lopad.]

Что хорошего в музыке для скифов, [ибо] они все привыкли к мечу?

Фрагмент 8: [Без названия]
[Lex. Lopad.]

Даже если они опередят всех остальных по своей скорости ...

Фрагмент 9: [Без названия]
[Lex. Lopad.]

Когда Македонское государство попало в его руки ...

Фрагмент 10: [Без названия]
[Lex. Lopad.]

К тому же погонщик пары лошадей не имеет никакого преимущества, даже если по скорости он опережает порывы северного ветра.

Фрагмент 11: [Без названия]
[Lex. Lopad.]

Он тайно идет послом от царя по этому поводу.

Фрагмент 12: [Без названия]
[Lex. Lopad.]

И еще фонтаны в виде диких животных, изливающие со всех сторон целые реки воды, создают бассейн и резвятся на волнах воды, выбрасываемой из них.

Фрагмент 13: [Без названия]
[Lex. Loraд.]

Ты снова плывешь по волнам Эгейского моря.

Фрагмент 14: [Без названия]
[Lex. Loraд.]

Сколько потоков слез я тебе не подарил?

Фрагмент 15: [Без названия]
[Lex. Loraд.]

Поэтому мы должны отложить все дальнейшие замечания и сказать лишь некоторые из многих вещей [которые можно было бы сказать], чтобы даже в этом мы могли быть верны стандарту, который подходит для этой речи.

Фрагмент 16: [Без названия]
[Lex. Loraд.]

Увы для своей красоты! Увы для своего размера!

Фрагмент 17: [Без названия]
[Lex. Loraд.]

Говорят, что после того, как афиняне были освобождены от критской дани, все население устроило праздничное шествие в честь Тесея, сына Посейдона.

БИБЛИОГРАФИЯ

Издания:

Himerii Declamationes et orationes cum deperditarum fragmentis / Ed. Aristide Colonna. – Romae: Typis Publicae Officinae Polygraphicae, 1951.

Volker, H. Himerios, Reden und Fragmente: Einfuhrung, Vbersetzung und Kommentar. Serta Graeca 17. Wiesbaden, 2003.

Wernsdorff G. Himerii sophistae quae reperiri potuerunt. Gottingen, 1790.

Dubner F. Himerii sophistae Declamationes. Paris, 1849.

Henr, R. Photius, Bibliothéque, Tome VI («Codices» 242-245). Paris, 1971 (codex 243: excerptae Himerii).

Англ. пер. и комм.:

Penella R. Man and the Word. The Orations of Himerius. Berkeley; Los Angeles; London, 2007.

Исследования:

1. *Alcock S.E.* The Reconfiguration of Memory in the Eastern Roman Empire // Empires: Perspectives from Archaeology and History / ed. S.E. Alcock et al. Cambridge, 2001. P. 323-350.

2. *Alexiou M., Dronke P.* The Lament of Jephtha's Daughter: Themes, Traditions, Originality // Studi medievali. 12: 2. 1971. P. 819-863.

3. *Athanassiadi P.* Julian: An Intellectual Biography. London; New York, 1992.

4. *Barnes T.D.* Himerius and the Fourth Century // Classical Philology. 82. 1987. P. 206-225.

5. *Bidez J.* La vie de l'empereur Julien. Paris, 1930.

6. *Booth A.D.* Punishment, Discipline, and Riot in the Schools of Antiquity // Echos du monde classique 17. 1973. P. 107-114.

7. *Bowersock G.W.* Julian the Apostate. Cambridge, Mass., 1978.

8. *Bowie E.L.* Greeks and Their Past in the Second Sophistic // Past & Present 46. 1970. P. 3-41.

9. *Brauch T.* Notes on the Prefects of Constantinople, A.D. 366-369 // Byzantion 72. 2002. P. 42-104.

10. *Chastagnol A.* La prefecture urbaine a Rome sous le Bas-Empire / Publications de la Faculte des Lettres et Sciences Humaines d'Alger 34. Paris, 1960.

11. *Chastagnol A.* Les fastes de la prefecture de Rome au Bas-Empire / Etudes Prosopographiques 2. Paris, 1962.

12. *Colonna A.* Himeriana // Bolletino de Comitato per la preparazione dell edizione nazionale dei classici greci e latini 9. 1961. P. 33-39.

13. *Cuffari G.* I riferimenti poetici di Imerio / Universita di Palermo, Istituto di Filologia Greca, Quaderni 12. Palermo, 1983.

14. *Demandt A.* Die Spatantike: Romische Geschichte von Diocletian bis Justinian, 284-565 n. Chr. / Handbuch der Altertumswissenschaft III 6. Munich, 1989.

15. *Eitrem S., Amundsen L.* Fragments from the Speeches of Himerios: P. Osl. inv. no. 1478 // Classica et mediaevalia 17. 1956. P. 23-30.

16. *Evans Grubbs J.* Law and Family in Late Antiquity: The Emperor Constantine's Marriage Legislation. Oxford, 1995.

17. *Gartner H.* Himerios // RAC. 15. 1991. P. 167-173.

18. *Greco G.M.* Note al testo di Imerio, or. 8 Colonna // Atti de la Accademia Pontaniana 42. 1993. P. 313-319.
19. *Greco G.M.* Questioni di cronologia Imeriana // Orpheus 15. 1994. P. 302-319.
20. *Greco G.M.* Due note Imeriane // Prometheus 24. 1998. P. 264-270.
21. *Greco G.M.* Filottete e Tifone (Himer., or. 48,1-2; Them., or. 2, 34ab) // Mnemosynon: Studi di letteratura e di umanità in memoria di Donato Gagliardi. Naples, 2001. P. 305-314.
22. *Greco G.M.* Imerio e l'encomio della città // Da Costantino a Teodosio il Grande: Cultura, società, diritto / edited by U. Criscuolo. Naples, 2003. P. 153-166.
23. *Guida A.* Frammenti inediti di Eupoli, Teleclide, Teognide, Giuliano e Imerio da un nuovo codice del Lexicon Vindobonense // Prometheus 5. 1979. P. 193-216.
24. *Guida A.* Contributi imeriani (con una nota su Anacreonte e Policrate) // Studi di filologia e tradizione greca in memoria di Aristide Colonna, 2 vols. / ed. F. Benedetti, S. Grandolini. Naples, 2003. P. 391-400.
25. *Heath M.* The Family of Minucianus? // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik 113. 1996. P. 66-70.
26. *Heath M.* Hermogenes' Biographers // Eranos 96. 1998. P. 44-54.
27. *Heath M.* Menander: A Rhetor in Context. Oxford, 2004.
28. *Hock R.F., O'Neill E.N.* The Chreia in Ancient Rhetoric. Vol. 1: The «Progymnasmata» / Texts and Translations 27 / Graeco-Roman Religion Series 9. Atlanta, 1986.
29. *Kennedy, George A.* Progymnasmata: Greek Textbooks of Prose Composition and Rhetoric / Society of Biblical Literature. Atlanta, 2003.
30. *Lai A.* Un aneddoto narrato da Imerio: Solone e la tragica storia a nei drammi di Eschilo // Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli, Dipartimento di studi del mondo classico e del mediterraneo antico / Sezione filologico-letteraria 20. 1998. P. 179-188.
31. *Lavan L.* The Praetoria of Civil Governors in Late Antiquity // Recent Research in Late-Antique Urbanism // Journal of Roman Archaeology Supplementary Series 42. Portsmouth, R.I., 2001. P. 39-56.
32. *Lazzeri M.* Imerio e la Palinodia di Stesicoro // Seminari romani di cultura greca 5. 2002. P. 169-179.
33. *Leopold J. W.* Himerius and the Panathenaea // The Ancient World 12. 1985. P. 121-127.
34. *Magdalino P.* Prosopography and Byzantine Identity // Fifty Years of Prosopography: The Later Roman Empire, Byzantium and Beyond / ed. Averil Cameron / Proceedings of the British Academy 118. Oxford, 2003. P. 41-56.
35. *Magi F.* Un passo di Imerio, la Lemnia e l'Atena pensierosa // Parola del passato 169. 1976. P. 324-335.
36. *Marrou H.I.* A History of Education in Antiquity. Madison, 1982 (1948).
37. *Mason H.J.* Greek Terms for Roman Institutions / American Studies in Papyrology 13. Toronto, 1974.
38. *Mras K.* Die ΠΡΟΓΥΜΝΑΣΜΑΤΑ bei den griechischen Schriftstellern // Wiener Studien. 64. 1949. S. 71-81.
39. *Patillon M.* Aelius Theon, Progymnasmata. Paris, 1997.

40. *Pickard-Cambridge A.* The Dramatic Festivals of Athens. 2nd ed. Oxford, 1968.
41. *Plommer H.* Himerius and Athenae // *Classical Review*. 9. 1959. P. 206-207.
42. *Rizzo G. E.* Saggio su Imerio il sofista // *Rivista di filologia e di istruzione classica* 26. 1898. P. 513-563.
43. *Russell D.A.* Greek Declamation. Cambridge, 1983.
44. *Schamp J.* Himerius de Prousius // *DPA* 3. 2000. P. 708-742.
45. *Schemmel F.* Die Hochschule von Athen im IV. und V. Jahrhundert p. Ch. n. // *Neue Jahrbucher fur das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur und fur Pedagogik* 22. 1908. S. 494-513.
46. *Schenkl H.* Neue Bruchstucke des Himerios // *Hermes*. 46. 1911. P. 414-430.
47. *Schenkl H.* Himerios 1 // *RE* 8, 2. 1913. S. 1622-1635; *RE Suppl.* 3. 1918. S. 1151-1153.
48. *Schenkl H.* Zur Biographie des Rhetors Himerios // *Rheinisches Museum* 72. 1917-1918. S. 34-40.
49. *Schissel O.* Die Familie des Minukianos: Ein Beitrag zur Personkunde des neuplatonischen Athen // *Klio* 21. 1927. S. 361-373.
50. *Schouler B.* La tradition hellenique chez Libanios. 2 vols. Lille; Paris, 1984.
51. *Shorey P.* Himerius Oration I and Horace Ars Poetica 128 // *Classical Philology* I. 1906. P. 415.
52. *Slootjes D.* Late Roman Rule and Provincial Expectations: The Governor and His Subjects. University of North Carolina, 2004.
53. *Smith R.* Julian 's Gods: Religion and Philosophy in the Thought and Action of Julian the Apostate. London; New York, 1995.
54. *Smyth H.W.* Greek Grammar. Cambridge, Mass., 1966.
55. *Volker H.* Spatantike Professoren und ihre Schiiler: Am Beispiel von Himerios und Libanios // *Gelehrte in der Antike*. Cologne; Weimar; Vienna, 2002. S. 169-185.
56. *Volker H.* Poesie in scheinbarer Prosa-ein zutreffende Charakterisierung der Reden des Himerios? // *Approches de la Troisieme Sophistique: Hommages a Jacques Schamp*. Brussels, 2006. P. 589-612.
57. *Watts E.J.* City and School in Late Antique Athens and Alexandria / The Transformation of the Classical Heritage 41. Berkeley and Los Angeles, 2006.
58. *Wintjes J.* Libanius and Himerius // *Melanges A.F. Norman / Topoi Suppl.* 7. Lyon, 2006. P. 1-41.
59. *Wolf P.* Vom Schulwesen der Spatantike: Studien zu Libanius. Baden-Baden, 1952.

Ответственный редактор-составитель
Николай Николаевич Болгов

Подписано в печать 14.11.2022. Гарнитура Times New Roman.
 Формат 60x80/16. Усл. печ. л. 13,48. Тираж 100 экз. Заказ 134.
 Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ООО «Эпицентр».
 308023, г. Белгород, ул. Б. Хмельницкого, д. 135, офис. 40.